

**СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ  
ЙЕМЕНА, X В. ДО Н.Э. – XX В Н.Э.**

**Вожества и племена  
страны Х̣ашид и Бакй̣л**

**А. В. Кортаев**



أندري كاراطائف

# تاريخ اليمن الاجتماعي

مَقُولَات وِقْبَائِل

بلاد حاشد وبكيل

٤)٣٠٠ | ٤X10٠٠  
٤٢٤٧٠٣ | ٨)٣٣  
٨1٤٧٠ | ٨٠٣٣

موسكو، ٢٠٠٦

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ  
УНИВЕРСИТЕТ

Факультет истории, политологии и права

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт востоковедения

**А. В. Коротаев**

**СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ  
ЙЕМЕНА,  
X в. до н.э. – XX в. н.э.**

**Вождества и племена  
страны Х̣ашид и Бакил**

Издание 2-е, исправленное и дополненное

**Москва: УРСС, 2006**

ББК 63.3 (0)  
К 68

*Научная работа по переработке монографии для переиздания  
выполнена при финансовой поддержке  
Фонда содействия отечественной науке и Российского фонда  
фундаментальных исследований (проект № 06–06–80459)*

Ответственный редактор:  
доктор исторических наук, проф. Л. Б. Алаев

Рецензенты:  
доктор исторических наук, проф. Д. М. Бондаренко  
кандидат исторических наук С. В. Кулланда

**Коротаев Андрей Витальевич**

**Социальная история Йемена, X в. до н.э. – XX в. н.э. Вождества и племена страны Хашид и Бакйл** / Отв. ред. Л. Б. Алаев. 2-е издание, исправленное и дополненное – М.: КомКнига, 2006. – 192 с.

ISBN 5–484–00529–9

В книге рассматриваются общие факторы и тенденции эволюции социально-политических систем Северо-Восточного Йемена за последние три тысячи лет. Социально-политические системы Северо-Восточного Йемена, по-видимому, эволюционировали в направлении, прямо противоположном тому, что им «предписывают» упрощенные однолинейные схемы. Наблюдается тенденция к замене государственных структур политическими структурами вождеств, которые в дальнейшем трансформируются в племена. Ни одну из этих трансформаций нет никаких оснований рассматривать как «дегенерацию» или «регресс», ибо ни в том, ни в другом случае не происходило потери сложности системы – одна сложная политическая система трансформировалась в структурно другую, но не менее сложную высокоорганизованную систему. Уровень самоорганизации при этом, видимо, даже несколько повышался.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся социальной историей Востока, и может быть использована в качестве учебного пособия по истории Йемена.

## Оглавление

Введение . . . . .	5
<b>Часть 1. Социально–политическая организация Сабейского царства во II и III вв. н.э. . . . .</b>	<b>16</b>
Глава I <i>Байт и ша б</i> . . . . .	16
Глава II <i>Ша б2</i> : подробное описание . . . . .	26
Глава III Царская власть. Верхние уровни среднесабейской политической системы . . . . .	36
Глава IV Правовая система Среднесабейского царства . . . . .	62
Глава V Храмы в социально-политической структуре Среднесабейского царства . . . . .	67
Глава VI Некоторые черты политической культуры Среднесабейского царства: союзы родов . . . . .	75
<b>Часть 2. Некоторые общие факторы и тенденции эволюции сабейского культурно-политического ареала (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.): от государства к вождествам? . . . . .</b>	<b>79</b>
Глава VII Общая характеристика среднесабейского царства. Среднесабейская социально- политическая система в сопоставлении с древнесабейской (предварительный анализ) . . . . .	79
Глава VIII Трансформация некоторых социально- политических структур сабейского ареала в конце Древнего периода: количественный анализ сабейской эпиграфики . . . . .	85
Глава IX Первый социально-экологический кризис на Юге Аравии и адаптация к нему сабейской социально-политической системы . . . . .	100

---

Глава X	От государства к вождествам? . . . . .	108
<b>Часть 3. От вождеств к племенам? Некоторые факторы и тенденции эволюции социально-политических систем Северо-Восточного Йемена в Средние века и Новое время . . . . .</b>		<b>111</b>
Глава XI	От вождеств к племенам? . . . . .	111
Глава XII	Генезис племенной организации в земледельческих районах Северо-Восточного Йемена как форма адаптации ко второму социально-экологическому кризису? . . . . .	131
Заключение . . . . .		137
Список эпиграфических сокращений . . . . .		142
Список библиографических сокращений . . . . .		143
Библиография . . . . .		144
Summary . . . . .		169

## Введение

На обложке этой книги в условной сайхадской графике воспроизведены первые четыре строки сабейской надписи II в. н.э. Robin/al-Maşamayn 1 (Robin, Ryckmans 1978: 47, pl. 1):

[ 𐩧 ] 𐩈 𐩊 𐩋 𐩌 𐩍 𐩎 𐩏 𐩐 𐩑 𐩒 𐩓 𐩔 𐩕 𐩖 𐩗 𐩘 𐩙 𐩚 𐩛 𐩜 𐩝 𐩞 𐩟 𐩠 𐩡 𐩢 𐩣 𐩤 𐩥 𐩦 𐩧 𐩨 𐩩 𐩪 𐩫 𐩬 𐩭 𐩮 𐩯 𐩰 𐩱 𐩲 𐩳 𐩴 𐩵 𐩶 𐩷 𐩸 𐩹 𐩺 𐩻 𐩼 𐩽 𐩾 𐩿 𐪀 𐪁 𐪂 𐪃 𐪄 𐪅 𐪆 𐪇 𐪈 𐪉 𐪊 𐪋 𐪌 𐪍 𐪎 𐪏 𐪐 𐪑 𐪒 𐪓 𐪔 𐪕 𐪖 𐪗 𐪘 𐪙 𐪚 𐪛 𐪜 𐪝 𐪞 𐪟 𐪠 𐪡 𐪢 𐪣 𐪤 𐪥 𐪦 𐪧 𐪨 𐪩 𐪪 𐪫 𐪬 𐪭 𐪮 𐪯 𐪰 𐪱 𐪲 𐪳 𐪴 𐪵 𐪶 𐪷 𐪸 𐪹 𐪺 𐪻 𐪼 𐪽 𐪾 𐪿 𐫀 𐫁 𐫂 𐫃 𐫄 𐫅 𐫆 𐫇 𐫈 𐫉 𐫊 𐫋 𐫌 𐫍 𐫎 𐫏 𐫐 𐫑 𐫒 𐫓 𐫔 𐫕 𐫖 𐫗 𐫘 𐫙 𐫚 𐫛 𐫜 𐫝 𐫞 𐫟 𐫠 𐫡 𐫢 𐫣 𐫤 𐫥 𐫦 𐫧 𐫨 𐫩 𐫪 𐫫 𐫬 𐫭 𐫮 𐫯 𐫰 𐫱 𐫲 𐫳 𐫴 𐫵 𐫶 𐫷 𐫸 𐫹 𐫺 𐫻 𐫼 𐫽 𐫾 𐫿 𐬀 𐬁 𐬂 𐬃 𐬄 𐬅 𐬆 𐬇 𐬈 𐬉 𐬊 𐬋 𐬌 𐬍 𐬎 𐬏 𐬐 𐬑 𐬒 𐬓 𐬔 𐬕 𐬖 𐬗 𐬘 𐬙 𐬚 𐬛 𐬜 𐬝 𐬞 𐬟 𐬠 𐬡 𐬢 𐬣 𐬤 𐬥 𐬦 𐬧 𐬨 𐬩 𐬪 𐬫 𐬬 𐬭 𐬮 𐬯 𐬰 𐬱 𐬲 𐬳 𐬴 𐬵 𐬶 𐬷 𐬸 𐬹 𐬺 𐬻 𐬼 𐬽 𐬾 𐬿 𐭀 𐭁 𐭂 𐭃 𐭄 𐭅 𐭆 𐭇 𐭈 𐭉 𐭊 𐭋 𐭌 𐭍 𐭎 𐭏 𐭐 𐭑 𐭒 𐭓 𐭔 𐭕 𐭖 𐭗 𐭘 𐭙 𐭚 𐭛 𐭜 𐭝 𐭞 𐭟 𐭠 𐭡 𐭢 𐭣 𐭤 𐭥 𐭦 𐭧 𐭨 𐭩 𐭪 𐭫 𐭬 𐭭 𐭮 𐭯 𐭰 𐭱 𐭲 𐭳 𐭴 𐭵 𐭶 𐭷 𐭸 𐭹 𐭺 𐭻 𐭼 𐭽 𐭾 𐭿 𐮀 𐮁 𐮂 𐮃 𐮄 𐮅 𐮆 𐮇 𐮈 𐮉 𐮊 𐮋 𐮌 𐮍 𐮎 𐮏 𐮐 𐮑 𐮒 𐮓 𐮔 𐮕 𐮖 𐮗 𐮘 𐮙 𐮚 𐮛 𐮜 𐮝 𐮞 𐮟 𐮠 𐮡 𐮢 𐮣 𐮤 𐮥 𐮦 𐮧 𐮨 𐮩 𐮪 𐮫 𐮬 𐮭 𐮮 𐮯 𐮰 𐮱 𐮲 𐮳 𐮴 𐮵 𐮶 𐮷 𐮸 𐮹 𐮺 𐮻 𐮼 𐮽 𐮾 𐮿 𐯀 𐯁 𐯂 𐯃 𐯄 𐯅 𐯆 𐯇 𐯈 𐯉 𐯊 𐯋 𐯌 𐯍 𐯎 𐯏 𐯐 𐯑 𐯒 𐯓 𐯔 𐯕 𐯖 𐯗 𐯘 𐯙 𐯚 𐯛 𐯜 𐯝 𐯞 𐯟 𐯠 𐯡 𐯢 𐯣 𐯤 𐯥 𐯦 𐯧 𐯨 𐯩 𐯪 𐯫 𐯬 𐯭 𐯮 𐯯 𐯰 𐯱 𐯲 𐯳 𐯴 𐯵 𐯶 𐯷 𐯸 𐯹 𐯺 𐯻 𐯼 𐯽 𐯾 𐯿 𐰀 𐰁 𐰂 𐰃 𐰄 𐰅 𐰆 𐰇 𐰈 𐰉 𐰊 𐰋 𐰌 𐰍 𐰎 𐰏 𐰐 𐰑 𐰒 𐰓 𐰔 𐰕 𐰖 𐰗 𐰘 𐰙 𐰚 𐰛 𐰜 𐰝 𐰞 𐰟 𐰠 𐰡 𐰢 𐰣 𐰤 𐰥 𐰦 𐰧 𐰨 𐰩 𐰪 𐰫 𐰬 𐰭 𐰮 𐰯 𐰰 𐰱 𐰲 𐰳 𐰴 𐰵 𐰶 𐰷 𐰸 𐰹 𐰺 𐰻 𐰼 𐰽 𐰾 𐰿 𐱀 𐱁 𐱂 𐱃 𐱄 𐱅 𐱆 𐱇 𐱈 𐱉 𐱊 𐱋 𐱌 𐱍 𐱎 𐱏 𐱐 𐱑 𐱒 𐱓 𐱔 𐱕 𐱖 𐱗 𐱘 𐱙 𐱚 𐱛 𐱜 𐱝 𐱞 𐱟 𐱠 𐱡 𐱢 𐱣 𐱤 𐱥 𐱦 𐱧 𐱨 𐱩 𐱪 𐱫 𐱬 𐱭 𐱮 𐱯 𐱰 𐱱 𐱲 𐱳 𐱴 𐱵 𐱶 𐱷 𐱸 𐱹 𐱺 𐱻 𐱼 𐱽 𐱾 𐱿 𐲀 𐲁 𐲂 𐲃 𐲄 𐲅 𐲆 𐲇 𐲈 𐲉 𐲊 𐲋 𐲌 𐲍 𐲎 𐲏 𐲐 𐲑 𐲒 𐲓 𐲔 𐲕 𐲖 𐲗 𐲘 𐲙 𐲚 𐲛 𐲜 𐲝 𐲞 𐲟 𐲠 𐲡 𐲢 𐲣 𐲤 𐲥 𐲦 𐲧 𐲨 𐲩 𐲪 𐲫 𐲬 𐲭 𐲮 𐲯 𐲰 𐲱 𐲲 𐲳 𐲴 𐲵 𐲶 𐲷 𐲸 𐲹 𐲺 𐲻 𐲼 𐲽 𐲾 𐲿 𐳀 𐳁 𐳂 𐳃 𐳄 𐳅 𐳆 𐳇 𐳈 𐳉 𐳊 𐳋 𐳌 𐳍 𐳎 𐳏 𐳐 𐳑 𐳒 𐳓 𐳔 𐳕 𐳖 𐳗 𐳘 𐳙 𐳚 𐳛 𐳜 𐳝 𐳞 𐳟 𐳠 𐳡 𐳢 𐳣 𐳤 𐳥 𐳦 𐳧 𐳨 𐳩 𐳪 𐳫 𐳬 𐳭 𐳮 𐳯 𐳰 𐳱 𐳲 𐳳 𐳴 𐳵 𐳶 𐳷 𐳸 𐳹 𐳺 𐳻 𐳼 𐳽 𐳾 𐳿 𐴀 𐴁 𐴂 𐴃 𐴄 𐴅 𐴆 𐴇 𐴈 𐴉 𐴊 𐴋 𐴌 𐴍 𐴎 𐴏 𐴐 𐴑 𐴒 𐴓 𐴔 𐴕 𐴖 𐴗 𐴘 𐴙 𐴚 𐴛 𐴜 𐴝 𐴞 𐴟 𐴠 𐴡 𐴢 𐴣 𐴤 𐴥 𐴦 𐴧 𐴨 𐴩 𐴪 𐴫 𐴬 𐴭 𐴮 𐴯 𐴰 𐴱 𐴲 𐴳 𐴴 𐴵 𐴶 𐴷 𐴸 𐴹 𐴺 𐴻 𐴼 𐴽 𐴾 𐴿 𐵀 𐵁 𐵂 𐵃 𐵄 𐵅 𐵆 𐵇 𐵈 𐵉 𐵊 𐵋 𐵌 𐵍 𐵎 𐵏 𐵐 𐵑 𐵒 𐵓 𐵔 𐵕 𐵖 𐵗 𐵘 𐵙 𐵚 𐵛 𐵜 𐵝 𐵞 𐵟 𐵠 𐵡 𐵢 𐵣 𐵤 𐵥 𐵦 𐵧 𐵨 𐵩 𐵪 𐵫 𐵬 𐵭 𐵮 𐵯 𐵰 𐵱 𐵲 𐵳 𐵴 𐵵 𐵶 𐵷 𐵸 𐵹 𐵺 𐵻 𐵼 𐵽 𐵾 𐵿 𐶀 𐶁 𐶂 𐶃 𐶄 𐶅 𐶆 𐶇 𐶈 𐶉 𐶊 𐶋 𐶌 𐶍 𐶎 𐶏 𐶐 𐶑 𐶒 𐶓 𐶔 𐶕 𐶖 𐶗 𐶘 𐶙 𐶚 𐶛 𐶜 𐶝 𐶞 𐶟 𐶠 𐶡 𐶢 𐶣 𐶤 𐶥 𐶦 𐶧 𐶨 𐶩 𐶪 𐶫 𐶬 𐶭 𐶮 𐶯 𐶰 𐶱 𐶲 𐶳 𐶴 𐶵 𐶶 𐶷 𐶸 𐶹 𐶺 𐶻 𐶼 𐶽 𐶾 𐶿 𐷀 𐷁 𐷂 𐷃 𐷄 𐷅 𐷆 𐷇 𐷈 𐷉 𐷊 𐷋 𐷌 𐷍 𐷎 𐷏 𐷐 𐷑 𐷒 𐷓 𐷔 𐷕 𐷖 𐷗 𐷘 𐷙 𐷚 𐷛 𐷜 𐷝 𐷞 𐷟 𐷠 𐷡 𐷢 𐷣 𐷤 𐷥 𐷦 𐷧 𐷨 𐷩 𐷪 𐷫 𐷬 𐷭 𐷮 𐷯 𐷰 𐷱 𐷲 𐷳 𐷴 𐷵 𐷶 𐷷 𐷸 𐷹 𐷺 𐷻 𐷼 𐷽 𐷾 𐷿 𐸀 𐸁 𐸂 𐸃 𐸄 𐸅 𐸆 𐸇 𐸈 𐸉 𐸊 𐸋 𐸌 𐸍 𐸎 𐸏 𐸐 𐸑 𐸒 𐸓 𐸔 𐸕 𐸖 𐸗 𐸘 𐸙 𐸚 𐸛 𐸜 𐸝 𐸞 𐸟 𐸠 𐸡 𐸢 𐸣 𐸤 𐸥 𐸦 𐸧 𐸨 𐸩 𐸪 𐸫 𐸬 𐸭 𐸮 𐸯 𐸰 𐸱 𐸲 𐸳 𐸴 𐸵 𐸶 𐸷 𐸸 𐸹 𐸺 𐸻 𐸼 𐸽 𐸾 𐸿 𐹀 𐹁 𐹂 𐹃 𐹄 𐹅 𐹆 𐹇 𐹈 𐹉 𐹊 𐹋 𐹌 𐹍 𐹎 𐹏 𐹐 𐹑 𐹒 𐹓 𐹔 𐹕 𐹖 𐹗 𐹘 𐹙 𐹚 𐹛 𐹜 𐹝 𐹞 𐹟 𐹠 𐹡 𐹢 𐹣 𐹤 𐹥 𐹦 𐹧 𐹨 𐹩 𐹪 𐹫 𐹬 𐹭 𐹮 𐹯 𐹰 𐹱 𐹲 𐹳 𐹴 𐹵 𐹶 𐹷 𐹸 𐹹 𐹺 𐹻 𐹼 𐹽 𐹾 𐹿 𐺀 𐺁 𐺂 𐺃 𐺄 𐺅 𐺆 𐺇 𐺈 𐺉 𐺊 𐺋 𐺌 𐺍 𐺎 𐺏 𐺐 𐺑 𐺒 𐺓 𐺔 𐺕 𐺖 𐺗 𐺘 𐺙 𐺚 𐺛 𐺜 𐺝 𐺞 𐺟 𐺠 𐺡 𐺢 𐺣 𐺤 𐺥 𐺦 𐺧 𐺨 𐺩 𐺪 𐺫 𐺬 𐺭 𐺮 𐺯 𐺰 𐺱 𐺲 𐺳 𐺴 𐺵 𐺶 𐺷 𐺸 𐺹 𐺺 𐺻 𐺼 𐺽 𐺾 𐺿 𐻀 𐻁 𐻂 𐻃 𐻄 𐻅 𐻆 𐻇 𐻈 𐻉 𐻊 𐻋 𐻌 𐻍 𐻎 𐻏 𐻐 𐻑 𐻒 𐻓 𐻔 𐻕 𐻖 𐻗 𐻘 𐻙 𐻚 𐻛 𐻜 𐻝 𐻞 𐻟 𐻠 𐻡 𐻢 𐻣 𐻤 𐻥 𐻦 𐻧 𐻨 𐻩 𐻪 𐻫 𐻬 𐻭 𐻮 𐻯 𐻰 𐻱 𐻲 𐻳 𐻴 𐻵 𐻶 𐻷 𐻸 𐻹 𐻺 𐻻 𐻼 𐻽 𐻾 𐻿 𐼀 𐼁 𐼂 𐼃 𐼄 𐼅 𐼆 𐼇 𐼈 𐼉 𐼊 𐼋 𐼌 𐼍 𐼎 𐼏 𐼐 𐼑 𐼒 𐼓 𐼔 𐼕 𐼖 𐼗 𐼘 𐼙 𐼚 𐼛 𐼜 𐼝 𐼞 𐼟 𐼠 𐼡 𐼢 𐼣 𐼤 𐼥 𐼦 𐼧 𐼨 𐼩 𐼪 𐼫 𐼬 𐼭 𐼮 𐼯 𐼰 𐼱 𐼲 𐼳 𐼴 𐼵 𐼶 𐼷 𐼸 𐼹 𐼺 𐼻 𐼼 𐼽 𐼾 𐼿 𐽀 𐽁 𐽂 𐽃 𐽄 𐽅 𐽆 𐽇 𐽈 𐽉 𐽊 𐽋 𐽌 𐽍 𐽎 𐽏 𐽐 𐽑 𐽒 𐽓 𐽔 𐽕 𐽖 𐽗 𐽘 𐽙 𐽚 𐽛 𐽜 𐽝 𐽞 𐽟 𐽠 𐽡 𐽢 𐽣 𐽤 𐽥 𐽦 𐽧 𐽨 𐽩 𐽪 𐽫 𐽬 𐽭 𐽮 𐽯 𐽰 𐽱 𐽲 𐽳 𐽴 𐽵 𐽶 𐽷 𐽸 𐽹 𐽺 𐽻 𐽼 𐽽 𐽾 𐽿 𐾀 𐾁 𐾂 𐾃 𐾄 𐾅 𐾆 𐾇 𐾈 𐾉 𐾊 𐾋 𐾌 𐾍 𐾎 𐾏 𐾐 𐾑 𐾒 𐾓 𐾔 𐾕 𐾖 𐾗 𐾘 𐾙 𐾚 𐾛 𐾜 𐾝 𐾞 𐾟 𐾠 𐾡 𐾢 𐾣 𐾤 𐾥 𐾦 𐾧 𐾨 𐾩 𐾪 𐾫 𐾬 𐾭 𐾮 𐾯 𐾰 𐾱 𐾲 𐾳 𐾴 𐾵 𐾶 𐾷 𐾸 𐾹 𐾺 𐾻 𐾼 𐾽 𐾾 𐾿 𐿀 𐿁 𐿂 𐿃 𐿄 𐿅 𐿆 𐿇 𐿈 𐿉 𐿊 𐿋 𐿌 𐿍 𐿎 𐿏 𐿐 𐿑 𐿒 𐿓 𐿔 𐿕 𐿖 𐿗 𐿘 𐿙 𐿚 𐿛 𐿜 𐿝 𐿞 𐿟 𐿠 𐿡 𐿢 𐿣 𐿤 𐿥 𐿦 𐿧 𐿨 𐿩 𐿪 𐿫 𐿬 𐿭 𐿮 𐿯 𐿰 𐿱 𐿲 𐿳 𐿴 𐿵 𐿶 𐿷 𐿸 𐿹 𐿺 𐿻 𐿼 𐿽 𐿾 𐿿 𑀀 𑀁 𑀂 𑀃 𑀄 𑀅 𑀆 𑀇 𑀈 𑀉 𑀊 𑀋 𑀌 𑀍 𑀎 𑀏 𑀐 𑀑 𑀒 𑀓 𑀔 𑀕 𑀖 𑀗 𑀘 𑀙 𑀚 𑀛 𑀜 𑀝 𑀞 𑀟 𑀠 𑀡 𑀢 𑀣 𑀤 𑀥 𑀦 𑀧 𑀨 𑀩 𑀪 𑀫 𑀬 𑀭 𑀮 𑀯 𑀰 𑀱 𑀲 𑀳 𑀴 𑀵 𑀶 𑀷 𑀸 𑀹 𑀺 𑀻 𑀼 𑀽 𑀾 𑀿 𑁀 𑁁 𑁂 𑁃 𑁄 𑁅 𑁆 𑁇 𑁈 𑁉 𑁊 𑁋 𑁌 𑁍 𑁎 𑁏 𑁐 𑁑 𑁒 𑁓 𑁔 𑁕 𑁖 𑁗 𑁘 𑁙 𑁚 𑁛 𑁜 𑁝 𑁞 𑁟 𑁠 𑁡 𑁢 𑁣 𑁤 𑁥 𑁦 𑁧 𑁨 𑁩 𑁪 𑁫 𑁬 𑁭 𑁮 𑁯 𑁰 𑁱 𑁲 𑁳 𑁴 𑁵 𑁶 𑁷 𑁸 𑁹 𑁺 𑁻 𑁼 𑁽 𑁾 𑁿 𑂀 𑂁 𑂂 𑂃 𑂄 𑂅 𑂆 𑂇 𑂈 𑂉 𑂊 𑂋 𑂌 𑂍 𑂎 𑂏 𑂐 𑂑 𑂒 𑂓 𑂔 𑂕 𑂖 𑂗 𑂘 𑂙 𑂚 𑂛 𑂜 𑂝 𑂞 𑂟 𑂠 𑂡 𑂢 𑂣 𑂤 𑂥 𑂦 𑂧 𑂨 𑂩 𑂪 𑂫 𑂬 𑂭 𑂮 𑂯 𑂰 𑂱 𑂲 𑂳 𑂴 𑂵 𑂶 𑂷 𑂸 𑂹 𑂺 𑂻 𑂼 𑂽 𑂾 𑂿 𑃀 𑃁 𑃂 𑃃 𑃄 𑃅 𑃆 𑃇 𑃈 𑃉 𑃊 𑃋 𑃌 𑃍 𑃎 𑃏 𑃐 𑃑 𑃒 𑃓 𑃔 𑃕 𑃖 𑃗 𑃘 𑃙 𑃚 𑃛 𑃜 𑃝 𑃞 𑃟 𑃠 𑃡 𑃢 𑃣 𑃤 𑃥 𑃦 𑃧 𑃨 𑃩 𑃪 𑃫 𑃬 𑃭 𑃮 𑃯 𑃰 𑃱 𑃲 𑃳 𑃴 𑃵 𑃶 𑃷 𑃸 𑃹 𑃺 𑃻 𑃼 𑃽 𑃾 𑃿 𑄀 𑄁 𑄂 𑄃 𑄄 𑄅 𑄆 𑄇 𑄈 𑄉 𑄊 𑄋 𑄌 𑄍 𑄎 𑄏 𑄐 𑄑 𑄒 𑄓 𑄔 𑄕 𑄖 𑄗 𑄘 𑄙 𑄚 𑄛 𑄜 𑄝 𑄞 𑄟 𑄠 𑄡 𑄢 𑄣 𑄤 𑄥 𑄦 𑄧 𑄨 𑄩 𑄪 𑄫 𑄬 𑄭 𑄮 𑄯 𑄰 𑄱 𑄲 𑄳 𑄴 𑄵 𑄶 𑄷 𑄸 𑄹 𑄺 𑄻 𑄼 𑄽 𑄾 𑄿 𑅀 𑅁 𑅂 𑅃 𑅄 𑅅 𑅆 𑅇 𑅈 𑅉 𑅊 𑅋 𑅌 𑅍 𑅎 𑅏 𑅐 𑅑 𑅒 𑅓 𑅔 𑅕 𑅖 𑅗 𑅘 𑅙 𑅚 𑅛 𑅜 𑅝 𑅞 𑅟 𑅠 𑅡 𑅢 𑅣 𑅤 𑅥 𑅦 𑅧 𑅨 𑅩 𑅪 𑅫 𑅬 𑅭 𑅮 𑅯 𑅰 𑅱 𑅲 𑅳 𑅴 𑅵 𑅶 𑅷 𑅸 𑅹 𑅺 𑅻 𑅼 𑅽 𑅾 𑅿 𑆀 𑆁 𑆂 𑆃 𑆄 𑆅 𑆆 𑆇 𑆈 𑆉 𑆊 𑆋 𑆌 𑆍 𑆎 𑆏 𑆐 𑆑 𑆒 𑆓 𑆔 𑆕 𑆖 𑆗 𑆘 𑆙 𑆚 𑆛 𑆜 𑆝 𑆞 𑆟 𑆠 𑆡 𑆢 𑆣 𑆤 𑆥 𑆦 𑆧 𑆨 𑆩 𑆪 𑆫 𑆬 𑆭 𑆮 𑆯 𑆰 𑆱 𑆲 𑆳 𑆴 𑆵 𑆶 𑆷 𑆸 𑆹 𑆺 𑆻 𑆼 𑆽 𑆾 𑆿 𑇀 𑇁 𑇂 𑇃 𑇄 𑇅 𑇆 𑇇 𑇈 𑇉 𑇊 𑇋 𑇌 𑇍 𑇎 𑇏 𑇐 𑇑 𑇒 𑇓 𑇔 𑇕 𑇖 𑇗 𑇘 𑇙 𑇚 𑇛 𑇜 𑇝 𑇞 𑇟 𑇠 𑇡 𑇢 𑇣 𑇤 𑇥 𑇦 𑇧 𑇨 𑇩 𑇪 𑇫 𑇬 𑇭 𑇮 𑇯 𑇰 𑇱 𑇲 𑇳 𑇴 𑇵 𑇶 𑇷 𑇸 𑇹 𑇺 𑇻 𑇼 𑇽 𑇾 𑇿 𑈀 𑈁 𑈂 𑈃 𑈄 𑈅 𑈆 𑈇 𑈈 𑈉 𑈊 𑈋 𑈌 𑈍 𑈎 𑈏 𑈐 𑈑 𑈒 𑈓 𑈔 𑈕 𑈖 𑈗 𑈘 𑈙 𑈚 𑈛 𑈜 𑈝 𑈞 𑈟 𑈠 𑈡 𑈢 𑈣 𑈤 𑈥 𑈦 𑈧 𑈨 𑈩 𑈪 𑈫 𑈬 𑈭 𑈮 𑈯 𑈰 𑈱 𑈲 𑈳 𑈴 𑈵 𑈶 𑈷 𑈸 𑈹 𑈺 𑈻 𑈼 𑈽 𑈾 𑈿 𑉀 𑉁 𑉂 𑉃 𑉄 𑉅 𑉆 𑉇 𑉈 𑉉 𑉊 𑉋 𑉌 𑉍 𑉎 𑉏 𑉐 𑉑 𑉒 𑉓 𑉔 𑉕 𑉖 𑉗 𑉘 𑉙 𑉚 𑉛 𑉜 𑉝 𑉞 𑉟 𑉠 𑉡 𑉢 𑉣 𑉤 𑉥 𑉦 𑉧 𑉨 𑉩 𑉪 𑉫 𑉬 𑉭 𑉮 𑉯 𑉰 𑉱 𑉲 𑉳 𑉴 𑉵 𑉶 𑉷 𑉸 𑉹 𑉺 𑉻 𑉼 𑉽 𑉾 𑉿 𑊀 𑊁 𑊂 𑊃 𑊄 𑊅 𑊆 𑊇 𑊈 𑊉 𑊊 𑊋 𑊌 𑊍 𑊎 𑊏 𑊐 𑊑 𑊒 𑊓 𑊔 𑊕 𑊖 𑊗 𑊘 𑊙 𑊚 𑊛 𑊜 𑊝 𑊞 𑊟 𑊠 𑊡 𑊢 𑊣 𑊤 𑊥 𑊦 𑊧 𑊨 𑊩 𑊪 𑊫 𑊬 𑊭 𑊮 𑊯 𑊰 𑊱 𑊲 𑊳 𑊴 𑊵 𑊶 𑊷 𑊸 𑊹 𑊺 𑊻 𑊼 𑊽 𑊾 𑊿 𑋀 𑋁 𑋂 𑋃 𑋄 𑋅 𑋆 𑋇 𑋈 𑋉 𑋊 𑋋 𑋌 𑋍 𑋎 𑋏 𑋐 𑋑 𑋒 𑋓 𑋔 𑋕 𑋖 𑋗 𑋘 𑋙 𑋚 𑋛 𑋜 𑋝 𑋞 𑋟 𑋠 𑋡 𑋢 𑋣 𑋤 𑋥 𑋦 𑋧 𑋨 𑋩 𑋪 𑋫 𑋬 𑋭 𑋮 𑋯 𑋰 𑋱 𑋲 𑋳 𑋴 𑋵 𑋶 𑋷 𑋸 𑋹 𑋺 𑋻 𑋼 𑋽 𑋾 𑋿 𑌀 𑌁 𑌂 𑌃 𑌄 𑌅 𑌆 𑌇 𑌈 𑌉 𑌊 𑌋 𑌌 𑌍 𑌎 𑌏 𑌐 𑌑 𑌒 𑌓 𑌔 𑌕 𑌖 𑌗 𑌘 𑌙 𑌚 𑌛 𑌜 𑌝 𑌞 𑌟 𑌠 𑌡 𑌢 𑌣 𑌤 𑌥 𑌦 𑌧 𑌨 𑌩 𑌪 𑌫 𑌬 𑌭 𑌮 𑌯 𑌰 𑌱 𑌲 𑌳 𑌴 𑌵 𑌶 𑌷 𑌸 𑌹 𑌺 𑌻 𑌼 𑌽 𑌾 𑌿 𑍀 𑍁 𑍂 𑍃 𑍄 𑍅 𑍆 𑍇 𑍈 𑍉 𑍊 𑍋 𑍌 𑍍 𑍎 𑍏 𑍐 𑍑 𑍒 𑍓 𑍔 𑍕 𑍖 𑍗 𑍘 𑍙 𑍚 𑍛 𑍜 𑍝 𑍞 𑍟 𑍠 𑍡 𑍢 𑍣 𑍤 𑍥 𑍦 𑍧 𑍨 𑍩 𑍪 𑍫 𑍬 𑍭 𑍮 𑍯 𑍰 𑍱 𑍲 𑍳 𑍴 𑍵 𑍶 𑍷 𑍸 𑍹 𑍺 𑍻 𑍼 𑍽 𑍾 𑍿 𑎀 𑎁 𑎂 𑎃 𑎄 𑎅 𑎆 𑎇 𑎈 𑎉 𑎊 𑎋 𑎌 𑎍 𑎎 𑎏 𑎐 𑎑 𑎒 𑎓 𑎔 𑎕 𑎖 𑎗 𑎘 𑎙 𑎚 𑎛 𑎜 𑎝 𑎞 𑎟 𑎠 𑎡 𑎢 𑎣 𑎤 𑎥 𑎦 𑎧 𑎨 𑎩 𑎪 𑎫 𑎬 𑎭 𑎮 𑎯 𑎰 𑎱 𑎲 𑎳 𑎴 𑎵 𑎶 𑎷 𑎸 𑎹 𑎺 𑎻 𑎼 𑎽 𑎾 𑎿 𑏀 𑏁 𑏂 𑏃 𑏄 𑏅 𑏆 𑏇 𑏈 𑏉 𑏊 𑏋 𑏌 𑏍 𑏎 𑏏 𑏐 𑏑

нается только доминирующая в ней родовая группа. За всем этим угадываются племенные структуры, столь тщательно описанные в XX в. социальными антропологами, работавшими в Северо-Восточном Йемене (см. ниже), достаточно специфическая форма политической организации высоко развитого земледельческого населения, когда функционирование устойчивых форм межродовой интеграции осуществляется без монополизации соответствующими племенными структурами применения насилия, без приобретения ими формальной власти над общинами и общинниками, когда, скажем, конфликты разрешаются (либо коллективные «общеплеменные» акции предпринимаются) не через обязательные к исполнению решения облаченных властью должностных лиц, а через поиск лишенными формальной, абсолютной (безотносительной к их личным качествам) власти лидерами консенсуса всех заинтересованных членов племени (или племен) и т.д. Характерно, что и в данном тексте речь идет о принятии совместного решения именно через достижение консенсуса среди всех членов соответствующей общины (*s' twdd* первой строки).

Вместе с тем говорить о полностью сложившейся племенной организации на Северо-Востоке Йемена во II в. н.э. еще нельзя. Дело в том, что община Мадара входила в вождество Хāшид, возглавлявшееся *кай*ями из рода Хамдāн. В надписях С 339 и 339bis, даже один из двух родов, доминировавших в Мадаре, Зарамат, прямо обозначен как находящийся в личной зависимости от банū Хамдāн; а в С 340 в качестве клиентов клана Хамдāн фигурирует весь объединенный род Гадаб<sup>М</sup> и Зарамат. Тем более примечательно, что в Robin/al-Maṣamaun 1 сюзерены общины, банū Хамдāн, вообще не упоминаются.

Таким образом, данный текст фиксирует некую значимую веху на пути эволюции социально-политических систем Северо-Восточного Йемена, когда племенные структуры здесь уже начали складываться, но до превращения вождества *S<sup>2</sup>D<sup>m</sup>* [𐩣 𐩨 𐩪 𐩫] в племенную конфедерацию Хāшид [ ] было еще очень далеко.

Но и это еще не все. Английский социоантрополог П. Дреш, побывавший на том самом месте, где почти две тысячи лет назад была установлена данная надпись, описывает его следующим образом:

«Сирвāх в Архāбе... называют *hijrah*. Он находится на границе племен Мадар (часть соплеменности ал-Хамйс в Зухайре) и Машāмй... Он не принадлежит к территории ни одного из них и находится под защитой обеих. Здесь имеются лишь резервуар для воды (*barik*) и химйаритские развалины. В этом месте никто не живет. Тем не менее, у данной хиджры есть четкие границы, и про нее говорят, что она в любое время 'безопасна для тех, кто боится, и для тех кто вселяет страх' (*amīn li-l-khā'if wa-li-l-mukhīf*), т.е. для тех, кто боится кровной мести, и для тех, кто стремится ее осуществить. Насилие запрещено, и теоретически место рассматривается как убежище <для тех, кто от скрывается от насилия>...» (Dresch 1989: 147).



Описание это примечательно во многих отношениях. Трудно не отметить тот факт, что Мадар ( $MDR^m$ ) есть ни что иное, как древнее название Сирвāха в Архāбе (об этом древнем сабейском городе и его остатках в Архāбе см. Грязневич 1973: 61; 1994: 234–247; al-Hamdānī, n.d.: 95; 1938: 61; Robin 1982a, I: 23, 41; Robin, Ruyckmans 1978: 40–43; см. также: С 5; 339; 339bis; 340; Robin/al-Маšатаун 1), из чего, конечно, было бы очень соблазнительно предположить существование какой-то генетической связи между современным племенем мадар, под защитой которого находится то место, где располагался древний *хагар*, и сабейской общиной  $s^2 b^n d-hgr^m MDR^m$ , «ша б хагара Мадар» (С 339, 4; 339bis, 4; Robin/al-Маšатаун 1, 2), под защитой которой данный *хагар* находился две тысячи лет назад. Случайно ли, кстати, созвучие между понятиями *хагар* (так Мадар обозначен в надписи) и *хиджра* (этот статус Мадар/Сирвāх имеет в настоящее время)? И не был ли, упоминаемый П. Дрешом резервуар тем самым священным водоемом, который община сабейского *хагара* Мадар в конце II в. н.э. поставила под свою защиту в надписи Robin/al-Маšатаун 1 (резервуар этот, кстати, обозначен в данной надписи словом, практически идентичным тому, что приводит П. Дреш –  $brkr^m$  [чхн]), строки 4, 5 и 6–7)? Издатели надписи по крайней мере упоминают, что камень с этим декретом был найден на развалинах Сирвāха в Архāбе как раз по соседству с неким резервуаром (Robin, Ruyckmans 1978: 40). И не уцелел ли данный водоем (предположение, конечно, предельно спекулятивное) именно благодаря этой защите? Здесь все-таки трудно удержаться от впечатления, что декрет об охране священного водоема, принятый общиной *хагара* Мадар 1800 лет назад, продолжает действовать вплоть до настоящего времени.

В любом случае текст надписи может рассматривать в качестве яркой иллюстрации другой характерной черты йеменского Северо-Востока – уникальной исторической преемственности, в результате которой в стране, где две тысячи лет назад основными *ша* бами<sup>2</sup> были Хāшид ( $s^2 b^n S^2 D^m$  [шхшхпш]) и Бакйл ( $s^2 b^n BKL^m$  [шхпшпш]), в настоящее время основными племенами являются все те же Хāшид [ ] и Бакйл [ ].

### Объект исследования

Предметом настоящего исследования является эволюция социально-политических систем Северо-Восточного Йемена за последние три тысячи лет. Пространственные рамки исследования приблизительно соответствуют современной историко-географической (а также «культурно-политической») области Страна Хāшид и Бакйл (*bilād āshid wa-Bakīl* [حاشد وبكيل]).

<sup>2</sup> О понятии *ша б* см. ниже, гл. I.

При внимательном рассмотрении выделение этой области в качестве особой социально-политической реальности оказывается отнюдь не произвольным. Например, вплоть до настоящего времени этот ареал достаточно определенно отличается от остальных областей Йемена – прежде всего крайне развитой и прочной родо-племенной организацией его населения.

Исследование истории данного ареала показывает его исключительную древность – границы его почти точно совпадают с территорией Среднесабейского царства (II–III века н.э.). Крайне примечательно, что уже в эту отдаленную эпоху двумя наиболее важными «племенами» Страны Хāшид и Бакйл уже были как раз Хāшид ( $s^2 b^n S^2 D^m$  [ḥḥḥḥḥḥ]) и Бакйл ( $s^2 b^n BKL^m$  [ḥḥḥḥḥḥ]).

Однако формирование этого культурно-политического ареала уходит в еще более глубокую древность и связано с деятельностью сабейской общины ( $s^2 b^n S^1 B$  [ḥḥḥḥḥḥ]), с центром в Мāрибе, на внутренней равнине, на крайнем востоке Ареала), политические лидеры которой, *мукаррибы* Саба', смогли создать в начале I тыс. до н.э. обширную «империю», контролировавшую (не всегда напрямую) большую часть Аравийского Юга.

Ранняя «империя» *мукаррибов* Саба' оказалась достаточно недолговечным образованием. Уже к середине I тыс. до н.э. она приходит в упадок, эффективно контролируемая ею территория сокращается на порядок. Однако, то что осталось от этой империи, оказалось образованием, как раз на редкость долговечным – на Северо-Востоке Йемена складывается достаточно устойчивый культурно-политический ареал.

Географически он охватывает полосу внутренней равнины между пустыней Рамлат-ас-Саб атайн (Сайхад [صبيد]) и восточной кромкой Йеменских гор, в основном к северу от Мāриба, и примыкающую к ней северо-восточную часть Йеменского нагорья. На Западе в горной зоне граница ареала проходит приблизительно по водоразделу между бассейном Красного моря и внутренним бассейном (исторически выступавшим в качестве части бассейна Индийского океана). С Юга граница его проходит приблизительно вдоль 15<sup>0</sup> с.ш.; в качестве важной точки на этой границе выступает перевал Накйл Йислих [نقيل يسليح]. Территория эта достаточно точно соответствует двум природно-экологическим зонам Йемена (Северо-Восточному нагорью с характерными для него крайней пересеченностью рельефа и засушливостью [500–200 мм осадков в год] и еще более засушливому «Загорью», Машрику), что во многом и объясняет устойчивое отличие фундаментальных характеристик социально-политической организации его населения от социально-политических структур остальных южноаравийских ареалов.

В течение почти тысячи лет после развала ранней Сабейской «империи» большинство общин данной области продолжает достаточно устойчиво признавать религиозный авторитет сабейского «федерального» божества Алмакаха (и Аввама, его главного храма, расположенного около сабейской столицы, Мариба) и политическую власть сабейских царей в Марибе. В определенной степени унифицируется социально-политическая организация населения ареала (с сохранением, впрочем, существенных различий между «нагорным» и «равнинным» субареалами). Это единство социально-политической организации сохраняется и после окончательной ликвидации в конце III века н.э. независимого Сабейского царства, и, веком позже, культа Алмакаха (вместе со всеми остальными языческими культурами). Социально-политические структуры ареала, впрочем, во второй половине I тыс. н.э. претерпевают радикальную трансформацию, но трансформация эта, тем не менее, происходит в рамках все того же ареала.

### **Степень изученности проблемы**

Сквозное исследование социальной истории Северо-Восточного Йемена на протяжении последних трех тысяч лет оказывается возможным во многом потому, что к настоящему времени достигнуты заметные успехи в изучении социально-политических систем этого региона во все основные эпохи его истории.

Первые серьезные успехи в изучении социально-политического строя древнего Йемена были достигнуты австрийским исследователем Н. Родоканакисом, опубликовавшим и исследовавшим несколько важнейших в этом отношении текстов и предложившим первую детальную реконструкцию древнейеменских социально-политических систем (Rhodokanakis 1915; 1919; 1922; 1927; 1930 и т.д.). В 1951 году все данные введенных к тому времени в научный оборот источников по политической организации Сабейского царства были собраны и изучены бельгийским сабеистом Ж. Рикмансом (Ruskmans J. 1951).

В 60–70-е гг. значительные успехи в изучении политической организации древнейшего Сабейского царства (первая половина I тыс. до н.э.) были достигнуты российскими исследователями Г. М. Бауэром (1964а; 1964б; 1965а и т.д.) и А. Г. Лундиным (1960; 1961а; 1962а; 1963в; 1965а; 1965б; 1966б; 1967; 1968а; 1971; 1972б и т.д.).

Однако решающий прорыв в изучении социально-политической организации древних йеменцев был достигнут в 1972 г. английским сабеистом А. Ф. Л. Бистоном (Beeston 1972а; см. также: Beeston 1976б; 1979; 1983; 1986а; 1987с и т.д.). До этого большая часть исследователей исходила из модели древнейеменского государственного устройства, созданной еще Н. Родоканакисом, опиравшимся во многом на аналогии с эллинистическим Египтом. Считалось, что в древнем Йемене преобладала регулярная государственная организация, со сложившимся

бюрократическим аппаратом, формальным налогообложением, делением территории на административные единицы, возглавлявшиеся царскими наместниками и т.д. А. Ф. Л. Бистон впервые показал, что политическая организация древних йеменцев строилась на совершенно иных принципах. Государственная организация и политическая централизация были крайне слабы. Царская власть была, как правило, крайне ограничена, а решающую роль в политической организации играли скорее автономные политические единицы, обозначаемые в источниках как *ша бы* ( $s^2 bl' s^2 b$  [ʃəb/ʃəb]).

Вместе с тем, адекватное понимание роли *ша бов* в политической организации древних йеменцев стало возможным только с 1982 г., когда французским сабеистом К. Робэном было опубликовано исследование *Les hautes terres du Nord-Yémen avant l'Islam* (Robin 1982a; см. также: 1982b; 1984; 1996a и т.д.). К. Робэн показал, что *ша бами* назывались социально-политические образования трех различных уровней, образовывавших определенную структурную иерархию. Только после этого стало возможным адекватное понимание социально-политической организации древних йеменцев. Надо отметить и работы А. Г. Лундина 70–80-х гг., в особенности те из них, что посвящены изучению организации гражданско-храмовой общины сабейской столицы, Мāриба (Лундин 1969a; 1979a; 1979б; 1984; Loundine 1973a; 1973b и т.д.).

В 70–80-е гг. заметные успехи были достигнуты и в изучении социально-политической истории раннесредневекового Йемена (Пиотровский 1977; 1985; Cochenour 1984a; 1984b и т.д.), а также в изучении эволюции социально-политических систем Северо-Восточного Йемена во II тыс. н.э. (Abū Ghānim 1985; 1990; Dresch 1989; Obermeyer 1982 и т.д.).

Наконец, огромное значение имело развертывание в 70-х годах социо-антропологических исследований в Северо-Восточном Йемене. В качестве первопроходца здесь выступил французский этнолог Ж. Шелход (Chelhod 1970a; 1970b; 1971; 1974; 1975; 1979; 1985). Однако вскоре после Шелхода полевые исследования в Северо-Восточном Йемене начало значительное число антропологов из других стран мира (Adra 1982; 1985; Dostal 1974; 1985 и т.д.; Dresch 1984a; 1984b; 1987; 1989; 1991; 1994; Gerholm 1977; Mundy 1979; Nielsen 1994; Stevenson 1985; Varisco 1983a; 1983b; Weir 1991 и др.). Племенная организация на Северо-Востоке Йемена сохраняется вплоть до настоящего времени, поэтому социоантропологам удалось провести наблюдения реального функционирования племенных институтов. Более того, комбинируя данные исторических источников и собственных полевых исследований, социоантропологам удалось реконструировать вплоть до самых подробных деталей структуру и функционирование социально-политической системы Северо-Восточного Йемена в XIX–XX вв. (до 1962 года, когда произошла Йеменская революция и началась радикальная модернизация государственных структур).

### Источниковая база

В качестве основных источников по древней истории Северо-Востока Йемена выступают эпиграфические тексты, а по исламскому периоду – хроники и биографические сочинения арабских авторов; наконец, применительно к XX веку в качестве ценнейшего источника выступают материалы полевых антропологических исследований (см. выше).

Доисламская цивилизация Юга Аравии едва ли не уникальна в том отношении, что ее история реконструируется почти исключительно на основе эпиграфических источников. Вплоть до настоящего времени значение всех остальных видов источников остается несопоставимым с ролью эпиграфики.

Археологические раскопки на территории Йемена до начала 80-х гг. нашего века производились лишь от случая к случаю. Впрочем, уже на этой стадии развертывания археологического изучения Юга Аравии были получены достаточно значимые результаты (см., например: Mordtmann, Mittwoch 1931; Rathjens, Wissmann 1932; Caton Thompson 1944; Rathjens 1953; 1955; Bowen, Albright 1958; Jamme 1962; Cleveland 1965; Rathjens, Höfner 1966; Van Beek 1969; Müller 1973; Robin 1976b и др.).

Тем не менее главное их значение заключалось все-таки во введении в оборот новых эпиграфических памятников – достаточно вспомнить о том перевороте, что произвела в сабеистике публикация надписей из Махрам Билк, йс, главного религиозного центра сабейского культурно-политического ареала, обнаруженных в ходе раскопок, проведенных экспедицией Американского фонда изучения человека (1951–1952 гг.; опубликованы в: Jamme 1962).

Более или менее широкое археологическое изучение Юга Аравии началось лишь в 80-е годы нашего века: наряду с французской археологической миссией, продолжившей исследования, начатые ею еще в 70-е годы, активную поисковую работу в этот период разворачивают советско-йеменская комплексная экспедиция (СОЙКЭ), западно-германская, итальянская и американская археологические миссии. Результаты работы этих экспедиций до настоящего времени в основном еще не изданы, имеются лишь преимущественно предварительные (хотя и достаточно многочисленные) публикации (см., например: Грязневич 1989; Бауэр 1989; Лундин 1989; де Мегрэ 1989; Седов 1989; 2005; Грязневич, Седов 1995; Седов, Грязневич 1996; Бруннер 2004; Виноградов 1994; 2004; Гланцман 2004; Седов, Виноградов, Французов 2005; Breton, Audouin, Seigne 1981; Robin, Ryckmans J. 1980; 1981; 1988; ABADY 1982–; de Maigret 1981; 1983; 1984; 1988; 2002; 2003; 2004; de Maigret, Robin 1989; de Maigret *et al.* 1986; Calvet 1988; Inizan 1988; Tiede 1985; 1987; Kinney, Dilonardo 1988; Sauer *et al.* 1988; Pirenne 1990; Breton 1988; 1991; 1992; 1994; 2003; Breton *et al.* 1998; Sedov 1992; 1996; 1997; 2000;

2003; Avanzini, Sedov 2005; Brunner 1997; Moorman *et al.* 2001; Darles 2003; Wilkinson 2003; Wilkinson, Edens, Barrat 2001; Davidde, Petriaggi, Williams 2004; Gerlach, Hitgen 2004; Glanzman 1999; 2003; 2004; Porter 2004; Tomber 2004; Vogt 2004; Khalidi 2005; Lewis 2005; Phillips 1998; 2005 и др.).

Кроме того, археологические источники с большим трудом могут быть использованы для реконструкции социально-политической организации соответствующих человеческих сообществ – заметные результаты здесь может дать лишь тщательная сплошная раскопка значительных площадей удовлетворительно сохранившейся застройки крупных поселений либо целых комплексов мелких поселений. Между тем для сабейского культурно-политического ареала подобный материал, насколько мне известно, в научный оборот до сих пор не введен.

Обильную и интересную информацию о древней южноаравийской цивилизации содержат выполненные в минускульном («курсивном») шрифте документы на деревянных палочках и пальмовых черенках, обнаруженные в последние годы на территории сабейского и хадрамаутского культурного ареала. Среди них имеются деловые письма, записи расходов, юридические документы, даже, возможно, медицинские или кулинарные рецепты (см., например: Ryckmans J. 2001). Надо отметить, что известное к настоящему времени общее число таких документов достаточно велико (более тысячи), однако их чтение и понимание до настоящего времени сталкивается с колоссальными трудностями, поэтому к настоящему времени опубликована лишь небольшая их часть ( Abdallāh 1986b; 1994; Бауэр, Акопян, Лундин 1990; Beeston 1989; Robin 1991d; Ryckmans J. 1986; 1993a; 1993b; 1993c; Ryckmans J. *et al.* 1994; Лундин 1995; Frantsouzoff 1999; Weninger 2001; 2002; Maraqtan 2003; al-Said, Weninger 2004; Stein 2003; 2004 и т.д.). К тому же подавляющее большинство известных к настоящему времени сабейских «курсивных» документов (практически все они были найдены торговцами древностями в ходе нелегальных раскопок) происходит из единственного места, по-видимому, из одного из храмовых архивов сабейского города Нашшана (*hgr<sup>n</sup> NS<sup>2</sup>N* [חַשְׁחַן־נַשְׁשָׁן]). В результате пока введение в научный оборот этих документов обещает лишь познакомить нас детально с социально-политической организацией и многими сторонами жизни достаточно специфической нашшанской гражданско-храмовой общины. Отмечу, что существенное отличие этой общины от большинства других сабейских общин стало очевидным достаточно давно (Beeston 1976b; 1979a; Лундин 1969a; Loundine 1973b; Korotayev 1994f; см. также: Avanzini 1995). Так что пока маловероятно, что документы эти смогут дать нам сколько-нибудь ценную информацию, скажем, по социально-политической организации обитателей сабейского Нагорья.

Данные нарративных источников (прежде всего произведения античных авторов – Страбона, Плиния Старшего и т.д.) достаточно скудны. Кроме того, многие стороны общественной жизни древних йеменцев не нашли в этих произведениях почти никакого отражения. (Единственным исключением здесь является Южная Аравия первой половины VI века, история которой реконструируется преимущественно по данным нарративных источников [см., например: Лундин 1961б]; но период этот не является предметом специального исследования в данной работе.)

В итоге, до сих пор главным источником информации о древней южноаравийской цивилизации остаются все-таки именно эпиграфические памятники. По контрасту со всеми остальными категориями источников южноаравийские надписи содержат богатую информацию по всем основным периодам существования древнейеменской цивилизации и в большинстве своем уже введены в научный оборот. В настоящее время известно более 10 000 южноаравийских надписей и граффити. Большинство из них имеет коммеморативный характер и состоит лишь из имени, филиации и (или) указания родовой принадлежности авторов. Значительно и число надгробных надписей, как правило, малоинформативных.

Тем не менее достаточно многочисленны (более 2000) и надписи, содержащие связные сообщения о тех или иных действиях авторов и других событиях. Имеется и более ста надписей с очень большой информационной емкостью (более 1000 знаков). Среди них выделяются посвятельные, строительные, юридические, покаянные надписи (и еще ряд совсем малочисленных категорий); но подавляющее их большинство (не менее 95%) принадлежит к первым двум категориям, при этом число посвятельных надписей заметно превышает число строительных.

Южноаравийские надписи крайне неравномерно распределены во времени и пространстве. Так, число сабейских надписей заметно превышает общее число надписей, составленных на всех других южноаравийских эпиграфических («сайхадских») языках, вместе взятых. При этом большинство сабейских надписей приходится на Средний период (I–IV вв. н.э.), число древнесабейских надписей во много раз меньше, но все-таки больше числа позднесабейских памятников.

Как известно, надписи – источник крайне специфический, обладающий как целым рядом существенных достоинств, так и серьезными недостатками. И те и другие были удачно разобраны А. Г. Лундиным в его монографии «Государство мукаррибов Саба»:

«Эпиграфические памятники как исторический источник обладают целым рядом несомненных достоинств и преимуществ по сравнению с любым другим видом источников. Достаточно назвать их несомненную, почти стопроцентную, аутентичность, одновременность описываемым событиям и великолепную осведомленность авторов, безусловную точность социальной терминологии и достоверность содержащихся в них сведений. В надписях отсутствуют

фактические ошибки, столь частые в нарративных источниках, исключаются позднейшие интерполяции и искажения, вносимые переписчиками, и т.п. ... Однако в том случае, когда эпитафические памятники являются единственным историческим источником, даже эти их достоинства превращаются в источники затруднений. Конкретность данных приводит к тому, что исследователю очень трудно решить, описывает ли данный памятник общее правило или исключение из него, ординарный или экстраординарный случай. Великолепная осведомленность автора вызывает лаконичность изложения и отсутствие пояснений, очень затрудняющие понимание текста. Социальные явления и институты лишь называются, но никогда не описываются...» (Лундин 1971: 9–10).

Подавляющее большинство обнаруженных древних южноаравийских надписей к настоящему времени издано, и явная информация, заложенная в них, более или менее изучена. Между тем становится все более очевидным наличие в сабейской эпитафике значительных пластов скрытой информации, выявление которой к настоящему времени делает, по-видимому, лишь первые шаги.

Среди источников по раннесредневековой истории Северо-Восточного Йемена особо выделяются труды ал-Хамдāнī (al-Hamdānī 1368h; 1963; 1980; 1990; n.d.) [ум. около 360/970–1 г.], в отличие от других средневековых авторов уделявшего значительное внимание племенной организации Северо-Восточного Йемена. К тому же, наряду с Нашвāном ал-Химйārī (al-ḥimyarī 1916; 1978 [ум. в 1177–8 г.]) ал-Хамдāнī уделял большое внимание и доисламскому наследию Йемена, что оказывается особенно ценным при изучении преемственности между определенными древними и средневековыми институтами. Ценная информация по средневековому Йемену содержится и в целом ряде исторических, биографических и географических сочинений (al-Alawī 1972 [ок. 912 г.]; al-Rāzī 1974 [ум. 1068]; al-ammādī 1955 [ум. 1077]; al-Yamanī 1892 [ум. 1174]; Ibn Samura 1981 [ум. 1190]; Ibn al-Mujāwir 1951–1954 [XIII в.]; al-ubayshī 1979 [XIV в.]; Abd al-Bāqī 1965 [ум. 1343]; al-Khazrajī 1906 [ум. 1410]; Ibn al-usayn 1968 [ум. 1687–88] и т.д.; подробный обзор источников по раннесредневековому Йемену см.: Пиотровский 1985: 5–17; общий обзор средневековых йеменских источников см.: al-ibshī 1983).

Наконец, хочется еще раз подчеркнуть особое значение материалов полевых исследований социальных антропологов (см. выше) в качестве источника для изучения эволюции социально-политических систем Северо-Восточного Йемена в XIX–XX вв.

### **Структура монографии**

Уже из сказанного выше очевидно центральное место Среднесабейского царства (II–III вв. н.э.) в истории социально-политической эволюции Страны Хāшид и Бакйл. К тому же история этого царства прекрасно обес-



печена источниками, лучше, чем история любого другого древнеарабийского политического образования. Как говорилось выше, основным источником по доисламской истории Йемена является эпиграфический материал, а число среднесабейских надписей исключительно велико – более 2000, в том числе и сотни больших вполне информативных текстов. В результате, социально-политическая организация Среднесабейского царства может быть реконструирована более детально и достоверно, чем любого иного политического образования древней Южной Аравии.

Поэтому рассмотрение эволюции политических систем Северо-Восточного Йемена я решил начать с достаточно подробного описания социально-политической организации Среднесабейского царства (часть 1 монографии). Во 2-й части среднесабейская социально-политическая организация сопоставляется с древнесабейской, рассматриваются возможные причины радикальной трансформации социально-политических структур Ареала в конце I тыс. до н.э. Наконец, в 3-й части социально-политическая организация Среднесабейского царства сопоставляется с социально-политическими структурами населения Северо-Востока Йемена во II тыс. н.э., рассматриваются возможные причины радикальной трансформации социально-политических структур Ареала во второй половине I тыс. н.э.

# Часть 1

---

## Социально–политическая организация Сабейского царства во II и III вв. н.э.

### Глава I

#### **Байт и ша б**

Имеются некоторые основания предположить, что среднесабейский<sup>1</sup> культурно-политический ареал (ССКПА) был прежде всего системой общностей, которые в сабейских надписях обозначаются как *ша бы* (*s<sup>2</sup> b l' s<sup>2</sup> b*). Вот почему имеет смысл начать рассмотрение политической организации ССКПА именно с этих общностей.

Древнее южноаравийское понятие *ша б* переводится различными исследователями разным образом. Основные варианты – «племя», «община», «народ», «область, провинция».<sup>2</sup> При этом есть основания утверждать, что все эти варианты перевода (за исключением последнего – об этом см., например: Beeston 1987b; 1987c) по-своему правильны. Дело здесь в том, что, как удалось показать французскому сабеисту К. Робэну, понятие это в разных контекстах могло обозначать достаточно разные (особенно с точки зрения современного исследователя) типы общностей,

---

<sup>1</sup> В данной работе принята следующая периодизация истории доисламской южноаравийской цивилизации:

- Древний период (I тыс. до н.э.);
- Средний период (I–IV вв. н.э.);
- Поздний («Монотеистический») период (конец IV – начало VII вв.).

<sup>2</sup> *Племя*: Beeston 1972a: 258; Beeston *et al.* 1982: 130; Jamme 1966: 40 («*tribe*»); Biella 1982: 520 («*tribal group*»); Rodinson 1969: 27–28; Robin 1982 а, I: 71–77 («*tribu*»); Лундин 1971: 205, 221, 232, 236 («*племь*»); Hartmann 1909 (1978), 216–217; Rhodokanakis 1927: 119 («*Stamm*») и т.д. *Народ* («*people*»): Biella 1982: 520 и т.д. *Община* («*community*»): Biella 1982: 520; Beeston *et al.* 1982: 130 («*commune*»); Лундин 1961b: 93, 97–103, 107, 110 («*община*») и т.д. *Область, провинция*: v. Wissmann 1964a: 6, 146, 276, 323, 338, 339, 461 и т.д. («*Gau*»).

образовывавших при этом определенную структурную иерархию<sup>3</sup> (Robin 1979a: 2–3; 1982a, I: 71–77; 1982b: 22–25).<sup>4</sup>

### I.1. Ша б первого порядка (ша б1)

Ша бы первого (сверху) порядка (далее ша бы1) представляли собой довольно аморфные этнокультурные общности, не имевшие (если только они не совпадали с ша бами второго порядка) никакой политической централизации, но связанные, как правило, общим самоназванием, «общеплеменным» божеством, некоторыми особенностями культуры, такими как, например, общий календарь, эпонимат и т.п. (подробнее об этом см.: Korotayev 1994g). Общности эти занимали территории в несколько тысяч кв. км. К. Робэн называет такие образования племенными конфедерациями («*confédérations*» – Robin 1979a: 2–3; 1982a, I: 71–72; 1982 b, 22–23), но, на мой взгляд, здесь вполне можно говорить и о племени как этнической общности («*tribe-nation*» по Б. Малиновскому [Malinowski 1947: 252–258]).

Наиболее очевидные примеры здесь – «племена» сум ай и бакйл. Отмечу, что тенденция к сложению на базе ша бов первого порядка самостоятельных этносов так и не получила в сабейском культурном ареале своего завершения, достаточно рано сменившись тенденцией к слиянию всех племен сабейского культурно-политического ареала (а затем и некоторых соседних ареалов) в единый этнос (с сохраняющимися «племенными» субэтническими подразделениями).

<sup>3</sup> Феномен этот, по-видимому, можно было бы сопоставить с использованием термина *qabīlah* [قبيلة], который в «племенных» районах современного Йемена может обозначать социально-политические единицы трех разных уровней (см., например: Weir, forthcoming).

<sup>4</sup> Для обозначения иных типов общностей данный термин использовался крайне редко. По крайней мере, мне известны лишь два исключения. В ZI 22 автор, идентифицирующий себя как *tḷy ʿfṛs<sup>1</sup> mḷk<sup>n</sup> [ḥn̄ʾš̄|n̄)ðh̄|ʿʾḷx]*, «царский конник /ʾḷ/», упоминает *s<sup>2</sup> b-hmw ʿtḷw<sup>n</sup> [ḥḷʾʾḷx̄|h̄|ʾš̄ʿʾp̄ʾʾ]*, «их ша б, конников». Тот факт, что данный человек не упоминает свою родовую принадлежность заставляет предполагать, что он и его «сослуживцы» находились вне нормальной родо-племенной организации: таким образом сообщество «конников» возможно выступало для них как некий заместитель нормального ша ба (см., например: Robin 1978a: 46, 50). Автор Ghul В (частного письма в курсивном шрифте – Beeston 1989: 17; Ryckmans 1993c) упоминает, обращаясь к своему адресату *bt-k w-s<sup>2</sup> b-hw*, «твой дом и его народ, ша б» (строка 2). Подобное употребление данного слова скорее всего отражает неофициальный, разговорный, неэпиграфический стиль, засвидетельствованный лишь крайне небольшим количеством опубликованных к настоящему времени документов в «курсивном шрифте» (общее число таких документов, впрочем, достаточно велико, однако их чтение и понимание до настоящего времени сталкивается с колоссальными трудностями, поэтому к настоящему времени опубликована лишь их небольшая часть; см: Abdallah 1986b; 1994; Бауэр, Акопян, Лундин 1990; Beeston 1989; Robin 1991d; Ryckmans J. 1986; 1993a; 1993b; 1993c; Ryckmans J. et al. 1994; Лундин 1995; Frantsouzoff 1999; Weninger 2001; 2002; Maraqtan 2003; al-Said, Weninger 2004; Stein 2003; 2004 и т.д.).

Необходимо также упомянуть и то, что, несмотря на отсутствие политической централизации, *ша б1* мог объективно играть некоторую политическую роль (принадлежность к одному *ша бу1* могла накладывать отпечаток на политическое поведение входивших в него общностей и их лидеров – подробнее об этом см.: Korotayev 1994g).

Судя по всему, в Среднесабейском царстве существовали только 3 *ша ба* данного уровня:  $S^1 M Y$ ,  $BKL^m$  и  $DMRY$  (последний с некоторыми оговорками). В других случаях ( $G YM^n$ ,  $TN M^m$  -w- $TN MT$ ,  $M' DN^m$ ,  $S^1 HM^n$ ,  $RW$  -w- $HWL^n$ ,  $YQN M$ ) *ша б1* совпадал с *ша бом2*, т.е. эти *ша бы* имели некоторые черты как *ша бов1*, так и 2. Они могут рассматриваться как *ша бы2*, не бывшие частями никаких *ша бов1* (ниже они будут обозначаться просто как *ша бы2* без дальнейших оговорок). *Ша бы*  $S^1 B'$ ,  $FYS^{2n}$  и  $'MR^m$  сильно отличались от всех остальных среднесабейских *ша бов* во многих отношениях (хотя и по-разному), сочетая в разных пропорциях характеристики *ша бов* и первого, и второго, и третьего порядков.

### 1.2. *Ша б* второго порядка (*ша б2*): предварительное описание

*Ша бы* второго порядка (далее *ша бы2*) представляли собой несравненно более политически централизованные общности, занимавшие территорию в несколько сот кв. км (Robin 1979a: 2–3; 1982a, I: 71–93; 1982b: 22–24). Как уже отмечалось выше, иногда *ша бы* первого и второго порядка могли совпадать – наиболее очевидные примеры Ма'зин ( $M' DN^m$ ) и Гайман ( $G YM^n$ ). Именно *ша бы2* чаще всего обозначаются в литературе как «племена» [*tribu, Stamm, tribe*: Rhodokanakis 1927: 119; Hartmann 1909 (1978): 216–217; Лундин 1971: 205, 221, 232, 236; Beeston 1972a: 258; Robin 1982a, I: 71–77 и т.д.]; и обозначение это представляется вполне корректным, если иметь в виду племя как политическое (но не этническое) образование («*tribe-state*» в отличие от «*tribe-nation*» по Б. Малиновскому [Malinowski 1947: 259–261]). Впрочем, *ша б* второго порядка вполне подпадает и под определение вождества-*цифдома*, понимаемого как «промежуточная форма политической структуры, в которой уже есть централизованное управление и наследственная иерархия правителей и знати, существует социальное и имущественное неравенство, но еще нет формального и тем более легализованного аппарата принуждения и насилия» (Васильев 1980: 182), или как «автономное политическое образование, состоящее из нескольких поселений/общин, объединенных под постоянной властью верховного вождя» (Carneiro 1981: 45; по теории вождества см., например: Крадин 1991: 273–280; 1995; 2001; Service 1971 [1962]: 133–169; Carneiro 1981; 1991: 168–169; Earle 1987; 1991).

Т.к. институты *ша ба*<sup>2</sup> играли решающую роль в политической системе сабейского ареала, они будут рассмотрены детально в особой главе (см. ниже гл. II).

### **1.3. Базовые уровни среднесабейской социально–политической системы: ша б третьего порядка (ша б3) и байт**

Наконец, каждый *ша б*<sup>2</sup>, как правило, включал в себя несколько *ша б*<sup>ов</sup> еще более низкого, третьего, порядка (обозначаемых далее как *ша б*<sup>3</sup>), охватывавших территории по несколько десятков кв. км. *Ша б*<sup>ы</sup> этого порядка представляли собой достаточно компактные самоуправляющиеся территориальные образования с явно выраженным центральным поселением, «хагаром» (*hgr* [ʔʔ]). На мой взгляд, их можно вполне обозначить как «территориальные общины». Но *ша б*<sup>3</sup> может, конечно, рассматриваться и как отдел или сегмент (*section*) племени (ср., например: Evans-Pritchard 1940 [1967]: 139–147).

Есть основания предполагать, что политическая организация *ша б*<sup>ов</sup><sup>3</sup> была нередко достаточно демократичной, важную роль на этом уровне могли играть народные собрания, включавшие зачастую не только полноправных граждан *ша ба*, но и поселенцев (*bkln* [ʕʔʔ]), а также даже зависимое население, «клиентов» (*dm* [ʕʔʔ]).<sup>5</sup>

\* \* \*

Вполне можно сказать, что *ша б*<sup>3</sup> был прежде всего системой большесемейных общин (БСО), «домов» (*byt* [ʕʔʔ]), поэтому кажется разумным рассмотреть среднесабейскую<sup>6</sup> большесемейную общину именно в этой главе.

#### **1.3.а. Байт : основа среднесабейской социальной структуры**

Трудно не согласиться с утверждением Бистона о том, что «в сабейском обществе... в качестве основы социальной структуры выступал *байт*,

<sup>5</sup> См. прежде всего Robin/al-Mašamaḥn 1 (Robin, Ryckmans 1978), а также Gl 1573a; Ja 2856; Gl A 744; Madrid 1 и т.д. Более подробно вопрос о социальной стратификации и политической организации среднесабейского *ша ба*<sup>3</sup> рассматривается в Korotayev 1994h.

<sup>6</sup> Под сабейцами я имею в виду вообще всех обитателей сабейского ареала, употребляя это понятие довольно условно, подобно тому, как медиевисты пользуются понятием «византийцы». В действительности, в самих сабейских надписях понятие *S'B'* [ʔʔʔ], «сабейцы», обозначает не всех обитателей Сабейского царства, а лишь один из *ша б*<sup>ов</sup> рассматриваемого ареала (подробнее об этом см.: Beeston 1979a: 115; Korotayev 1994a). *Ша б* этот, впрочем, играл в системе данного ареала исключительно важную роль, но в рассматриваемый период даже не являлся политически доминирующим (см. главу III данной работы, а также: Korotayev 1994c).

деревенская или родовая община»<sup>7</sup> (Beeston 1983: 7; см. также: Beeston 1971: 27; 1972a: 257). Тем не менее некоторые оговорки необходимы относительно его интерпретации сабейского *byt* [𐩧𐩢] как «деревенской общины» (*village community*).

С одной стороны, идея о том, что *byt* [𐩧𐩢] в некоторых контекстах обозначает поселение состоящее из нескольких зданий, более похоже именно на «деревню», чем на отдельный «дом», представляется достаточно привлекательной. Например, когда в Ja 2118 (= AM 862 = NAM 323 [CIAS II 39.11/ о3 № 9], 4) автор упоминает ситуацию, в ходе которой «он страдал от болезни в *байт КВТ*» (*l b-byt KBT*), представляется исключительно правдоподобным, что *byt KBT* обозначает в подобном контексте некое поселение (в особенности, учитывая, скажем аналогичное выражение из Ja 613, 9: *l l b-hgr<sup>n</sup> MRB* «болезнь, от которой он страдал в городе Мāрибе»)<sup>8</sup>. Выражение *kl hgr byt-hmw*, «весь город их дома» (Ja 615, 11), также заставляет предполагать, что некоторые среднесабейские «дома» были больше похожи на небольшой городок, чем на отдельный дом в его современном понимании.

Можно принять в расчет и тот факт, что на современном Севере Йеменского нагорья (т.е. именно там, где находилось большинство среднесабейских *ша бов*) многие деревни имеют названия типа *Bayt Y*,<sup>9</sup> где *Y* зачастую представляет собой родовое название (иногда даже «сабейское»)<sup>10</sup>.

Трудно, однако, полностью согласиться с такими утверждениями, как: «Культурв такого типа будет иметь в основе своей социальной структуры деревенскую общину, *байт*»<sup>11</sup> (Beeston 1972a: 257); и особенно:

<sup>7</sup> «В сабейском обществе... основой социальной структуры был *байт*, деревенская или родовая община».

<sup>8</sup> См. также, скажем, C 407, 9–11; Ig 27 §1; Ja 2113 (= AM 855 = NAM 1448 [CIAS II 39.11/ о3 № 5]), 6–7 и т.д. Однако, на мой взгляд, и в таком контексте сохраняется возможность перевода *byt KBT* как «дом большесемейной общины *КВТ*».

<sup>9</sup> *Yemen Arab Republic Official Standard Names Gazetteer*, например, приводит более 100 подобных названий северийеменских деревень (Hulick *et al.* 1976: 33–36); см. также, например: Грязневич 1994: 458–461.

<sup>10</sup> Удачным примером здесь может служить современная деревня *Bayt Na āmah*, расположенная на территории древнего *ша ба* Сихмāн (*S<sup>1</sup>H M<sup>n</sup>*), в то время как *ḏ-N MT* – это название древнего *кайлжского* рода, доминировавшего в среднесабейском *ша бе2* Сихмāн (*S<sup>1</sup>H M<sup>n</sup>* – например, Ja 495 = R 4712; Ja 496 = R 4713; Na NAG 11); а *Bayt Na āmah* скорее всего возникла именно вокруг «дома» господствующего среди Сихмāн рода, *dhū-Na āmah*. Другие примеры – *Bayt Kulāb* (ср. MAFY/ Bayt Kulāb 1; 2); *Bayt al-Jālid* (ср. Ja 2871) и т.д.; см. также: Robin 1982 a, I: 75; Wilson 1986: 177; 1989: 17 и т.д.

<sup>11</sup> «Культура подобного типа обычно имеет в основе своей социальной структуры деревенскую общину, *байт*».

«Типичным сельскохозяйственным поселением здесь была деревня, *байт*» (Beeston 1971: 26).<sup>12</sup>

Подобные утверждения не могут быть приняты по следующим причинам:

*Byt* мог находиться в сельской местности, но он мог располагаться и за стенами *хагара* («города»). Например, Fa 3, 7-8 упоминает  $'s^1d \ 'byt^n \ b-hgr^n \ RW$ , «людей *байтов* [ , расположенных] в городе Сирвахе». А, скажем, авторы Ir 19 из рода Гурат упоминают некоторые строительные работы, предпринятые ими *b-byt-hmw b-byt GRT b-hgr^n N*, «в их *байте*, в *байте* (рода) Гурат, в городе На д» (стк. 24). Этот текст, во-первых, показывает тесную связь между *байтом*-сооружением и *байтом*-общиной.<sup>13</sup> Во-вторых, вышеупомянутый текст, по-видимому, может служить дополнительным доказательством того, что *байты* могли находиться не только в сельской местности, но и внутри стен *хагара*.<sup>14</sup>

Также, когда, скажем, некий Дауман Йа'зим ( $D \ W \ M^n \ Y'Z \ M$ ) из рода зю-Гайман ( $\underline{d} \ - \ G \ Y \ M^n$  [𐎠𐎡𐎢𐎣]), *кайлей ша ба* Гайман [𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤], просит Алмакаха, владыку Аввама, даровать им<sup>15</sup> благополучие «их *байтов*, *байтов* (рода) зю-Гайман и их *ша ба* Гайман» ( $w \ - \ l \ - \ s^1 \ d \ - \ hmw \ wfy \ 'byt \ - \ hmw \ 'byt \ \underline{d} \ - \ G \ Y \ M^n \ w \ - \ s^2 \ b \ - \ hmw \ G \ Y \ M^n$ <sup>16</sup> [Ir 22 §2]), маловероятно, что он имеет в виду только «деревенские общины» его *ша ба*, а не все большесемейные общины Гайман, вне зависимости от того, где они находились, в сельской местности или внутри стен *хагаров* этого *ша ба*.

Таким образом, я бы согласился с А. Ф. Л. Бистонем в том, что «в сабейском обществе... основой социальной структуры был *байт*» (Beeston 1983: 7). Однако само это утверждение очевидно противоречит любому пониманию *байта* как «деревни» или «типичного сельскохозяйственного поселения» («*village*», «*typical agricultural settlement*»).

В самом деле сабейцы были организованы в *байты* вне зависимости от того, где они жили, в сельской местности или в *хагарах*. Сабейцы как в *хагарах*, так и в их округе судя по всему имели одинаковую социальную организацию. *Байт* не был «деревней», потому что он не стоял в культурной оппозиции «городу», *хагару*, т.к. любой сабейский *хагар* и сам состоял из *байтов*.

<sup>12</sup> «Типичное сельскохозяйственное поселение – это деревня, *байт*». См. также, скажем: Beeston 1977b: 8. Кроме того иногда А. Ф. Л. Бистон использует подобное понимание сабейского слова *byt* в его переводах сабейских надписей (например: Beeston 1977a: 220).

<sup>13</sup> См. также Ja 603, 4–7 и т.д.

<sup>14</sup> См. также, например, DAI *Bar'an* 1990–2, 2: *byt-hmw S<sup>2</sup> B<sup>n</sup> b-ws<sup>1</sup> hgr-hmw MRD<sup>m</sup>* [𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤𐎥𐎦𐎧𐎨𐎩𐎪𐎫𐎬𐎭𐎮𐎯𐎰𐎱𐎲], «их *байт S<sup>2</sup> B<sup>n</sup>* в *хагаре* их *MRD<sup>m</sup>*», или надписи Древнего периода C 368 (= MAFRAY/ Abū Tawr 2) и MAFRAY/ Abū Tawr 3.

<sup>15</sup> Т.е. его род или *ша б*.

<sup>16</sup> [𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤𐎥𐎦𐎧𐎨𐎩𐎪𐎫𐎬𐎭𐎮𐎯𐎰𐎱𐎲 – 𐎳𐎴𐎵𐎶𐎷𐎸𐎹𐎺𐎻𐎼𐎽𐎾𐎿𐏀𐏁]

Вся структура поселения в сабейском культурно-политическом ареале (СКПА) была столь отлична от современной, что само по себе использование современных терминов «город» и «деревня» для передачи смысла сабейских слов *hgr* [𐩧𐩣] и *byt* [𐩧𐩢] ведет к модернизации реалий древней Южной Аравии. Например перевод *хагар* как «город» может создать впечатление, что древний Йемен был одним из наиболее урбанизированных обществ в мировой истории, даже более урбанизированным, чем большинство современных обществ потому, что в доисламской южной Аравии были многие сотни *хагаров*, потому что любая локальная община (даже очень маленькая) имела *хагар* в своем центре, а некоторые из таких общин могли иметь даже более одного *хагара* на своей территории,<sup>17</sup> в то время как сам А. Ф. Л. Бистон утверждает, что «настоящая урбанизация в древней Южной Аравии отсутствовала» (Beeston 1971: 28); и я склонен согласиться с ним в этом пункте.<sup>18</sup>

В сабейском культурно-политическом ареале, по-видимому, не была известна структурная оппозиция «города» и «деревни»; все *байты* локальной общины, *ша ба3*, как те что были расположены в ее центральном поселении, *хагаре*, так и те, что находились вне его, образовывали единое высокоинтегрированное целое. Не было известно никакой оппозиции «горожане» – «деревенские жители». Население *ша ба* и в его центральном поселении, *хагаре*, и вне его имело одинаковую социальную организацию.<sup>19</sup>

*Байт* не образовывал культурной оппозиции *хагару*, т.к. и сам *хагар* состоял из *байтов*; сами сабейцы похоже рассматривали скорее *br r<sup>m</sup>* [𐩧𐩢𐩣], «открытое пространство»,<sup>20</sup> или *q<sup>m</sup>* [𐩧𐩢𐩣], «поля»,<sup>21</sup> в качестве культурной противоположности *хагара*.

<sup>17</sup> См., например: С 340 (cf. Robin/ al-Mašamaḥn 1); Ja 615; Na NNSQ 76 и т.д.

<sup>18</sup> Таким образом, то, что было сказано выше в отношении *байта*, имеет силу и применительно к *хагару*. *Хагар* (*hgr* [𐩧𐩣]) – это основной тип древнего южноаравийского поселения, термин этот не может быть адекватно переведен ни как «город», ни как «деревня», т.к. это было недифференцированное поселение, общинный центр, достаточно типичный для многих архаических обществ (ср. например, архаический греческий *полис*; подробнее см.: Beeston 1971; Коротаев 1988). Современные языки не имеют подходящих слов для перевода этого понятия (как и многих других древних понятий), поэтому более целесообразным представляется избегать подобного перевода и пользоваться транслитерациями соответствующих слов древних языков (как это например уже делается применительно к упоминавшемуся выше древнегреческому понятию *полис*).

<sup>19</sup> Единственными возможными исключениями в сабейском ареале являются наиболее крупные *хагары*, Мәриб и (в меньшей степени) Сирваḥ, где прослеживаются некоторые особые черты социальной организации (например, более важная роль нуклеарной, а не большой семьи среди некоторой части населения).

<sup>20</sup> Fa 3, 8.

<sup>21</sup> С 37, 3.





целом сайхадские) родовые имена существенно отличались от обычных личных имен. Даже типичная структура родовых имен была отлична от структуры личных имен: заметно более 50% личных имен – составные (например, *WHB-’WM*, *HWF-TT*, *RTD-TWN* и т.д.), в то время как большинство родовых имен – простые (например, *G B<sup>m</sup>*, *BT*, *G D N<sup>m</sup>*). Таким образом, родовые имена вряд ли представляли собой личные имена реальных людей, чьими потомками были бы члены соответствующего рода, поэтому разнообразные группы типа *Banū Qurayn*, *Banū Hamdān*, *Banū Gha ab* и т.д. лучше обозначать как «кланы», и соответственно группы типа *byt bny NS<sup>l</sup>R<sup>m</sup>*, *byt bn Q R Y N<sup>m</sup>* или *byt bny YDM* как «клановые общины».

Отметим еще раз, что трудно себе представить целый клан, обитающий в отдельном доме. Однако здесь имеет смысл принять во внимание уже упоминавшееся выше вполне правдоподобное предположение, что по крайней мере некоторые *байты* представляли собой не отдельные здания, а целые комплексы сооружений (укрепленные деревни в сельской местности либо компактные кварталы внутри «городов», *хагаров*). Подобные *байты* уже, похоже, могли вместить в себя целые кланы.

С другой стороны некоторые древние йеменские дома, судя по всему, были достаточно велики для того чтобы в них мог разместиться по крайней мере небольшой клан.<sup>27</sup>

Однако кажется разумным принять во внимание тот факт, что некоторые сабейские кланы состояли из нескольких *байтов* (см., например: Коготаев 1994m); и кажется возможным предположительно рассматривать подобные *байты* в качестве линиджей соответствующих кланов.

Например, в R 4994 (= Gr 6) группа сородичей, обозначающих себя как «Банū ’N R YHR B, Банū DD<sup>n</sup>» (стк. 2) и упоминающих сооружение ими *byt-hmw* (*ibid.*), похоже представляют собой реальных потомков реального человека по имени ’N R YHR B. Их *байт* в его социальном измерении может быть охарактеризован как линидж, входящий в клан Банū DD<sup>n</sup>.

Таким образом, представляется правдоподобным, что *байт* в его социальном измерении мог обозначать как клан, так и линидж.

Источники показывают, что среднесабейский *байт* представлял собою достаточно сложное образование, состоявшее из стратифицированного по

<sup>27</sup> Например, надпись DJE 12 = Лу 21 упоминает сооружение восьмиэтажного *байта* (если верно понимание Мюллером *b wr<sup>m</sup> [𐩧]𐩣𐩥*) как «этажей» [Müller 1972c: 87–95; см. там же и другие данные о существовании многоэтажных *байтов* в доисламском Йемене] и интерпретация авторами *Сабейского словаря s<sup>l</sup>yb [𐩧𐩣]* как «выносить [верхние этажи здания за] парпет» [Beeston *et al.* 1982: 129]. Отмечу, что сам Мюллер пришел к выводу, что *байт*, упомянутый в данной надписи, был шестиэтажным (*Ibid.*), и продолжал придерживаться этого мнения и в дальнейшем (Müller 1994).

половозрастным и генеалогическим принципам родового ядра, жен мужских членов родового ядра, пришедших по браку из других *байтов*, личных помощников-*мактавийев* (*mqt* [ʕʕʕʕ], ед.ч. – *mqtwu* [ʕʕʕʕʕ], «*мактавий*») глав *байта*, а также «клиентов» (*'dm* [ʕʕʕʕ]) родового ядра (подробное описание внутренней структуры среднесабейского «дома» см.: Korotayev 1994i; 1996: 18–43).<sup>28</sup>

<sup>28</sup> В целом, *byt* [ʕʕʕʕ] – это ни «деревня», ни «клан», ни «линидж»; это – прежде всего просто «дом» во всех значениях этого слова; и достаточно часто оно значит «большесемейная община» и «дом» этой большесемейной общины (который может представлять собою отдельное здание, но может быть и группой таких зданий, которая вполне могла выглядеть как «деревня», если такой «дом» находился в сельской местности, за стенами *хагара*). Наконец, самая настоящая деревня могла сложиться вокруг «дома» некоего клана X. И в таком случае эта деревня вполне могла иметь название *Bayt Vanū X*, или *Bayt X*. Между прочим, *byt* [ʕʕʕʕ] в большинстве контекстов может быть переведен просто как «дом», т.к. русское *дом* имеет практически все те значения, что и *byt* [ʕʕʕʕ] в сабейском: «здание», «семья», «домохозяйство», «род», «династия» (эта ситуация по-видимому является типичной для большинства языков «аграрных» и «пост-аграрных» народов). Таким образом, предложение К. Леви-Стросса обозначать общности, подобные среднесабейским *байтам*, как «дома» (Lévi-Strauss 1987: 151–152) представляется вполне разумным.

## Глава II

### **Ша б2: подробное описание**

Особо важную роль в политической организации сабейского культурного ареала во II–III веках н.э. играли политические институты *ша бов* второго порядка, поэтому институты этого уровня я охарактеризую подробнее.

#### **II.1. Кайли и их байт**

*Ша б2* не был простой механической суммой *ша бов3*. Это была система, состоявшая из *ша бов3* и «дома» [*but – х?П*], т.е. большесемейной общины (далее БСО) *кайлей*, игравшей роль политического центра *ша ба2*. Подчеркну, что в роли официального носителя *кайльского* титула выступали не отдельные представители *кайльских* родов,<sup>1</sup> а весь род *кайлей* в целом (хотя, точнее говоря, по-видимому, лишь мужская его половина).<sup>2</sup> В реальности, впрочем, действительные функции *кайлей* преимущественно выполняли именно отдельные представители, «главы» соответствующих родов.

Формально внутренняя структура *кайльских* «домов» не отличалась качественно от структуры других, в особенности знатных *некайльских* БСО. Так же как и последние, *кайльские* БСО, кроме обширного и сложного родового ядра и жен его представителей, включали в себя «клиентов» (*'dm* [*ʃʃh*]) и «личных помощников», *мактавийев* (*mqtt* [*χχʃ*], ед.ч. – *mqtwy* [*ʃʃʃ*], «*мактавий*»)<sup>3</sup>. Но имеются достаточные основания утверждать, что большесемейные общины («дома») *кайлей* включали в себя очень большое (существенно большее, чем любые *некайльские* «дома») число клиентов и *мактавийев* (см. таблицы 1, 2 и 3). Другими словами, эти элементы системы среднесабейского «дома» были в большесемейной общине *кайлей* гипертрофированно развиты,<sup>4</sup> что и позволяло этим большесемейным общинам выполнять функции политического ядра *ша ба2*. Именно *кайльские* клиенты и *мактавийи* и

<sup>1</sup> Эти роды выступали в качестве ядер соответствующих «домов» – *кайльских* большесемейных общин.

<sup>2</sup> Подробнее об этом см.: Коротаев 1990б; Korotayev 1993b; 1993c; 1995a: гл. 1.

<sup>3</sup> Подробное описание внутренней структуры среднесабейского «дома» см.: Korotayev 1994i.

<sup>4</sup> Так, только в надписи С 287 упоминаются 22 *мактавийа кайлей* (из рода Хамдан) *ша ба2* Хāшид, руководящие строительством культовых сооружений на горе Санайн. Подробную аргументацию в пользу данного тезиса см.: Korotayev 1995b.

выполняли, судя по всему, функции агентов административного аппарата соответствующих вожеств.

**Таблица 1.** Патроны клиентов

КАЙЛИ	САБЕЙСКАЯ НЕКАЙЛСКАЯ АРИСТОКРАТИЯ <sup>5</sup>	ПРОЧИЕ РОДЫ И ЛИЦА	ЦАРИ И ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ	Итого
49 30 %	13 8 %	57 35 %	43 27 %	162 100 %

*Примечание к таблице 1:* таблица учитывает только прямое упоминание клиентами их патронов в начальных формулах официальной самоидентификации и учитывает все доступные мне сабейские надписи клиентов (как мужского [*dm*], так и женского [*mh*] пола). **КАЙЛСКИЕ РОДЫ:** С 30, 1–2; 77, 1–3; 86, 1–2; 87, 1–3; 88, 1–3; 102, 1–5; 107, 1; 211/ I [= DJE5/ I], 1–2; 303, 1–2; 339, 1; 339 bis, 1–2; 340, 1–2; 343, 1–2; 357, 1–5; 416, 1–2; 449, 1–2; 663, 1; GI 1208, 1–2; 1438, 1–3; A 783, 1–2; Ga 14 [AY II/10b], 1; Ga NES II/10c [C 214 + R 3998 + C 199 + R 4001]; ZI 29; Ja 704, 1–2; 712, 1–4; 730, 1–3; 2139 [= Ry 501], 1–2; 2871, 1–2; NAM 281 [CIAS II 39.11/ o3 № 2]; Na NAG 3, 1–2; Na NNSQ 67 [= GI 1431], 1–2; R 3970, 1; 3971, 1; 3973, 1; 3974, 1; 3976, 1–2; 3977, 1–3; 3991, 1–3; 4033, 1–1a; 4063 [= Ja 519], 1–2; 4648, 1–2; 4651, 1–2; 4656, 1–3; 4659, 1–3; 4706, 1; 4990, 1–2; 5095, 2; Robin/ Rayda 1, 1–2; 4, 1–3. **АРИСТОКРАТИЧЕСКИЕ САБЕЙСКИЕ НЕКАЙЛСКИЕ РОДЫ И ИХ ЧЛЕНЫ:** С 560, 1–3; Fa 88, 1; 119 (= YM 358 [CIAS I 39.11/o3 № 1]), 1–2; GI 1725, 1–2; Ja 696 ≈ 697, 1–2; 707 (= AM 852 = NAM 2358 [CIAS II 39.11/o6 № 8]), 1–4; 711, 1–2; 726, 1–2; 2111 (= AM 849 = NAM 2357 [CIAS II 39.11/o7 № 2]), 1–2; Mü 1, 1; Na NAG 2, 1–3; R 5102 [= Ry 373], 1–3. **ДРУГИЕ РОДЫ И ИХ ЧЛЕНЫ:** С 341, 1; 376, 1–3; 397, 1–3 /?; 410, 1–2; 432, 1; 440, 1–2; 504, 1–2; 536, 1–4; 556, 1–3 /?; 558, 1–3; 561, 1–3; 572, 1; 574, 1–2; 581, 1–3 /?; 722, 1–2; R 3911, 1; 3956, 1; 4030, 1–2; 4062 № 186 /?; 4079 № 79 /?; 4084, 1–2; 4128 /?; 4151, 1–2; 4189, 1–2; 4229, 1–2; 4385 [= Bron 8], 1–2; 4387, 1, 2; 4444; 4524; 4674, 1–2; 4725 + 3972, 1; 4770, 1; 5095, 1; Ir 34; Fa 30, 2–3; GI 1636, 1–3; 1734 A; 1734 B; A 795; Ja 683, 1; 689, 1; 721, 1–2; 722, 1–3; 731 (= AM 853 = NAM 2375 [CIAS II 39.11/o3 № 10]), 1–2; 741 ≈ 756, 1–3; 831, 1; 2135; 2870 [= R 4081 № 107 = GI 1654]; NAM 2494 [CIAS II 39.11/o3 № 6], 1–2; Na NNSQ 55; Robin/ al-Ḥazā'in 33; Ry 394, 1–2; 545, 1; 608; YM 396 [CIAS I 95.41/o3], 1–2. **ЦАРИ, МУКАРРИБЫ, ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ:** С 397, 1–3; 398, 1–3; 439, 1; 496 [= MAFRAY/ Ḥirbat Sa ūd 13], 1–3; 510 ≈ 511 [= Haram 16 ≈ 17], 1–4; 515 [= Haram 19], 1–3; 531, 1; 534, 1–3; 535, 1–3; 544, 1–2; Ir 16 [= M. Bay ān 7], 1–2; Fa 102 [M. Bay ān 9], 1 /?; Ga 9 [AY II/6], 1; Ga SF 1; GI 931; Ja 557; 570, 1; 694, 1–2; 723, 1–2; 784; 812; 2112 (= AM 854 = NAM 1619 [CIAS II 39.11/ o2 № 7]), 1–2; 2115 (= AM 857 = NAM 1627 [CIAS II 39.11/ o3 № 1]); 2223, 1–3; 2927 b, 1–2; R 4142, 1–3; 4188, 1–3; 4228, 1–5; 4405; 4438; 4636, 1–4; 4810; Ry 542 (= AM 844 = NAM 1631 [CIAS II 39.11/o6 № 7]), 1–3; 584, 1; Schm./ Mārib 20, 1; 20, 2; 21, 1–2; 26; /Samsara 9; Y.85.AQ/17 = Ir 43 /? – cf. Beeston 1991, 56–57]; YM 349 [CIAS I 39.11/o3 № 4], 1–3; 350 [CIAS I 39.11/ o6 № 5], 1–3.

<sup>5</sup> Я использую этот термин для обозначения наиболее аристократических собственно сабейских родов, более или менее идентичных *al-mathāminah* [ ] арабской традиции (см., например: Пиотровский 1985: 89, 145; Bafaqih 1986; Robin 1989c): *ZFR<sup>m</sup>* [𐩌𐩣𐩥𐩢], *KBR-HLL* [𐩌𐩣𐩥𐩢], *TKL<sup>n</sup>* [𐩌𐩣𐩥𐩢], *GDN<sup>m</sup>* [𐩌𐩣𐩥𐩢], *ḏ-S<sup>l</sup>* R [𐩌𐩣𐩥𐩢], *MQR<sup>m</sup>* [𐩌𐩣𐩥𐩢]. Я также рассматриваю в качестве «аристократических» все роды древнесабейского совета старейшин (*ms<sup>3</sup>wd* [𐩌𐩣𐩥𐩢]): С 601; R 3951; Лундин 1971).

Если же мы будем учитывать только среднесабейские надписи (I–IV вв.),<sup>6</sup> то удельный вес *кайл*ских клиентов окажется еще более высоким.

**Таблица 2.** Патроны<sup>7</sup> среднесабейских клиентов

КАЙЛ-СКИЕ РОДЫ	АРИСТОКРАТИЧЕСКИЕ САБЕЙСКИЕ НЕКАЙЛСКИЕ РОДЫ	ОБЫЧНЫЕ РОДЫ	ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ <sup>8</sup>	Итого
47 44 %	11 10 %	27 25 %	23 21 %	108 100 %

*Примечание к таблице 2:* в таблице учитываются только надписи из среднесабейского культурно-политического ареала. **КАЙЛСКИЕ РОДЫ:** С 30, 1–2; 77, 1–3; 86, 1–2; 87, 1–3; 88, 1–3; 102, 1–5; 107, 1; 211/ I (= DJE5/ I), 1–2; 303, 1–2; 339, 1; 339 bis, 1–2; 340, 1–2; 343, 1–2; 357, 1–5; 416, 1–2; 449, 1–2; 663, 1; GI 1208, 1–2; 1438, 1–3; A 783, 1–2; Ga 14 [AY II/10b], 1; Ga NES II/10c [C 214 + R 3998 + C 199 + R 4001]; ZI 29; Ja 704, 1–2; 712, 1–4; 730, 1–3; 2871, 1–2; NAM 281 [CIAS II 39.11/ о3 № 2]; Na NAG 3, 1–2; Na NNSQ 67 [= GI 1431], 1–2; R 3970, 1; 3971, 1; 3973, 1; 3974, 1; 3976, 1–2; 3977, 1–3; 3991, 1–3; 4033, 1–1a; 4063 [= Ja 519], 1–2; 4648, 1–2; 4651, 1–2; 4656, 1–3; 4659, 1–3; 4706, 1; 4990, 1–2; Robin/ Rayda 1, 1–2; 4, 1–3. **АРИСТОКРАТИЧЕСКИЕ САБЕЙСКИЕ НЕКАЙЛСКИЕ РОДЫ:** С 560, 1–3; 119 [= YM 358 (CIAS I 39.11/о3 № 1)], 1–2; GI 1725, 1–2; Ja 696 ≈ 697, 1–2; 707 [= AM 852 = NAM 2358 (CIAS II 39.11/о6 № 8)], 1–4; 711, 1–2; 726, 1–2; 2111 [= AM 849 = NAM 2357 (CIAS II 39.11/о7 № 2)], 1–2; Mü 1, 1; Na NAG 2, 1–3. **ДРУГИЕ РОДЫ:** С 341, 1; 397, 1–3 ?/; 410, 1–2; 432, 1; 504, 1–2; 536, 1–4; 572, 1; 581, 1–3 ?/; Ir 34; Ja 683, 1; 689, 1; 721, 1–2; 722, 1–3; 731 [= AM 853 = NAM 2375 (CIAS II 39.11/о3 № 10)], 1–2; 741≈756, 1–3; NAM 2494 [CIAS II 39.11/о3 № 6], 1–2; Na NNSQ 55; R 3956, 1; 4030, 1–2; 4151, 1–2; 4229, 1–2; 4674, 1–2; 4725 + 3972, 1; 4770, 1; Ry 394, 1–2; YM 396 [CIAS I 95.41/о3], 1–2. **ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ:** С 397, 1–3; 399, 1–3; 531, 1; 534, 1–3; 535, 1–3; 544, 1–2; Ir 16 [= M. Bay ān 7], 1–2; Fa 102 [M. Bay ān 9], 1 ?/; Ga 9 [AY II/6], 1; Ja 570, 1; 694, 1–2; 723, 1–2; 784; 812; 2112 (= AM 854 = NAM 1619 [CIAS II 39.11/ о2 № 7]), 1–2; 2115 (= AM 857 =

<sup>6</sup> Т.е. исключаем из рассмотрения древне- и среднесабейские надписи, а также радманохимйаритские тексты Среднего периода, надписи с неизвестным местом происхождения и полностью недатируемые тексты.

<sup>7</sup> Во вводных формулах официальной самоидентификации подавляющее большинство среднесабейских клиентов в качестве своих патронов указывают целые родовые группы или царскую власть (а не отдельных царей – более подробно см.: Коротаев 1990а: 69–71; 1991б: 11–12; 1997: гл. II; Korotayev 1995: гл. I). Мне известен только один случай когда в таком качестве в данных формулах выступает отдельное лицо (С 581, 1–3), и только один случай, когда в этом качестве здесь указывается конкретный царь (Ir 16 = M. Bay ān 7, 1–2). Именно по этой причине в таблице 2 рассматриваются в качестве патронов преимущественно родовые группы и царская власть. Как мы увидим ниже (часть 2 данной монографии), среднесабейская социальная система в данном отношении, видимо, радикально отличалась от древнесабейской, где большинство клиентов указывало в качестве своих патронов именно конкретных монархов и отдельных лиц.

<sup>8</sup> Таблица учитывает в данной колонке надписи, авторы которых идентифицируют себя как *'dm mlk'* [𐩃𐩠𐩢𐩣𐩠𐩢] (с вариантами). Как было показано Ж. Рикмансом, «термин *'dm mlkn* обозначал отношение не к конкретной личности определенного суверена, а к царской власти в целом» (Ruskmans J. 1951: 198). Практически во всех случаях (всего лишь за одним исключением [Ir 16 = M. Bay ān 7, 1–2) среднесабейские царские клиенты идентифицируют себя именно таким образом.

NAM 1627 [CIAS II 39.11/ о3 № 1]); 2223, 1–3; R 4142, 1–3; 4188, 1–3; 4636, 1–4; Ry 542 (= AM 844 = NAM 1631 [CIAS II 39.11/о6 № 7]), 1–3; YM 349 [CIAS I 39.11/о3 № 4], 1–3; 350 (CIAS I 39.11/ о6 № 5), 1–3.

**Таблица 3.** Патроны стреднесабейских мактавийев (краткий вариант)<sup>9</sup>

КАЙЛИ И КАЙЛСКИЕ РОДЫ	САБЕЙСКИЕ «АРИСТОКРАТЫ» И «АРИСТОКРАТИЧЕСКИЕ» РОДЫ	ИНЫЕ ЛИЦА И РОДОВЫЕ ГРУППЫ	Итого
18 58%	8 26%	5 16%	31 100%

*Примечание к таблице 3:* в данной таблице я учитываю только тех авторов, которые прямо указывают свой статус *мактавийа* во вводных формулах официальной самоидентификации. *КАЙЛИ:* С 140 (= Ga 31 [NES I/1] = DJE 24), 1–2; 226, 1–2; 287, 3–11; 12–15; 352, 1–3; Ir 27 § 1; 33 § 1; Ja 632, 1–2; 691 (= AM 851 = NAM 212 [CIAS II 39.11/о7 № 5]), 1–3; 708 (= NAM 1626 [CIAS II 39.11/о2 № 6]), 1–4; 713, 1–5; 739, 1–4; 758, 1–3; 2113 (= AM 855 = NAM 1448 [CIAS II 39.11/о3 № 5]), 1–3; Na NNSQ 14, 1–3; R 4577, 1–2; Ry 592 A, 1–2; YM 438 [CIAS I 39.11/о6 № 3], 3. «АРИСТОКРАТЫ»: Fa 120, 1–3; Gl A 788, 1; Ja 700 + 814, 1–2; 739, 1–4; 758, 1–3; 2116 (= AM 858 = NAM 431 [CIAS II 39.11/ о4 № 1]), 1–2; Na NAG 1, 1–3; R 4420. «ДРУГИЕ»: С 447, 1–2; 528 [= Haram 30], 1–2; Ja 690, 1–3; 757 bis (= NAM 1852 [CIAS II 39.11/ о9 № 1]), 1–3; 2860 a.

Политическая деятельность, которую *кайлские мактавийи* чаще всего упоминают в своих надписях, – это участие (вместе со своими господами, *кайлями*) в различных военных походах (С 140 = Ga 31; Ja 632; 691; 708 = NAM 1626 [CIAS II 39.11/о2 № 6]; 713; 2113 = AM 855 = NAM 1448 [CIAS II 39.11/о3 № 5] и т.д.). Несомненно, эта функция *кайлских мактавийев* была очень важна, но это не была их единственная функция.

Как уже упоминалось выше, С 287 рассказывает о строительстве неких культовых сооружений на горе Джабал Санайн (на территории Хāшид) под руководством двух хамданидских *кайлей* Хāшид и двух десятков их *мактавийев* (см. также С 226?). Примечательной деталью соответствующего списка хамданидских *мактавийев* в С 287 является то, что все они принадлежат к разным родам, включая и такие важные хашидитские кланы, как Банū *DD*<sup>n</sup> (доминировавший в *ша без 'KNT*),<sup>10</sup> или Банū *GD, B*<sup>m</sup> (доминировавший в *ша без MDR*<sup>m</sup>).<sup>11</sup> Вполне вероятно, что здесь мы имеем дело с сознательной политикой хамданидских *кайлей ша ба2* Хāшид: брать себе *мактавийев* из всех основных кланов своего *ша ба2*, обеспечивая себе таким образом их поддержку.

<sup>9</sup> Краткий вариант не учитывает надписей, авторами которых выступают царские *мактавийи*. Они учтены в полном варианте таблицы (см. выше, гл. III, табл. 4).

<sup>10</sup> Стк. 9.

<sup>11</sup> Стк. 3–4.

Складывается впечатление, что именно *мактавийи* выполняли функции агентов административного аппарата вождеств (*ша бов2*),<sup>12</sup> хотя, вместе с тем, кажется неправильным переводить *mqtwy* просто как «высокопоставленный чиновник» (*high official*), как это делает, скажем, А. Жамм (Jamme 1962: 441; см. также: Biella 1982: 470 и т.д.). Главным основанием здесь является то, что *мактавийи* могли служить кланам и лицам, не выполнявшим каких-либо политических управленческих функций, не имевшим какой-либо политической власти. Невозможность перевода *mqtwy* как «высокопоставленный чиновник» особенно очевидна в NAM 2376 (CIAS II 39.11/о6 № 10), где некий *TB KRB* (не указывающий, кстати, никакого своего эпитета, что служит указанием на его не очень высокий статус) из некайского (и вообще, видимо, совсем не аристократического) рода *'LM* делает посвящение *l-wfy grb-hw w-grb mqtwyt-hw S<sup>2</sup>D.B...*, «для благополучия себя самого и его *mqtwyt S<sup>2</sup>D.B...*» (см.: Beeston 1986b: 97). Я склонен согласиться с А. Ф. Л. Бистоном в том, что «этот текст не дает нам никакой возможности определить какие именно функции выполняла эта *мактавийа*; по-видимому, лучше всего передать значение данного термина в контексте этой надписи может слово "экономка"» (Beeston 1986b: 98).

В целом, *mqtwy*, видимо, может быть переведен как «личный помощник» практически во всех контекстах (см.: Beeston 1984b: 26; Beeston *et al.* 1982: 109). Конечно, «личные помощники» *кайлей* выполняли некоторые административные функции, и в этом отношении они могут рассматриваться как «проточиновники». Однако уже тот факт, что «проточиновники» и личные слуги некайских (и даже неаристократических) семей обозначались одним и тем же словом, представляется очень значимым. Это, по-видимому, свидетельствует об отсутствии формального административного аппарата на уровне *ша ба2*, о том, что процесс трансформации домохозяйства *кайлей* в формальный административный аппарат соответствующей области был далек от логического завершения. Это может рассматриваться как еще один аргумент в пользу идентификации политического образования, формировавшегося на основе *ша ба2*, в качестве вождества, а не административной единицы («*der Gau*»)<sup>13</sup> регулярного государства.

Существенно отметить и то, что в дополнение к *'dm*, входившим в большесемейную общину *кайлей*, в достаточно жесткой клиентальной зависимости от *кайского* «дома» находилось заметное число автономных большесемейных общин, *байтов*, соответствующих *ша бов*. В принципе, по-видимому, все население *ша ба2* рассматривалось как *'dm*, «зависимые», соответствующих *кайских* родов. Но в достаточно жесткой клиентальной зависимости от *кайлей* находилась лишь часть (хотя,

<sup>12</sup> См., например, С 278.

<sup>13</sup> См., например: v. Wissmann 1964a.



видимо, и очень значительная) рядовых «домов» *ша бов*.<sup>14</sup> Вместе с тем, наличие на всей территории вождества, во всех его общинах значительного числа «домов», члены которых находились в жесткой личной зависимости от *кайлей*, должно было существенно укреплять их власть, служить эффективным проводником их влияния.

## II.2. Материальные источники политической власти *кайлей*

Нет достаточных оснований предполагать существование какой-либо регулярной продуктовой (или денежной) подати, которой бы все население *ша б2* было бы обязано по отношению к *кайлям* (подробнее о проблеме отсутствия регулярного налогообложения в Среднесабаейском царстве см. сл. гл.).

Вместе с тем, очевидно, что «дома» *кайлей* располагали значительными материальными ресурсами, вполне достаточными для выполнения их политических функций. Среди их источников можно назвать следующие (перечисление идет не обязательно в порядке их относительной важности):

### II.2.a. Дрходы от собственного хозяйства *кайльских* домов

Самым очевидным и крайне важным источником материальных ресурсов для *кайлей* были собственные хозяйства *кайльских* «домов».

Имеются все основания утверждать, что хозяйства эти имели внушительнейшие размеры.

*Кайли* достаточно часто упоминают принадлежащие их «домам» земли (*' r / ' r t* [В)h/ХВ)h]),<sup>15</sup> поля (*m s<sup>2</sup> y m t* [X4f>4]),<sup>16</sup> террасы (*b r / t* [X)Пe]),<sup>17</sup> возделанные плодородные земли на днищах вад (*' s<sup>l</sup> r r* [X)h]),<sup>18</sup> виноградники (*' n b* [Пh]),<sup>19</sup> ирригированные земли (*m f n t* [X404]),<sup>20</sup> другие виды сельскохозяйственных угодий,<sup>21</sup> плотины, каналы, иные ирригационные сооружения<sup>22</sup> и т.д.

<sup>14</sup> Подробная аргументация в пользу этого тезиса приводится в Korotayev 1995b.

<sup>15</sup> С 282, 13; Ir 4/2; 5/6; 19, 31; 22/1, 2; GI 1320 I ≈ II, 8, 10; Ja 561 bis, 21; 562, 13; 564, 20–21; 615, 20–21; 631, 40; 650, 13, 16; 651, 48–49; 670, 27; NaNAG 8, 18; Ry 538, 39 и т.д.

<sup>16</sup> С 282, 14; Ir 22/2; 26/2; 27/2; 37, 31; Ja 562, 13–14; 615, 10, 21; 650, 14; Na NAG 11 (= Ir 25), 16–17 и т.д.

<sup>17</sup> С 24, 4; Ir 26/2; 27/2; Na NAG 8, 19; 11 (= Ir 25), 16 и т.д.

<sup>18</sup> С 74, 6; Ir 4/2; 5/6; 6/2; 22/1; 26/2; Ja 561 bis, 21; 562, 13; 564, 21; 615, 10, 20; 631, 40; 650, 13–14; 670, 27–28, 30; Na NAG 11 (= Ir 25), 15; R 4190, 10–11 и т.д.

<sup>19</sup> Ir 26/2; Na NAG 8, 18–19; Na NAG 11 (= Ir 25), 17 /?/ и т.д.

<sup>20</sup> Ir 22/1; 26/2; 37, 30–31; Ja 564, 21; Na NAG 11 (= Ir 25), 15 и т.д.

<sup>21</sup> Ir 22/1; 26/2; Ja 631, 40–41; Na NAG 11 (= Ir 25), 16; R 3967, 2 и т.д.

<sup>22</sup> Ir 7; Ja 564; 618; 627 = Na NAG 6; 628; MAFRAY/Sidd Amir; R 3967 и т.д.

### II.2.б. Доходы от сдаваемых в аренду земельных владений кайлей

Кайли сдавали часть своих гигантских земельных владений членам своих ша бов<sup>2</sup>. Фактическим подтверждением того, что подобная практика реально существовала, может служить надпись С 605 bis. Эта надпись фиксирует сдачу в аренду (*hmrw w-n l* – стк. 4) землевладельцами, Бану Бата и Хамдāн (кайлями ша бов<sup>2</sup> Хумлāн и Хāшид), некоторых точно идентифицированных полей хашидитскому клану Бану *Z' D<sup>m</sup>*, клиентам Бану Хамдāн.

Еще один случай может быть найден в надписи Robin/ Kāni 9, авторы которой, Бану *S M<sup>m</sup> w - Y F Y<sup>n</sup>*, которые прямо упоминают Бану Хамдāн в качестве своих патронов (*'mr'-hmrw*, стк. 4), просят Та'лаба о добром урожае (*'tmr<sup>m</sup> hn<sup>m</sup>*, стк. 5) с «их полей и полей их патронов (, расположенных в) *Y F* и *M...*», *ms<sup>2</sup>ymt-hmrw w-ms<sup>2</sup>m 'mr'-hmrw d-Y F w-M[...*, стк. 6. Однако К. Робэн переводит этот отрывок следующим образом «их земельные владения и земельное владение их сеньоров *d-Y f et M[...* (*leur propriétés et la propriété de leurs seigneurs les d-Y f et M[...]*)» (Robin 1982a, II: 60), понимая *d-Y F w-M[...* как родовое имя патронов (*'mr'*) составителей надписи; таким образом, согласно этой интерпретации, авторы арендуют поле не у кайлского клана, Бану Хамдāн, а у другого клана, Бану *d-Y F w-M[...* Тем не менее, я бы предпочел идентифицировать патронов составителей надписи (сдающих свою землю в аренду) именно как кайлский род Бану Хамдāн.

В самом деле, достаточно очевидно, что в выражениях типа *'r -hmrw d-X*, «их земля *d-X*», *d-X* не обязательно должно идентифицироваться с *-hmrw*. Например, автор С 342, *NS<sup>2</sup>'KRB 'WTR<sub>2</sub>bn B T*, «*NS<sup>2</sup>'KRB 'WTR*, сын (рода) *B T*,» упоминает *ms<sup>2</sup>mt-hmrw d- R<sup>m</sup> d-'r QR<sup>9</sup> M T<sup>n</sup> ---*, «их поля *d- R<sup>m</sup>* в земле (общины) *QR M T<sup>n</sup>*». В этом контексте *d- R<sup>m</sup>* конечно же неэквивалентно *-hmrw*; это не род автора (*B T*), это обозначение места, где располагались упомянутые поля в земле общины *QR M T<sup>n</sup>*.

Между прочим, С 605bis также дает имя<sup>23</sup> (или указание на месторасположение, или и то и другое?) сельскохозяйственных угодий, которые Хамданиды сдают в аренду своим клиентам: *bry-hmrw d- BR<sup>n</sup> w-br TTR*, «их два террасированных поля, *dhū- BR<sup>n</sup>* и террасированное поле Астара» (стк. 3), где *HBR<sup>n</sup>* (не говоря уже об *TTR*) отличается от родовых имен как землевладельцев (Бану Хамдāн), так и арендаторов (Бану *Z' D<sup>m</sup>*); см. также стк. 6.

<sup>23</sup> Судя по всему, существование названий у полей, виноградников и т.п. было вполне обычным в древнем Йемене (см., например, С 37). Подобная ситуация характерна и для современного Северо-Восточного Йемена: «Все поля здесь имеют имена вне зависимости от того, разделены они или нет на участки, принадлежащие разным людям» (Dresch 1989: 313).

Таким образом, я бы предположил, что *'mr'-hmtw* шестой строки рассматриваемой надписи – это просто Бану Хамдāн, и соответственно хашидитский клан Бану *M<sup>m</sup> w-YF Y<sup>n</sup>*, судя по всему, возделывал землю своих *кайлей*.

Принимая во внимание гигантские размеры *кайльских* земельных владений (см. выше), сдача этих земель в аренду могла быть значимым источником материальных ресурсов для *кайльских байтов*.

### II.2.в. Кайльские клиенты

Существенным источником материальных ресурсов для *кайльских* домов могла, видимо, служить и личная рента, выплачиваемая *кайлям* родами и индивидами, находившимися в жесткой клиентальной зависимости от *кайлей*. Данная рента не носила характера налога, ибо подобную ренту должны были, видимо, платить любые «жесткие» клиенты своим господам, которыми могли быть и обычные *некайльские* «дома».<sup>24</sup> Как было сказано выше, не все члены *ша ба2* были клиентами *кайлей*, но нет сомнения в том, что число подобных клиентов было очень велико. Таким образом, это мог быть еще один важный источник материальных ресурсов для *кайльских* домов.

### II.4.г. «Взаимопомощь» на уровне *ша ба2*

В случае необходимости (например, строительства или ремонта *кайльского* дома-замка) *кайли* могли рассчитывать на существенную «помощь» своих «подданных».<sup>25</sup> Но и «подданные» в аналогичных случаях могли точно так же рассчитывать на «помощь» *кайлей*.<sup>26</sup> Так что данная система отношений вполне вписывается в модель реципрокного «дарообмена» и

<sup>24</sup> Надо отметить, что существование этой личной ренты реконструируется достаточно гипотетически, по косвенным данным. Так, согласно С 435 (из района Мāриба) Бану *'ZZ* покупают некий «дом» (большесемейную общину) *d-Y N M* клиентов (*'dm*) с их сельскохозяйственными землями (*byl<sup>n</sup> w-gbl<sup>n</sup> [ḫḫḏḏḏḏḏḏḏ]*) – строки 2–3) у Бану *KS<sup>2</sup> T*. Таким образом, как минимум на Нижних землях целые большесемейные общины клиентов могли продаваться и покупаться, что подразумевает то, что клиенты платили определенную личную ренту своим патронам. Аналогичное предположение заставляют сделать и достаточно многочисленные факты дарения среднесабейскими царями «домов» царских клиентов аристократическим кланам (поддержкой которых цари старались заручиться – С 69; Fa 3; 76; Ja 592, 3–6; R 4134 и т.д.). Между прочим, получатели подобных даров явно были этому рады – по крайней мере авторы Ja 592 в явной форме благодарят сабейское «федеральное» божество Алмахаха за такой дар, полученный ими от царей (стк. 3–6).

<sup>25</sup> Наиболее характерные примеры дает здесь Юг (радмано-химйаритский культурно-политический ареал) – Av. Aqmār 1; С 41; Ir 40; Ja 2867; MAFRAY /ḏi- adīd 1 и 2 и т.д. На Севере (в собственно сабейском ареале) таких примеров поменьше (С 172+241, 4; Ja 496 = Na NNSQ 70 = R 4713, 3; Ga 6, 3 /?; Ghul / ūt 2, 5–6 и т.д.), но, видимо, прежде всего потому, что оттуда до нас дошло очень мало полноценных *кайльских* строительных надписей.

<sup>26</sup> См., например, С 339; 339 bis; R 4031; 4649; 4706; Ja 2871 и десятки других подобных случаев.

какой-то «выигрыш» *кайли* могли получить лишь за счет вполне вероятной асимметрии подобного дарообмена.<sup>27</sup>

#### II.4.д. Военная добыча

Какую-то роль здесь могла играть и военная добыча, которая, судя по всему, доставалась *кайлям* в довольно больших количествах. В самом деле, среднесабейские цари вели почти непрерывные войны (см., например: Jamme 1962: 268–343; von Wissmann 1964b; Bāfaqīh 1973: 87–144; 1990: 339–402), и большинство *кайлей* принимало в этих войнах самое активное участие: *кайльские* надписи очень часто упоминают их участие в этих войнах,<sup>28</sup> в то же время в царских надписях обычны упоминания *кайлей*, воюющих вместе с царями (например, Ja 574, 5, 8; 575, 3; 576, 4, 5, 10, 11, 12, 15; 577, 4, 8, 9, 15). Наконец, *кайли* часто прямо упоминают добычу, полученную в результате их активного участия в упомянутых выше войнах.<sup>29</sup> Конечно, этот источник материальных ресурсов не может рассматриваться в качестве действительно стабильного и постоянного, но он, тем не менее, вполне мог играть особо заметную роль в обеспечении престижного потребления *кайлей*, так как он мог давать предметы высокой символической ценности.

#### II.4.е. Кайли и храмы

Надпись GI 1142 дает возможность предположить существование в некоторых случаях (но, похоже, не как правило) контроля со стороны

<sup>27</sup> Однако в любом случае существование подобной системы заставляет предполагать, что *кайльские* «дома» выступали (наряду с храмами, об этом см. ниже, а также: Kogotaev 1994b; 1996: гл. II) в качестве «страхового фонда» *ша ба*. Действительно, судя по источникам такие вещи, как эпидемии ( *ws*<sup>1</sup> [ʰw]: C 81, 3–4; 539, 6; 541, 72–73; 557, 5; Ja 645, 13; *hb* [ʰb]: C 576, 6; Ja 751, 8; *b't* [ʰt]: MAFRAY-al-ijla 1, 2 и т.д.; см. в особенности: Robin 1992a), нашествия саранчи и иных вредоносных насекомых (*qlmt* [ʰqʰt], *qlm* [ʰqʰ], *'rby* [ʰrʰb]): C 74, 20; R 4320c, 2; Sh 8/4 и т.д.), продолжительные засухи (*m l* [ʰmʰl]: C 539, 6 и т.д.), губящий посевы град (*brd* [ʰrd]): C 74, 20; Ja 610, 8 и т.д.) и т.д., не говоря уже о бесконечных войнах и набегах, происходили в Среднесабейском царстве (и вообще в древнем Йемене) очень часто. В любом случае здесь было очень много причин, способных подорвать экономическую стабильность любой средней большесемейной общины. В этих условиях существование большого и стабильного «дома» *кайлей*, способного всегда оказать помощь (при строительстве или восстановлении, скажем, дома) было крайне полезным для *некайльских* большесемейных общин. Оказывая помощь *кайлям* (и укрепляя таким образом их «дом») члены *ша ба*2 делали своего рода неформальные страховые взносы, но они явно могли рассчитывать и на получение «компенсации» из данного страхового фонда в случае необходимости (кстати, то, что вожди могут выступать в качестве «племенных банкиров», отмечалось еще Б. Малиновским [Malinowski 1937: 232]).

<sup>28</sup> C 314; 315; Ir 6/1; 13; 19; GI 1177 = Ry 502; 1365, 8–13; Ja 561 bis, 5–14; 564, 7–13; 578; 601 [≈ 602 = Na NAG 7], 3–9; 616, 7–31; 629; 631; 644; 649; 650, 18–27; 651, 8–27; 658, 5–18; 716, 4–10; Ry 538, 9–24 и т.д.

<sup>29</sup> Ir 13/1, 5, 6, 8; 19, 14–15; Ja 561 bis, 8; 578, 32–33; 616, 29–31; 631, 9–10; 644, 20–21; 649, 13–14, 22–24; 650, 22–25; Ry 538, 17–19 и т.д.

*кайлей* над локальными храмами. В этих случаях можно было бы предполагать и получение *кайлями* заметной части храмовой десятины, совершенно достоверно засвидетельствованной в источниках.

#### II.4.ж. Военная служба на уровне *ша ба*2

И, наконец, существовал еще один (и едва ли не важнейший) источник материального (и не только материального) обеспечения выполнявшихся *кайлями* политических функций. Это единственная достоверно засвидетельствованная повинность, выполнявшаяся, по-видимому, всеми полноправными «домами»: в случае необходимости каждый «дом» *ша ба*, судя по всему, должен был предоставить из своих членов в распоряжение *кайлей* определенное число (какое именно, неясно) воинов для службы (*s<sup>2</sup>w*) в ополчении *ша ба*. Такая служба в среднесабейских надписях упоминается очень часто.<sup>30</sup>

\* \* \*

Вышеописанными путями, по-видимому, и решалась задача обеспечения политического ядра *ша ба* необходимыми материальными ресурсами,<sup>31</sup> что позволяет считать упорное молчание источников о существовании регулярного налогообложения населения вождеств неслучайным. Никакой особой необходимости в нем и не было.

<sup>30</sup> С 2, 10–12; 79, 7–10; 140 = DJE 24; Gr 15, 6–14; Ja 564, 8–9; см. также С 349, 4–7; 350, 10–12; Ja 561 bis, 6–10; 578, 31; 616, 22; 631, 3–8, 23–24, 25–28, 29, 31–34; 644, 4–25; 649, 13–14, 22–23 и т.д. Хорошо известно, что архаические политические образования, ведущие активные войны, расходуют большую часть собираемых ими податей на содержание войска. В среднесабейском *ша ба*2 эта проблема, похоже, решалась иным путем, через прямую службу членов *ша ба* в его ополчении.

<sup>31</sup> Некоторые дополнительные детали по проблеме обеспечения политической власти *кайлей* материальными ресурсами приводятся в: Коготайев 1993а.

## Глава III

### **Царская власть. Верхние уровни среднесабейской политической системы**

Политическую организацию сабейского культурного ареала II–III вв. н.э. было бы неправильно охарактеризовать просто как совокупность *ша бов*. Прежде всего нужно сказать о группе институтов, стоявшей вне «родоплеменной» организации и над ней, и существенно повышавшей (по крайней мере в некоторых отношениях) общую эффективность функционирования среднесабейской политической системы. Речь идет об институтах царской власти.

#### **III.1. Цари Саба'**

Может показаться немного странным, что политический лидер системы, состоящей из более десятка *ша бов* в дополнение к собственно сабейскому *ша бу* ( $s^2 b^n S^1 B'$  [ħ ħ|ħ|ħ|ħ]), мог называть себя (и быть называемым другими) просто *mlk S^1 B'* [ħ ħ|ħ|ħ], «царь сабейцев». Разве не было бы более логичным такому лидеру назвать себя, скажем, *mlk kl 's^2 b^n* [ħ|ħ|ħ|ħ|ħ|ħ|ħ], «царь всех *ша бов*», как это сделал знаменитый царь-иудей Йусуф Ас'ар Йас'ар (зү-Нувас) в VI в. н.э. (Ja 1028, 1; Ry 507, [1])?

Однако в этом феномене нет ничего по-настоящему странного. Со времени возникновения сабейской цивилизации цари сабейцев были сюзеренами не только сабейской общины, но также и других *ша бов* (хотя их число могло существенно различаться в различные периоды сабейской истории). Таким образом, титул *mlk S^1 B'* неизбежно подразумевал *mlk S^1 B' w-'s^2 b^n*, «царь сабейцев и *ша бов*» (т.е. других общин, аффилированных с сабейской). Титул этот автоматически означал «верховный политический лидер сабейского культурно-политического ареала», и в подобных обстоятельствах добавлять сюда еще что-то типа *w-'s^2 b^n* [ħ|ħ|ħ|ħ] было бы избыточным.

Ситуация должна, конечно, была бы существенно измениться, если бы кто-то стал претендовать на господство над иным культурно-политическим ареалом. Например, титул *mlk S^1 B'* в Средний период не подразумевал господства над радмано-химйаритским ареалом; поэтому для того, чтобы провозгласить подобное господство, необходимо было

добавить к вышеупомянутому титулу еще и *w-d-R Y D* " [𐤆𐤓𐤕𐤔] (где *d-R Y D* " обозначал центральный компонент радмано-химйаритской культурно-политической системы [подробнее см., например: Korotayev 1994с]).

С другой стороны, *'mlk S<sup>1</sup>B'* [𐤌𐤔𐤕𐤔], «цари Саба», создали в Южной Аравии самую раннюю (и до IV в. н.э. самую обширную) «империю», поэтому не удивительно, что титул этот приобрел крайне высокий престиж. В результате даже Абраха, южноаравийский правитель VI в. эфиопского происхождения, или поздние химйаритские цари, которые не были сабейцами ни в каком смысле, царство которых значительно превосходило размерами раннюю сабейскую «империю» (а сабейская территория в его рамках не представляла собою ни его центральной, ни самой важной части), все равно в своей титулатуре ставили *S<sup>1</sup>B'* [𐤌𐤔𐤕𐤔] сразу после *mlk* [𐤌𐤔], перед обозначением всех остальных основных народов, входивших в их царство.

Это явление, кажется, находит определенные аналогии в некоторых других частях древнего мира. Например, в древней Месопотамии самая ранняя «федерация» (внутренняя организация которой удивительно напоминает таковую раннесабейской «федерации», несмотря на всю гигантскую дистанцию между ними во времени и пространстве) была создана в первой половине III тыс. до н.э. городской общиной Киша. «Империя» эта оказалась еще недолговечнее раннесабейской. Однако спустя столетия после конца гегемонии Киша в Месопотамии, когда этот город уже окончательно утратил политически доминирующее положение, месопотамские цари, могущество которых многократно превосходило былое могущество царей Киша, все равно продолжали называть себя «царями Киша» (Oppenheim 1964: 397; Roux 1964: 118–119; Diakonoff 1969: 186–189; Дьяконов 1983: 168; Saggs 1984: 18–19; Якобсон 1987: 8; 1989: 22).

Другой стороной этого же самого явления было то, что обозначать себя *mlk S<sup>1</sup>B'* [𐤌𐤔𐤕𐤔] в древней Южной Аравии означало провозглашать формально свою лояльность древней сабейской (и южноаравийской) культурно-политической традиции; и именно поэтому решение зу-Нуваса (как раз стремившегося порвать с этой традицией) выбросить *SB'* [𐤔𐤕𐤔] (вместе со всеми другими традиционными компонентами) из своего царского титула выглядит исключительно логичным.

### III.2. Цари, роды, шабы

По-видимому, царь (*mlk* [𐤌𐤔]) мыслился стоящим вне и над «родо-племенной» организацией. Ярче всего это проявлялось в том, что если полноправный (и даже не очень полноправный) обитатель Среднесабейского царства всегда указывал свою принадлежность к

определенному роду (а *кайл* и свою связь с определенным *ша бом*<sup>1</sup>), то после получения царской власти такой индивид подобную принадлежность (и подобную связь) никак и никогда не обозначал,<sup>2</sup> как бы отстраняясь от своей прежней родовой (и племенной) принадлежности.<sup>3</sup> Восшествие на престол, похоже, предполагало утрату родовой принадлежности. Оно, по-видимому, представлялось как переход индивида из его изначальной большесемейной общины, родового «до ма» (*byt bny Y*), в царский «дом», дворец Салхйн (*b y t<sup>n</sup> S<sup>l</sup> L<sup>n</sup>*). Например, восшествие на престол Анмāра Йуха'мина (*'NMR<sup>m</sup> YH' MN*) описывается как *'tyt m<sub>5</sub>r' -hmw 'NMR<sup>m</sup> YH' MN mlk S<sup>l</sup>B' bn W<sub>6</sub>HB' L Y Z mlk S<sup>l</sup>B' dy b y t<sup>n</sup> S<sup>l</sup>L<sup>n</sup> 7<sup>n</sup> bn byt bny d-G Y M<sup>n</sup>*, «вхождение их господина Анмāра Йуха'мина, царя Саба', сына Вахаб'ила Йахуза, во дворец Салхйн из дома Бану зū-Гайман» (Ja 562).<sup>4</sup> Анмār Йуха'мин, похоже, теряет свою изначальную родовую принадлежность, теперь он принадлежит «дому» Салхйн, и не своему родовому «дому» зū-Гайман. Его отец теперь Вахаб'ил Йахуз, его предшественник на сабейском троне (кстати, не состоявший, насколько это известно, ни в каких родственных отношениях с Анмāром и вообще не принадлежавшем к роду зū-Гайман). Естественно, и подданные среднесабейских царей никогда не упоминают родовой принадлежности царей после их вступления на престол.<sup>5</sup>

Таким образом, среднесабейская царская династия не была тождественна ни одной из *кайлских* родовых династий. Когда, скажем, представитель рода Хамдāн (*кайлей ша ба Хāшид*) становится царем, это не означает формального появления «хамданидской царской династии», *кайлская* династия Хāшид не превращается в сабейскую царскую династию. Такой Хамданид в таком случае, как кажется, должен был просто перестать быть Хамданидом и «войти» в сабейскую царскую «династию» через вступление в ее «материальное» (как, впрочем, и символическое) воплощение, царский «дом» Салхйн (*S<sup>l</sup> L<sup>n</sup>*). К близкому выводу уже приходил А. Ф. Л. Бистон, утверждавший, что «названия...

<sup>1</sup> В несколько иной форме, через т. н. «*нисбу*», это нередко делалось и рядовыми членами *ша бов*.

<sup>2</sup> Хотя во всех среднесабейских надписях, естественно, всегда указывается родовая принадлежность индивидов, ставших царями в будущем, но не имевших царского титула на момент составления надписи: С 140 (= DJE 24); 141 = Chelhod 29 [CIAS I 32.61/h9]; 145 /?; 315; Ja 561 bis; 562, 7; 564; 568, 1–3; 606 ≈ 607, 1–3; 753; Na NNSQ 43, 2 /?; Sh 18 §3 и т.д.

<sup>3</sup> Это явление уже было замечено К. Робэнном: «Кайл, став царем несколько ослаблял связь со своим племенем: он уже в связи с этим племенем не упоминается. Это относится и к его родному линджу: это демонстрирует надпись Gl 1371 эпохи правления <хамданидского царя по имени> Š r<sup>m</sup> 'wtr, где в качестве главы рода Хамдāн выступает yw ttr Yd » (Robin 1982 a, I: 83).

<sup>4</sup> Факт изначальной родовой принадлежности Анмāра к Бану зū-Гайман дополнительно подтверждается такими надписями как Ja 564.

<sup>5</sup> По крайней мере в той степени, в какой речь идет о них именно как о царях, а не об их деятельности до получения царского титула.





Так же как и на уровне *ша бов*, здесь мы имеем в своем распоряжении многочисленные данные о вероятном «кандидате» на структурно-функциональную позицию государственного налога, десятины, которая регулярно собиралась в пользу среднесабейского «федерального» божества «Алмахаха, владыки Аввāма» (*LMQH b l 'WM* [ʃ•h|1•n|ʏʃʃ 1h] – Ig 22 §1; Ja 656, 17; Na NAG 11 [= Ig 25], 9 и т.д.). Принимая во внимание то, что это божество так или иначе почиталось почти всеми обитателями среднесабейского царства (а не просто членами 2-3 *ша бов*), данная «кандидатура» выглядит вполне правдоподобно.

В целом, уже неоднократно высказывалось мнение, что храмовая десятина была в древних южноаравийских царствах скрытой формой государственного налогообложения (Лундин 1972б; 1994: 200; Lundin 1979a). Однако все те данные, что мы имеем о реальном использовании собранной десятины, заставляют сомневаться в обоснованности такой идентификации (по крайней мере, применительно к древним Хадрамаутскому, Минейскому и Сабейскому царствам).

Для Хадрамаута мы имеем следующее свидетельство Плиния Старшего:

«В Шабве жрецами десятина берется для бога, которого они называют Сабин..., десятина эта используется на общественные нужды, ибо в определенное число дней бог этот щедро угощает гостей на пире» (Плиний Старший, *Естественная история*, Кн. XII, 32: 63).<sup>10</sup>

Сходная практика эпиграфически засвидетельствована и в пределах сабейского ареала.<sup>11</sup> Одна из клаузул знаменитого декрета Та'лаба Рийāма, божественного покровителя сум айтской конфедерации,<sup>12</sup> содержит следующие указания: *l-y f l T ' L B b- s<sup>2</sup>r 'lm w-bn H M D<sup>n</sup> - 'lm<sup>n</sup> b-hrf w-d-YHYBB-w-d-MDN<sup>n</sup> tny-b-hrf w-kwn-mrt 'lm<sup>n</sup> hms<sup>1</sup>t b-' d-hrf um T R T*, «Да будет Та'лаб за счет десятины устроить пиры – <за счет десятины> с Хамдāн раз в году, а с зū-Йухайбиб и зū-Мазнахāн по два в год, так что в целом пять пиров в год будет устраиваться в день Тура а» (R 4176, 8; перевод М. Гуля [Ghul 1984: 34]; см. также: Ruskmans J. 1973a: 330–334; 1973с: 37). У М. Гуля несомненно имеются достаточные основания утверждать в своем комментарии к этой строке, что «здесь надо вспомнить, что пишет Плиний о Шабве» ([р. 37]; см. также: Ruskmans J. 1973a: 330–334; 1973с: 37; 1975: 217–218), так как параллель между использованием храмовой десятины для организации публичных пиров в определенные дни года главным храмом сум айтского божества

<sup>10</sup> Наиболее вероятные гости древнехадрамаутского «федерального» божества Сайина – это, конечно, паломники (паломничество такое засвидетельствовано, например, в Ig 37, 11–12).

<sup>11</sup> Для второй половины Древнего периода.

<sup>12</sup> Которая к этому времени уже вошла в сабейский ареал (см., например, стк. 1–2 этого декрета).

и подобной же практикой столичного храма хадрамаутского «федерального» божества действительно впечатляющая. В любом случае подобное использование собранной десятины представляет собою скорее общинную, чем государственную практику. Десятину, собираемую для подобных целей, вряд ли можно с достаточными основаниями назвать государственным налогом, хотя роль этой десятины в общественной жизни древних южноаравийских общин и не вызывает сомнения.

Для Минеяского царства А. Г. Лундин дает следующую аргументацию в пользу идентификации  $s^2r$ , «десятины» (и  $fr$ , «первинок») в качестве государственных налогов:

«Необходимо отметить связь между посвящением и уплатой налогов в многочисленных надписях из различных государств древней Южной Аравии. Маинские надписи со стен Карнаву (Маина) и Йасиля свидетельствуют о правиле, согласно которому посвящавшиеся башни и части стен возводились 'в счет уплаты налогов и десятины' ( $bfr\ ffr\ s^1/w\ s^2r/ s^2rs^1$ , М 27,3, cf.  $b\ s^2r/ s^2rs/wfr\ ffr\ s$ , М 59,2). Как и в катабанских надписях налоги предназначаются божествам:  $bfr\ ffr\ ...k\ trr$ : М 56,2, и  $bfr\ hy/fr\ /k'l'tn$ : М 29,2. Иногда эта формула содержит дополнение, которая безоговорочно доказывает обязательный характер налогов:  $wbd/m'd/bn/yds^1$ , 'и за счет того, что он добавил своей рукой' (М 29,2; cf. М 185,2; 197,4, etc.), то есть за счет того, что автор израсходовал сверх налоговой суммы. Маинские надписи показывают, что возведение общественных сооружений производилось за счет налогов с урожая ( $fr$ ) и десятины ( $s^2r$ ), предназначенных божествам. Налоги являются обязательными и фиксированными для обеих их составных частей» (Lundin 1979a: 116–117).

Конечно же, маинские надписи, упоминаемые А. Г. Лундиным, убедительно показывают широкое использование собираемой храмовой десятины для общественных нужд. Однако я склонен рассматривать и эти надписи как свидетельство того, что Маин представлял собою скорее гражданско-храмовую общину, чем регулярное государство. Конечно же, надписи эти определенно показывают, что храмовая десятина в Маине использовалась на общественные нужды, но весь процесс этого использования осуществлялся скорее по общинной, чем государственной модели. Десятина вовсе не отчуждалась государством у «налогоплательщиков» с целью дальнейшего строительства государством городских стен при помощи собранных таким образом ресурсов. Напротив, члены гражданско-храмовой общины сами строили участки городских стен, исполняя таким образом свои обязанности перед божеством, персонифицирующим общину.

Применительно к Среднесабейскому царству главный аргумент, заставляющий отвергнуть предположение о том, что десятина в пользу храма Аввам была скрытой формой государственного налогообложения, сводится к следующему: эту десятину можно было выплатить и

посредством посвящения в храм Аввām статуэтки или иного ритуального объекта (Ir 26 §1; Ja 615, 9; 617, 4; 650, 4–5; Na NAG 11 [= Ir 25], 9 и т.д.), в чем явно был заинтересован только храм, но никак не царская власть (подробнее об этом см.: Korotayev 1994b; 1994i)

Здесь стоит вспомнить и о том, что собранная храмами десятина, по-видимому, могла нередко возвращаться к ее «плательщикам» в виде помощи, оказывавшейся храмами своим «прихожанам» в случае, скажем, необходимости реконструировать дом и т.п. Таким образом, некоторые храмы могли выступать в качестве своеобразных «страховых фондов», а вносившаяся туда десятина, возможно, в значительной степени представляла собой «страховые взносы» (см. подробный анализ этого вопроса в: Korotayev 1994b; 1996: гл. II).

Таким образом, более убедительной мне представляется интерпретации приведенных выше данных А. Ф. Л. Бистоном, а не А. Г. Лундиным: «Наряду с божественной функцией выражения корпоративной идентичности социальных групп, божества функционировали и более прямым образом в качестве суррогатов общинной воли и общинной деятельности... В некотором отношении общинное божество и есть сама община во всех практических смыслах» (Beeston 1984a: 264–265).

Частичная трансформация десятины из обязательства перед храмом в скрытую форму государственного налогообложения, может быть как-то доказана, по-видимому, только лишь для Катабанского царства. Как показывает титул катабанских царей,  $q r qyn rs^2w m(m)$ , «собираетел десятины, администратор, жрец Амма» (R 3540 [CIAS II 47.10/r3/c82]; 3880; 3881 + TS b [CIAS I 47.11/b2]; TC 652; 1014 и т.д.), катабанские цари, видимо, все-таки установили определенный контроль над сбором храмовой десятины (Lundin 1979a: 115).<sup>13</sup> Таким образом катабанская царская власть, видимо, располагала возможностью использовать хотя бы часть десятины, собираемой федеральными храмами Амма, для покрытия своих собственных расходов. В результате, применительно к Катабанскому царству предположение о храмовой десятине как скрытой форме государственного налогообложения выглядит вполне правдоподобно.

<sup>13</sup> По всей видимости не в качестве царей, а в качестве жрецов катабанского «федерального» божества. Десятина сохраняла форму *храмовой* десятины, но т. к. в рамках катабанской социально-политической системы, видимо, произошло определенное сращивание государственных и храмовых структур, храмовая десятина стала, возможно, трансформироваться в государственное налогообложение. Отмечу, кстати, что предложение Ф. Брона переводить  $rs^2w m^m$  как «исполнял функции жреца в течение одного года», а не «жрец Амма» (Bron 1987), не меняет кардинально общей картины в нашем случае, ибо и тогда соответствующие надписи все равно надежно фиксируют жреческие функции катабанских царей.

То же самое можно ПРЕДПОЛОЖИТЬ относительно древнейшей Сабейской «федерации» *мукаррибов*, где отправление культа «федерального» божества, Астара зў-Зибана, в его наиболее важном храме TR, на горе Джабал ал-Лауз, было явно монополизировано сабейскими *мукаррибами*, лично совершавшими здесь все наиболее важные ритуалы (Robin, Breton 1982).<sup>14</sup> В подобном контексте можно вполне предполагать, что сабейские *мукаррибы* должны были бы как-то контролировать доходы соответствующего храма.<sup>15</sup> В любом случае сабейские *мукаррибы* устраивали, например, «федеральному» божеству ритуальные пиры (*ʿlm*; например, C 267 + Lu 16, 2; Ga 45 = Ga FES 20; Gl A 710, 1–2; Ja 2953 bis, 2–3; R 3945, 1; MAFRAY/al-Ka āb 14; /Mušji 3; 14; 20; 21; 24; 30; 31; 38 /?/; 48; см. также: Lundin 1971: 166–170; Ryckmans J. 1973a; 1973c; Robin, Breton 1982: 610–616; Loundine 1990). Поэтому можно предполагать, что *мукаррибы*, скажем, как-то контролировали ресурсы, собираемые для проведения такого рода пиров; таким образом платежи храмам «федерального» божества в древнейшей Сабейской «империи» (первая половина I тыс. до н.э.), видимо, могли хотя бы частично превратиться в форму скрытого государственного налогообложения.

В Среднесабейском царстве культ Астара зў-Зибана не играл по всей видимости столь важной роли. Роль фактического «федерального» божества в Средний период принадлежала скорее Алмакаху, владыке Аввāма; по крайней мере, это – единственное божество, по отношению к храму которого у нас есть данные о регулярной уплате десятины не только *ша бом*, находившимся под его особым покровительством (Саба' применительно к Аввāму), но также и большинством других *ша бов* Среднесабейского царства.<sup>16</sup> Однако это божество было связано в большей степени с сабейско-марибской общиной ( $s^2 b^n S^1 B^1 [KHL^n]$ ), чем с царской властью; нет никаких данных о том, что среднесабейские цари обладали каким-то реальным контролем над этим храмом, вообще, и его доходами, в частности.

Среднесабейские цари, по-видимому, отнюдь не играли ведущей роли в управлении Аввāмом, той роли, которую древнесабейские *мукаррибы* играли по отношению к храму TR [ʿ)X],<sup>17</sup> или той роли, которую играли по крайней мере некоторые катабанские цари и *мукаррибы* в качестве верховных жрецов катабанского «федерального» божества Амма. Среднесабейские цари не осуществляли регулярно каких-то ОСОБЫХ

<sup>14</sup> Цари Саба' и зў-Райдана попытались возродить эту практику в I в. н.э., но без всякого прочного результата (*ibidem*).

<sup>15</sup> Мы, впрочем, не имеем прямых данных о существовании этой десятины.

<sup>16</sup> Ig 22; 26; Ja 615; 617; 650; Na NAG 11 (= Ig 25) и т.д.

<sup>17</sup> То же самое можно предположить и о самых ранних монархах первой династии царей Саба' и зў-Райдана (конец I в. до н.э. – начало I в. н.э.; подробнее см., например, Kоротачев 1994e).

ритуалов среднесабейскому «федеральному» божеству, Алмакаху Аввәмскому (в то время, как древнесабейские *мукаррибы* как раз регулярно совершали для древнесабейского «федерального» божества, Астара зү-Зибана такие важные специфически *мукаррибские* ритуалы, как ритуалы сакральной охоты, сакрального пира и т.д.).<sup>18</sup> Среднесабейские цари скорее представляли собою просто наиболее богатых и могущественных почитателей Алмакаха, владыки Аввāма (например, Ja 574; 575 [= Ry 539]; 576 [= Ry 535] + 577; 608; 609; 610; 611).

Конечно, среднесабейская царская власть иногда достаточно определенно соотносится с Алмакахом. Например, Ja 576 (Ry 535) упоминает, что киндиты *whb<sub>3</sub>w hfrt 'LMQH w-mlknhn 'frs<sup>l</sup>m w-rkb<sup>m</sup> w-gml<sup>m</sup>*, «уплатили репарацию Алмакаху и двум царям лошадьми и верблюдами» (стк. 2–3); см. также стк. 2: *hfrt hhfr MLK<sup>m</sup> 'LMQH w-mlknhn*, «репарация, которую Малик уплатил Алмакаху и двум царям». В подобном контексте «Алмаках и два царя» могут быть поняты как обозначение «сабейского государства» (см., например: Beeston 1973: 450; 1977b: 8); это может привести и к предположению о том, что доходы Алмакаха (т.е. его храмов) и доходы царской власти не были строго разделены. Это, конечно, могло бы придать некоторое правдоподобие гипотезе о десятинах в пользу Алмакаха Аввәмского как скрытой форме государственного налогообложения.

Однако, вышеупомянутое выражение может быть вполне понято и буквально, как свидетельство уплаты репарации Алмакаху и двум царям, т.е. Алмаках (скорее всего его главный храм, Аввām) получил часть репарации, другую же – получили цари. Подобная интерпретация предполагает бы и совсем другую ситуацию: не цари распоряжаются частью храмовых доходов, а скорее царям приходится отдавать Аввāму часть своих доходов.

Другой факт, который может быть интерпретирован как свидетельство определенной зависимости этого храма от царской власти, это то, что в некоторых надписях Аввāма было, видимо, намерено удалено имя Нимрāна Аукāна, руководителя неудавшегося аристократического мятежа против Илийшараха Йахдуба II (III в.: Ja 711, 8; 739, 2, 13; см. также: Jamme 1962); этот факт, впрочем, вполне может быть интерпретирован и как выражение персоналом храма своей лояльности по отношению к могущественному сабейскому царю, он совсем не предполагает сколько-нибудь жесткого контроля над храмом со стороны царской власти. С другой стороны, после окончательного завоевания Мāриба химйаритами никто, как кажется, не позаботился о том, чтобы удалить из среднесабейских надписей многочисленные сообщения о победах

<sup>18</sup> Например, C 267 + Lu 16, 2; Ga 45 = Ga FES 20; GI A 710, 1–2; Ja 2953 bis, 2–3; R 3945, 1; MAFRAY/al-Ka āb 14; /Mušji 3; 14; 20; 21; 24; 30; 31; 38 /?/; 48; см. также: Lundin 1971: 166–170; Ryckmans 1973a; 1973c; Robin, Breton 1982: 610–616.

сабейцев над химйаритами (например, Ja 576+577; BR/M. Bay ān 1; C 350; Ja 578; 586; 590 = AM 847 = NAM 1622 [CIAS II 39.11/о2 № 3]; 2107 = AM 841 = NAM 429 [CIAS II 39.11/о2 № 2]). Таким образом, о каком-либо действительно жестком контроле над Аввāмом со стороны царской власти говорить явно не приходится.

Таким образом, на современном уровне наших знаний предположение о том, что среднесабейские цари могли использовать часть десятины в пользу Аввāма на свои собственные нужды, не находит какого-либо фактического подтверждения (хотя считать это предположение окончательно опровергнутым, конечно, также нельзя).

Между прочим, из имеющихся в нашем распоряжении данных о среднесабейской десятине вырисовывается одна проблема: складывается впечатление, что обитатель Среднесабейского царства уплачивал десятину слишком большому числу божеств одновременно – он платил ее «федеральному» божеству, Алмакаху Аввāмскому, но он же платил ее и местным божествам самых разных уровней (C 342; GI 1438; Na NNSQ 14; R 4930); наиболее же впечатляет тот факт, что он платил ее божественному покровителю (*b l*) своего собственного дома (*but-hmw*), своему домашнему божеству (C 567). Если сабейцам приходилось бы уплачивать десятину столь большому числу божеств, можно было бы ожидать, что на уплату десятины (и «первинок»?) у них уходила какая-то неправдоподобно большая часть их совокупного продукта (более 50%).

Возможно, помочь с разрешением данной проблемы может следующее описание древнееврейской практики уплаты храмовой десятины и «первинок»:

«Земледелец должен был отдавать <предназначенное Богу подношение> *terumah*... жрецу (Ex. 29: 288; Num. 18: 8). УКАЗАНИЯ О ТОМ, КАКОЙ ИМЕННО ЖРЕЦ ДОЛЖЕН БЫЛ ПОЛУЧАТЬ <ПОДНОШЕНИЕ> *TERUMAH*, ОТСУТСТВУЮТ, И ПРАВО РЕШАТЬ, КОМУ ИМЕННО ЕГО ОТДАТЬ, БЫЛО ОСТАВЛЕНО ЗА САМИМ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕМ [выделено мною – А.К.]» (Wigoder 1989: 707). «Каждый год, после отделения *теру́мы*, земледелец должен был отдать одну десятую своего урожая левитам как обязательную 'первую десятину', *ma'aser rishon* (Num. 18: 21, 24). РЕШАТЬ, КАКОЙ ИМЕННО ЛЕВИТ ПОЛУЧИТ ЕГО ПЕРВУЮ ДЕСЯТИНУ, БЫЛО ПРЕДОСТАВЛЕНО НА УСМОТРЕНИЕ САМОГО ЗЕМЛЕДЕЛЬЦА [выделено мною – А.К.]» (*Ibidem*).

Некоторые данные о том, что подобная практика могла существовать и в Среднесабейском царстве, по-видимому, содержатся в надписи ZI 27, автор которой упоминает, что он *hm' mr'-hw' LMQH THW<sup>n</sup> b l' WM s<sup>2</sup>r-hw d-s<sup>2</sup>ft-hw*, «уплатил своему господину, Алмакаху Сахвāну, владыке Аввāма, десятину, которую он ему пообещал». Уже тот факт, что уплата десятины могла быть ОБЕЩАНА Алмакаху, заставляет предполагать, что

обитатели Среднесабейского царства имели возможность выбирать, какому божеству/храму платить десятину. Вышеупомянутая десятинна могла быть явно уплачена и не Алмахаку Аввѣмскому; иначе, если бы автор ZI 27 должен был в любом случае платить эту десятинну в Аввѣм, его ОБЕЩАНИЕ заплатить десятинну именно в этот храм, было бы лишено какого бы то ни было смысла.

Итак, один из возможных ответов на поставленный выше вопрос может заключаться в том, что «подданный» среднесабейских царей уплачивал десятинну раз в год, имея возможность выбрать божество – получателя десятины: он мог уплатить ее божеству-покровителю собственной локальной общины (*ша ба3*), или своего «вождества» (*ша ба2*), или божественному покровителю своего «протоэтноса» (*ша ба1*), или «федеральному» божеству Сабейского царства, Алмахаку, владыке Аввѣма. Наконец, он, по-видимому, мог посвятить ее божественному покровителю своего собственного *byt*, «дома», т.е. фактически оставить десятинну в своем собственном домохозяйстве, используя ее, скорее всего, на поддержание культа в своем собственном домашнем святилище.<sup>19</sup>

<sup>19</sup> Вместе с тем, необходимо отметить, что среднесабейские надписи, по-видимому, имеют тенденцию изображать общество, несколько более «архаичное», чем оно было на самом деле. Надписи эти, например, никогда не упоминают ремесленников (исключая, разве что каменотесов – *g r b y<sup>n</sup> / g r b<sup>n</sup>* [𐩦𐩢𐩣𐩠𐩢𐩣]) и ремесла, а также торговцев и торговлю на дальние расстояния, хотя существование и высокоразвитого ремесла и международной торговли в доисламском Йемене достоверно засвидетельствовано неэпиграфическими источниками (см, например, Пиотровский 1985: 138–140). Это в общем-то не удивительно, принимая во внимание тот хорошо известный факт, что подобные занятия рассматриваются как не вполне «достойные» во многих традиционных обществах, включая, кстати, и страну Хашид и Бакйл исламского Йемена, по крайней мере до 1962 г. (например, Dresch 1989: 118–123). Надписи же, похоже, упоминают лишь «достойные» виды человеческой деятельности – войну, земледелие и скотоводство, охоту, совершение религиозных ритуалов и т.д.; сбор (или уплата) государственных (царских) налогов в такой список явно входить были не должны (ср., например, *Евангелие от Луки* 18, 9–4; 19, 1–10). Сказанное, кстати, не относится к храмовой десятине, уплата которой явно принадлежала к «достойным» видам деятельности и достаточно часто упоминается среднесабейскими надписями. Таким образом, среднесабейские надписи, похоже, рисуют нам сабейское общество таким, каким оно должно было быть с точки зрения сабейского «истеблишмента», некое «чистое» общество воинов и земледельцев, в котором, конечно, не могло найтись место таким «недостойным» людям, как торговцы, ремесленники, ну и, естественно, сборщики налогов, «мытари». Поэтому я бы не был совершенно удивлен, если бы в имеющихся несравненно менее официальный характер выполненных «курсивным» письмом документах на дереве (см. выше Введение) все-таки были бы обнаружены какие-то прямые свидетельства государственного налогообложения (подобно тому как некоторые из документов, опубликованных в Ruyckmans *et al.* 1994, содержат упоминания дальней торговли, отсутствующие в среднесабейской эпиграфике). А. Г. Лундин уже высказал предположение, что некоторые из этих документов можно интерпретировать как «хозяйственные или фискальные документы, записи платежей или налогов» (Лундин 1995: 9). Вместе с тем, говорить о действительном наличии среди «курсивных» памятников государственных фискальных документов пока кажется преждевременным. Из документов этой категории опубликовано три (документы № 2 [YM 11757], № 3 [YM 11748] и № 4 [YM 11735] из [Ruyckmans *et al.* 1994: 44–46, pl. 2A–2B; 46–50, pl. 3A–3B; 50–51, pl. 4A–4B]). Они, действительно, очень по-



### III.4. Источники материального обеспечения функционирования среднесабейской царской власти

И снова, как мы уже с этим сталкивались при рассмотрении проблемы местного налогообложения, отсутствие данных о каком-либо регулярном «федеральном» налогообложении не выглядит по-настоящему случайным, так как Центр среднесабейской политической системы, похоже, вообще не нуждался в поддержании какой-либо системы регулярного налогообложения. Центр этот располагал значительным числом альтернативных источников материальных ресурсов, вполне обеспечивавших его, по-видимому, необходимыми количествами вещества и энергии.

#### III.4.a. Военная служба

Аналогично тому, что мы могли уже видеть на уровне *ша ба*2, наиболее важным источником «материально-энергетического» обеспечения царской власти была военная служба, которой «подданные» среднесабейских царей были, судя по всему, обязаны своим сюзеренам.<sup>20</sup> Имеются достаточно многочисленные документальные свидетельства, подтверждающие существование такого рода обязательств.

Существуют десятки указаний на то, что «подданные» среднесабейских царей обеспечивали своих сюзеренов военной службой (*šw* [𐤑𐤍]), регулярно участвуя в многочисленных походах и боевых операциях среднесабейских царей.

О своей военной службе среднесабейским царям упоминают прежде всего две следующие категории обитателей Среднесабейского царства.

Во-первых, особенно часто свою воинскую службу царям упоминают *кайли* (Ir 13 §2, §14; Ir 19, 13–14; Ja 623, 5–6; 629, 4–6; 631, 7–8, 10–11;

---

хожи на ведомости, но нет никаких оснований считать их именно государственными фискальными ведомостями – это вполне могли быть и ведомости, фиксирующие уплату прекрасно засвидетельствованной в эпиграфике храмовой десятины, тем более что документы эти происходят, судя по всему, именно из храмового архива. Справедливости ради надо упомянуть и то, что государственное налогообложение, возможно, засвидетельствовано в среднесабейской надписи *Shib anu I* (если верна интерпретация К. А. Китченом термина *šhd* [𐤑𐤍]) этой надписи [Kitchen 1995]). Вместе с тем подчеркнем, что надпись эта относится к периоду, непосредственно следующему за окончательным завоеванием химйаритами Сабейского царства в конце III в., когда химйаритский царь Шаммар Йухар иш пытался распространить на сабейский Север присущую химйаритам более регулярную и централизованную государственную организацию (см. ниже). В подобном контексте попытка внедрить в сабейском ареале и регулярное государственное налогообложение выглядела бы в высшей степени логично.

<sup>20</sup> Между прочим, военная служба вместо уплаты налогов или платы за «братское покровительство» (*khuwwah*) представляет собой феномен, хорошо известный, например, мусульманскому Ближнему Востоку (например, Stone 1991: 875; al- abaṭī 1879–1901, III: 2662, 2665 и т.д.; Иванов 1963).

632, 4–5; 649, 8–9, 15–16, 24–25; 650, 20–21, 26–27; 658, 8–10; Ry 538, 11–14 и т.д.).

Рядовые члены *ша бов*<sup>2</sup> обычно были обязаны своей воинской службой своим *кайлям* (см. выше II.2.). Однако так как *кайли* должны были служить царям вместе со своими *ша бами*, среднесабейским царям таким образом удавалось аккумулировать военный потенциал практически всех *ша бов* Среднесабейского царства. В результате в контексте рассказов о боевых операциях термин *s<sup>2</sup> b* приобрел особый смысл, «ополчение *ша ба*». В подобных контекстах, например, *s<sup>2</sup> b<sup>n</sup> S<sup>2</sup> D<sup>m</sup>* [𐩧𐩢𐩣𐩠𐩣𐩠𐩢] обозначает не весь в целом *ша б2* Хашид, а ополчение этого *ша ба*, действующее как отдельная боевая единица в составе вооруженных сил среднесабейских царей (например, Ja 561 bis, 6–10).<sup>21</sup>

Другая важная группа лиц, постоянно упоминающих свою воинскую службу среднесабейским царям, засвидетельствована в многочисленных посвященных надписях из главного среднесабейского религиозного центра, Аввāма [𐩧𐩢], расположенного около Мāриба «федерального» храма Алмакаха [𐩠𐩣𐩠𐩢] (Ir 12; Ja 587; 590 = AM 847 = NAM 1622 [CIAS II 39.11/o2 № 3]; 635; 636; 637; 640 = AM 850 = NAM 2463 [CIAS II 39.11/o2 № 5]; 641; 656; NAM 2659 [CIAS II 39.11/ об № 6]; R 4842; см. также Ja 565 и т.д.). Эти лица обычно не указывают ни своих титулов,<sup>22</sup> ни принадлежности к какому-то определенному *ша бу*. Они не упоминают божеств-покровителей обычных *ша бов* (таких как *T<sup>n</sup> L B* или *H G R<sup>m</sup> Q M<sup>m</sup>*). Их единственные «земные патроны» (которых они прямо упоминают в текстах) – это среднесабейские цари; в подобном качестве они никогда не упоминают *кайльские* или любые другие кланы, и вообще нецарствующих лиц.

В целом, создается впечатление, что лица эти – сабейцы в узком смысле этого слова, члены сабейско-марибской общины (и тесно связанные с ними *файшаниты*), т.е. члены двух царских *ша бов*, двух основных *ша бов*, непосредственно зависевших от сабейской царской власти.

#### III.4.б. «Земли армии» (*'r t hms<sup>ln</sup>* [𐩠𐩢𐩣𐩠𐩢𐩠])

*'r t hms<sup>ln</sup>* [𐩠𐩢𐩣𐩠𐩢𐩠], «земли армии», упоминаются авторами Ja 647, царскими *мактавийами*, «личными помощниками», в следующем

<sup>21</sup> Ополчения других *ша бов* упоминаются, например, в Ja 577, 16; 631, 3–8, 23–24, 25–28, 29, 31–34 (здесь, впрочем, речь идет о самостоятельных, не санкционированных царской властью военных операциях *ша ба*); 644, 15, 21, 24; 649, 13–14, 22–23; Ry 533, 16–19; 538, 29–32 и т. д. Например, Ja 644, 15 упоминает *tqdmn s<sup>2</sup> b<sup>n</sup> G Y M<sup>n</sup> b- m s<sup>2</sup> b<sup>n</sup> S<sup>2</sup> D<sup>m</sup>* [𐩧𐩢𐩣𐩠𐩢𐩣𐩠𐩢𐩣𐩠𐩢𐩣𐩠𐩢𐩣𐩠𐩢𐩣𐩠𐩢], «нападение [ополчения] *ша ба* Гайман на [ополчение] *ша б[а]* Шадād» (речь идет о подавлении ополчением Гайман мятежа, поднятого ополчением Шадād в Мāрибе в начале II в. н.э.).

<sup>22</sup> Я бы добавил к этому, впрочем, некоторых лиц, имеющих только титул *mqtwy X mlk S<sup>l</sup> B<sup>r</sup>* (*w-d-RYD<sup>n</sup>*), «личный помощник X, царя Саба' (и зū-Райдāна)», например, Ir 21.

контексте (стк. 25–30): *kl s<sup>1</sup>yt hws<sup>1</sup>yw 'mr'-hmw 'm l k<sup>n</sup> b-kl s<sup>1</sup>yt hws<sup>1</sup>y-hmw b-m<sup>1</sup>t s<sup>1</sup>b t hryft<sup>m</sup> w-b-kl mqwlt-hmw w-s<sup>1</sup>yt-hmw b-MRB w- N W w-b-NS<sup>2</sup>Q<sup>m</sup> w-N S<sup>2</sup>n w-b-kl mqblt w-m d-hmw b-'r t hms<sup>1n</sup> b-d t<sup>n</sup> w-s<sup>1</sup>qy<sup>n</sup>*, «все поручения, которые их господа, цари, давали им, и при исполнении всех заданий, которые они им давали в течение 7 лет, и при исполнении обязанностей *кайлей*<sup>23</sup> и поручений в Мāрибе, Сан ū, Нашке и Нашшāне, и всех [поручений, имеющих отношение] к сдаваемым в аренду землям и урожаям с них на *землях армии*, урожаям выращенным как с использованием ирригации, так и без него».

Этот текст заставляет предполагать существование какой-то категории земель (наиболее вероятно в районе Мāриба, Сан ā', Нашка и Нашшāна), которые сдавались в аренду особыми царскими чиновниками; получаемая с этих земель арендная плата скорее всего расходовалась на содержание регулярной армии (*hms<sup>1n</sup>* [חמשי]).

Именно таким путем царской власти и удавалось покрывать по всей видимости наиболее значительную статью ее расходов.

Конечно же, надо обязательно иметь в виду тот факт, что «земли армии» упоминаются в среднесабейских надписях только раз, в тексте начала IV в., уже после окончательного завоевания среднесабейского царства химйаритами, которые как раз явно пытались внедрить свойственные им регулярные государственные структуры и в сабейском ареале. Поэтому нельзя быть полностью уверенным в том, что здесь мы имеем дело с исконно сабейской практикой. Нельзя исключать и того, что практика эта была внедрена именно химйаритами; подобное предположение выглядит вполне логичным, принимая во внимание общее направление химйаритских административных реформ в завоеванном ими сабейском ареале (см. ниже раздел III.5.).

#### III.4.в. Царские клиенты

Судя по числу надписей, поставленных клиентами среднесабейской царской власти,<sup>24</sup> число их было очень значительным; число это, скажем, явно превышало количество клиентов любого *кайжского* клана. Таким образом, можно ожидать, что доходы царей, получаемые ими в виде выплачиваемой им царскими клиентами личной ренты, должны были быть

<sup>23</sup> Практика, засвидетельствованная, кстати, только для химйаритских, но не сабейских царей (Bāfaqih, Robin 1980: 15; Robin 1981b: 338; R 4230A, 2–3; B, 2–3; Kogotauev 1990a: 112), но вполне понятная ввиду того обстоятельства, что после окончательного завоевания сабейского культурно-политического ареала химйаритские цари попытались политически централизовать и этот ареал (Iг 37, 10–23; Ja 651; 671 + 788, 10–14; R 3910; Sh 31 и т.д.).

<sup>24</sup> С 397; 398; 399; 531; 534; 535; 544; Iг 16 = M. Bay ān 7; Fa 102 = M. Bay ān 9; Ja 570; 694; 723; 784; 812; 2112 (= CIAS II 39.11/02 № 7); 2115 (= CIAS II 39.11/08 № 1); 2223; R 4142; 4188; 4636; YM 350 (CIAS I 39.11/06 № 5) и т.д.

очень значительными и в любом случае превышать аналогичные доходы любого из *кайл*ских кланов.

#### III.4.г. Царские земли

Наличие царских земель в сабейском ареале хорошо засвидетельствовано для Древнего периода (например, Ja 541; R 3946; 4085). Для Среднего периода единственным прямым свидетельством продолжавшегося сохранения фонда царских земель служит, по-видимому, C 604 [= as-Sawda 51], 2; тот факт, что среднесабейская царская власть сохранила какие-то земельные владения, подтверждается также практикой царских земельных пожалований (*ватфа*ми – C 599; R 4646 /?/; Ry 522 /?/ и т.д.).

Таким образом, можно предположить, что какие-то доходы среднесабейская царская власть должна была получать и с этих земель, хотя сама упомянутая выше практика царских земельных пожалований и должна была сокращать фонд царских земель.

#### III.4.д «Взаимопомощь» на уровне царства

Подобно тому, как *кай*ли должны были помогать рядовым членам их *ша бов*<sup>2</sup>, когда те предпринимали какие-либо важные хозяйственно-строительные работы, среднесабейские цари, видимо, имели подобные обязательства перед своими «непосредственными подданными» (т.е. прежде всего перед членами сабейско-марибской общины и *кай*лями: C 1, 4–6; Fa 123, 6–8; Na NNSQ 59, 3; R 4713 = Na NNSQ 70 = Ja 496, 2; Ry 540, 1–2; см. также Capuzzi 1, 3–5 /?/; Gl 1197, 3–4; R 4106, 1; Ry 404, 2–4 и т.д.).<sup>25</sup>

Совершенно очевидно, что *кайл*ская помощь явно подразумевала то, что и рядовые члены *ша бов*<sup>2</sup> должны были помогать своим *кай*лям, когда те предпринимали строительство своих замков, ирригационных сооружений и т.д. (см. выше, II.2.г.).

Это заставляет предполагать, что «непосредственные подданные» среднесабейских царей (т.е. *кай*ли, члены сабейско-марибской общины и царские клиенты) должны были иметь сходные обязательства перед царями (хотя прямых свидетельств этого почти нет);<sup>26</sup> в случае некоторой асимметрии подобных отношений это мог быть еще один источник снабжения центральной административной подсистемы веществом и энергией.

<sup>25</sup> Много подобных данных имеется для радмано-химйаритского «Юга» (C 40, 4; 41, 4; Ir 40; MAFRAY/ al-Maktūba 1, 5–6; / dī- adīd 2, 7–8; MAFY/ dī-a - awla 1A, 3–4; YMN 5 [= MAFRAY/ Mahliq 1A], 5–6 и т.д.).

<sup>26</sup> R 4775, 4 /?/, для химйаритов см. Ga 1 [Ga ŠY].

#### III.4.e. Военная добыча

А. Ф. Л. Бистон привлек внимание к тому факту, что «как сообщают нам арабские лексикографы (в словарном гнезде *rb*), доисламской практикой было отделять военачальнику одну четвертую добычи, оставляя для распределения среди остальных только три четверти весте четырех пятых, предписанных Исламом. Как мы узнаем из Ja 586, сабейская практика по этому вопросу вполне соответствовала той, что описана лексикографами: одна четвертая добычи выделялась царю как главнокомандующему» (Beeston 1976b: 14–15). Среднесабейское царство почти постоянно вело войны, при этом преимущественно на чужой территории, а сабейцам нередко удавалось захватывать значительные количества добычи в результате, скажем, разграбления таких богатых городов, как хадрамаутская столица Шабва, киндитская столица Карйат Зāt Кахил [𐩦𐩣𐩪𐩠𐩣𐩢𐩪𐩠𐩢] или важнейший центр международной торговли в бассейне Индийского океана, порт Кана' [𐩦𐩣].<sup>27</sup>

Таким образом, можно вполне предполагать, что это мог быть достаточно важный (хотя и не очень регулярный) источник обеспечения среднесабейской царской власти материальными ресурсами.

#### III.4.ж. Родовые владения *кайлей*

Все среднесабейские цари, чье происхождение мы достоверно знаем, представляли собою могущественных *кайлей* до своего восшествия на престол. Как я старался показать выше (см. раздел III.2.), среднесабейские цари зачастую сохраняли особые отношения с теми *ша бами*<sup>2</sup>, *кайлями* которых они были до восшествия на престол. Это заставляет предполагать, что они могли сохранять в своем распоряжении хотя бы часть гигантских доходов соответствующих *кайлских* домов.

\* \* \*

В любом случае достаточно очевидно, что среднесабейские цари имели в своем распоряжении довольно большое число источников доходов, которые обеспечивали достаточными количествами вещества и энергии административную субсистему Среднесабейского культурно-политического ареала (т.е. царскую власть); эта политическая система могла существовать и без налаживания искусственного регулярного налогообложения, или присвоения большей части храмовой десятины для использования ее на нужды центрального правительства.

#### III.5. Гражданская администрация

По надписям не прослеживается существование в сабейском культурном ареале II–III вв. н.э. чего-либо, похожего на сколько-нибудь развитую

<sup>27</sup> Ir 13; Fa 75; 102; Ja 632; 634; 635; 636; 637; Ry 533 и т.д.

систему гражданской администрации. Царские «клиенты» (*'dm mlk<sup>n</sup>* [חַדְמַלְכָּן]) в Средний период не являлись чиновниками (хотя чиновниками были, видимо, некоторые клиенты Древних сабейских царей и *мукаррибов* – см., например, Ruykmans J. 1951: 59–61, 88–90.). В данный Период это были, как правило, обычные группы населения с обычной социальной организацией, отличавшиеся от клиентов знатных родов лишь тем, что находились они в личной зависимости не от последних, а непосредственно от царской власти (См.: С 397; 399; 531; 534; 535; 544; Ir 16 = M. Bay ān 7; Fa 102; Ja 570; 694; 723; 784; 812; 2112; 2115; 2223; R 4142; 4188; 4636; YM 350 и т.д.).

Как уже упоминалось выше, нет никаких оснований предполагать, что среднесабейская царская власть осуществляла реальное управление через своих агентов на уровне *ша бов*, нет никаких сомнений, что среднесабейские *кайли* не были агентами царской власти (Korotayev 1993b).

Среднесабейская царская власть вмешивалась во внутренние дела *ша бов* исключительно редко (см., например, Gl 1628) и по всей видимости прежде всего в роли посредника при внутренних конфликтах (подробнее см.: Korotayev 1994a).

Единственные основательные свидетельства подобного рода вмешательства имеются для химйаритской царской власти: после того, как она окончательно подчинила себе сабейский культурно-политический ареал в конце III века н.э., там начинают проследиваться определенные признаки регулярной государственной администрации (в основном, правда, все-таки на Нижних землях: Ir 37, 10–23; Ja 647, 25–30; 651; 671 + 788, 10–14; R 3910; Shib anu 1, 15–18 и т.д.).

На самом деле это совершенно не удивительно, принимая во внимание значительно более высокую степень политической централизации Химйаритского царства, значительно большую силу его государственной организации (см., например, С 448 + Ga 16 [Hakir 1]; R 4230; Bāfaqīh, Robin 1980: 15; Robin 1981b: 338; Коротаев 1990а; 1990б; Korotayev 1995а); вышеупомянутые надписи, похоже, свидетельствуют о попытках химйаритов установить сходную систему более регулярной государственной администрации и на Севере, в сабейском культурно-политическом ареале.

Все лица, служившие среднесабейским царям, прежде всего царские *мактавийи*, но также и исполнители таких должностей, как «конюшие» *l'?* (*tly 'frs<sup>l</sup> mlk<sup>n</sup>* [חַדְמַלְכָּן] / *'tlwt<sup>n</sup>* [חַלְוֹת]) ZI 22; Ja 584; 745; 2117 = AM 860 = NAM 1624 [CIAS II 39.11/ o7 № 4]) или «командир *l'?* царских конников» (*n l 'frs<sup>l</sup> mlk<sup>n</sup>* [חַדְמַלְכָּן] – BR/M. Bay ān 5) и т.д., в тех случаях, когда нам становится известно что-либо конкретное об их деятельности в качестве «царских людей», все время оказываются связанными с царским войском и с участием в военных действиях

(единственное заметное исключение – участие в посольствах: Ja 560, 8–15; 631, 15–16; 633, 6; 2110; Fa 102, 10–11 /?/ и т.д.), но практически никогда – с участием в управлении чем бы то ни было (кроме боевых операций) в пределах Среднесабейского царства.<sup>28</sup>

### III.5.a. Царские макт авийм

В целом, необходимо констатировать, что среднесабейские цари (в сравнении с любыми другими членами среднесабейского общества) имели в своем распоряжении особенно много «личных помощников» (*mqtwy/mqtt*), *мактавийев* (см. табл. 4).

**Таблица 4.** Хозяева среднесабейских *макт авийев*  
(полный вариант)

ЦАРИ И ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ	КАЙЛИ И КАЙЛСКИЕ КЛАНЫ	САБЕЙСКИЕ «АРИСТОКРАТЫ» И ИХ КЛАНЫ	ДРУГИЕ ЛИЦА И КЛАНЫ	Всего
38 55%	18 26%	8 12%	5 7%	69 100%

*Примечание к таблице 4:* в данной таблице учитывались только авторы, явно указывающие свой статус *мактавийев* во вводных формулах официальной самоидентификации.

ЦАРИ И ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ: С 314 + 954; 405; 407; Iг 13; 15; 20; 21; 23; 26; 37 [App.В 3]; 69; Ja 572; 578; 579; 580; 581; 582; 583 + 807; 612; 613; 614; 615; 616; 646; 649; 650; 651; 652; 660; 661; 749; 2110; 2114; 2118; 2119; Kortler 2; Na NAG 11; R 3929; Ry 538.

КАЙЛИ, «АРИСТОКРАТЫ» и «ДРУГИЕ»: см. выше примечание к табл. 3, гл. II. Цифры данной таблицы совершенно необязательно адекватно отражают действительные пропорции между числом *mqtt*, служивших царям, *кайлям* и т.д. Так, например, очевидно, что царские *мактавийи* имели более высокий социальный статус, чем *мактавийи* простых кланов, поэтому у первых явно были заметно лучшие возможности оставить после себя надписи, чем у вторых.

С некоторыми оговорками (см. выше) царских *мактавийев* можно рассматривать в качестве своего рода «проточиновничества» на высших уровнях структурной иерархии среднесабейской политической системы. Однако уже тот факт что эти «царские проточиновники» и личные помощники лиц, не бывших ни царями, ни *кайлями*, ни даже аристократами, обозначались одним и тем же словом (см. выше,

<sup>28</sup> Впрочем, что-то, похожее на царскую гражданскую администрацию, видимо, существовало на некоторых этапах Среднего Периода за пределами сабейского ареала, на вновь подчиненных царской власти марибских правителей территориях, где управление иногда осуществляли агенты царской власти, «царские наместники» (*qbt mlk<sup>n</sup>* [q̄b̄t ml̄k̄<sup>n</sup>]: Ja 577, 13; 2109 [CIAS II 39.11/о3 № 8], 3–7 и др.). По поводу царских наместников в Нашке (Ja 629, 1–3) – см.: Kоротайев 1995a. В целом, подробнее см. ниже (III.5.б.).

II.1.), представляется достаточно значимым. Для меня это служит дополнительным указанием на то, что Среднесабейское царство не обладало формальной центральной системой гражданской администрации, что процесс трансформации царского домохозяйства в формальный административный государственный аппарат в Среднесабейском царстве был далек от своего логического завершения.

Достаточно примечателен тот факт, что некоторые царские *мактавийи* были видными членами *кайлских* кланов (например, Ig 13; 23; 26; 37; Ja 572 + 573 + 593; 578; 615; 616; 617; 624 + R 4191; 649; 650; 651). Как кажется, это было важной чертой внутренней политики среднесабейских царей. Статус царских *мактавийев* был вне сомнения очень высок, поэтому не вызывает особого удивления, что некоторые *кайли* соглашались ими становиться. Однако позиция царских *мактавийев* подразумевала также и достаточно серьезные обязательства перед царем. Сами по себе *кайли* пользовались ошутимейшей автономией относительно царской власти (Коротаяев 1991а; 1993; Korotayev 1993b; 1994а; 1995b; 1996), и ни в каком смысле не были агентами царской власти; царские же *мактавийи* были именно высокопоставленными агентами царской власти. Бану *MRTD<sup>m</sup>*, *кайли* Бакйл-Амран, могли десятками лет править в Амране, не имея вообще никаких существенных отношений с сабейской царской властью; по всей видимости, они отнюдь не были склонны безоговорочно выполнять любые царские приказы. Однако царь, как выясняется, мог, скажем, послать своего *мактавийа* (даже если он был *кайлем*) во вражескую столицу с достаточно рискованным поручением спасти с многочисленным отрядом царскую сестру (Ig 13).

Таким образом, привлечение *кайлей* на царскую службу в качестве *мактавийев*, по-видимому, могло обеспечить царям достаточно эффективный контроль хотя бы над частью *кайлских* кланов, увеличивая таким образом уровень политической интеграции и централизации среднесабейского царства. Поэтому не кажется случайным, что подобная политика проводилась преимущественно царями, достигшими наибольшей политической централизации ареала – Ша ром Аутаром, Фари идской династией, химйаритскими царями непосредственно после их окончательной аннексии среднесабейского царства.

### III.5.6. Царские наместники ( *q b t m l k<sup>n</sup>* [𐩦𐩢𐩠𐩣𐩠𐩢𐩠])

Как уже отмечалось выше, имеются определенные данные о существовании некоторой относительно регулярной администрации через агентов среднесабейской царской власти, наместников (*qbt mlk<sup>n</sup>* [𐩦𐩢𐩠𐩣𐩠𐩢𐩠]) в некоторых находившихся вне собственно сабейского культурно-политического ареала областях, завоеванных среднесабейскими царями (Ja 577, 13; 2109 [CIAS II 39.11/о3 № 8], 3–7 и т.д.). Однако надо



принять во внимание тот факт, что наиболее очевидные случаи подобного типа администрации (Sh 31; Shib anu 1) засвидетельствованы уже при хийаритском правлении, в то время как до того власть над наиболее важной из этих территорий (землей Великого [или Нового?] Хаулана, 'r *Hw<sup>n</sup> Gdd{t}*' [חַיְאֵרִיתִי חַיְאֵלִי]) обычно принадлежала одному из *кайльских* кланов, Бану Сухайм, рассматривавшими себя в качестве *кайлей* двух *шабов*, Йарсум и Великий Хаулан (С 220; GI 1228; Ja 601; 602; Robin/Umm Layla 1). Царские наместники отмечены и на собственно сабейской территории, в Нашке (Ja 629, 1–3); это отнюдь не удивительно, принимая в расчет особые отношения этого города с сабейскими монархами, начиная с Древнейшего подпериода (первая половина I тыс. до н.э. – С 610; 637). Нужно принять во внимание и тот факт, что в вышеупомянутой надписи два автора упоминают свой титул во множественном (*qbt mlk<sup>n</sup>* [חַיְאֵלִי חַיְאֵלִי]), а не двойственном (*qby mlk<sup>n</sup>* [חַיְאֵלִי חַיְאֵלִי]); это может свидетельствовать о коллективном родовом характере этого титула (см.: Коротаев 1990а; 1990б; Korotayev 1995 а: гл. I) и означать, что здесь мы имеем дело с членами знатного клана, монополизировавшего эту должность и занимающего доминирующее положение в Нашке; в таком случае я бы предположил, что они были относительно независимы от царской власти.

### III.6. Престолонаследие

На мой взгляд, в некоторых отношениях Среднесабейское «царство» (в особенности во II веке н.э.) напоминало больше примитивную (и достаточно олигархическую) «президентскую республику», чем правильную наследственную монархию. Надо сказать, что, по-видимому, уже и Древнесабейское царство достаточно существенно отличалось от обычной наследственной монархии.

Страбон, ссылаясь на Эратосфена (III в. до н.э.), утверждает в отношении четырех основных южноаравийских царств второй половины I тыс. до н.э. (Сабейского, Минейского, Катабанского и Хадрамаутского):

«Царство у них наследует не сын от отца, но сын какого-нибудь знатного человека, первым родившийся после избрания царя. Поэтому вместе с избранием кого-нибудь на царство составляют список беременных жен знатных людей и приставляют к ним стражу для наблюдения, которая из них первой родит; по закону сына этой женщины царь усыновляет и его воспитывают по-царски, как будущего наследника» (Страбон XVI.4.3 [С 768]; Стратановский 1994: 711).

Как было показано А.Г. Лундиным, вышеприведенное описание, по-видимому, вполне применимо к Катабанскому царству и неплохо подтверждается катабанским эпиграфическим материалом (Лундин 1977; 1978; Loundine 1981), а Дж. Гарбини (Garbini 1991) недавно обнаружил некоторые данные, заставляющие предполагать, что подобный

порядок престолонаследия действовал и для раннесабейской монархии (первая половина I тыс. до н.э. по наиболее распространенной в настоящее время хронологии – см., например: Sauer *et al.* 1988: 91, 100; de Maigret, Robin 1989: 278–291; Breton 1991).

Нет никаких оснований полагать, что древнесабейский порядок престолонаследия сохранялся и в Среднесабейском царстве, однако данное обстоятельство показывает, что Среднесабейский культурно-политический ареал имел культурную «почву» и политические традиции, вполне благоприятные для развития ненаследственных монархических форм.

В Сабейском царстве II–III веков в большинстве известных нам случаев престолонаследия<sup>29</sup> это не было наследование сыном родному отцу (или иное наследование престола среди близких патрилинейных родственников). Из 17 известных переходов среднесабейского престола от одного индивида к другому только в пяти случаях<sup>30</sup> мы можем быть более или менее уверены, что престолонаследие произошло от отца к сыну; однако во многих случаях мы можем быть столь же совершенно уверены, что престолонаследники не были сыновьями и вообще сколько-нибудь близкими родственниками их формальных или неформальных предшественников на среднесабейском троне,<sup>31</sup> даже в тех случаях, когда среднесабейские цари обозначали себя в качестве «сыновей» своих предшественников на марибском троне (последнюю, и наиболее обоснованную, версию среднесабейского царского списка см.: Bāfaqīh 1990: 128–136; см. также: von Wissmann 1964a: genealogische Tafel IIIa; 1964b: 498; 1968: 13; 1976: abb. 22 и т.д.).<sup>32</sup>

Кроме того, даже тогда, когда отцу на престоле наследовал его сын, престолонаследие, видимо, отнюдь не всегда было вполне автоматическим. Например, Алхāн Нахфāн (из союзного в то время двойного клана Бата и Хамдāн) наследовал на сабейском троне своему отцу Йарйму Айману. Однако нам известно несколько надписей, в которых Алхāн Нахфāн обозначен как лицо, не имеющее отношения к царской власти, просто как *L H " N H F " bn B T w-H M D "*, даже без упоминания его царствующего отца (C 2; 296; 305; 605 bis, 4 /?/; Ghul/ ūth 2).<sup>33</sup> Среднесабейские цари, по-видимому, мыслились не принадлежащими

<sup>29</sup> Надо отметить, впрочем, что, как правило, у нас нет никакой возможности отличить законное престолонаследие от узурпации.

<sup>30</sup> Iīshara Ya ub I > Watar Yuha'min; Yarīm Ayman > Alhān Nahfān; Alhān Nahfān > Sha r Awtar; Fāri Yanhub > Iīshara Ya ub II и его брат Ya'zil Bayān; Iīshara Ya ub II и его брат Ya'zil Bayān > Nasha'karib Yu'min Yuhar ib.

<sup>31</sup> Например: Sha r Awtar > La ay athat Yarkham > Fāri Yanhub.

<sup>32</sup> Наиболее очевидный пример: Iīshara Ya ub I > Sa dshams Asra + Marthad Yuha mid.

<sup>33</sup> Фрагментарная надпись C 312 является здесь, возможно, едва ли не единственным исключением, ибо она упоминает одновременно и царский статус отца Алхāна, и его (Алхāна) родовую принадлежность. Никаких других подобных случаев, как кажется, не известно. И

ни к одному из сабейских кланов; поэтому упоминание родовой принадлежности Алхана может рассматриваться как указание на его непринадлежность к царской династии.

Авторы С 2 упоминают *kl ms<sup>1</sup>b' s<sup>1</sup>b'w l-s<sup>2</sup>w n mr'-hmw L H<sup>n</sup> N H F<sup>n</sup> bn B T w-H M D<sup>n</sup>*, «все походы, в которых они участвовали, служа господину их Алхану Нахфану, сыну (рода) Бата и Хамдан» (строки 10–12); отец Алхана, Йарим Айман, царь Саба', в этой достаточно объемной надписи вообще не упоминается. Этот текст показывает, что Алхан Нахфан мог достигнуть вполне зрелого возраста и высокого положения в своем собственном роде и *ша бе* без провозглашения его формальным престолонаследником своего отца.

Здесь, конечно, нельзя забывать и о следующем обстоятельстве: как уже упоминалось выше, среднесабейские цари, по-видимому, официально утрачивали принадлежность к своему родному клану после восшествия на престол. Следовательно, став царями, они не могли формально оставаться главами своих родов и *ша бов*. В подобной ситуации царю должно было бы казаться достаточно целесообразным оставить своего собственного сына в родном клане с тем, чтобы он мог выполнять функции лидера в его роде и *ша бе*, гарантируя таким образом своему отцу сохранение полного контроля над ними.<sup>34</sup> Однако С 2 может также свидетельствовать и об определенном периоде междуцарствия, когда Йарим Айман уже умер, а его сын Алхан Нахфан еще не стал царем.

В подобной ситуации для правящего царя вполне резонным решением проблемы передачи трона сыну (или младшему брату), казалось бы, было еще при жизни сделать сына (или младшего брата) соправителем (или формальным престолонаследником, *heir presumptive*). И в самом деле, среднесабейские цари прибегали к этому методу несколько раз: Илийшарах Йахдуб I сделал это в отношении своего сына Ватара Йуха'мина (Ir 3; R 3990; 4150); Алхан Нахфан – в отношении своего сына Ша ра Аутара (С 308; 308 bis; 401 /?/; 693; Ir 10; Na NNSQ 19; 72+73+71); Ша р Аутар – в отношении своего младшего брата Хайв астары Йада (С 408; Ir 12; Ja 640; 641; R 4842); Са дшамс же Асра был, видимо, провозглашен царем Саба' и зу-Райдана совместно со своим сыном Марсадом Йухахмидом.

Однако попытки эти трудно признать вполне успешными: Хайв астар Йада, по-видимому, не смог удержаться на троне после смерти своего старшего брата, Ша ра Автара; Ватар Йуха'мин был свергнут с престола гуратидскими *кайля*ми Са дшамсом Асра и его сыном Марсадом Йухахмидом, провозгласившими себя «сыновьями» отца Ватара

---

это не очень удивительно, принимая во внимание то, что среднесабейские цари, видимо, мыслились непринадлежащими каким-либо родам, кроме, возможно, фиктивной «салхинидской» царской династии (подробнее об этом см. выше).

<sup>34</sup> Сходная ситуация в отношении сына Алхана, Ша ра Аутара, возможно, засвидетельствована надписью Na NNSQ 26.

(Bāfaqīh 1990: 351–353); но и Марсад Йухахмид, похоже, лишился власти вместе со своим отцом.

Даже могущественному Ша ру Аутару, по-видимому, также пришлось дополнительно легитимизировать свой царский статус (Sh 18/3).<sup>35</sup>

Судя по всему, формальным основанием для вступления того или иного лица на среднесабейский престол был, по-видимому, не царский статус его отца, им было скорее совершение данным лицом уже упоминавшегося выше ритуала, обозначаемого в среднесабейских надписях как *'tyt/ 'twf X dy byt<sup>n</sup> S<sup>1</sup>L<sup>n</sup> (w-GMD<sup>n</sup>)*, «вступление X в дом (царский дворец) Салхйн (и Гумдāн)» (Ir 7; 18; Ja 562; Na NAG 15; Sh 18).<sup>36</sup>

А. Г. Лундин замечает в связи с Ja 562, 4–7 (*'tyt mr'-hmw 'NMR<sup>m</sup> YH'MN mlk S<sup>1</sup>B' bn WHB'L Y Z mlk S<sup>1</sup>B' dy byt<sup>n</sup> S<sup>1</sup>L<sup>n</sup>*), «вступление Анмāра Йуха'мина, царя Саба', сына Вахаб'ила Йахūза, царя Саба', во дворец Салхйн»: «А. Жамм переводит без пояснений – *'return'*,<sup>37</sup> хотя и значение глагола, и контекст показывают, что речь идет именно о 'приходе' в Салхйн, вероятно о вступлении во владение этим замком сабейских царей» (Лундин 1984: 44; см. также: Loundine 1973: 186).<sup>38</sup>

Две надписи, Ja 562 и 564, содержат крайне примечательные формулировки, дающие важнейшую дополнительную информацию об интересующем нас ритуале. Ja 562 упоминает *'tyt mr'-hmw 'NMR<sup>m</sup> YH'MN mlk S<sup>1</sup>B' bn WHB'L Y Z mlk S<sup>1</sup>B' dy byt<sup>n</sup> S<sup>1</sup>L<sup>n</sup> bn byt bny d-GYM<sup>n</sup> gn tqn -hw 'dm-hw 'S<sup>1</sup>B' 'n w-'qwl<sup>n</sup> w-hms<sup>1n</sup>*, «вступление их господина Анмāра Йуха'мина, царя Саба', сына Вахаб'ила Йахūза, царя Саба', в дом Салхйн, из дома Банū зū-Гаймāн, в силу того, что его подданные, сабейцы, *кайли*, и войско (*hms<sup>1n</sup>*), дали ему свое согласие (*tqn*) [на это]» (строки 4–8).

Автор Ja 564 (кстати, скорее всего все тот же Анмār [Йуха'мин], выступающий здесь еще до своего вступления на сабейский престол в качестве *кайля ша ба2* Гаймāн) упоминает следующее: *m n g w<sup>m</sup> d-b-hw tqn w w-s<sup>1</sup>t y d n 'S<sup>1</sup>B' 'n w-'qwl<sup>n</sup> w-hms<sup>1n</sup> mr'- hmw KRB' L WTR YH N M mlk S<sup>1</sup>B' bn WHB'L Y Z mlk S<sup>1</sup>B' hyhr m r '-hmw KRB' L byt-hmw S<sup>1</sup>L<sup>n</sup>*, «событие, в ходе которого сабейцы, *кайли* и войско дали свое согласие на вступление<sup>39</sup> их господина Кариба'ила в их<sup>40</sup> дом Салхйн

<sup>35</sup> Если только эпизод, описанный в этой надписи, не относится к его превращению в соправителя своего отца.

<sup>36</sup> Ja 564, 7 дает и другой вариант этой формулы *hyhr X byt-hmw S<sup>1</sup>L<sup>n</sup>* (подробнее об этой формуле см. ниже).

<sup>37</sup> Со ссылкой на Jamme 1962: 39, 428 – А.К.

<sup>38</sup> Авторы *Sabaic Dictionary* сохраняют за *'tyt* [𐩦𐩣] значение «*return, homecoming*», хотя они переводят *'twf* [𐩦𐩣] как «*royal accession*» (Beeston et al. 1982: 9).

<sup>39</sup> *hyhr* [𐩦𐩣𐩣]: А. Жамм переводит это слово как «*has exalted*» (Jamme 1962: 44, 45); авторы *Sabaic Dictionary* интерпретируют *hyhr* [𐩦𐩣𐩣] как «*win success, glory, renown*» (Beeston et al. 1982: 168); Дж. Биелла переводит его как «*conquer !?!*» (Biella 1982: 230). Все упомяну-

и просили их господина Кариба'ила Ватара Йухан има, царя Саба', сделать это» (строки 4–7).

Примечательная черта данных формул заключается в том, что вступление того или иного лица на престол совершается с согласия сабейцев (т.е. «царского» *ша ба* Саба' и прежде всего гражданско-храмовой общины сабейской столицы, М'ариба – Лундин 1984; Loundine 1973), политических лидеров всех остальных *ша бов*, *кайлей*, и регулярного царского войска (*hms<sup>ln</sup>*). Следовательно, можно предположить, что восшествие на среднесабейский престол было в значительной степени результатом неформальных выборов, в которых принимали участие все три основные политические силы Среднесабейского царства. При этом вышеупомянутые надписи проливают дополнительный свет на ту политическую роль, которую три данные группы играли в политической системе среднесабейского культурно-политического ареала. Это были три группы, находившиеся в прямой зависимости от царской власти.<sup>41</sup> Однако зависимость эта, как выясняется, не была односторонней: цари точно так же были в заметной степени зависимы от своих непосредственных «подданных». Три главные политические силы Среднесабейского царства составляли в некотором смысле своеобразный «царский электорат».

Достаточно примечательно, что в «царском электорате» мы не находим большую часть населения среднесабейского культурно-политического ареала, рядовых членов «несабейских»<sup>42</sup> *ша бов* (хашидитов, гайманитов и т.д.). И это совсем не удивительно. Рядовые члены среднесабейских<sup>43</sup>

тые авторы, похоже, базируют свои интерпретации на древнееврейском *yahir*, «возвышенный, вознесенный». Однако это базовое значение, видимо, совсем не исключает понимания *hyhr* [𐤏𐤃𐤏] в данном контексте как «вступления, восшествия [на престол]», потому что подобный акт, по-видимому, практически всегда имеет отчетливые коннотации с движением «вверх» (это вполне отчетливо выражено и в русском понятии «восшествие на престол»). Дж. Биелла, похоже, подошла достаточно близко именно к подобному пониманию в своем примечании к употреблению *hyhr* [𐤏𐤃𐤏] в Ja 564, 7: «Смысл этого слова в Ja 564 может быть техническим и обозначать ритуал (?) 'вознесения' суверена в момент его восшествия на престол» (Biella 1982: 230).

<sup>40</sup> «Они» в данном случае обозначает среднесабейскую царскую династию, «Салхинидов», а не отдельного царя, ибо *pluralis majestatis* совершенно нехарактерен для среднесабейских (но не химйаритских) надписей.

<sup>41</sup> Или, другими словами, они не имели никаких иных земных господ (\**mr*' [𐤌]𐤎), кроме царей.

<sup>42</sup> В подобном контексте речь идет о сабейцах (*S<sup>l</sup>B'* [𐤑𐤁𐤁]) в узком (и более адекватном источникам) смысле этого слова, «царском» *ша ба* Саба', а не о всем населении Сабейского царства, преобладающая часть которого не называла себя «сабейцами» (\**S<sup>l</sup>B'* 'n', *S<sup>l</sup>B'* [𐤑𐤁𐤁/𐤁𐤁𐤁]).

<sup>43</sup> В широком (условном) смысле слова «сабейский», т.е. имеющий отношение ко всему Сабейскому царству, включая и его «несабейские» (в узком смысле) *ша бы*.

*ша бов* (исключая царский *ша б* Саба<sup>44</sup>) находились в прямой зависимости от *кайлей* (а иногда и от сильных некайльских кланов внутри своих *ша бов*). Поэтому в нормальном случае они, видимо, не имели каких-либо прямых отношений с царской властью. Все их отношения с царской властью обычно шли через их *кайлей*. Следовательно, то, что их согласие при вступлении на престол не требовалось, и не вызывает никакого удивления.

Таким образом, ядро среднесабейской политической системы составляли отношения взаимозависимости царской власти и трех главных политических сил Среднесабейского царства: «царским» *ша бом* Саба' (и прежде всего гражданско-храмовой общиной Мāриба), *кайлями* и профессиональным царским войском. Контроль над этими тремя силами позволял среднесабейским царями контролировать в заметной степени весь сабейский культурно-политический ареал, а обратный контроль должен был повышать прочность и эффективность всей политической системы.

Вышеупомянутое предположение о порядке среднесабейского «престолонаследования», как кажется, более или менее подтверждается ал-Хамдāни, согласно которому Сабейское (у ал-Хамдāни, естественно, «Химйаритское») царство в отдельные периоды своей истории, действительно, больше напоминало олигархическую «президентскую республику», чем обычную наследственную монархию: *wa-kāna qiyām al-malik min qudama' imyar an ijmā ra'ū Kahlān, wa-ft' l- adīth an ra'ū aqwāl imyar faqa*, «восшествие на престол среди древних Химйара<sup>45</sup> было результатом консенсуса среди Кахлāн, а позднее только среди *кайлей* Химйара» (al-Hamdānī 1980: 121; см. также: Bafaqīh 1990: 68–69).<sup>46</sup>

<sup>44</sup> А также, видимо, *ша бы* Файшāн [𐩦𐩣𐩪𐩠] и Амйр [𐩦𐩣𐩪𐩠], находившиеся в особых отношениях с сабейской царской властью.

<sup>45</sup> «ал-Хасан ал-Хамдāни использует это выражение для обозначения древних царей» (Bafaqīh 1990: 68).

<sup>46</sup> Подчеркну, что *s<sup>2</sup> b<sup>n</sup> s<sup>1</sup>B' KHL<sup>n</sup>* [𐩦𐩣𐩪𐩠 | 𐩦𐩣𐩪𐩠 | 𐩦𐩣𐩪𐩠 | 𐩦𐩣𐩪𐩠], «народ Саба' Кахлāн», является обычным обозначением гражданско-храмовой общины Мāриба в среднесабейских надписях (Ja 653, 1; 735, 1; Sh 7/1; 8/1 и т.д.). Именно с ней, видимо, и надо отождествить *Kahlān* [𐩦𐩣𐩪𐩠] ал-Хамдāни. Можно также вспомнить, что в средневековых арабских генеалогиях в Южной Аравии потомкам Кахлāна сына Саба' [𐩦𐩣𐩪𐩠 | 𐩦𐩣𐩪𐩠] (к которым относятся и Хāшид и Бакйл, эпонимные предки двух основных йеменских племенных конфедераций, а имена эти восходят к названиям двух сабейских *ша бов*) противостоят потомки Химйара сына Саба' [𐩦𐩣𐩪𐩠 | 𐩦𐩣𐩪𐩠] (см, например: al-Hamdānī 1368h; 1980; al- imyarī 1978: 12f.; см. также: Удалова 1988: 17; Chelhod 1979: 49; 1985: 46; Dresch 1989: 3–5; Abū Ghānim 1985: 61f. и др.). Кстати, данное обстоятельство служит дополнительным аргументом в пользу отнесения этой информации именно к Сабейскому (а не Химйаритскому) царству. Надо вообще подчеркнуть, что многие сведения, относимые средневековыми йеменскими авторами к Химйару, на самом деле относятся к Саба'. Так, например, почти все роды *al-mathāminah* [𐩦𐩣𐩪𐩠], которые средневековые йеменские традиционалисты рассматривают как 8 знатнейших родов Химйара, являются знатными сабейскими (т.е. принадлежащими к

Судя по всему, это сообщение ал-Хамдāнī достаточно точно отражает реальную динамику среднесабейского баланса власти: важную роль гражданско-храмовой общины Мāриба во II в. н.э. (см., например, вышеупомянутые надписи Ja 562 и 564) и подъем политического значения *кайлей* в III веке (во многом в ущерб влиянию *ша ба Саба'* – см., например: Ja 574–600; 608–625; Ir 18–26 и т.д.).<sup>47</sup>

Конечно, среднесабейская политическая система не выглядит достаточно демократической с точки зрения современных представлений о демократии, но в любом случае, на мой взгляд, можно предполагать, что Сабейское царство II в. н.э. было одним из наиболее демократичных крупных территориальных политических образований Древности (да и всей «досовременной» эпохи).

---

*ша бу Саба'*), но никак не химйаритскими (т.е. принадлежащими к *ша бу Химйар*) родами (Пиотровский 1985: 89, 145; Wāfaqīh 1986; Robin 1989c; Gron 1993: 81).

<sup>47</sup> Имеются достаточные основания полагать, что средневековая йеменская традиция иногда содержит вполне достоверную информацию о сабейской политической истории II–III вв. н.э. М. А. Бафакīху удалось, например, показать, что в труде йеменского автора XII в. Нашвāна б. Са да ал-Химйарī «Цари Химйара» (al- imyārī 1978: 56–57) содержатся вполне достоверные (и при этом достаточно полезные для современных историков) сведения о событиях сабейской политической истории первой половины II в. н.э. (Wāfaqīh 1990: 351–352).

## Глава IV

### **Правовая система Среднесабейского царства**

В контексте того, что мы знаем о политической организации Среднесабейского царства, не должно вызывать удивления и то обстоятельство, что нам неизвестны какие бы то ни было «общесабейские» законы, какие-либо правовые нормативные тексты, действие которых распространялось бы на весь Ареал.<sup>1</sup> Почти<sup>2</sup> все известные нам среднесабейские нормативные акты имели юридическую силу в пределах определенного *ша ба2* или 3, а иногда даже более мелкой общины или просто отдельного храма, и принимались они именно на этих уровнях.

#### **IV.1. Царские декреты**

Существование царских декретов, казалось бы, плохо согласуется с вышеприведенным утверждением. Здесь, однако, необходимо иметь в виду следующие моменты.

Сабейские цари как формальные политические лидеры *ша бов* Саба' и Файшан, видимо, имело право издавать декреты этим двум *ша бам*. Однако этим правом сабейские цари широко пользовались в Древний,<sup>3</sup> но не в Средний период. Единственный известный полномасштабный декрет такого рода принадлежит ХИМЙАРИТСКОМУ царю, Шамиру Йухар ишу, и издан он был уже после завоевания среднесабейского царства химйаритами.<sup>4</sup>

Наиболее известный представитель «традиционной сабейской» династии царей Саба' и зу-Райдана,<sup>5</sup> Кариба'ил Ватар Йухан им, и его сын («принц») Халак'амар (I в. н.э.) также оставили очевидные следы достаточно активной деятельности такого рода (С 609; GI 1547 /?/; GI A 452; R 3959; 4132; 4771 и т.д.). Это и не удивительно, принимая во внимание тот факт, что цари этой династии во многом подражали

---

<sup>1</sup> О единственном (и при этом предельно логичном) исключении см. раздел IV.3. данной главы.

<sup>2</sup> Возможные исключения см. в разделе IV.3. данной главы.

<sup>3</sup> См. ниже.

<sup>4</sup> Хотя в этом случае царь и выступал в качестве легитимного лидера сабейско-марибской общины (*s<sup>2</sup> b<sup>n</sup> S<sup>1</sup> B' KHL<sup>n</sup>*).

<sup>5</sup> Подробнее об этой династии см., например: Korotayev 1994e; 1996.



деятельности древнесабейских монархов (подробнее об этом см.: Korotayev 1994e; 1996: прил. С).

Необходимо подчеркнуть, что декреты эти либо крайне фрагментарны (R 4132), либо они скорее представляют документы, фиксирующие урегулирование конкретных вопросов, а не законы, не официальные юридические НОРМЫ (С 609; G1 1547; А 452; R 3959; 4771 и т.д.). Во всех этих текстах к тому же (если только они не настолько фрагментарны, что отсутствует реальная возможность судить об их содержании) речь идет о вопросах, имеющих отношение к царским *ша* бам, Саба' и Файшан и/или об их взаимоотношениях с соседними *ша* бами (G1 А 452; R 3959 и т.д.). Это не столь очевидно применительно к С 609 и G1 1547, которые формально касаются минейцев и ма'зинитов. Однако здесь имеет смысл принять во внимание тот факт, что С 609, G1 1547 и А 452 «могут рассматриваться как образующие определенный комплекс» (Lundin 1988: 45). Целью этого комплекса документов было, видимо, разграничение земельных владений коренного ма'зинитского населения и колонистов (сабейцев, фашанитов и минейцев) в районе С ан а' – Ша уб.

G1 1628 принадлежит среднесабейскому царю Наша'карибу Йу'мину Йухархибу (III в.) и на первый взгляд, представляет собою царский декрет адресованный *ша* бу2 Ма'зин. Однако он может быть интерпретирован и как документ, урегулировавший земельный спор внутри *ша* ба, где царь выступает скорее в качестве влиятельного посредника. К тому же, на мой взгляд, нельзя исключать, что одна из причин (может быть, даже главная) того, что царская власть оказалась вовлеченной в урегулирование данного земельного спора, заключается в присутствии в составе *ша* ба2 Ма'зин царских клиентов, на что указывает Ja 2115 = AM 857 (CIAS II 39.11/o2 № 7), царская же власть выступала в качестве покровителя своих клиентов и была за них в какой-то мере ответственна. Необходимо также особо подчеркнуть, что некоторые среднесабейские надписи, обычно обозначаемые как царские «декреты» (С 69; 599; Fa 3; 76; R 3960; 4134; 4649 и т.д.), представляют собою на самом деле скорее дарственные грамоты (*ватфы*).

Общее впечатление сводится к тому, что среднесабейская царская власть была заметно законодательно пассивнее древнесабейской царской власти (см.: Korotayev 1994a; 1996). Даже сохранявшейся у них прерогативой издавать декреты «царской» сабейско-марибской общине они, похоже, почти не пользовались. И, конечно, нет абсолютно никаких оснований утверждать, что среднесабейские цари могли издавать декреты, действие которых бы распространялось бы на все их царство.

## IV.2. Общинные декреты

Некоторые юридические нормы создавались народными собраниями *ша бов3* (Robin/al-Maṣamaṣn 1; Ja 2856; GI 1573a<sup>6</sup>), и действие их, естественно, распространялось только на эти *ша бы* (подробнее см. выше, раздел II.3.г.).

## IV.3. Храмовые декреты

В качестве формальных авторов некоторых сабейских декретов выступают божества (Robin /Raydah 2A; YM 547 = Ga NIS 2 = Ga 28 [CIAS I 32.21/r1]; GI 1142, совместно с местными *кайля*ми; 1361 /?/; R 4176 [вторая половина Древнего периода]; 4773 /?/; Ghul /Mārib 1 /?/); таким образом, деятельность храмов была одним из источников правовых норм в сабейском культурно-политическом ареале.

Особый интерес здесь представляет надпись Schm./Mārib 24. В этом тексте сабейское «федеральное» божество Алмаках, владыка одного из его трех «федеральных» храмов, Хирвāна ( $[LM_2Q]H-T H W^n w-twr b l^m [b \text{ } \text{ } ly] R W N^m$ ), т.е., по-видимому, администрация данного храма, через оракул устанавливает правила совершения некоторого ритуала.

Самое примечательное, что это, пожалуй, единственный известный к настоящему времени случай издания некоторого юридического нормативного документа, действие которого распространяется на все Среднесабейское царство.

Начало декрета выглядит следующим образом:

1. [ ]gn k-wqh w-rys<sup>3</sup>n '[LM]
2. [Q]H-T H W^n w-twr b l<sup>m</sup> [b =]
3. [ly] R W N^m b-ms<sup>1</sup>l-hm[y =]
4. [bd-]hw W H B ' L YHZ m[lk]
5. [S<sup>1</sup>B]' w-'dm-hw S<sup>1</sup>B' w-[FYS<sup>2</sup>=
6. [n] w-'qwl 's<sup>2</sup> b<sup>m</sup> w-kl ['n=]
7. [s] <sup>m</sup> bh<sup>m</sup> w-q n<sup>m</sup> ---

1. «Согласно тому, что постановил и предписал Алма=
2. ках-Сахвāн и Бык Владыки (или B L'a ?), двое
3. владык Хирвāна, в их оракуле их
4. рабу Вахаб'илу Йахūзу, царю
5. Саба', и его подданным, сабейцам и файша=
6. нитам, и *кайлям ша бов*, и каждому чело=
7. веку, великому и малому ---»

<sup>6</sup> Сходный случай см. GI A 744 с абсолютно неизвестной датировкой.

<sup>7</sup> Или B LM ?

Таким образом действие этого храмового декрета распространяется не только на сабейско-марибскую общину и тесно связанных с нею файшанитов, но и на *кайлей* всех *шабов* Сабейского царства, а скорее всего и просто на всех его обитателей.

Если *т л'* на строке 8 действительно значит «клятвы», весь этот декрет мог бы быть понят как установление правил принесения клятвы в храме *R W N<sup>m</sup>*. GI 1533 = Ja 2855 заставляет предполагать, что принесение клятвы было необходимой процедурой в процессе составления некоторых юридических документов (в GI 1533 клятва дается для придания юридической силы заемному соглашению, см. также С 435; Fa 55; GI 1388 /?/ и т.д.).

Таким образом, хотя, на первый взгляд, декрет регулирует исключительно ритуальные аспекты внутривраховой жизни, он мог также серьезно влиять на некоторые стороны реальной текущей юридической практики. Данное обстоятельство не так уж удивительно, принимая во внимание ту важнейшую роль, которую «федеральные» храмы играли в Среднесабейском царстве. В любом случае, достаточно примечательно, что единственная известная «общесабейская» юридическая норма была создана (через оракул) «федеральным» храмом, а не царской властью. Очевидно также, что этот декрет иллюстрирует ту важную интегрирующую роль, которую для Среднесабейского царства играли центральные «федеральные» храмы Алмакаха.

#### IV.4. «Анонимные декреты»

Некоторые сабейские декреты не указывают своих авторов. В них отсутствует какое-либо вводное описание «законодателя», и они сразу же начинаются с таких слов, как *'l s<sup>3</sup>n*,<sup>8</sup> «запрещается», или, скажем, (*w-*) *mn-m*, «если кто-либо» (Robin/Kānit 4; С 548 [= Haram 13]).<sup>9</sup> Формула *'l s<sup>3</sup>n* представляет здесь наибольший интерес. Обычно она переводится «запрещено, незаконно».<sup>10</sup> К. Робэн переводит эту формулу следующим образом как «противоречит обычаю, обычному праву».<sup>11</sup> Подобный перевод особо правдоподобно выглядит применительно к Robin/Kāni 6, 1:

<sup>8</sup> С такими вариантами как *w-'l s<sup>3</sup>n* (например, С 400) или *w-l-k-dy 'l-s<sup>3</sup>n* (MAFRAY/Qu ra 1).

<sup>9</sup> С 400 = Ja 534 и R 4178; С 604 (?); 617; GI 1532 и Лу 11; MAFRAY/Quera 1; R 4782; Robin/Kāni 6; see also С 553; 570; 619; 975; adaqān; Ry 443 и т.д.

<sup>10</sup> «It is not permitted, it is illegal» (Beeston et al. 1982: 139; Beeston 1981: 68 и т.д.), «it is not lawful» (Biella 1982: 507; Jamme 1981: 106), «il ne faut pas, il n'est pas permis» (Ryckmans J. 1953: 354–355; Avanzini 1980: 26), «es ist nicht gestattet» (Höfner 1973: 28 и т.д.), «и да не будет [разрешено]» (Лундин 1963а: 46 и т.д.).

<sup>11</sup> «Il est contraire à la Coutume» (Robin 1977: 264; цит. по: Beeston 1978b: 195); «il est contraire à la coutume» (Robin 1979b, 186); «il est contraire au droit coutumier» (Robin 1991i: 143); «ce qui n'est pas conforme à la Coutume de» (для *dt 'l s<sup>3</sup>n* – Robin 1982, II: 53).

*dt 'l s<sup>3</sup>n s<sup>2</sup> b<sup>n</sup> d-'kn ...*, «вот, что противоречит обычному праву общины Укәнита». <sup>12</sup> Применительно к MAFRAY/Yashī 8, 9 *s<sup>3</sup>n* переводится как «обычное право» и авторами *Sabaic Dictionary* (Beeston *et al.* 1982: 139).

Нельзя исключить возможность перевода *'l s<sup>3</sup>n* как «противоречит обычному праву» и для некоторых других случаев. Так, например, в GI 1573a, 1 *'l s<sup>3</sup>n-hmw* совсем не обязательно значит «для них не является законным» (Biella 1982: 507); выражение это может быть интерпретировано и как «противоречит их обычному праву, обычаю». Так что нельзя исключить и того, что по крайней мере в некоторых случаях *'l s<sup>3</sup>n* значит «[вот, что] противоречит обычаю = запрещено обычаем» без дальнейшего уточнения того, о чем именно обычном праве идет речь. Такое уточнение в общем-то излишне, так как обычно должно было быть достаточно ясно, что *s<sup>3</sup>n* в подобном контексте может обозначать только обычное право местной общины.

Это обстоятельство, возможно, и объясняет появление «анонимных декретов», тот факт, что надписи *'l s<sup>3</sup>n* зачастую не имеют официальных авторов. Возможно, эти документы формально и были не декретами, официально вводившими новые юридические нормы, а «публикацией» норм местного обычного права. «Публикация» какой-либо нормы обычного права и не должна указывать ее автора в силу формальной «анонимности» такого права. Отсутствие у такой надписи официальных авторов должно было заставлять выглядеть ее текст даже более авторитетно. Это обстоятельство, похоже, подчеркивало, что данное узаконение не искусственное решение местного народного собрания или правителей, а «естественная» норма обычного права или традиции.

---

<sup>12</sup> В особенности учитывая арабское *sunnah*, «customary procedure or action» (Biella 1982: 507), «coutume» (Robin 1979b: 185–186).

## Глава V

### Храмы в социально-политической структуре Среднесабейского царства

#### V.1. *Шя бы* и храмы

В целом, сабейская религия была в достаточно высокой степени «политизирована». Большинство известных среднесабейских посвящений было сделано божествам-покровителям социально-политических общностей разного уровня – божественным покровителям большесемейных (*байт*) или локальных (*ша б3*) общин, вождеств (*ша бов2*), «протоэтносов» (*ша бов1*) или «федеральному» божеству всего сабейского ареала в целом.

Наиболее почитаемые божества классифицируются скорее не по своим функциям,<sup>1</sup> а по тем человеческим общностям, покровителями которых эти божества выступают. И иерархия среднесабейских божеств прежде всего отражает иерархию соответствующих общностей.

Храмы, судя по всему, были важным институтом социально-политической системы Среднесабейского царства. Выше мы уже упоминали возможную функцию храмов *ша бов* как своего рода страховых фондов по отношению к членам соответствующих *ша бов*. В дополнение к сказанному эти храмы, конечно, имели и другие социально-политические функции:

«Эти божества организованы в пантеоны, при этом у каждого племени есть свой собственный пантеон... Главным божеством такого пантеона является такое, культ которого поддерживает племенную идентичность и гарантирует его единство... Наконец, ежегодное паломничество собирает вместе все племя для совершения совместных ритуалов» (Robin 1991i: 140).

Естественно, храмы божеств-покровителей *ша бов* разных уровней, превосходно справляясь с функцией интеграции соответствующих *ша бов*, должны были играть на уровне всего Среднесабейского царства в целом скорее партикуляристскую, а не интегрирующую роль.

---

<sup>1</sup> Функции эти выглядят крайне сходно у божеств-покровителей общностей разных уровней. Так посвятителю просят у разных божеств исключительно похожих благ, так что какого-то функционального «разделения труда» у основных среднесабейских божеств почти не прослеживается. «В целом, все часто упоминаемые божества... фигурируют в качестве дарителей 'милостей', как осязаемых (хороший урожай, дети, военный успех), так и не вполне осязаемых ('крепость чувств и сил')» (Beeston 1984a: 265; см. также Robin 1991i: 140).

Здесь, однако, было одно важное исключение. Исключение это было представлено прежде всего центральными, марибскими, храмами сабейского «федерального» божества Алмакаха: речь идет, конечно, прежде всего об Аввāме, но также до некоторой степени и о Хирвāне и Бар'āне (см. С 314 + 954; 400 [= Ja 534]; 401 /?/; 404; 409; 581 /?/; Ir 30; 69; Ja 535; 563, 19–20; 564, 27–29; 629, 45–46; 657, 14–15; 679 /?/; 742, 3–6; 820, 3–4; 877 = AM 205 [CIAS I 95.11/o1 № 2]; 2839, 23; R 3929; 4137; 4138; 4636 и т.д.; и в особенности раздел IV.3. данной работы). Судя по всему, в Средний период существование общего божества, почитаемого в той или иной степени почти всеми обитателями Сабейского царства, в значительной степени обеспечивало своего рода «федеральное», «общесабейское» надобщинное самосознание членов этой культурно-политической общности. Эти храмы могут рассматриваться как один из важнейших интегрирующих институтов среднесабейского культурно-политического ареала.

## **V.2. «Федеральные» храмы Алмакаха как институт интеграции Среднесабейского царства**

Исходно Алмаках (*LMQH/W*) представлял собою главного божественного покровителя сабейского *ша ба* (и, естественно файшанитов, изначально находившихся в тесном союзе с сабейцами).<sup>2</sup> Однако формирование раннесабейской «империи» и трансформация ее ядра в сабейский культурно-политический ареал привели к тому, что Алмаках стал почитаться и несабейскими *ша бами* сабейского ареала. Изначально во многих южноаравийских общинах культ Алмакаха был насажден сабейцами буквально силой (см., например, R 3945, 16). Дезинтеграция древнейшей Сабейской «империи», естественно, привела к исчезновению этого культа на территории большинства общин, вышедших из-под сабейского политического контроля (см., например: Бауэр 1989: 155). Как уже упоминалось выше, то, что осталось от древнейшей Сабейской «империи», оказалось достаточно стабильной культурно-политической общностью. 10–15 *ша бов*, расположенных недалеко от сабейского центра, марибского оазиса, сохранили свою верность «земной» власти сабейских царей и «небесному» авторитету Алмакаха, в результате образовав сабейский культурно-политический ареал; и интегрирующая роль в нем второго была также важна, как и роль первого.

Среднесабейские надписи дают достаточно обильную информацию, показывающую существование следующих четырех основных каналов осуществления «федеральными» храмами вышеупомянутой интегрирующей функции:

<sup>2</sup> См., например, R 3945 и 3946.

- а. эпонимат;
- б. паломничество;
- в. храмовая десятина;
- г. посвящения и иные ритуалы.

### V.2.a. Интегрирующая функция сабейских эпонимов

Изначально сабейские эпонимы (жрецы, по именам которых сабейцы обозначали свои года) выполняли свои жреческие функции в рамках культа чисто «федерального» божества, Астара з̣у-Зиб̣ана, т.е. они были своего рода подчеркнута «федеральными» жрецами. Однако позднее, с переходом к Среднему периоду они оказались более тесно связанными с культом Алмакаха, исходно покровителя именно сабейского *ша ба*, но не сабейской «федерации» в целом. Однако во второй половине Древнего периода Алмаках занял место Астара з̣у-Зиб̣ана в качестве объекта «федерального» культа сабейского культурно-политического ареала, поэтому совсем не удивительно, что и в Средний период «зона влияния» сабейских эпонимов выходила за пределы обитания собственно сабейского *ша ба* (см. ниже). В Средний период это была одна из жреческих магистратур сабейско-марибской гражданско-храмовой общины, но вместе с тем сабейский эпонимат представлял и в значительной степени «федеральную» жреческую магистратуру.

Система сабейского эпонимата изучена достаточно детально А. Ф. Л. Бистоном<sup>3</sup> и в особенности А. Г. Лундиным;<sup>4</sup> хотя в последнее время многие из выводов А. Г. Лундина были существенно пересмотрены К. Робэном (Robin 1994). Я не буду здесь останавливаться на конкретных деталях функционирования этой системы (на настоящем уровне разработки этой проблемы для этого уже требуется целая монография), а ограничусь упоминанием лишь некоторых черт этой системы, имевших определенное интегрирующее значение в рамках сабейского культурно-политического ареала.

Наиболее существенен здесь тот факт, что эпонимные датировки употреблялись не только на территории обитания *ша ба* Саба'. А. Г. Лундин отмечает их использование в Амр̣ане, Рагв̣ане (С 555), в Сирв̣ахе в Хаул̣ане (С 601; G1 1533<sup>5</sup>), в Райде (С 282), Шиб̣ам-Каукаб̣ане (G1 1200), в Ша̣убе около Сан̣а' (С 600). Отсюда он делает вывод о том, что классические сабейские эпонимные датировки использовались «в практически всех центрах сабейского государства» (Лундин 1971: 56).

Конечно, вышеупомянутые надписи ясно показывают, что сабейские эпонимные датировки широко использовались за пределами М̣ариба и

<sup>3</sup> Beeston 1956: 28–34.

<sup>4</sup> Loundine 1962; Lundin 1965; 1969; 1977; Лундин 1961a; 1963b; 1965b; 1966a; 1968a; 1968b; 1971; 1974a; 1977; 1978.

<sup>5</sup> = Ja 2855 – А.К.

даже за пределами основной зоны обитания *ша ба* Саба'. Однако я не могу согласиться с тем, что вышеприведенный список надписей доказывает то, что датировки эти использовались «в практически всех центрах сабейского государства». Можно сразу же заметить отсутствие в списке А. Г. Лундина центров областей таких важнейших *ша бов* сабейского ареала, как Хашид, Хумлāн, Самхар, Гаймāн и т.д. Все точки, упоминаемые А. Г. Лундиным, расположены либо на территориях со значительным присутствием там членов *ша бов* Саба' и Файшāн (Рагвāн, Ша ѓб), или на территории тех *ша бов*, чьим божественным покровителем выступал как раз Алмаках (Сирвāх и *ша бы* бакилитской конфедерации: зў-Райдат, зў- Амрāн, зў-Шибām). Таким образом, вышеупомянутые надписи свидетельствуют скорее об использовании сабейских эпонимных датировок теми *ша бами*, покровителем которых выступал Алмаках (в его различных манифестациях), но вовсе не об их употреблении «в практически всех центрах сабейского государства». Сделанное же достаточно давно А. Ф. Л. Бистоном (Beeston 1956: 28–34) предположение о том, что использование сабейских эпонимных датировок было как-то связано с культом Алмакаха, выглядит совсем неплохо обоснованным.

Здесь, однако, необходимо сделать следующую оговорку: имеется некоторое, хотя и небольшое количество исключений из этого правила – R 4646 с территории *ша ба*2 Йарсум, божественным покровителем которого (как и всех остальных сум айтских *ша бов*) выступал Та'лаб, и R 4727 с территории *ша ба* Йакнй амм, божественным покровителем которого выступал Вадд, а не Алмаках в любой из его манифестаций.<sup>6</sup>

Очевидно, что само уже существование системы общих датировок (в особенности столь сложной, как системы сабейских эпонимных датировок) предполагает существование определенной информационной subsystemы, определенных каналов обмена информацией, касающейся этих датировок, между центральным храмом, где эпонимы исполняли свои должностные функции и достаточно удаленными *ша бами* и их храмами. Например, жрецы Алмакаха в храме Хиррāн в Амрāне (где как раз широко использовались сабейские эпонимные датировки)<sup>7</sup> должны были тем или иным образом получить информацию о том, какое именно лицо исполняло функции эпонима в данном году в достаточно удаленном Мāрибе (в особенности учитывая тот факт, что система смены эпонимов была не столь жесткой, как это предполагалось А. Г. Лундиным, и заранее предсказать, какой именно эпоним будет в следующем году, было, видимо, невозможно [Ryckmans J. 1993b; Robin 1994]).

Между прочим, вышеупомянутые надписи из Амрāна показывают, что информация об эпонимных датировках могла распространяться и через

<sup>6</sup> Впрочем, культ Алмакаха все-таки на территории этого *ша ба* засвидетельствован (R 4677, 4).

<sup>7</sup> С 73; 80; 81; 83; 90; 99.



какие-то информационные каналы, отличные от каналов царской управляющей подсистемы, так как надписи эти никогда не упоминают сабейских царей. Все это заставляет предполагать, что Амран находился за пределами сабейского политического ареала по крайней мере какое-то время в I веке до н.э. – II веке н.э., т.е. какое-то время он не находился в прямой политической зависимости от сабейской царской власти. Однако уже сам факт систематического использования сабейских эпонимных датировок в Амране показывает, что Амран всегда был интегрирован в сабейский культурный ареал, всегда сохраняя культурные связи с сабейским центром. Принимая во внимание хорошо засвидетельствованные жреческие функции сабейских эпонимов, использование их имен в датировках не было простой технической формальностью. Это должно было быть и во многом своего рода признанием авторитета центрального храма Алмахаха. Таким образом, вполне вероятно, что информация относительно эпонимных датировок распространялась прежде всего через систему храмов Алмахаха. Итак, здесь мы, как кажется, находим дополнительное подтверждение интегрирующей роли «федеральных храмов» Алмахаха.

Необходимо подчеркнуть и то обстоятельство, что использование эпонимных датировок не ограничивалось только лишь храмовыми надписями. Они использовались также в некоторых юридических документах, скажем при регистрации дарений (например, C 380; 609; R 4646) или долгов (например Fa 30; GI 1533 [= Ja 2855]; 1572; 1573). Влияние системы эпонимных датировок не ограничивалось, таким образом, храмами, воздействуя и на многие другие сферы общественной жизни.

Вышеупомянутый эпиграфический материал также показывает существование в сабейском культурно-политическом ареале группы *шабов*, имевших в качестве основного божественного покровителя Алмахаха (пускай и в виде разных его манифестаций) и использовавших единую систему эпонимных датировок, а значит и обладавших повышенной плотностью культурных взаимосвязей. Они, по-видимому, образовывали в рамках сабейского ареала как бы культурное ядро второго уровня (в качестве культурно-политического ядра первого уровня можно рассматривать саму сабейско-марибскую гражданско-храмовую общину).

Однако тот факт, что и некоторые другие *шабы* Среднесабейского царства все-таки использовали, пускай лишь спорадически, сабейскую систему эпонимных датировок, представляется очень значимым.

### **V.2.б. Интегрирующая функция паломничества**

Обитатели Среднесабейского царства, видимо, были обязаны совершать паломничество в район Мариба, в «федеральные» храмы Алмахаха, раз в году, в сабейский месяц *d'-BHY*.

В надписи второй половины Древнего периода R 4176 Та'лаб Рийām, божественный покровитель сум айитов, объявляет им свою волю: *l-k-d 'l y nn S' M b-d-'BHŪ bn h rn 'LMQH dy MRB*, «да не будут сум айиты пренебрегать в (месяц) *d-'BHŪ* совершением паломничества к Алмакаху в Мәриб» (стк. 1–2).<sup>8</sup> Этот декрет был, по-видимому, важной вехой на пути интеграции сум айитов в сабейский культурно-политический ареал. В реальности, это обязательство подразумевало, что паломничество совершалось представителями соответствующих групп, а, конечно, не всем населением сабейского ареала без исключения. В реальности такое паломничество могло совершаться определенными группами и не на регулярной основе, а, скажем, в благодарность за определенные конкретные благодеяния, оказанные божеством представителям соответствующей группы (Ja 669, 14–15).

В любом случае, судя по всему, каждый год в сабейском месяце *d-'BHŪ* паломники из всех основных областей сабейского ареала (и не только лишь члены сабейско-марибской гражданско-храмовой общины) появлялись в Мәрибе для того, чтобы совершить определенные ритуалы в «федеральных» храмах Алмакаха (Ja 651, 16–17; 669, 14–15; R 4176, 1–2; YM 375 [CIAS I 95.41/r4], 4–6; NAM 2494 [CIAS II 39.11/o3 № 6]; см. также: Ruyckmans J. 1973a: 328–334; 1973c: 37–38; 1975: 217–219 и т.д.). Естественно, эта практика создавала интенсивные потоки людей, информации, идей и т.д. в рамках Сабейского царства. Она поддерживала важную дополнительную сеть надобшинных связей. Она, следовательно, должна рассматриваться в качестве мощного интегрирующего фактора в рамках Сабейского царства.<sup>9</sup>

### **V.2.в. Интегрирующая функция храмовой десятины**

Как уже упоминалось выше, десятина центральному храму Алмакаха, Аввāму, должна несомненно была выплачиваться членами сабейско-марибской гражданско-храмовой общины, чьим особым божественным покровителем и был владыка этого храма (Ja 656, 12–19), но она платилась этому храму и членами иных *ша бов* Среднесабейского царства.<sup>10</sup>

Достаточно очевидно, что уже само по себе существование этой практики подразумевало наличие вполне стабильных и интенсивных

<sup>8</sup> См., например Ghul 1984: 33.

<sup>9</sup> Хотя после аннексии сабейского ареала химйаритами эта практика стала играть в рамках Химйаритской империи скорее партикуляристскую, а не интегрирующую роль. Поэтому не кажется случайным то, что химйаритские цари стали посылать специальных чиновников для наблюдения за паломничеством к «федеральным» божествам подчиненных химйаритами культурно-политических ареалов (Ja 651, 16–17; Ir 37, 11–12).

<sup>10</sup> Ir 22; 26; Ja 615; 617; 650; Na NAG 11 (= Ir 25) и т.д.

потоков вещества, энергии и информации в рамках среднесабейского культурно-политического ареала, точнее говоря потоков, идущих от периферии к центру системы, и потоки эти не могли не играть заметной интегрирующей роли. С другой стороны, необходимо принять во внимание и то обстоятельство, что в среднесабейском ареале отношения между плательщиками десятины и храмами могли быть довольно реципрокными (см. выше III.3.; Korotayev 1994b; 1996, гл. II), что, как кажется подразумевает и наличие определенных центробежных потоков.

Таким образом, среднесабейская практика уплаты десятины центральному храму Алмахаха, по-видимому, создавала целую сеть важных надобщинных интегрирующих связей.

## V.2.g. Интегрирующая функция посвящений и других ритуалов

Практика посвящений, совершаемых в «федеральные» храмы Алмахаха, также представляется достаточно важной в этом отношении. Посвящения Алмахаху, владыке Аввāма, делались представителями всех основных слоев среднесабейского общества, членами сабейско-марибской общины и лицами, к ней не принадлежащими, царями,<sup>11</sup> царскими и *кайлжскими мактавийами*,<sup>12</sup> клиентами всех типов,<sup>13</sup> сабейскими аристократами<sup>14</sup> и обычными сабейцами (и *файшанитами*),<sup>15</sup> *кайлями* всех основных *ша бов*<sup>16</sup> и их рядовыми членами.<sup>17</sup> То же самое можно сказать и о других важных ритуалах, таких как получение оракулов<sup>18</sup> и т.д.

<sup>11</sup> Ir 14; Ja 574; 575; 576 (= Ry 535) + 577; 589; 608; 609; 610; 611 и т.д.

<sup>12</sup> *Кайлжские мактавийи*: Ir 27; 33; Ja 632; Ja 691 = AM 851 = NAM 212 (CIAS II 39.11/07 № 5); 708 = NAM 1626 (CIAS II 39.11/02 № 6); 713; 739; 758; 2113 = AM 855 = NAM 1448 (CIAS II 39.11/03 № 5); YM 438 (CIAS I 39.11/06 № 3) и т.д. Царские *мактавийи* C 407; Ir 13; 15; 20; 21; 23; 26; 69; Ja 572; 578; 579; 580; 581; 582; 583 + 807; 612; 613; 614; 615; 616; 646; 649; 650; 651; 652; 660; 661; 749; 2110 (CIAS II 39.11/02 № 8); 2114 (CIAS II 39.11/05 № 2); 2118 (CIAS II 39.11/03 № 9); 2119 (CIAS II 39.11/07 № 3); Na NAG 11 (= Ir 25); ST 1 (CIAS I 39.11/06 № 3) и т.д.

<sup>13</sup> Клиенты *кайлжских* кланов: ZI 29; Ja 689; 704; 712; 730; NAM 281 (CIAS II 39.11/03 № 2); Na NAG 3 и т.д. Клиенты аристократических сабейско-марибских *некайлжских* кланов: Ja 696 ≈ 697; 707 (= AM 852 = NAM 2358 [CIAS II 39.11/06 № 8]); 711; 726; 2111 (= AM 849 = NAM 2357 [CIAS II 39.11/07 № 2]); Na NAG 2 и т.д. Клиенты прочих кланов: C 410; Ir 34; Ja 683,1; 689,1; 721,1–2; 731 = AM 853 = NAM 2375 (CIAS II 39.11/03 № 10); NAM 2494 (CIAS II 39.11/03 № 6) и т.д. Клиенты царской власти: Ja 570; 694; 723; 784; 812; 2112 (CIAS II 39.11/02 № 7); 2115 (CIAS II 39.11/03 № 1); Ry 542 = AM 844 = NAM 1631 (CIAS II 39.11/06 № 7); YM 350 (CIAS I 39.11/06 № 5) и т.д.

<sup>14</sup> Ir 32 (= Shreyer-Geukens); Ja 563; 565; 567; 664; 665; 703; 744; 2839 и т.д.

<sup>15</sup> BR/M. Bay ān 4; ZI 24; 28; Ja 590 = AM 847 = NAM 1622 (CIAS II 39.11/02 № 3); 620 = AM 863 = NAM 1614 (CIAS II 39.11/03 № 7); 693; 698; 706; 741 ≈ 756; 2107 = AM 841 = NAM 429 (CIAS II 39.11/02 № 2); NAM 2494 (II 39.11/03 № 6); 2659 (CIAS II 39.11/06 № 6); YM 394; 440; 350 (CIAS I 39.11/06 № 2; № 4; № 5) и т.д.

<sup>16</sup> Ir 1; 4; 5; 6; 7; 13; 18; 19; 22; 23; 26; 28; 37; Ja 559; 561; 561 bis; 562; 564; 578; 615; 616; 624 (+ R 4194); 626; 629; 631; 644; 649; 650; 651; 658; 666; 670; 695; 716; Na NAG 5; 8; 11 (= Ir 25); R 4139 + C 411; Ry 538 и т.д.

\* \* \*

Кажется нелишним в заключение напомнить здесь и тот факт, что «федеральные» сабейские храмы Алмакаха (а не царская власть) начали процесс юридической интеграции сабейского культурно-политического ареала, создавая определенные правовые нормы, действительные для всего ареала, в то время как среднесабейские правовые нормы, созданные царской властью, *ша* бами и их правителями, имели силу лишь в пределах соответствующих строго определенных *ша* бов (подробнее см. гл. IV).

В силу сказанного выше, представляется достаточно вероятным, что культ «федерального» божества играл крайне важную интегрирующую роль в рамках среднесабейского культурно-политического ареала, в высокой степени компенсируя слабость государственного центра.

---

<sup>17</sup> ZI 27; Ja 621; 704; 712; 738; 747; Ry 375 = AM 104 = NAM 1583 (CIAS II 39.11/о5 № 3); YM 392 (CIAS I 39.11/о6 № 1) и т.д.

<sup>18</sup> Ja 563; 568; 580; 583; 606; 607; 626; 628; 630; 632; 633; 642; 647; 650; 711; 725; 753 I; 762; 818; 877 и т.д.

## Глава VI

### **Некоторые черты политической культуры Среднесабейского царства: союзы родов**

В качестве примечательной и важнейшей черты среднесабейской политической культуры может рассматриваться широко распространенная в Среднесабейском царстве практика межродовых союзов, имевшая зачастую существеннейшие политические последствия. Судя по всему, практика эта играла важную роль на всех уровнях среднесабейской социально-политической системы.

2–3 местных родовых группы могли объединиться и создать один общий клан для того, чтобы добиться доминирующего положения в своей территориальной общине, *ша бе3*. Например, надпись Robin/al-Maṣamaun 1 показывает, что такое доминирующее положение в общине  $MDR^m$  принадлежало союзу родов Банū  $G B^m$  и  $DRMT$  (см. также С 340). Имеются также определенные основания предполагать, что в *ша бе3*  $DMH^n$  такое доминирующее положение принадлежало союзу родов Банū  $RM S^{lm}$  и Банū  $S^1MY M$  (С 19; 341; 343; DJE 17; R 4030; 4031; 4039 [= Radt 82]; 4338; 4344; см. также: Müller 1972b: 106) и т.д.

Некоторые *кайлские* роды вступали в союзы со влиятельными кланами своих подданных.<sup>1</sup> Подобная практика выглядит достаточно разумной, так как она должна была вполне эффективно гарантировать поддержку соответствующих родовых групп, существенно увеличивая таким образом интегрированность данного *ша ба2*. Родовые группы «подданных» при этом, естественно, включались в кланы *кайлей* на положении «младших», подчиненных ветвей.

Например, Банū зū-Гайман, *кайл ша ба2* Гайман, по-видимому, инкорпорировали в себя род  $d-N'S^{lm}$  (Ja 626, 2, 8, 18–19; Na NAG 17, 5 и т.д.), который скорее всего доминировал в  $N'S^{lm}$ , одной из территориальных общин, «четвертей» (*'rb w*), составлявших *ша б2* Гайман (например, Ir 22 §1).

---

<sup>1</sup> Между прочим, подобные факты показывают, что граница между *кайлскими* кланами и родами обычных членов *ша бов2* была все-таки не столь абсолютно непроходимой, как это, по-видимому, предполагают некоторые исследователи (например, Robin 1982 a, I: 83–84; Bäfaqih 1990: 65–66).

Бану  $MWD^m$ , судя по всему, были родовой группой, доминировавшей в *ша бэ3*  $d-HMR$  (Хамир) и  $L Y^m$  (Chelhod 14; МАFY/Намир 1, 1; Robin/Намиг 1, 3–4). Существует достаточно большое количество свидетельств того, что после некоторого периода самостоятельного существования этот клан был интегрирован в *кайлский* род Бану Су'ран [ $S^l R^n - M$ ]hГ] (Ir 27; 69; С 314 + 954; Na NAG 11; Na NNSQ 59; R 4139). К. Робэн, по-видимому не без оснований, комментирует это обстоятельство следующим образом. «Упоминание  $Mwd^m$  в цепочке имен собственных, конституирующих идентичность *кайлэй*  $S^l r^n$  несомненно отражает определенный приоритет  $S^l r^n$  над  $Mwd^m$  (а, возможно, и доминирование первых над вторыми)» (Robin 1982 а, I: 103). Кроме того можно предположить, что и остальные *некайлские* роды, входившие в союз с Бану Су'ран (Бану  $M YL^m$ ,<sup>2</sup> Бану  $S^3 MK^m$ ,<sup>3</sup> Бану  $d-R S^l M^m$ <sup>4</sup>), также представляли собою кланы, доминировавшие в территориальных общинах, входивших в *ша б2* Бакил зү-Райда(т).<sup>5</sup>

Предположение К. Робэна о том, что инкорпорация Бану  $MW^m$  в род Бану  $S^l R^n$  была своего рода «формальной легитимизацией» подчинения общины Хамира (и  $L Y^m$ ) *кайлями* Райды (Robin 1982 а, I: 102-104)<sup>6</sup>, выглядит достаточно правдоподобно. Впрочем, ввиду малого количества релевантных надписей представляется невозможным окончательно установить, входил ли Хамир в *ша б2* Бакил-зү-Райда(т) до инкорпорации Бану  $MW^m$  в род Бану Су'ран. Поэтому, как кажется, нет достаточных оснований для окончательного решения вопроса о том, был ли этот союз заключен Бану  $S^l R^n$  для усиления своего контроля над общиной Хамира, уже принадлежавшей к *ша бу2* Бакил-зү-Райда(т), либо союз этот «оформлял» включение Хамира (и  $L Y^m$ ) в контролируемый Бану Су'ран *ша б2* Бакил-зү-Райда(т).

В любом случае, достаточно правдоподобным выглядит предположение о том, что создание союзов *кайлских* родов и влиятельных *некайлских* кланов, доминировавших в локальных общинах, достаточно часто использовалось *кайлями* для включения ранее самостоятельных общин в *ша бы2* в качестве одного из способов расширения территории,

<sup>2</sup> С 281; 282; 314 + 954; Ir 6; 26; 27; 69; Ja 572; 578; 632; МАFY/ amīda 5; Na NAG 11; Na NNSQ 59; R 4139.

<sup>3</sup> С 314 + 954; Ir 69; Ja 578.

<sup>4</sup> Ir 27; Na NAG 11.

<sup>5</sup> Иллюстрацией того факта, что нижестоящая в социальном отношении родовая группа могла в Среднесабейском царстве быть инкорпорирована в вышестоящую родовую группу, могут служить надписи Мй 1 и Ja 656: Бану  $RS^l M^m$ , клиенты Бану  $TKL^n$  (Мй 1, 1) входят в родовую союз со своими патронами (несомненно, в качестве младших партнеров), образуя объединенный род  $bnw TKL^n w-d-R S^l M^m$  (Ja 656, 4–5).

<sup>6</sup> Это предположение подразумевает, что Хамир не входил в *ша б2* Бакил-Райда до создания союза родов Бану Су'ран и Бану  $MW^m$ .

контролируемой соответствующими *кайжскими* кланами (а значит, и территории соответствующего *ша ба*).<sup>7</sup>

Например, Бану зү-Хабаб, по-видимому, изначально доминировали только в общине Сирвāха.<sup>8</sup> Однако через создание целой серии союзов с несколькими кланами доминировавшими в соседних общинах (Бану  $S^l R Y^n$ ,<sup>9</sup>  $H Y N^n$ <sup>10</sup>,  $T R^n$ ,  $d-MD$ ,  $WL^{m11}$ ) они смогли установить свой контроль над обширной территорией *ша ба*  $HWL^n H L^m w-H Y N^n$  (Iг 23 §1; 28 §1; Fa 3, 2; Ja 649, 1-4 и т.д.).

*Кайжские* кланы часто создавали союзы между собой; создание таких союзов родов *кайж* было важной чертой политической жизни Среднесабейского царства. Нам известны такие союзы, как например те, что объединили (по крайней мере на время) Бану Хамдāн и Бану зү-Гаймāн (Ja 577; 716; MAFY/Науwān 2), Бану Бата и Бану Хамдāн (C 2; 295; 296; 352; 353; 605 bis; Ghul- ūt 2; GI 1365; Na NNSQ 26; MAFRAY/Kuh, 1 1; MAFY/al-Наjarī 2), Бану Хамдāн и Бану Су'рāн (Iг 17; Ja 544; 708 = NAM 1626 [CIAS II 39.11/о2 № 6]; Ry 534 + MAFY-Rayda 1), Бану Су'рāн и Бану зү-На āмат (Iг 27; Na NAG 11; R 4139), Бану зү-Кабир-Акйāн и Бану Мурāсид (C 141 = Chelhod 29 [CIAS I 32.1/h9]), Бану зү-Кабир-Акйāн и Бану Сухайм (возглавляемый некайжским аристократическим сабейским родом: Ja 684; 711; 739; 758) и т.д.

Здесь надо обязательно иметь в виду следующее обстоятельство. Роды *кайж* и соответствующие *ша бы* «срослись» до такой степени, что они судя по всему, мыслились неразделимыми. В результате *кайжский* клан определенного *ша ба* не мог просто завоевать соседний *ша б*, прогнать оттуда его *кайжский* род и «аннексировать» соответствующую территорию. По всей видимости единственным легитимным путем пространственной экспансии власти данного *кайжского* рода было создание союза с соседним *кайжским* кланом таким образом, чтобы он вошел в первый клан в качестве его младшей ветви; только таким

<sup>7</sup> Практика эта представляется в высшей степени логичной в контексте социально-политической организации Среднесабейского царства. В рамках Среднесабейского царства доминирование определенных кланов в соответствующих общинах было обычно исключительно стабильным. Мысль о том, что род А, доминирующий в общине Х, может быть просто изгнан соседним родом В, который таким бы образом установил свое господство над общиной Х, судя по всему, была совершенно чужда среднесабейской политической культуре. Единственный легитимный путь, посредством которого клан В, не входя в общину Х, мог установить свое доминирование в ней, видимо заключался в том, чтобы образовать союз с кланом А, инкорпорировав Бану А в него в качестве младшей ветви объединенного клана *bnw B w-A*, и приобретя таким образом легитимный политический контроль над общиной Х.

<sup>8</sup> См., например: GI 1533 = Ja 2855.

<sup>9</sup> Iг 23 §1; Ja 617, 7–8, 11, 14; 649, 2 и т.д.

<sup>10</sup> Например, Ja 649, 1.

<sup>11</sup> Например, Ja 649, 2.

способом, видимо, и можно было добиться контроля над соседним *ша бом*. Вероятно, это и было одной из главных причин такого широкого распространения «союзов» между *кайлскими* родами.

Некоторые из этих родовых союзов оставили заметный след во всей последующей истории Йемена, прежде всего инкорпорация Бану Су'ран (*кайлей* Бакйл-зү-Райда[т]) в Бану Хамдән (*кайлей* Хәшид), которая послужила важнейшей вехой на пути создания хамданитской племенной конфедерации, включившей в себя как Хәшид, так и Бакйл (см., например: Robin 1978; 1982 а, I: 101–109).

Как уже понятно из сказанного выше, подобные «союзы» отнюдь не всегда были вполне добровольными. Например, упомянутое выше включение Бану Су'ран в Бану Хамдән скорее всего реально представляло собой формальную легитимизацию передачи Райды роду Бану Хамдән химйаритскими завоевателями, так отблагодарившими этот *кайлский* род за подавление мятежной Райды, которая, судя по всему активно сопротивлялась как раз этой самой химйаритской оккупации сабейского культурного ареала, окончательно ликвидировавшей сабейскую политическую независимость в конце третьего века н.э.<sup>12</sup> (С 353). В период после химйаритского «объединения» Южной Аравии практика создания родовых союзов была наиболее успешно применена Бану зу-Йаз'ән, которые включили в свой род не менее 22 (двадцати двух!) других влиятельных кланов от Дофәра (на территории современного Омана) на Востоке до «Сабейского» нагорья на Западе, инкорпорировав в себя, скажем, сабейско-марибский аристократический род Бану Гадән (Джадән) и старый *кайлский* род Бану зү-Гаймән (Abadән I; С 541; 621; Ja 1028; 1030; MAFRAY/Abū Tawr 4; R 4069; 5085; Ry 508; Yanbuq 23; 47; см. также: Bāfaqīh 1979; Robin, Bāfaqīh 1979; Robin 1986). Таким образом им удалось установить свой контроль над большей частью территории Южной Аравии (и в конце концов, достичь царской власти).

---

<sup>12</sup> Завоевание это, впрочем, окончательно ликвидировало Сабейское царство, но отнюдь не соответствующий культурно-политический ареал. Созданный сабейцами он, в некотором смысле, на много веков пережил своих создателей, продолжая существовать в виде такой культурно-политической реальности, как «Страна Хәшид и Бакйл» вплоть до настоящего времени.



## Часть 2

---

# **Некоторые общие факторы и тенденции эволюции сабейского культурно-политического ареала (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.): от государства к вождествам?**

## Глава VII

### **Общая характеристика среднесабейского царства. Среднесабейская социально-политическая система в сопоставлении с древнесабейской (предварительный анализ)**

В целом, собственно государственные черты политического центра сабейского культурного ареала во II–III веках н.э. были выражены крайне слабо. Это касается всех основных признаков государственности,<sup>1</sup> таких, как (1) наличие обособленного и отчужденного от народа специализированного аппарата управления (и в том числе, формального легализированного аппарата «внутреннего» принуждения и насилия), (2) регулярного, «искусственного» административно-территориального деления и (3) системы регулярного налогообложения.

Отсутствие в среднесабейской политической системе сколько-нибудь развитой и автономной подсистемы государственной гражданской администрации (чиновничества и т.п.) и регулярного налогообложения было

---

<sup>1</sup> Ср., например: Куббель 1979: 259–260; 1988: 132; Попов 1990: 49–50; см. также: Крадин 1991: 270–273; Service 1971 [1962]: 163–169; Sahlins 1968: 4–7; Johnson 1973: 1–4; Keesing 1976: 348; Wright 1978: 49–68; Yoffee 1979: 14–17; Brumfiel 1983: 261 и т.д.

показано выше (см. гл. III). Осталось только показать отсутствие у этой системы и третьего признака государственности, искусственного административно-территориального деления.

В рамках среднесабейского культурно-политического ареала не существовало, по-видимому, регулярного, «искусственного», специфически государственного административно-территориального деления. Конечно, территория ареала состояла из земель «племен» – *ша бов*; при этом каждый из данных *ша бов* был вполне территориален (Beeston 1972: 258; Rhodokanakis 1927: 119; Robin 1979: 2–5; Robin 1982a, I: 71–77; Robin 1982b: 19–23).

Но в подобном делении территории сообщества на племенные «земли», на мой взгляд, нет ничего специфически государственного. Ведь, как это показал еще Р. Лоуи (Lowie 1927), территориальное деление в той или иной форме присуще, как правило, и догосударственным сообществам.

Я склонен полагать, что реальное отличие догосударственной (и негосударственной) политической организации от государственной по этому параметру заключается не в самом наличии – отсутствии территориального деления (оно, как правило, было и там, и там), а в том, что переход от догосударственной политической организации к государственной закономерно сопровождается переходом от «естественного» территориального деления к «искусственному».

Действительно, территориальное деление догосударственных сообществ складывается вполне стихийно, отнюдь не как результат деятельности ранних политических структур. Так, территория вождества, как правило, состоит из территорий нескольких общин, но власть вождя это территориальное деление практически никогда не учреждает.

Наследуя от догосударственной политической организации естественное территориальное деление, государственная организация в процессе своего становления начинает его искусственно менять, придавая ему все более и более регулярный характер. Именно «искусственность» и регулярность территориального деления (а не территориальное деление само по себе) и могут служить показателем развитости государственной организации. Специфической чертой более или менее развитой государственной организации является именно «зависимость» регулярного, искусственного, собственно государственного административно-территориального деления от государственной власти. Специфически государственная власть может провести административную реформу: учредить вместо деления на 15 провинций деление на 25 департаментов, слить две губернии в одну, или наоборот разделить одну – на три, передать уезд из одной губернии в другую, изменить границы между «административно-территориальными единицами» и т.п. Регулярное искусственное специфически государственное административно-территориальное деление выглядит, таким образом, как своего рода порождение государственной власти, но последняя в этой

сфере, конечно, действует, как правило, не чисто произвольно, а учитывая естественное, независимо от нее сложившееся территориальное деление. В любом случае искусственная составляющая в регулярном административно-территориальном делении очевидна, и именно ее, на мой взгляд, и нужно считать специфически государственной.

Некоторые черты «искусственности» среднесабейской территориально-политической организации (деление *ша* бов первого порядка на «трети» [*tl* /ед.ч./] и «четверти» [*rb* /ед.ч./]) – именно так нередко обозначаются *ша* бы<sup>2</sup> в среднесабейских надписях) могут рассматриваться и как результат естественной сегментации разраставшихся *ша* бов, но, может быть, и как остатки регулярного административно-территориального деления Древнего периода.<sup>2</sup> Но в любом случае в Средний период деление Сабейского царства на земли *ша* бов было уже вполне естественным и совершенно независимым от центральной (да и, видимо, от любой другой) власти. Так, никакая власть в Среднесабейском царстве не могла, похоже, провести «административную реформу»: скажем, вместо деления ареала на земли 15 *ша* бов учредить его деление на 8 или 25 «племен» – укрупнить или раздробить «административные единицы»; или вместо деления «конфедерации» на три трети поделить ее на четыре четверти.<sup>3</sup> Никакая власть, похоже, не могла даже просто изменить границу между землями отдельных *ша* бов.

Итак, на мой взгляд, ни о каком «искусственном» регулярном, специфически государственном административно-территориальном делении Сабейского царства во II–III веках говорить не приходится.<sup>4</sup>

В итоге, Среднесабейское царство оказывается лишенным всех основных признаков государства. Едва ли не единственное, что заставляет меня все-таки говорить о наличии государства, пускай и крайне слабого, в центре среднесабейской социально-политической системы, это существова-

<sup>2</sup> Основания предполагать, что в Древний период сабейская государственная организация была более развитой, чем в Средний, рассматриваются ниже. Справедливости ради, надо отметить, что деление современных йеменских племен на «трети», «четверти» или даже «пяты» (ед.ч. – *k h a t ī s* [خميس], встречается, например, среди некоторых секций племени *Хариф*), «восьмые» (скажем, у *зү-Хусайн*), «девяты» (например, у *Банү Сурайм*) и т.д. (см., например: Dresch 1984b; 1989), по-видимому, не является ни в какой мере искусственным (и даже не может рассматриваться как некие остатки бывшего искусственного деления).

<sup>3</sup> При этом такие «административные реформы» могли проводить не только развитые европейские государства, начиная с Нового времени, но уже древневосточные государства (см., например: Дандамаев, Луконин 1980: 108–127).

<sup>4</sup> Как удалось достаточно, на мой взгляд, убедительно показать Х. Мацумото, на большей части территории того, что в древности составляло сабейский культурный ареал, территориальное деление (в особенности на низшем и средних уровнях) продолжало оставаться вполне естественным и практически на всем протяжении Средних веков и Нового (и Новейшего) времени (Matsumoto 1994).

ние (наряду с ополчениями *ша бов*) относительно регулярной царской армии (*hms*<sup>1</sup> – см., например: Beeston 1976]).

В целом, сабейский культурно-политический ареал II–III вв. н.э. можно, на мой взгляд, охарактеризовать как политико-культурную систему, состоящую из слабого, «неразвитого» государства в структурном центре и сильных, «переразвитых» вождеств на структурной периферии.<sup>5</sup> При этом, несмотря на свою внешнюю рыхлость и слабую политическую централизованность, функционировала эта система во II–III вв. н.э. вполне эффективно. Вождества вместе с царской властью оказались несравненно сильнее простой суммы вождеств. Царская власть, несмотря на ее видимую слабость, выполняла в Среднесабейском царстве крайне полезные функции. Прежде всего, она аккумулировала военный потенциал вождеств и канализировала его за пределы сабейского ареала. В результате решалось сразу две важнейшие задачи:

1. Предотвращались внутренние, «межплеменные» усобицы внутри ареала (подобных усобиц для сабейского ареала II–III вв. н.э. нам, действительно, практически неизвестно).

2. Многократно усиливался (и организовывался) совместный военный потенциал системы. В результате эта крайне слабо политически централизованная система оказалась в состоянии почти два века противостоять сильнейшим противникам, окружавшим Среднесабейское царство буквально со всех четырех сторон света. На севере ареалу противостояли арабы-бедуины (а сила военного потенциала кочевников общеизвестна), нередко выступавшие к тому же под началом могущественного централяноаравийского Киндитского царства. На востоке – обширное Хадрамаутское царство, многократно превосходившее Среднесабейское по территории и экономическому потенциалу. На юге – несравненно более политически централизованное Химйаритское царство, обладавшее к тому же самым высоким в Южной Аравии экономическим потенциалом. Наконец, на западе у сабейцев был такой могучий противник как Аксумское царство, именно в это время подчинившее все красноморское побережье Йемена и большинство общин Западного нагорья. И всем этим противникам сабейцы наносили чувствительные поражения, проникали далеко вглубь вражеской территории, занимали города и селения, расположенные на расстоянии, многократно превышавшем поперечник самого Сабейского царства II–III вв. н.э., и т.д. (von Wissmann 1964b; Bāfaqīh 1990; Рункова 1995 и т.д.).<sup>6</sup>

<sup>5</sup> Не будем забывать, впрочем, о том что система эта имела и иные важные структурные элементы (см. выше).

<sup>6</sup> Впрочем, справедливости ради надо отметить, что если военно-политическая организация ареала позволяла, например, захватить столицу более крупного противника, разрушить его главный порт и т.п., то вот поставить подавляющую часть временно захваченных территорий под сколько-нибудь устойчивый контроль эта организация уже сабейцам, похоже, не

Неудивительно, что и в последующие века многие политические системы Йемена (включая даже британскую систему южноаравийских протекторатов – Герасимов 1987: 51) демонстрировали заметно выраженные черты политической организации Сабейского царства II–III вв. н.э. Действительно, в условиях Йемена (в особенности горного) государству сплошь и рядом не имело никакого смысла пытаться распространять регулярную государственную организацию на многие «племенные» территории (устраивать там собственную гражданскую администрацию, вводить искусственное административно-территориальное деление, налаживать регулярное налогообложение). Сплошь и рядом более целесообразным оказывалось сохранять в этих районах традиционную политическую организацию, автономные вождества и племена, обязанные, как правило, центральной власти лишь предоставлением в ее распоряжение своих племенных ополчений. Такая система отношений оказывалась, как правило, вполне эффективной и достаточно выгодной обеим сторонам (Dresch 1984b; 1989; Герасимов 1987: 45–55; Abū Ghānim 1990).

Имеются некоторые основания предполагать, что древнесабейская (I тыс. до н.э.) государственная организация была ощутимо сильнее среднесабейской. Например, достаточно развитый государственный аппарат раннесабейской «федерации» (первая половина I тыс. до н.э.) позволял ее политическим лидерам, *мукаррибам* Саба<sup>7</sup>, возводить десятки разнообразных сооружений (таких как ирригационные системы, храмы, городские стены и т.д.) в разных концах «федерации»,<sup>7</sup> что, по-видимому, было практически невозможным для среднесабейских царей в силу слабости государственного аппарата, имевшегося в их распоряжении. Нам известно сравнительно много и о древнесабейских гражданских чиновниках, которые, например, могли быть назначены (*s<sup>2</sup>ut* [𐩣𐩣𐩥]) руководить строительными работами или отвечать за какой-либо город.<sup>8</sup>

позволяла. Из всего сказанного выше, на мой взгляд, достаточно очевидно, что для этого она и не была вполне приспособлена.

<sup>7</sup> С 366 а; b; 367 + Лу 16; 490; 622; 623; 627; 629; 631; 632 а; b; 634; 636; 957; Gl 1122 + 1116 + 1120; 1558 [= MAFRAY-al-Asā il 6]; 1560 [= MAFRAY-al-Asā il 5]; 1561; 1567 [= MAFRAY-ad-Durayb 3]; A 710; 775 [MAFRAY-Ḥirbat Sa ūd 4]; 776 [= MAFRAY-Ḥirbat Sa ūd 2]; 777 [= MAFRAY-Ḥirbat Sa ūd 8]; MAFRAY-al-Asā il 2; 3; 7; -Ḥirbat Sa ūd 6; 10; Ph 133 [= MAFRAY-al-Asā il 1]; R 3943; 3945; 3946; 3948 [= Gl 1550 = MAFRAY-ad-Durayb 4]; 3949; 3950; 4399; 4401; 4429; 4494; 4844 [= MAFRAY-Ḥirbat Sa ūd 1]; 4850 [= MAFRAY-Ḥirbat Sa ūd 3]; 4904 [= Gl 1559 = MAFRAY-al-Asā il 4]; 4906; 5096 и т.д.

<sup>8</sup> С 375 [= Ja 550]; 439; 494; 496 [= MAFRAY-Ḥirbat Sa ūd 13]; 566; Ja 552; 555; 557; MAFRAY-al-Balaq-al-Ganūbī 1 [= Gl 1719 + 1717 + 1718]; R 4428; 4635; 4845 bis; Ry 584; Sh 20 и т.д.; см. также: Ryckmans J. 1951: 62–64, 83, 85, 88–90, 92; Audouin, Breton, Robin 1989: 74–76 и т.д. Необходимо учитывать, что среднесабейская эпиграфика во много раз богаче древнесабейской. В связи с этим тот факт, что сабейские надписи II–III вв. н.э. хранят столь упорное молчание относительно государственной гражданской администрации в сабейском ареале этого времени, представляется особенно симптоматичным.

Существуют определенные основания предполагать и то, что в древнейшем сабейском государстве эпохи *мукаррибов* шел процесс формирования регулярного государственного налогообложения. Именно для этой древнейшей эпохи, а не для Среднего периода имеются реальные основания предполагать трансформацию десятины, выплачиваемой «федеральному», «имперскому» божеству<sup>9</sup>, в скрытый государственный налог (см., выше III.3. или, например, Korotayev 1994).

Наконец, в рамках древнесабейского культурно-политического ареала (в отличие от ареала среднесабейского), по-видимому, прослеживаются и определенные элементы искусственного, собственно государственного административно-территориального деления.<sup>10</sup>

Итак, на мой взгляд, имеются определенные основания утверждать, что государственная организация сабейского культурно-политического ареала претерпела радикальное ослабление в конце Древнего периода, и так и не восстановилась в сколько-нибудь существенной степени в Средний период. Вместе с тем, такую эволюцию вряд ли можно рассматривать в качестве «регресса» или дегенерации, ибо ослабление государственных структур компенсировалось усилением альтернативных негосударственных социально-политических институтов. В упадок приходит именно государство, но не общество.

Всю радикальность той трансформации, которую социально-политические структуры сабейского культурного ареала испытали в конце I тыс. до н.э., особенно рельефно может показать количественный анализ сабейской эпиграфики. Он же может помочь определить один из социально-политических институтов, развитие и усиление которого в значительной степени компенсировали ослабление государственной организации.

<sup>9</sup> В Древнейшую эпоху в этом качестве в пределах Сабейской «федерации» выступал скорее Астар *зү-Зибан*, владыка святилища *TR* [Ψ)X], на горе Джабал ал-Лауз [ ], а не Алмаках, владыка Аввама (см. выше).

<sup>10</sup> Основания для такого утверждения приводятся в гл. VIII данной монографии. Там же даются и некоторые дополнительные аргументы, подтверждающие более высокую степень развитости собственно государственных структур Древнесабейской державы в сравнении со Среднесабейским царством.

## Глава VIII

### **Трансформация некоторых социально-политических структур сабейского ареала в конце Древнего периода: количественный анализ сабейской эпиграфики**

Мне уже приходилось публиковать результаты количественного анализа сабейской эпиграфики (Коротаев 1990а; 1990б; 1997). Однако публикуемые здесь таблицы не дублируют уже опубликованные. С одной стороны, они не так подробны, как уже опубликованные, но, с другой, они составлены с учетом большего числа надписей. Так что приводимые в них данные можно считать несколько более надежными, чем те, что были опубликованы ранее.

\* \* \*

Среднесабейской эпиграфике присуща одна примечательная особенность: множественное число здесь очень часто употребляется там, где бы мы скорее ждали единственного или двойственного.

Достаточно характерно в этом отношении употребление титула *'b l byt<sup>n</sup> X* «владыки дома X» («дом» в данном контексте имеет скорее значение «замок» – укрепленное сооружение престижного характера, средоточие и символ власти). Вне зависимости от того, сколько авторов у надписи – один<sup>1</sup>, два<sup>2</sup> или три и более<sup>3</sup>, – титул этот употреблен во множественном числе во всех случаях, даже в первом и втором, когда мы бы скорее ждали форм соответственно единственного и двойственного числа.

Возможным здесь кажется (на первый взгляд) объяснение, исходящее из предположения о том, что в данном случае мы имеем дело с титулом, который имел лишь единственную грамматическую форму множественного числа, а других просто не имел.

Однако при ближайшем рассмотрении подобное объяснение не выдерживает критики. Дело в том, что все другие титулы, употреблявшиеся во множественном числе при одном авторе, могли употребляться и в единственном. Так, титул *qyl* («вождь [*ша ба*]») в 21

---

<sup>1</sup> Ir 22; Ja 562; 564; 651; 695; 2867.

<sup>2</sup> C 628; G1 1320/I-II; Ja 670.

<sup>3</sup> C 172; Ja 616; 716; 718; 1819 = VL 23 = Doe/W. Shirjān 19; Ry 538.

надписи из 39, принадлежащих одному автору, употреблен во множественном числе<sup>4</sup>, но в остальных 18 он стоит в единственном<sup>5</sup>. Титул<sup>6</sup> *bdl'dm* «клиент/ы» при одном авторе в 15 случаях употреблен во множественном числе<sup>7</sup>, но в 52 надписях в таких случаях употреблено единственное число<sup>8</sup>. Наконец, при указании принадлежности к *ша бу* («*нисбы*») одним автором множественное число употреблено в 7 случаях<sup>9</sup>, а единственное – в 35<sup>10</sup>. Значит, причины данного явления должны быть скорее социального, чем лингвистического плана<sup>11</sup>.

Второе возможное объяснение может исходить из того, что в подобных случаях мы имеем дело с множественным возвеличением (*pluralis majestatis*), но и такое объяснение не выдерживает критики.

Во-первых, подобным образом употребляется и такой «титул» как *'dm* «клиенты», между тем, как данная категория зависимого населения представляла собой едва ли не самый низкий массовый слой<sup>12</sup> среднесабейского культурно-политического ареала (впрочем, несомненно, далеко не бесправный и явно не тождественный рабам, см., например, Коротаев 1981), известный нам из эпиграфики. Действительно, существует как минимум 15 надписей, каждая из которых имеет только по одному автору, указывающему тем не менее свой (свой ли?) статус как «клиент<sup>ов</sup>» (*'dm*) во множественном числе (см. выше примеч. 165), например, С 410, 1–2: «Лахай асат (из рода) з̄у-Хассā[с],<sub>2</sub> клиенты (?) (рода) з̄у-Хаданāн»<sup>13</sup>, или R 4229, 1–2: «Илйрашад сын (рода) Шалла'ил, <sub>2</sub>клиенты (?) (рода) з̄у-Анвийāн»<sup>14</sup> и т.д. Кроме того, как минимум в 10

<sup>4</sup> С 41; 282; Ir 1; 5; 13; 22; 28; Ja 562; 564; 631; 644; 649; 650; 651; 695; 2862; Na NAG 16; R 3990; 3993; Ry 520.

<sup>5</sup> BF-BT 2; С 317; 642; 658; Ja 489A; 2864; 2867; MAFRAY/Sāri 6; R 3958; 4196; 4231; 4624; YMN 3; 4; 7; 8; 9; 10.

<sup>6</sup> Понятие «титул» в таком контексте употребляется здесь в высшей степени условно. В данной монографии «титулом» называется любое дополнительное (сверх имени, филиации и рода) обозначение в формулах вводной самоидентификации авторов надписей.

<sup>7</sup> С 397, 1–3; 410; 531; 534; Fa 102 = Fa 8, 1; Ja 689; 696 ≈ 697; 725; 726; 2111; 2122; Na NAG 2, 3; R 4229.

<sup>8</sup> С 88; 119; 373; 394; 501; 584; GI 931; 1636; 1734A; 1734B; Ja 2870 = GI 1654 = R 4081 № 107; Robin/Kāni 25 и др.

<sup>9</sup> Лу 23 [= Graf 2 = DJE 13]; С 397; 534; Ir 36; Ja 2112; Ry 591; YM 392.

<sup>10</sup> С 84; 211; 359; 397; GI 1538; 1542; 1637; Kortler 4; NAM 230 (CIAS II 95.11/08 № 1); R 3957; 4205; 4525; YM 1064 и др.

<sup>11</sup> Отмечу, что и для *'b l* [1°ll̄h] засвидетельствована несомненная форма единственного числа – *b l* [1°ll̄]; и, скажем, для обозначения божественного покровителя большесемейной общины, обозначаемого обычно как «владыка дома их» (*b l byt-hmw* [°ʃʃʃʃll̄1°ll̄]), в большинстве случаев используется именно форма единственного числа (например: С 565, 2; 567, 2; R 4578 и др.; см. также: Jamme 1947: 122–123).

<sup>12</sup> Если не считать небольшого числа невольников, существование которых угадывается по некоторым надписям (R 3910; GI 1376). Статус их не до конца ясен, но скорее всего он был ниже, чем у наследственных «клиентов» (*'dm*) родов и царской власти.

<sup>13</sup> *L Y TT d- T[TT]₂ 'dm d- N<sup>n</sup> ---*.

<sup>14</sup> *'LRS²D bn S²L'L₂ 'dm d- N W Y<sup>n</sup> ---*.



среднесабейских надписях, имеющих по два автора, «клиенты» указывают свой статус, используя множественное, а не двойственное число<sup>15</sup>.

Сюда же следует отнести и как минимум 7 среднесабейских надписей, одиночные авторы которых, не отличаясь ни знатностью, ни высоким положением, указывают свою принадлежность к *ша бу*, используя форму множественного числа (см. выше примеч. 167), например, Лу 23 = Graf 2 = DJE 13, 1–2: «Хауфā асат сын (рода) Банийй, фай<sub>2</sub>шаниты (?)»<sup>16</sup>, или Ja 2112 (CIAS I 39.11/о2 № 7), 1: «Йахмй'ил [сын (рода) ]ранатāн, райманиты (?)»<sup>17</sup> и т.д. А в 13 случаях два автора с невысоким социальным статусом указывают свою принадлежность к *ша бу*, используя форму не двойственного, а множественного числа<sup>18</sup>.

Во-вторых, в целом ряде случаев автор-одиночка употребляет один титул во множественном числе, а другой – в единственном<sup>19</sup>, или два автора – один титул во множественном числе, а другой – в двойственном<sup>20</sup>. Значит дело здесь не столько в статусе авторов, сколько в характере соответствующих титулов.

Между тем уже довольно давно было предложено и вполне убедительное, на мой взгляд, объяснение этого феномена: все дело в том, что титул, употреблявшийся единственным автором во множественном числе, характеризует не индивидуальный статус автора, а групповой статус его рода (см., например, Jamme 1962: 40; *Répertoire 1935*, VI: 154; Ruykmans G. 1959: 173). Перед нами в подобных случаях не индивидуальные, а групповые (родовые) титулы. Соответственно и переводить такие места в надписях нужно не так, как это делалось выше, а приблизительно следующим образом: «Даумāн Йа'зим сын (рода) зў-Гаймāн, владык двух домов Зархāн и Йахдур, кайлей *ша ба* Гаймāн,» (Iр 22/1)<sup>21</sup> или «Абдсавāн (из рода) зў-Илкадам,<sub>2</sub> «клиентов» (рода) зў-Сахр» (Ja 2111 [CIAS II 39.11/о7 № 2]), 1–2<sup>22</sup> и т.д.

Большинство основных среднесабейских «титулов» можно охарактеризовать скорее, впрочем, как «индивидуально-родовые»: иногда они могут характеризовать и статус отдельных лиц. Применение простейших количественных методов может помочь проследить здесь некоторые закономерности.

Среди 67 индивидуальных авторов, имеющих «титул» *bdl'dm* «клиент/ы», только 15 (22%) лиц употребляет его во множественном

<sup>15</sup> С 341; 343; 535; 544; Ja 704; 725; 730; 2115; Mü 1; YM 350 (CIAS I 39.11/о6 № 5).

<sup>16</sup>  $HWF \overline{IT}bnBNY^m \cdot_2 FYS^2n$ .

<sup>17</sup>  $YM \cdot L[bn] \cdot JRNT^n \cdot RYM^n$ .

<sup>18</sup> С 534; 535; Iр 27; 37; Ja 693; 704; 727; 2115 (CIAS II 39.11/о8 № 1); NAM 2494 (CIAS II 39.11/о3 № 6); R 4663; Ry 375; 542; YM 350 (CIAS I 39.11/о6 № 5).

<sup>19</sup> Iр 13/1; Ja 649, 1–4; 650, 1–2; 651, 1–4 и др.

<sup>20</sup> Iр 26/1; Ja 578, 1–2 и др.

<sup>21</sup>  $DWM^n \cdot Y'ZM \underline{d-G}YM^n \cdot b \cdot l \cdot bytnhn \underline{DR}^n \cdot w-Y \quad R'qwl \cdot s^2 \cdot b^n \cdot GYM^n$ .

<sup>22</sup>  $BDTW^n \underline{d} \cdot LQDM_2 \cdot dm \underline{d-S}^1 \cdot R$ .

числе, и на первый взгляд, факт этот говорит лишь о преимущественно индивидуальном употреблении этого «титула». Однако оказалось возможным получить значительную дополнительную информацию через раздельное рассмотрение употребления этого титула в Древний (I тыс. до н.э.) период, с одной стороны, и в Средний (I–IV вв. н.э.) – с другой (см. табл. 5 и 6):

**Таблица 5.** Употребление титула *bd' / 'dm* в Древний период<sup>23</sup>

	1 автор		2 автора		3 и более	
Единственное	26	100%	5	71%	2	67%
Двойственное	0		2	29%	0	
Множественное	0		0		1	33%
<b>ИТОГО</b>	<b>26</b>	<b>100%</b>	<b>7</b>	<b>100%</b>	<b>3</b>	<b>100%</b>

*Примечание к табл. 5:* 1 АВТОР – Ед.ч.: С 440, 1–2 /?/; 510≈511 [=Haram 16 ≈ 17], 1–4; 515 [= Haram 19], 1–3; 561, 1–3; 722, 1–2; Fa 88, 1; Gl 931; 1636, 1–3; Ja 557; 831, 1; 2870 [= R 4081 №107=Gl 1654], 1–2; 2927b, 1–2; R 4385 [= Bron 8], 1–2; 4405; 4411; 4438; 4810; 5102 [= Ry 373], 1–3/?/; Ry 584, 1; 608; Schm/ Mārib 20, 1; 20, 2; 21, 1–2; /Samsara 9; YM 452 [CIAS I 39.11/r9/ R 12 № 2], 1;

2 АВТОРА – Ед.ч.: С 376, 1–3; 496, 1–3; Ga SF 1; R 4228, 1–5; Schm/ Mārib 26;

2 АВТОРА – Дв.ч.: Лу [Lu] 1 [= Ja 410], 1–2; Fa 30, 2–3;

3 И БОЛЕЕ – Ед.ч.: С 439, 1; R 5095, 2;

3 И БОЛЕЕ – Мн.ч.: R 5095, 1.

**Таблица 6.** Использование титула *bd' / dm* в Средний период в сабейском ареале (на «Севере»)

	1 АВТОР		2 АВТОРА		3 И БОЛЕЕ	
Единственное	19	56%	0		0	
Двойственное	0		0		0	
Множественное	15	44%	12	100%	37	100%
<b>TOTAL</b>	<b>34</b>	<b>100%</b>	<b>12</b>	<b>100%</b>	<b>37</b>	<b>100%</b>

<sup>23</sup> Подавляющее большинство древнесабейских надписей происходит из сабейского ареала (с «Севера»). Примечание это кажется необходимым, ибо в Средний период появляется очень заметное число надписей на сабейском языке, происходящих из «южного» ареала сабейской эпиграфики (= радмано-химйаритского культурно-политического ареала). Ареал этот достаточно сильно отличался от сабейского по всем основным социально-политическим параметрам, в связи с чем для этого периода появляется настоятельная необходимость раздельного анализа «северной» и «южной» эпиграфики на сабейском языке.

Примечание к табл. 6: 1 АВТОР – Ед.ч.: С 86, 1–2; 397, 1–3; 572, 1; 663, 1; Fa 119 (= YM 358 [CIAS I 39.11/ о3 № 1]), 1–2; Gl 1208, 1–2; Ja 570, 1; 683, 1; 694, 1–2; 711, 1–2; 723 (= NAM 2320 [CIAS II 39.11/ о4 № 2]), 1–2; 741 ≈ 756, 1–3; Na NNSQ 55 /?/; R 4147, 1; 4656 /?/; 4674 [= Haram 37], 1–2 /?/; Robin/ Kāni 25 /?/; Ry 394, 1–2 /?/;

1 АВТОР – Мн.ч.: С 397, 1–3; 410, 1–2; 531, 1; 534, 1–3; Fa 102 [= M. Bay ān 9], 1; Ja 689, 1; 696 ≈ 697, 1–2; 725, 1; 726, 1–2; 2111 (= AM 849 = NAM 2357 [CIAS II 39.11/о7 № 2]), 1–2; 2112 (= AM 854 = NAM 1619 [CIAS II 39.11/о2 № 7]), 1–2; Na NAG 2, 1–3; 3, 1–2; R 4229, 1–2;

2 АВТОРА – Мн.ч.: С 341, 1; 343, 1–2; 535, 1–3; 544, 1–2; Ja 704, 1–2; 725, 1; 730, 1–3; 2115 (= AM 857 = NAM 1627 [CIAS II 39.11/о8 № 1]), 1–3; Mü 1, 1; Ry 542 (= AM 844 = NAM 1631 [CIAS II 39.11/ о6 № 7]), 1–3; YM 349 [CIAS I 39.11/ о3 № 4], 1–3; 350 [CIAS I 39.11/ о6 № 5], 1–3;

3 И БОЛЕЕ – Мн.ч.: С 77, 1–3; 87, 1–3; 88, 1–3; 102, 1–5; 224, 1; 240, 1–4; 339, 1; 339 bis, 1–2; 340, 1–2; 357, 1–5; 416, 1–2; 449, 1–2; 536, 1–4; Ir 16 (= M. Bay ān 7), 1–2; Ga 9 [Ga AY Ш/6], 1; 14 [Ga AY Ш/10b], 1; Ga NES Ш/10c [C 214 + R 3998 + C 199 + R 4001]; Gl 1438, 1–3; 1725, 1–2; A 783, 1–2; Ja 707 (= AM 852 = NAM 2358 [CIAS II 39.11/ о6 № 8]), 1–4; 712, 1–4; 2223, 1–3; 2871, 1–2; Na NNSQ 67 [= Gl 1431], 1–2; NAM 281 [CIAS II 95.11/ о3 № 2], 1–3; R 3974, 1; 3976, 1–2; 3977, 1–3; 3991, 1–3; 4033, 1–1a; 4063 [= Ja 519], 1–2; 4151, 1–2; 4188, 1–3; 4636, 1–4; Robin/ Rayda 1, 1–2; YM 396 [CIAS I 95.41/ о3], 1–2 /?/.

Особенно явно контраст между Древним и Средним периодами прослеживается по сопоставительной таблице:

**Таблица 7.** Использование титула «клиент X» (сабейский ареал; только индивидуальные авторы)

	Древний период	Средний период
Единственное	26 (100%)	19 (56%)
Множественное	0 (0%)	15 (44%)

Результаты анализа заставляют предположить, что в Древний период «титул» клиент имел строго индивидуальный характер, что может свидетельствовать о том, что в соответствующем этому «титулу» типе личной зависимости находились отдельные лица. В Средний же период появляется отчетливая тенденция к превращению этого «титула» в родовой, что может свидетельствовать о том, что отношения зависимости стали менее индивидуализированными, а в качестве находящихся в зависимости стали рассматриваться не отдельные индивиды, а их родовые группы.

Крайне примечательно, что тенденция к превращению «титула» *bd/dm* из индивидуального в родовой сопровождалась сильнейшей тенденцией к увеличению среднего числа авторов соответствующих надписей. Действительно, из 38 «древних» надписей этой группы 26 (68%) поставлены одним автором и лишь 12 (32%) – двумя и более. В то же время из 102 среднесабейских надписей одного автора имеют лишь 34

надписей (33%), 68 же надписей (67%) поставлены двумя и более авторами – «клиентами» (табл. 8).

**Таблица 8.** Число авторов у надписей, поставленных «клиентами» (количество надписей)

Количество авторов	Период	
	Древний	Средний («Север»)
один	26 68%	34 33%
два и более	12 32%	68 67%
<b>ИТОГО</b>	<b>38 100%</b>	<b>102 100%</b>

*Примечание к табл. 8:* Подчеркну, что эта и аналогичные ей таблицы составлены с учетом надписей, относительно которых известно лишь то, что число их авторов было больше или равно двум, не учитывавшихся при составлении таблиц «три на три». Например, начало R 4725 (+ 3972) выглядит следующим образом: [...]M<sup>n</sup> bnw S<sup>l</sup>L M<sup>n</sup> 'dm bny WR K<sup>n</sup>, «...M<sup>n</sup>, сыны (рода) S<sup>l</sup>L M<sup>n</sup>, клиенты Бану WR K<sup>n</sup>». Подобная надпись может иметь трех и более авторов, но она может вполне иметь и только двух авторов. Форма множественного числа именительного падежа сопряженного состояния bnw, «сыны», однозначно исключает возможность одиночного автора, но она никак не исключает возможности того, что у надписи было 2 автора. Действительно, в среднесабейском языке отмечается явная тенденция к вытеснению двойственного числа множественным (см., например, Beeston 1954: 315; 1978с: 21, 25; Robin 1991a: 175 и т. д.). Например, авторы C 343 идентифицируют себя как H] N Y'ZM w-bny-hw Y MD YGBR bnw S<sup>l</sup>M Y M 'dm bn VT (стк. 1–2), «H] N Y'ZM и его сын Y MD YGBR, сыны (рода) S<sup>l</sup>M Y M, клиентов Бану Бата», с использованием формы множественного числа bnw, хотя их всего двое. Поэтому все, что мы можем сказать о таких надписях как R 4725, это то, что число их авторов было «2 или более». Такие надписи было невозможно учесть в предыдущих таблицах, но их как раз вполне можно учесть в таблицах данного типа. Именно поэтому иногда наблюдается заметная разница между суммарными цифрами по таблицам предыдущего типа и цифрами данной таблицы (и сходных с ней таблиц) – именно потому, что таблицы данного типа учитывают такие тексты, которые не могли быть учтены в предыдущих таблицах. Например, число надписей среднесабейских клиентов с «2 и более» авторами получено через суммирование числа надписей с двумя авторами (из табл. 6) + число надписей с «3 и более» авторами (из табл. 6) + число всех надписей «типа R 4725». Именно поэтому число надписей в графе «два автора и более» здесь нередко превышает сумму чисел в графах «два автора» и «три и более» таблиц «три на три». ДРЕВНИЙ ПЕРИОД: 1 АВТОР: см. табл. 5; 2 И БОЛЕЕ: см. табл. 5 + R 3911, 1; 4349, 1–2; СРЕДНИЙ ПЕРИОД, сабейский ареал («Север»): 1 АВТОР: см. табл. 6; 2 И БОЛЕЕ: см. табл. 6 + C 30, 1–2; 107, 1; 211/ I [= DJE 5/ I], 1–2; 331, 1; 345, 1; 398, 1–3; 432, 1; ZI 29; Ja 812; R 3971, 1; 4030, 1–2; 4142, 1–3; 4648, 1–2; 4651, 1–2; 4659, 1–3; 4706, 1; 4725 + 3972, 1; 4990, 1–2; Robin/ Rayda 4, 1–3.

Как мы видим, и по этому показателю между Древним и Средним периодами наблюдаются существенные различия. «Древние» носители бывшего тогда индивидуальным титула *bd' dm* и выступать, похоже, стремились по одному; в Средний же период носители этого

превращавшегося в родовой титула и «держаться», видимо, старались не по одному, а, как правило, с кем-нибудь из своих сородичей.

Примечательные результаты получаются и при попытке выяснить, кто же выступал в качестве «патронов» по отношению к «клиентам» в Древний и Средний периоды (см. табл. 9).

**Таблица 9. Патроны клиентов**

	РОДОВЫЕ ГРУППЫ	ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ	КОНКРЕТНЫЕ МОНАРХИ	ОТДЕЛЬНЫЕ ЛИЦА
Древний период	12 (32%)	0 (0%)	20 (54%)	5 (14%)
Средний период <sup>24</sup>	87 (78%)	22 (20%)	1 (1%)	1 (1%)

*Примечание к табл. 9:* таблица учитывает всех клиентов, как мужчин (*'dm* [𐎠𐎢]), так и женщин (*'mh* [𐎠𐎢𐎡]). В таблице учитываются только патроны, прямо указываемые клиентами в качестве таковых во вводных формулах официальной самоидентификации. ДРЕВНИЙ ПЕРИОД – Роды: С 440, 1–2; 722, 1–2; Фа 30, 2–3; 88, 1; Gl 1636, 1–3; Lu [Лу] 8, 1; R 3911, 1; 4189, 1–2; 4349, 1–2; 4385 [= Bron 8], 1–2; 5095, 2; Ry 608 /?/. Конкретные монархи: С 439, 1; 496, 1–3; 510 ≈ 511 [= Haram 16 ≈ 17], 1–4; 515 [= Haram 19], 1–3; Ga SF 1; Gl 931; Ja 557; 2927 b, 1–2; R 4228, 1–5; 4405; 4438; 4810; Ry 584, 1; Schm/ Mārib 20, 1; 20, 2; 21, 1–2; 26; /Samsara 9; Y.85.AQ/17 = Ir 43 /?/ – cf. Beeston 1991 b: 56–57]. Отдельные лица: С 376, 1–3; Ja 831, 1; R 4081 № 107 [= Gl 1654 = Ja 2870], 1–2; 5095, 1; 5102 [= Ry 373], 1–3. СРЕДНИЙ ПЕРИОД, сабейский ареал (= «Север») – Роды: С 30, 1–2; 77, 1–3; 86, 1–2; 87, 1–3; 88, 1–3; 102, 1–5; 107, 1; 211/I [= DJE 5 I], 1–2; 240, 1–4; 303, 1–2; 331, 1; 339, 1; 339 bis, 1–2; 340, 1–2; 341, 1; 343, 1–2; 357, 1–5; 397, 1–3; 410, 1–2; 416, 1–2; 432, 1; 449, 1–2; 504, 1–2; 536, 1–4; 560, 1–3; 572, 1; 663, 1; Ir 34; Fa 119 (= YM 358 [CIAS I 39.11/o3 № 1]), 1–2; Ga 14 [AY II/10b], 1; NES II/10c [C 214 + R 3998 + C 199 + R 4001]; Gl 1208, 1–2; 1438, 1–3; 1725, 1–2; Gl A 783, 1–2; ZI 29; Ja 683, 1; 689, 1; 696≈697, 1–2; 704, 1–2; 707 (=AM 852=NAM 2358 [CIAS II 39.11/o6 № 8]), 1–4; 711, 1–2; 712, 1–4; 721, 1–2; 722, 1–3; 726, 1–2; 730, 1–3; 731 (=AM 853=NAM 2375 [CIAS II 39.11/ o3 № 10]), 1–2; 741≈756, 1–3; 2111 (=AM 849=NAM 2357 [CIAS II 39.11/ o7 № 2]), 1–2; 2871, 1–2; Mü 1, 1; Na NAG2, 1–3; 3, 1–2; Na NNSQ 55; 67 [=Gl 1431], 1–2; NAM 281 [CIAS II 95.11/o3 № 2], 1–3; 2494 [CIAS II 39.11/o3 № 6], 1–2; R 3956 [=Haram 35], 1; 3970, 1; 3971, 1; 3973, 1; 3974, 1; 3976, 1–2; 3977, 1–3; 3991, 1–3; 4030, 1–2; 4033, 1–1a; 4052, 1; 4063 [= Ja 519], 1–2; 4147, 1; 4151, 1–2; 4229, 1–2; 4648, 1–2; 4651, 1–2; 4656; 4659, 1–3; 4674 [= Haram 37], 1–2; 4706, 1; 4725 + 3972, 1; 4770, 1; 4990, 1–2; Robin/ Rayda 1, 1–2; 4, 1–3; Ry 394, 1–2; YM 396 [CIAS I 95.41/ o3], 1–2. Царская власть: С 397, 1–3; 398, 1–3; 531, 1; 534, 1–3; 535, 1–3; 544, 1–2; Fa 102 [= M. Bay ān 9], 1; Ga 9 [Ga AY II/6], 1 /?/; Ja 570, 1; 694, 1–2; 723 (= NAM 2320 [CIAS II 39.11/ o4 № 2]), 1–2; 784; 812; 2112 (= AM 854 = NAM 1619 [CIAS II 39.11/ o2 № 7]), 1–2; 2115 (= AM 857 = NAM 1627 [CIAS II 39.11/ o8 № 1]), 1–3; 2223, 1–3; R 4142, 1–3; 4188, 1–3; 4636, 1–4; Ry 542 (= AM 844 = NAM 1631 [CIAS II 39.11/ o6 № 7]), 1–3; YM 349 [CIAS I 39.11/ o3 № 4]), 1–3; 350 [CIAS I 39.11/o6 № 5], 1–3; авторы этих надписей определяют себя как *'dm mlk'* (с вариантами). Конкретные монархи: Ir 16 [= M. Bayhān 7], 1–2. Отдельные лица: С 581, 1–3.

<sup>24</sup> Сабейский культурно-политический ареал.

Существенные различия между Древним и Средним периодами вполне очевидны и здесь. В Древний период в качестве патронов «клиентов» нередко выступали отдельные лица – в 5 (14%) из 37 надписей; в Средний же период их доля среди «патронов» резко падает – лишь в одной надписи из 111 «патроном» при самоидентификации названо отдельное лицо. В то же самое время резко (с 32 до 78%) возрастает доля «родов-патронов». И еще одно примечательное изменение: в Древний период клиенты правителей указывали в качестве своих патронов конкретных, названных по имени, монархов, в Средний же период они почти всегда указывают в этом качестве царя вообще, без указания имени, они зависят уже не от какого-нибудь конкретного *Наша'акариба Йу'мина Йухархиба*, а от Царя, не от отдельного монарха, а от царской власти<sup>25</sup> – эволюция, по сути своей аналогичная переходу от обозначения отдельного лица к обозначению рода в качестве своего патрона.

Итак, в отношении использования «титула» *bdl 'dm* при переходе от Древнего периода к Среднему наблюдается серия, по-видимому, тесно между собой связанных изменений: а) появляется тенденция к рассмотрению в качестве объекта личной зависимости не отдельных индивидов, а родовых групп; б) при этом и в качестве «патронов» начинают выступать не отдельные индивиды, а родовые группы; в) все это сопровождается тенденцией к увеличению среднего числа авторов у надписей, поставленных «клиентами» (и кстати, вождями-*кайля*ми!), – отдельные индивиды в одиночку, похоже, начинают чувствовать себя «неуютно» и стремятся предпринимать то или иное действие в группе, совместно с кем-либо из своих сородичей.

Сходные изменения (хоть и несколько менее явно выраженные) произошли и с обозначением принадлежности к *ша бам* («*нисбой*») и титулом *кайл*, «вождь» (*ша ба*) – Коротаев 1990а; 1990б: гл. 2; 1997: гл. II; Korotayev 1993с; 1995а: гл. I.

Вполне очевидно, что грамматическое число, в котором употребляется тот или иной титул, зависит как от характера его употребления, так и от числа авторов надписи (за исключением «абсолютно родовых» титулов); в результате, этот вроде бы отвлеченный показатель (грамматическое число употребления титула) оказывается синтетическим и довольно чутким индикатором «индивидуализированности-коллективистичности» социальных отношений, скрывающихся за тем или иным титулом (см. табл. 10).

<sup>25</sup> Как было уже показано Ж. Рикмансом, «термин *'dm mlk'* представлял собой выражение, обозначающее связь не с личностью конкретного суверена, а с царской властью вообще» (Ryckmans J. 1951: 198).

**Таблица 10.** Формы грамматического числа некоторых сабейских титулов

	Древний период		Средний период <sup>26</sup>	
	Ед. и дв. ч.	Мн.ч.	Ед. и дв. ч.	Мн.ч.
Клиенты	34 (92%)	3 (8%)	17 (17%)	83 (83%)
«Нисба»	14 (93%)	1 (7%)	18 (30%)	42 (70%)
Кайли	5 (100%)	0 (0%)	2 (3%)	61 (97%)

*Примечание к табл. 10:* наряду с текстами, учтенными в предшествующих таблицах, таблица также учитывает надписи с неизвестным числом автором, но с сохранившимся титулом автора/авторов. КЛИЕНТЫ: Древний период – Единственное число: см. табл. 5 + R 4189, 1–2; 4360. Двойственное число: см. табл. 5 + Лу 8, 1. Множественное число: см. табл. 5 + R 3911, 1; 4349, 1–2. Средний период, сабейский ареал – Единственное число: см. табл. 6. Множественное число: см. табл. 6 + С 30, 1–2; 107, 1; 211/1 [= DJE 5 П], 1–2; 211/II [= DJE 5 П], 1; 281, 1; 303, 1–2; 331, 1; 345, 1; 398, 1–3; 432, 1 /?; Ja 784; 812; R 3970, 1; 3971, 1; 3973, 1; 4030, 1–2; 4142, 1–3; 4648, 1–2; 4651, 1–2; 4659, 1–3; 4706, 1; 4725 [+ 3972], 1; 4770, 1; 4990, 1–2; Robin/ Rayda 4, 1–3; ZI 29. «НИСБА» и КАЙЛИ см.: Korotayev 1995a: 46.

Как мы видим, по этому синтетическому показателю особенно отчетливо прослеживается разница между «индивидуализированными» отношениями Древнего периода и «коллективистскими», «родовыми» – Среднего. Стоит также напомнить, что переход от индивидуальных титулов к родовым и увеличение среднего числа авторов у соответствующих надписей сопровождалось в конце Древнего – начале Среднего периода и явно связанным с этими процессами резким увеличением доли родов и падением доли отдельных лиц среди патронов клиентов (см. выше).

В целом для среднесабейского культурного ареала можно, по-видимому, констатировать существование и широкое распространение явления растворения социального статуса индивида в социальном статусе рода (вместе с тем оно совершенно не характерно для Древнего периода). Лицо, обозначающее себя как *X bn Y 'qwl s<sup>2</sup> b<sup>n</sup> Al 'b l by<sup>n</sup> Bl 'f l<sup>n</sup> l 'dm bn Z*, «X из рода Y, кайлей ша ба А / владык дома Б / членов такого-то ша ба / клиентов такого-то рода», является клиентом, кайлем и т.д. не само по себе, не в своем личном качестве, а как член определенного рода. Именно его принадлежность к определенному роду накладывает на него обязательства и дает права, связанные с соответствующим «родовым титулом».

Уже рассмотренный материал заставляет предполагать, что при переходе от Древнего периода к Среднему сабейский культурно-

<sup>26</sup> Сабейский культурно-политический ареал.

политический ареал испытал действительно глубокую трансформацию, одним из проявлений которой, было, видимо, именно укрепление родовой организации. В свете общих закономерностей эволюции и функционирования родовой организации в социально-политической структуре сложных непервобытных обществ (см., например, Коротаев, Оболонков 1989; 1990; Коротаев 1997: гл. 1) уже это обстоятельство заставляет предполагать и некоторое ослабление государственной организации к началу Среднего периода сабейской истории, и в целом общую большую слабость государственной организации Среднесабейского царства по сравнению с Древнесабейским, что как мы могли видеть в предыдущей главе (и как мы увидим это в последующей) подтверждается и качественным анализом сабейских текстов. Вместе с тем количественный диахронный анализ сабейской эпитафики, как кажется, позволяет наметить пути ответа на вопрос, укрепление и развитие каких социально-политических институтов компенсировало ослабление сабейской государственной организации, фиксируя усиление родовых структур в конце Древнего периода.

Это предположение подтверждается и количественным анализом иных эпитафических переменных (прежде всего имеющих отношение к имущественным отношениям, где разница между «индивидуализированным» древнесабейским ареалом, и «коллективистичным» среднесабейским выглядит особо рельефно). К такому заключению я пришел при анализе использования слитных притяжательных местоимений (-hw, -hmy, -hmyw) со словами, обозначающими самые разные виды недвижимого имущества (земли, поля, ирригационные сооружения, дома, колодцы и т.д.).<sup>27</sup>

**Таблица 11.** Использование слитных притяжательных местоимений в надписях с одним автором

	ДРЕВНИЙ ПЕРИОД		СРЕДНИЙ ПЕРИОД			
			«СЕВЕР»		«ЮГ»	
	Ед.	Мн.	Ед.	Мн.	Ед.	Мн.
ЗЕМЛИ	33 100%	0 0%	2 3%	77 97%	12 67%	6 33%
ЗДАНИЯ <sup>28</sup>	23 96%	1 4%	4 13%	27 87%	17 63%	10 37%
ВСЕ НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО	56 98%	1 2%	6 6%	104 94%	29 64%	16 36%

<sup>27</sup> Учитывались только местоимения, обозначающие принадлежность объектов авторам надписей.

<sup>28</sup> В данном разделе не учитывались погребальные сооружения.



*Примечание к табл. 10: ЗЕМЛИ – ДРЕВНИЙ ПЕРИОД:* 1 АВТОР – Ед. ч.: С 37, 2, 5, 6, 8; 356, верхний край; 399, 3; 403, 3 /?; 414, 2; 516 [= Haram 15], 13–14 /?; 518 [= Haram 49], 3; 657, 1, 2, 2; 939, 3–4; 982, 2; Fa 70, 2; Ga 27 [NIS 1], 2; Gl 1100, 2, 2; 1742; Ist 7632, 3; Ja 541, 4, 10 /?; 550 [= C 375], 1; 555, 2, 3, 3, 3; R 3902 bis № 131, 3; 3913, 3; 3946, 6; YM 453 [CIAS I 39.11/r9/P12 № 14], 2–3. 2 АВТОРА – Дв. ч.: С 652, 2; 655, 2; Fa 32 [= Gl 928], 2; Ghul/ al-Masājid 2, 2, 2; Gl 1093, 2; 1355, 2; R 3902 bis № 130, 2–3; 4793–4806; 4907 [= Gl 1563], 3–4. 2 АВТОРА – Мн. ч.: R 4626 [= Gl 1352 + 1354], 1. 3 АВТОРА – Мн. ч.: Fa 53A + 54 + 53B [= Ja 532]; 124, 7; R 3915, 2; 4627, 3. СРЕДНИЙ ПЕРИОД, «СЕВЕР»: 1 АВТОР – Ед. ч.: С 584, 2–3 /?; Fa 61, 3. 1 АВТОР – Мн. ч.: С 282, 13, 14; 342, 7, 11; 378, 4–5; 392, 4–6; 395, 3; 605 bis, 3; Ir 5 §6, 6; 10 §1; 22 §1, 1, 1, 1, 1, 1, 1, 2, 2, 2, 2; 24 §2, 2; 28 §2, 2; 29 §2, 2; 36, 6, 12, 12; Ghul/ ut 1, 5; 2, 2–3; Gl 1218, 16; Ja 562, 13, 13; 564, 20–21, 21, 21, 21; 567, 11; 601, 17; 602 [= Na NAG 17], 17; 610, 6; 613, 22; 627 [= Na NAG 6], 5, 7, 11, 22, 22, 23; 628, 23, 23; 630, 17–18; 631, 40, 40, 40–41; 645 [= Na NAG 9], 24, 24–25, 25; 650, 13, 13–14, 14, 14, 14, 16, 16; 651, 48–49; 657, 11; 2897, 8; Na NAG 2, 8; R 3967, 2; Ry 394, 6–7; YM 392 [CIAS I 39.11/ o6 № 1], 6, 12, 12. 2 АВТОРА – Мн. ч.: С 308, 5, 5; 343, 5, 6, 12, 12; 544, 10; 630, 4; Ir 17 §4, 4, 4; 18, 22; 19, 31; 26 §2, 2, 2, 2, 2; 27 §2, 2; 37, 30–31, 31; Gl 1320/ I, 8, 10 ≈ II, 8, 9, 10; Ja 618, 23, 24, 24; 670, 27, 27–28, 29, 30; 704, 6, 6; 746, 5; 2115 (= AM 857 = NAM 1627 [CIAS II 39.11/ o8 № 1]), 7; NAM 2659 [CIAS II 39.11/ o6 № 6], 5; Na NAG 11 [= Ir 25], 15, 15, 16, 16, 16–17, 17; R 4938, 19; Ry 404, 2, 2. 3 АВТОРА – Мн. ч.: С 2, 13–14, 14, 15–16, 16; 24, 4; 67, 18; 74, 5–6; 75, 7, 7; 77, 8, 8–9; 160, 11, 11–12, 12; 240, 6–7; 333, 11, 11; 348, 11–12, 12; 353, 18; 546 [= Haram 8], 10–11, 11, 11; Ir 4 §2, 2; 6 §2; 7 §2, 4; Gl 1438, 6; 1725, 7; Gr 15, 16–17, 17; Ja 561 bis, 21, 21; 563, 13; 565, 15; 567, 24; 615, 10, 10–11, 20, 20, 20–21, 21; 620, 12, 12; 656, 18, 24–25; 669, 19; 703, 6, 6, 7; 735, 2; 851, 5; Na NAG 8, 18, 18–19, 19; R 4188, 6–7; 4190, 10–11, 11; 4636, 6; Robin/ Kañit 7, 11; /Umm Layla 1, 6; Ry 538, 39. СРЕДНИЙ ПЕРИОД, «ЮГ»: 1 АВТОР – Ед. ч.: Be 10 [= Ja 1093 = Q 611], 1–2, 2–3; C 658, 3; Lu 26, 4; MAFRAY/ dī- adīd 2, 4–5; /Sāri 6, 3; 7, 3–4; R 4100, 3, 4; YMN 3, 3; 4, 4; 7, 3. 1 АВТОР – Мн. ч.: MAFRAY/ dī- adīd 1, 5–6, 6; MAFY/ as – awla 1A, 3; R 3958, 3; 4196, 2 /?; YMN 9, 3. 2 АВТОРА – Дв. ч.: R 4194, 4, 4. 2 АВТОРА – Мн. ч.: MAFRAY/ al-Maktūba 1, 3; R 4194, 3, 3, 4. 3 АВТОРА – Мн. ч.: Gl 1537, 6, 6, 7, 7; Ja 1819, 7, 8, 9, 10; 2356 a, 8; MAFRAY/ ad-Dimm 1, 4; R 3966, 6–7, 9–10; YMN 5 [= MAFRAY/ Abu<sup>3</sup> Tawr 2]; 399, 2–3; 414, 2–3; 657, 1, 2–3, 3; Doe 6, 1–2; 7, 2; Gl 1100, 1; 1519, 8; Ja 400 [= YM 262] B, 12; 552, 3; 555, 2, 3, 3; 832; R 3902 bis № 131, 2; 3946, 5; 4553, 2; 4700, 3; Y.81.C.0/ 2, 2–3; YM 452 [CIAS I 39.11/ r9/ P12 № 2], 2. 1 АВТОР – Мн. ч.: Robin/ irwā 7, 6. 2 АВТОРА – Дв. ч.: Ghul/ al-Masājid 3, 2; Gl 1720 [MAFRAY/ al-Balaq-al-Janūbī 9], 4; R 3902 № 130, 4, 4; 4626 [= Gl 929 + 930], 1. 2 АВТОРА – Мн. ч.: R 4198, 1–2, 2, 5. 3 АВТОРА – Мн. ч.: Fa 124, 6; Gl 1592, 3. СРЕДНИЙ ПЕРИОД, «СЕВЕР»: 1 АВТОР – Ед. ч.: С 584, 2 /?; 939, 3–4 /?; 982, 1–2 /?; YM 544 [CIAS I 95.41/ b4], 1–2 /?. 1 АВТОР – Мн. ч.: С 81, 7; 86, 8; 194, 3; 429, 10; 530 [= Haram 32], 7; 531, 7; 532 [= Haram 33], 4; 534, 6; Ir 22 §2; 24 §1; Ghul/ ut 2, 2; Gl 1367; Ja 627 [= Na NAG 6], 10–11; 628, 5, 12; 630, 16; 689, 5; 2867, 9, 9, 10; Lu 21 [= DJE 12], 2; Na NAG 2, 6; 3, 5; R 3967, 1; Robin/ Kānit, 5, 2; Ry 501 [= Ja 2139], 3; 540, 1. 2 АВТОРА – Ед. ч.: Ja 619, 12. 2 АВТОРА – Мн. ч.: С 581, 8; 630, 3; Ir 19, 24; 37, 30; Fa 79–85; Ga IS 4, 2 (местоимение женского рода); Gl 1320 I ≈ II, 7; ZI 28; Ja 618, 6, 8, 16; NAM 2659 [CIAS II 39.11/ o6 № 6], 17; Na NNSQ 22, 2–3; 26, 2, 4; R 3968 + 3979 [+ Ga 21], 2; 4775, 2; Ry 404, 1, 4. 3 АВТОРА – Мн. ч.: Av. No d, 9, 2, 3; C 1, 4; 17, 4; 24, 5; 26, 5; 88, 6; 102, 6; 153 [= DJE 11], 1–2, 2–3; 154, 2; 224, 3–4, 4; 241, 2; 242, 2; 276, 1, 3; 339, 2, 2, 4; 339 bis, 2, 5; 357, 17; 416, 2; 517, 2; 547 [= Haram 10], 9; 585, 2; 650, 2; 660 + 587 [= Ja 411 A], 2, 2, 3, 3, 4; DJE 18 [= Sh 107], 2; Fa 77; Ga NES II/10b (C 176 + 201 + 213 + R 4003 + Ga 8b [AY II/ 5b]); Ja 560, 6; 603, 6; 615, 11, 21; 716, 8; 2223, 3–4; 2839 [= Schreyer 1], 22; 2852, 2; 2869 [= R 4979 = Fa 128 = Sa 2], 2; 2871, 3; Müller/ irwā , 2; Na NNSQ 28, 5; R 3975 (+ Ga 32 [Ga FeS II/4]), 4; 3977, 3; 3991, 21–22; 4031, 3; 4033, 2; 4190, 7; 4193, 10; 4649, 2, 5; 4712, 4; 4994 [= Gr 6], 2; Robin/ abāba 2; /al-Ḥadara 7, 2, 3; 9, 4, 4–5, 5; /al-Nagarī 1, 3, 4, 4; Ḥamir 1, 2–3; /Rayda 1, 3; /Ruwā' 4; Ry 599, 2; YM 367 [CIAS I 95.41/ b6], 4 /?. СРЕДНИЙ ПЕРИОД, «ЮГ»: 1 АВТОР – Ед. ч.: BF–BT 2, 3–4; C 658, 3–4; Лу 26, 3;

MAFRAY/ al- ijla 1, 1; /Sāri 6, 3; 7, 3; YMN 1, 6–7; 3, 4, 4, 5; 4, 4–5, 5, 5, 5–6; 11, 2; 12, 2. 1 АВТОР – Мн. ч.: С 41, 2, 2; 569, 3; Gr 29, 2; MAFY/ dī-a - awla 1A, 2; R 4196, 2; YMN 9, 3; 10, 2, 4, 7; 2 АВТОРА – Дв. ч.: BF-BT 1, 2–3; R 4194, 2, 3, 3. 2 АВТОРА – Мн. ч.: С 40, 2, 2; Ja 1818, 2–3, 3; R 4194, 1, 1, 2 /?; RB/ a ī 1, 6–7. 3 АВТОРА – Мн. ч.: Av. Aqmār 1, 2; 2, 2; BF-BT 4, 2, 4; С 648, 3, 4; Gl 1537, 5; 1658, 4; Gr 33, 2; 34, 3; 41, 2; Ja 1819 [= Doe/ W. Shirjān 19], 6; MAFRAY/ ad-Dimn 1, 4; R 3966, 4–5, 9; Robin-Bron/ Banī Bakr 1 [= BF-BT 5], 2, 5.

В целом, данная картина распределения качественно может быть интерпретирована следующим образом. В сабейском культурно-политическом ареале Древнего периода одиночный автор практически всегда упоминал только «его» (*-hw*), т.е. «свое собственное» недвижимое имущество. Если авторов было двое, они говорили о недвижимом имуществе «их двоих» (*-hmy*), и только если число авторов было 3 и более, они упоминали имущество «их» (*-hmw*). Но и в последнем случае речь, видимо, как правило, шла скорее о сумме индивидуальных владений, а не о коллективной собственности. В Средний период в сабейском культурно-политическом ареале мы видим в корне отличную картину: автор среднесабейской надписи, даже если он один, практически всегда упоминает недвижимое имущество «их» (*-hmw*), но практически никогда не говорит о «его собственном» (*-hw*) недвижимом имуществе. Поэтому даже, если, скажем, о «земле их» (*'rd-hmw* [ʿrd-hmw [ʿrd-hmw]]) упоминают три автора, речь в таких случаях идет не о сумме их индивидуальных владений, а о собственности некоего коллектива, к которому авторы принадлежат. При этом имеется возможность и выяснить, что именно представляли собою эти коллективы.

Кто такие эти *hmw* в текстах, как правило, не уточняется (ввиду, по всей видимости, самоочевидности идентификации, задаваемой контекстом). Тем не менее иногда после *-hmw* («их») такое уточнение все-таки следует. Наиболее часто это уточнение идет после сочетания *byt-hmw* [ʿbʰt-hmw] («дом их»).

Так, авторы Ir 19, Кариб асат Йаддиф и Са ад астар Йаскур из рода Гурат (*K R B TT YDF w-S<sup>l</sup> D TTR YS<sup>l</sup> KR bny G R T*), упоминают о строительстве *byt-hmw* [ʿbʰt-hmw] «дома их», сразу же за чем следует уточнение – *byt GRT* [χ)ʰ|χʰ] «дома [рода] Гурат». Авторы Ja 603, члены рода зў-Акабāн, упоминают на 6-й строке «дом их» *byt-hmw*. Сразу же за этим идет уточнение – *d- Q B<sup>n</sup>* («[рода] зў-Акабāн» [7-я стк.]). «Их» (*-hmw*) в данных случаях оказывается тождественным «их рода»; «Мы» = «мой, наш род». См. также Ir 24 §1; С 457, 7?; Ja 560, 6–7; 591, 10; 615, 11–12, 21; Ga 29, 3 (поздняя) и др.

Лишь изредка *hmw* обозначает «их рода и ша ба». Автор надписи Ir 22, Даумāн из рода зў-Гаймāн, *кайлей ша ба* Гаймāн, просит (§2) благо-

получия для «домов<sup>29</sup> их» (*'byt-hmw*), после чего идет уточнение *'byt d-GYM<sup>n</sup> w-s<sup>2</sup> b-hmw GYM<sup>n</sup>* («домов [рода] з̄у-Гайман и ша ба их Гайман»). «Мы» в данном случае включило помимо рода автора еще и его *ша б*, что, кстати, и неудивительно, ибо сфера забот и ответственности глав *кайл*ских родовых групп была, конечно же, заметно шире, чем у глав обычных родов, – первые помимо благополучия своего рода, очевидно, отвечали и за благополучие других родовых групп и большесемейных общин своего *ша ба*, а значит, поневоле должны были мыслить несколько более широкими категориями, чем вторые.

В значительном числе случаев название рода непосредственно употребляется вместо притяжательного местоимения *-hmw*<sup>30</sup>. Так, например, автор С 80, Шаммар из рода Курайн (*S<sup>2</sup>MR bn Q R Y N<sup>m</sup>*) упоминает о некоем происшествии, случившемся в «доме рода Курайн» (*dtt dtt b-sbyt bn Q R Y N<sup>m</sup>*), где *bn Q R Y N<sup>m</sup>* («рода Курайн») совершенно равнозначно обычному *-hmw* («их»); речь здесь явно идет о происшествии в «нашем доме». Автор Na NAG 3, 1 Зархан Азлам из рода Йухавди благодарит божество за то, что оно даровало ему ребенка в «доме рода Йухавди» (*bt bn YHW* – стк. 5), где, как мы видим, *bn YHW* также вполне равнозначно обычному *-hmw*. См. также: ZI28; С 2, 6–7; R 3966, 4–5, 9; Ja 716, 8–9; 821, 4?; Ja 2839 = Schreyer 1, 22; Iryani – Garbini = DJE 25, 9; Ist. 7630, 1?; Fa 121 и др. Отмечу также, что вообще в среднесабейских надписях слово *byt* («дом») в генитивных конструкциях встречается практически только с названиями родов, дом всегда выступает как принадлежность именно родовой группы – С 84, 5; R 4230, 3; Ja 576, 4 (2 раза), 13; 562, 7; 592, 5–6; 651, 13, 20–21; 2118, 4; 2851, 3?; Fa 3, 6; 76, 5–6, 7; Gr 40 = Ga 17,3; Fa 81? и др.

«Расшифровка» *-hmw* встречается и после других слов, обозначающих недвижимое имущество. Так, авторы R 4636 из рода з̄у-Махфадан (*d-M FD<sup>n</sup>* – строки 3–4) упоминают на 6-й строке *'r -hmw* «землю их», а затем (стк. 6–7) сразу же следует уточнение *d-M FD<sup>n</sup>* («[рода] з̄у-Махфадан»). В надписи R 4627 (конец Древнего периода) авторы из рода Халхал (строки 1–2) упоминают на 3-й строке *nhl-hmw GRT* [X] [𐤏𐤍𐤋𐤍] «пальмовую плантацию их [под названием] Гарат», сразу же за чем следует уточнение *nhl bn L L<sup>m</sup>* [𐤏𐤍𐤋𐤍 | 𐤋 | 𐤋𐤍] «пальмовая плантация рода Халхал». См. также Ir 19; NAM 2659 (CIAS 39.11/о6 № 6), 5–6 и др. Отметим также, что вообще слова, обозначающие недвижимое имущество, употребляются в среднесабейских текстах (и отчасти в надписях конца Древнего периода) в генитивных конструкциях прежде всего и почти только с названиями родов; недвижимое имущество рассматривалось, по-

<sup>29</sup> Речь в этом случае идет, конечно, не о постройках, а о большесемейных общинах – «домах».

<sup>30</sup> Хотя правильнее, конечно же, было сказать, что в среднесабейской эпиграфике *-hmw* употреблялось в рассматриваемых контекстах, как правило, вместо родового названия.

видимому, как принадлежность родовых групп: Гр 3, 4; С 611, 2, 4, 4–5, 5, 6, 6–7, 7, 8; С 613,2 (конец Древнего периода); R 3911, 4 (то же); R 4627, 4; 4815, 2, 4, 4–5, 5, 6, 6–7, 8; Ja 821, 4 и др.<sup>31</sup>

Итак имеются определенные основания предполагать, что коллективы, выступавшие в сабейском культурном ареале Среднего периода в качестве собственников всех основных видов недвижимого имущества, представляли собой в основном родовые группы.

Все это, естественно, служит солидным подтверждением факта радикального укрепления родовой организации в сабейском культурно-политическом ареале при переходе от Древнего периода к Среднему, кардинального усиления ее значения (а также косвенным подтверждением ослабления государственной организации).

Интересные результаты данный количественный анализ дает и для южной части ареала среднесабейской эпиграфики (= радманохимйаритского культурно-политического ареала).

В Древний период «Южный» регион в основе своей входил в Катабанское царство и в Катабанский политико-лингвистический ареал, здесь использовался в качестве письменного именно катабанский язык (см., например: Avanzini 2004). Однако в конце I в. до н.э. этот регион стал центром «Империи» первой династии царей Саба' и зү-Райдана. Цари эти были, видимо, несабейского происхождения, но старались подчеркнуть придерживаться именно сабейской монархической традиции (Korotayev 1994e), и в качестве государственного в «Империи» использовался именно сабейский язык. В результате «Южный» ареал стал частью сабейского эпиграфического ареала. Эта принадлежность сохранилась и после раскола «Империи» в конце I в. н.э. на собственно Сабейское и Химйаритское царства, последнее из которых и образовало в основном южную часть ареала среднесабейской эпиграфики.

Как мы видим, по интересующим нас показателям радманохимйаритский ареал Среднего периода достаточно заметно отличается от среднесабейского (как, впрочем, и древнесабейского) ареала. В отличие от среднесабейского ареала здесь несравненно более отчетливо

<sup>31</sup> Впрочем, иногда *-hmw* могло обозначать и принадлежность к группам лиц, более широким, чем роды. Подобное можно с заметной уверенностью сказать и о царских надписях, где *hmw* («они») – это, видимо, либо «цари Саба'» ('*mlk S<sup>1</sup>B*' [ħllñ|ñ'14ñ]), т.е., судя по всему, царская власть в ее непрерывности (например, С 429, 10), либо «царь + подданные» (как, например, Ja 610, 6); либо, наконец, в таких случаях вполне можно ожидать просто применение *pluralis majestatis*, «множественного возвеличения» (возможно, например, R 4775, 2, если мы вообще не имеем здесь дело со случаем вытеснения двойственного числа множественным). В надписях же, поставленных *ша бом Саба' /Кахлая/* (*s<sup>2</sup>B<sup>n</sup> S<sup>1</sup>B*' /*KHL<sup>n</sup>*' [ħ'1Yñ|ñllñ|ħllø>]), представлявшим собою в Средний период, по-видимому, гражданско-храмовую общину Мәриба (Лундин 1969; 1979: 183; 1984; Loundine 1973a; 1973b; Ja 653; 735; 851; Sh 7; 8; 18 и т.д.), «они» (*hmw*) – это и есть гражданско-храмовая община Мәриба.

прослеживается индивидуальное владение недвижимым имуществом (хотя и не в столь абсолютном виде, как это наблюдается для древнесабейского ареала). Однако коллективная, «родовая» собственность на недвижимое имущество здесь все-таки (в отличии от древнесабейского ареала) определенно наблюдается. В силу сказанного выше, можно сделать предположение, что в Средний период государственная организация в радмано-химйаритском ареале была ощутимо сильнее среднесабейской,<sup>32</sup> а родовая – ощутимо слабее (другие фактические подтверждения данного тезиса см.: Коротаев 1990а; 1990б; 1997; Korotayev 1993с; 1995а). О возможных причинах этого феномена будет сказано в следующей главе.

---

<sup>32</sup> Что, как мы могли видеть это выше (см. III.5.), подтверждается и качественным анализом среднесабейской эпитафии.

## Глава IX

### **Первый социально-экологический кризис<sup>1</sup> на Юге Аравии и адаптация к нему сабейской социально–политической системы**

К концу I тыс. до н.э. древние центры Южноаравийской цивилизации на Нижних землях приходят в упадок (при этом раньше всего этот упадок, видимо, затронул именно сабейский центр). Определенную роль в этом процессе вероятно сыграл перенос в конце I тыс. до н.э. основных путей торговли благовониями с суши на море, что должно было привести к ощутимому падению экономического значения южноаравийских внутренних Нижних земель.<sup>2</sup> Достаточно существенную роль здесь могли сыграть и процессы «усыхания» Аравии, бившие по южноаравийским внутренним Нижним землям несравненно ощутимее, чем по Нагорью (см., например: Fedele 1988: 36; Robin 1991e: 63; 1991f: 88).

Тем не менее, важнейшим фактором здесь представляется заиливание ирригационных систем, в результате которого ситуация на Нижних землях оказалась близкой к экологической катастрофе (Пиотровский, Пиотровская 1984: 107; Bowen 1958b; Serjeant 1960: 583; Robin 1984: 220–221; 1991f: 88; Sauer *et al.* 1988: 102). По-видимому, частично это было вызвано деградацией естественного растительного покрова западных склонов Йеменских гор, обусловленной как антропогенными факторами, так и возможными климатическими изменениями (см., например: Robin 1991f: 88). Одной из причин экологической катастрофы Нижних земель было, по-видимому, также «увеличение солевого содержания в почвах и глинах, вызванное столетиями интенсивной ирригации» (Sauer *et al.* 1988: 107),

---

<sup>1</sup> О понятии «социально-экологический кризис» см.: Кульпин 1990; 1992; 1995; 1996: 84–85; Кульпин, Пантин 1993 и др.

<sup>2</sup> Бауэр, Лундин 1994б: 105–106; Ryckmans J. 1951: 331; Bowen 1958a: 35; Irvine 1973: 301; фон Виссманн 1981: 66; Robin 1982a, I: 98; Robin 1982b: 17; 1984: 212; Crone 1987: 23–36; Audouin, Breton, Robin 1988: 74. Во второй половине I тыс. до н.э. заметное отрицательное воздействие на экономическое значение большей части Нижних земель могли, по-видимому, также оказать хадрамаутцы и минейцы, которые вероятно начали широко использовать прямой путь через гравийный проход по пустыни Сайхад (или через ал-Абр?) в обход таких важнейших центров южноаравийской цивилизации, как вадии Марха, Тимна и Мариб (Beeston 1991a).

сопоставимое с хорошо известными аналогичными месопотамскими социальными процессами.<sup>3</sup>

Судя по всему, описанные выше процессы сильнее всего ударили по минейско-мазабскому центру южноаравийской цивилизации (Robin 1991c; 1991e; 1991f; 1992b), однако и древний сабейский центр на Нижних землях также пострадал в очень высокой степени. Сабейское государство к концу I тыс. до н.э. приходит в явный упадок.<sup>4</sup>

В начале I тыс. н.э. сабейской цивилизации удалось возродиться и на какое-то время стабилизироваться, но восстановление и укрепление сабейской культурно-политической системы произошло в Средний период на существенно иных, чем в Древний период основаниях. Социально-политическая организация среднесабейского культурного ареала оказалась построенной на принципах существенно отличных от древнесабейских.

В Среднесабейском царстве упадок Нижних земель был в значительной степени компенсирован подъемом Нагорья, к которому постепенно переходит лидирующая роль во всех областях, включая и политическую (Бауэр, Лундин 1994b: 111–112; Beeston 1975a: 5; 1975b: 29; Rhodokanakis 1927: 113; Robin 1976a: 3; 1982b: 17; 1984: 212; 1991c: 52; 1991e: 63, 67; Коротаев 1993: 297–301; Korotayev 1995a: гл. IV). Складывающиеся новые формы политической организации оказываются прекрасно приспособленными именно к условиям сабейского Нагорья, пересеченный рельеф которого создает сильнейшие естественные препятствия для чрезмерной политической централизации. В результате, процессы трансформации древнесабейской политической системы в среднесабейскую, по-видимому, имеет смысл рассматривать как вполне удачную адаптацию сабейцев к условиям, сложившимся в конце I тыс. до н.э. в связи с кризисом сабейских Нижних земель.

В ходе данного процесса укрепление политической системы шло не столько через усиление государственной организации, сколько за счет ук-

<sup>3</sup> П. А. Грязневич привлекает также внимание к роли «тектонической и вулканической деятельности», отмечая, что «она не только изменила ландшафт, но и сыграла роковую роль в судьбе существовавших там древних и средневековых поселений и особенно ирригационных сооружений» (Грязневич 1994: 34; см. также, скажем: Stookey 1978: 22), справедливо подчеркивая, что «историки еще не в полной мере оценили роль тектонической и вулканической деятельности в судьбе цивилизации Южной Аравии» (Грязневич 1994: 34). Очевидно, что тектоническая деятельность должна была отразиться на крупномасштабных оросительных системах внутренних Нижних земель в большей степени, чем на объектах преимущественно малой ирригации, характерных для Нагорья (ср. Varisco 1983a; 1983b).

<sup>4</sup> Прямые свидетельства упадка сабейского государства в конце I тыс. до н.э. были обнаружены, например, недавно К. Робэнном в материалах германской археологической экспедиции в Мәрибе (Robin 1989b: 222); см. также: Pirenne 1956: 174–178; von Wissmann 1968: 10 и т.д.

репления власти *кайлей*, усиления *ша бов2*, вождеств.<sup>5</sup> При этом укрепление власти *кайлей* вряд ли может быть отождествлено с созданием государственных структур; оно шло по таким каналам, как развитие собственного хозяйства *кайлских* домов,<sup>6</sup> расширение их собственных земельных владений, расширение сети клиентальных связей, укрепление института личных помощников *кайлей*, *мактавийев* (*mqtt* [𐎧𐎫𐎼𐎿]).<sup>7</sup> Важную роль в укреплении среднесабейской политической системы сыграло и налаживание эффективного взаимодействия между *кайлями* и царской властью, когда царская власть, практически не прибегая к вмешательству во внутренние дела вождеств, смогла получить в свое распоряжение их военный потенциал.

Большую роль в совершенствовании «негосударственной» интеграции Среднесабейского царства сыграло и развитие системы храмовых центров<sup>8</sup>, и прежде всего «федеральных» храмов Алмакаха, Аввām, Хирвāн и Барпāн, деятельность которых создавала интенсивную сеть негосударственных надобщинных связей (в виде потоков паломников, десятины, информации об эпонимных датировках и т.д.), охватывавших практически все Среднесабейское царство (см. выше гл. V, а также: Korotayev 1996: гл. V). Наряду с этим существовало и множество негосударственных горизонтальных связей, существенно повышавших интегрированность Среднесабейского царства, таких как союзы родов (см. выше гл. VI, а также: Korotayev 1994k) или связи между некоторыми *кайлскими* родами и гражданско-храмовой общиной Мāриба (Korotayev 1994f: 78–80). Слабость государственной организации в Среднесабейском царстве также во многом компенсировалась силой родовой организации, заметно окрепшей в сабейском ареале с переходом от Древнего периода к Среднему, и в значительной степени взявшей на себя функции обеспечения гарантий жизни и собственности индивидов (см. выше гл. VIII, а также: Коротаев 1990б: 8–22; 1993: 298–299; 1997; Korotayev 1993c; 1995a).

В целом, видимо, можно констатировать, что с переходом от Древнего периода к Среднему населением сабейского культурно-политического ареала была разработана целая система негосударственных институтов, эффективно компенсировавшая слабость государственной организации и

<sup>5</sup> Вообще важную роль в реинтеграции сабейского культурно-политического ареала, по-видимому, сыграло появление многоуровневой *ша бной* организации, обеспечившей поддержание достаточно густой сети негосударственных надобщинных связей.

<sup>6</sup> Напомню, что наряду с прочим дома *кайлей*, по-видимому, имели функции «страховых фондов» для *ша бов2*.

<sup>7</sup> Напомню, что своих клиентов и *мактавийев* при этом могли иметь роды и лица, не обладавшие какими-либо политическими функциями, *кайл* же получали особое влияние за счет обладания особенно большим числом клиентов и *мактавийев* (см. выше гл. II и III, а также: Korotayev 1995b).

<sup>8</sup> Напомню, что многие среднесабейские храмы также имели функции «страховых фондов».



обеспечивавшая во многом именно за их счет существование достаточно крупной, сложной и хорошо интегрированной территориальной общности.

Упадок Древнего Катабанского царства произошел заметно позднее Древнесабейского,<sup>9</sup> одним из результатов чего было то, что социально-политическая непрерывность в катабанском культурно-политическом ареале (который трансформировался в радмано-химйаритский в начале Среднего периода – см., например: Robin 1991c: 53) была сильнее, чем в сабейском, а социальная трансформация на грани двух Периодов оказалась менее драматической. В Средний период государственная организация на химйаритском Юге была заметно сильнее, чем на сабейском Севере<sup>10</sup> (а родовая организация заметно слабее – см. выше гл. VIII, а также: Коротаев 1990б: 10, 17–18, 22; 1997; Korotayev 1993c: 51–53, 56; 1995a: гл. I, III).

Достаточно впечатляющая черта йеменской истории заключается в том, что приблизительно ту же самую картину мы находим в Йемене и в XX веке: очень сильные родоплеменные и слабые государственные структуры к северу от перевала Накйл Йислих (на «сабейском» Нагорье) и сравнительно слабые родоплеменные и сильные государственные структуры к югу от него (на «химйаритском» Нагорье).<sup>11</sup> Не менее впечатляющим выглядит и тот факт, что в настоящее время граница между «племенным» Севером и «неплеменным» Югом часто проводится в точности в том

<sup>9</sup> Во II веке до н.э., когда сабейское государство было в глубоком упадке, Катабанское царство находилось в цветущем состоянии (см., например: Бауэр, Лундин 1994а: 147; 1994б: 99; Avanzini 2004). Несколько более поздний упадок катабанского центра мог быть связан с двумя факторами: /а/ основная ирригационная система Катабана в вади Байхан была создана заметно позднее основной сабейской системы в вади Азанат (ср. Bowen 1958b и Schmidt 1988b), так что общие процессы заиливания и засаливания должны были сказаться здесь несколько позднее; /б/ катабанцам удалось на какое-то время вписаться в новую систему мировой торговли благовониями, сложившуюся в конце I тыс. до н.э., благодаря установлению в это время своего контроля над юго-западной оконечностью Аравийского полуострова (von Wissmann 1968).

<sup>10</sup> См. выше.

<sup>11</sup> «Различие между Верхним и Нижним Йеменом (в терминологии П. Дреша Верхний Йемен [*Upper Yemen*] соответствует Северному нагорью, а Нижний Йемен [*Lower Yemen*] включает в себя не только приморскую равнину, Тихаму, но и Южное нагорье, лежащее, в целом, ниже уровня Северных гор – А.К.) может быть прослежено почти настолько, насколько мы можем захотеть, к различию между Сабой и Химйаром, а затем вновь в труде ал-Хамдани (X в. н.э. – А.К.), где политические лидеры Верхнего Йемена обозначаются как *сайиды*, а таковые Нижнего Йемена – как *малики* ["цари"]. Сулайхидское государство (XI в.) переместилось в Нижний Йемена, и в нашем распоряжении имеется знаменитый рассказ, в котором царица Арва противопоставляет вооруженных воинственных северян зажиточным миролюбивым южанам. При Аййубидах и Расулидах Нижний Йемен управлялся и облагался налогами при помощи отработанного государственного аппарата, очень отличного от чего-либо, находимого к северу от Саны» (Dresch 1989: 192). Различие это продолжало сохраняться и в последующие века, сохраняется оно и в настоящее время (*Ibid.*: 8–15 и т.д., а также: Burrowes 1987: 9; Stookey 1978: 50, 124; Obermeyer 1982: 31–32; Weir 1991: 87–88; Wenner 1967: 38 и т.д.).

месте (через перевал Накйль Йислих), где проходила граница между Северным («Сабейским») и Южным («Химйаритским») царствами царей Сабая и зў-Райдана 1800 лет назад (ср. Dresch 1989: 14 и Wāfaqlh 1990). Таким образом, описанная выше картина оказывается едва ли не инвариантом йеменской социальной истории последних двух тысяч лет.

Это обстоятельство заставляет предполагать существование какой-то фундаментальной основы для подобного «сверхстабильного» различия между «Сабейским Севером» и «Химйаритским Югом». Главный объективный фактор здесь более или менее ясен: существенная разница географических условий. Крайне примечательно, что территории двух упомянутых выше культурно-политических ареалов Йеменского нагорья практически тождественны двум основным экологическим зонам южноаравийского горного массива (Gochenour 1984b: 3; см. также: Obermeyer 1982: 31–32; Dresch 1989: 8–15).<sup>12</sup> Значительно более плодородные и влажные земли Южного нагорья обеспечивают существование значительно более плотного земледельческого населения (как правило, необходимого для поддержания стабильных государственных структур), представляя собой, таким образом, заметно более благоприятные условия для стабильной и сравнительно крепкой политически централизованной государственной организации, чем те, что наблюдаются на Севере. Сюда же нужно, конечно, добавить и заметно более пересеченный рельеф Северного нагорья (ср. Коротаев 1995; Korotayev 1995c).<sup>13</sup>

<sup>12</sup> Кстати третья экологическая зона Нагорья («Западное нагорье») практически идентична тому культурно-политическому ареалу Йеменских Гор, который в доисламскую эпоху наиболее эффективно сопротивлялся подчинению (как политическому, так и культурному) со стороны всех центров древней южноаравийской цивилизации, и это, несмотря на свою крайнюю близость к зоне древнейшей сабейской колонизации в Нагорье (ср. Robin 1982a, I). Надо подчеркнуть при этом, что зона эта более благоприятна для земледелия, чем Северо-Восточное нагорье, входившее в сабейский культурно-политический ареал, прежде всего благодаря заметно (в 3–5 раз) большему среднегодовому количеству осадков – на Западном нагорье соответствующие величины находятся в районе неслыханных для Северо-Востока 700–800 мм в год, достигая местами аномально высоких для Йемена 1000 и даже 1500 мм (Dresch 1989: 10; Marcolongo, Palmieri 1992: 123). Вместе с тем предельно пересеченный рельеф данного региона создает здесь наиболее серьезные препятствия для политической централизации (и вообще для развития надобщинных структур), способствуя сохранению аномально высокого уровня общинной автономии. Неудивительно поэтому, что регион этот на протяжении практически всей своей известной истории характеризовался достаточно специфическими формами социально-политической организации, отличными от таковых во всех остальных регионах Юга Аравии (Wilson 1989: 7–12).

<sup>13</sup> Главное исключение здесь, Сан-анскую равнину, имеет смысл рассматривать в качестве именно такого исключения, которое только подтверждает правило, ибо именно Сан-ан почти на всем протяжении последних двух тысячелетий служила главным оплотом государственных структур на Северном нагорье (см., например: Serjeant, Lewcock 1983; Lundin 1988). Сходная идея уже высказывалась П. Дрешем применительно к Северному нагорью: «Страна Хашид и Бакил представляла бы собой плохую экономическую основу для любого сколько-нибудь развитого эксплуататорского класса» (Dresch 1984b: 156;

Если представленная в данной книге реконструкция среднесабейской политической системы верна,<sup>14</sup> это может дать некоторые дополнительные аргументы<sup>15</sup> против ставшей к настоящему времени почти «классической» однолинейной в своей основе схемы социально-политической эволюции «община (локальная группа) – вождество – (сложное вождество) – раннее государство – зрелое государство (*mature state*)».<sup>16</sup>

В самом деле, как мы видели выше, нет достаточных оснований характеризовать среднесабейскую политическую систему ни как государство, ни как вождество. Эта система, взятая в целом, не обладала основными характеристиками государства, такими как наличие регулярного, формального административного аппарата, искусственного территориального деления или регулярной системы налогообложения. Конечно же, взятая в целом, эта система не может быть обозначена и как «вождество» (*chiefdom*), в особенности если вождество понимается, скажем, как «полития, централизованно организующая локализованное население, численность которого измеряется тысячами человек» (Earle 1991: 1), хотя бы потому, что, судя по всему (учитывая, например, цифры по количеству сабейских воинов (и их противников), упоминаемые в среднесабейских надписях<sup>17</sup>, размеры Мәриба и иных сабейских поселений<sup>18</sup> и их общее количество, данные по размерам Марибского оазиса и оценки той численности населения, которое он мог прокормить<sup>19</sup>, данные этого века по численности населения в «племенных» районах йеменского Севера, приблизительно соответствующих территории Среднесабейского царства<sup>20</sup> и т.д.), численность населения, «организуемого» среднесабейской политической системой, должна была исчисляться сотнями тысяч человек.

---

см. также: Dresch 1989: 8–15). Достаточно скудная естественная среда Севера не могла обеспечить плотности населения, необходимой для поддержания сильных и стабильных государственных структур в условиях столь пересеченного рельефа, что наблюдается на большей части Северного нагорья (см.: Коротаев 1989; 1991б; 1995). В то же время, политическая система, комбинирующая средней силы государственные структуры в центре с предельно развитыми племенными структурами на периферии выглядит достаточно адекватной для вышеописанных условий, и вполне может рассматриваться как результат вполне удачной адаптации к ним населения данного ареала.

<sup>14</sup> А принимая во внимание характер имеющихся в нашем распоряжении источников, любые подобные реконструкции не могут не быть достаточно гипотетическими (это относится, конечно, и к большинству других древних обществ).

<sup>15</sup> Другие возможные (и вполне оправданные) подходы к критике нижеупомянуемой схемы см., например: Stone 1986; Maisels 1987; 1990.

<sup>16</sup> См., например, теоретические главы в: Claessen, Skalnik 1978; 1981; Claessen, van de Velde, Smith 1985; см. также: Claessen 1984; при этом основы данной однолинейной схемы были заложены Э. Сервисом (Service 1971 [1962]). Критику этой схемы см., например, в монографии Л. Е. Гринина (2006).

<sup>17</sup> См., например: Ir 12; 13; 32 (= Schreyer – Geukens); Ja 576+577; 643+643bis; 665 и т.д.

<sup>18</sup> См., например: von Wissmann 1962; Breton 1994: 17–19 и др.

<sup>19</sup> Dayton 1979; 1981; Wade 1979; Brunner 1983; Schmidt 1988b; Hehmeyer 1989 и т.д.

<sup>20</sup> См., например: Dresch 1984a: 33; 1989 и др.

Выше система эта была охарактеризована как состоящая из слабого государства в центре и сильных вождеств на периферии. Однако нет сомнений, что это была именно СИСТЕМА, т.е. целостная совокупность элементов, обладающая интегративными качествами, такими качествами, которые не могут быть сведены к характеристикам элементов системы.<sup>21</sup> Следует также принять во внимание и тот факт, что государство и вождества были не единственными элементами этой культурно-политической системы. Она включала также, например, подсистему храмовых центров (см. выше главу V), гражданско-храмовую общину Мәриба<sup>22</sup> и, видимо, несколько настоящих племен (не вождеств) в районе Сабейских Нижних земель (прежде всего племена Амритской конфедерации – см.: von Wissmann 1964a; Robin 1991f и т.д.)<sup>23</sup> и др.

С переходом от Древнего периода к Среднему сабейская политическая система существенно трансформировалась, и начала в целом существенно отличаться от «государства», оставшись, тем не менее, в основе своей на том же уровне политической сложности.<sup>24</sup> Не утрачивая общей политической сложности, сабейцы Среднего периода смогли найти в обширном территориальном сообществе эффективное решение иными, «негосударственными», путями проблем, обычно решаемых на таком уровне именно государствами (таких, как надобщинная мобилизация ресурсов для обеспечения функционирования управляющей подсистемы, территориальная организация обширного пространства, обеспечение на этом пространстве гарантий жизни и собственности и т.д.).

<sup>21</sup> Также не кажется продуктивным рассматривать Среднесабейское царство как простой конгломерат политических единиц или даже как что-то, подобное союзу племен или государств: уровень политической интеграции для данной системы был достаточно высоким, вполне сопоставимым с политической интегрированностью среднего раннего государства. Следовательно, подобную систему имеет смысл отнести к тому же уровню политической интеграции, что и, скажем, раннее государство (а не рассматривать ее как однопорядковую таким образованиям, как союзы племен или государств).

<sup>22</sup> Эту гражданско-храмовую общину, по-видимому, было бы неправильно охарактеризовать ни как «вождество», ни как «государство». Есть некоторые основания подозревать существование автономных гражданско-храмовых общин и в Нашке и Нашшане (см., например: Beeston 1976b; 1979a; Лундин 1969a; Loundine 1973b). *Ша б* Сирваха также, по-видимому, имел определенные черты гражданско-храмовой общины на некоторых этапах своей истории (см. особенно: Ja 2856).

<sup>23</sup> Племена эти, впрочем, не играли, как кажется, в функционировании среднесабейской политической системы достаточно важной роли.

<sup>24</sup> Пользуясь эволюционной терминологией, предложенной А. Н. Северцовым (1939; 1967), подобная трансформация должна быть охарактеризована как «идиоадаптация» ( $\approx$  *cladogenesis* [Rensch 1959: 97f.; Dobzhansky *et al.* 1977; Futuyma 1986: 286 и т.д.]), хотя, конечно, и не как «ароморфоз» ( $\approx$  *anagenesis* в том смысле, в каком понятие это было изначально предложено Б. Реншом [Rensch 1959: 281–308]; см. также: Dobzhansky *et al.* 1977; Futuyma 1986: 286 и т.д.), но и в любом случае не как «дегенерацию».

«Среднесабейский» опыт, как кажется, демонстрирует, что хорошо интегрированная территориальная общность (даже если она является достаточно большой, сложной и развитой в сравнении, скажем со средним вожжеством) совсем не обязательно должна быть политически организована как государство.<sup>25</sup> Как кажется, этот опыт демонстрирует, что для «раннего государства» (в классеновском смысле этого понятия [см.: Claessen, Skalnik 1978]) переход к «зрелому государству» (*mature state*) или полная «дегенерация» до уровня примитивных племен и вожеств не были единственно возможными путями эволюции. Одной из возможных альтернатив здесь, как мы видим, могла быть трансформация в «политическую систему среднесабейского типа» (надо отметить, что для обозначения подобных политически систем в современной политантропологии, судя по всему, отсутствует сколько-нибудь адекватный термин). Реальные процессы политической эволюции оказываются заметно менее однолинейными, чем это до сих пор иногда предполагается.<sup>26</sup>

---

<sup>25</sup> Отмечу, что к сходным в своей основе выводам пришел и британский социалантрополог П. Дреш на основе своих исследований племенной организации населения северо-восточного Йемена в XVI–XX вв.: «Что касается племенной организации, то каждый образованный человек должен понимать, что сложные общества могли самоорганизовываться в течение веков без сложного аппарата управления, который нам кажется само собой разумеющимся. Наши обычные теории общества и государства, восходящие к Гоббсу, Руссо или кому бы то ни было еще, являются, таким образом, неполными. Поэтому племенная организация, подобная той, что мы находим в Йемене может дать почти всем нам хороший урок – урок политической философии» (Dresch 1994: 65–66).

<sup>26</sup> См. также, например: Крадин и др. 2000; Krajin *et al.* 2000; Bondarenko, Korotayev 2000; Крадин, Бондаренко 2002; Grinin *et al.* 2004; Гринин 2006.

## Глава X

### От государства к вождествам?

Настала пора ответить на вопрос, вынесенный в заглавие как этой главы, так и всей части II данной монографии. Насколько трансформацию социально-политической системы Сабейского царства в конце I тыс. до н.э. можно рассматривать как переход от государства к вождествам?

На мой взгляд, однозначный ответ на этот вопрос просто невозможен. Категорическое «да», конечно, здесь было бы совершенно неуместно. С одной стороны, какие-то государственные структуры (связанные прежде всего с институтом царской власти и царской армии) в центре среднесабейской системы все-таки сохранились (пускай и в предельно ослабленном виде). С другой стороны, и политическую систему Древнесабейского царства было бы неверно охарактеризовать просто как регулярное государство. Скорее это была система, состоявшая из достаточно сильного и регулярного (особенно, в первой половине I тыс. до н.э., в «Эпоху *мукаррибов* Саба'») государства в центре и гражданско-храмовых общин на структурной периферии.<sup>1</sup> Гражданско-храмовые общины сохранились и в Среднесабейском царстве. Речь идет при этом не только о гражданско-храмовой общине М'ариба (см. выше гл. III), но и о типичных *ша* бах низшего, третьего, порядка (*ша* бахЗ, см. выше гл. I). Эти *ша* бы, впрочем, в Среднесабейский период уже проявляли явную тенденцию к трансформацию в структуры скорее племенного типа.<sup>2</sup>

Тем не менее, на мой взгляд, на поставленный выше вопрос нельзя ответить и однозначным «нет». Дело в том, что замещение государственных структур политическими структурами вождеств в конце Древнего периода в сабейском ареале, по-видимому, все-таки произошло, но не тотально, а

---

<sup>1</sup> Это, впрочем, судя по всему, относится к подавляющему большинству крупных территориальных политических систем древней Юго-Западной (и, возможно, Южной) Азии (Дьяконов 1983; Вигасин, Лелюхин 1987; Якобсон 1987; Бикерман 1985; Дандамаев, Луконин 1980; Oppenheim 1964 и т.д.).

<sup>2</sup> Здесь имеется прежде всего в виду тенденция к «размыванию политического лидерства» на уровне локальных общин. На смену власти общинных магистратов Древнего периода (Лундин 1967; 1971; 1972б; 1974а; 1979а; Бауэр, Лундин 1994б) приходит система, лишенная четко выраженных институционализированных общинных лидеров, обладающих некой должностью-магистратурой, обеспечивающей им определенный объем власти. В качестве неформальных (но достаточно реальных) политических лидеров общин начинают выступать целые родовые группы. Все это явно представляет шаг по направлению к классической североевропейской племенной модели Нового времени (см. ниже, часть 3 данной работы).

только на среднем уровне политической структурной иерархии (на уровне *шабов* второго порядка). В вождества, похоже превратились по крайней мере некоторые административно-территориальные единицы Древней государственной системы.

Наиболее правдоподобно это предположение, как кажется, выглядит применительно к территории «вассального» царства Сум ай, уже в Древний период вошедшего в политическую систему Сабейского царства, и к концу этого периода окончательно утратившего собственного царя. Как уже упоминалось выше, в Средний период *шаба* Сум ай формально делился на три «трети». «Трети» эти, впрочем, уже не образовывали политического единства, и представляли собою вождества, устойчиво возглавлявшиеся тремя *кайльскими* родами (Хамдән, Бата и Сухайм). Напомним, однако, что в Древний период титул *кайл* был индивидуальным (см. выше, гл. VIII). Среднесабейские *кайльские* роды Хамдән, Бата и Сухайм овладели контролем над соответствующими «третьями» Сум ай отнюдь не сразу, и в течении какого-то времени *кайли* были все-таки сменяемыми. *Кайл* определенной «трети» из рода X мог быть вполне заменен представителем рода Y, что было уже совершенно невозможным представить себе для Среднего периода. Так, начиная с конца Древнего периода сум айтская «треть» Йарсум возглавлялась родом Сухайм; однако в древнесабейской надписи С 37, 5-6 в качестве *кайля* Йарсум выступает представитель совсем другого рода, Сарв ( $S^1R W^m$ ) – см. также, скажем, R 4176. Общее впечатление здесь заключается в том, что изначально «трети» Сум ай были административно-территориальными единицами этого царства, возглавляемыми чиновниками-*кайлями*; однако в дальнейшем, с ослаблением государственной власти, определенным родам удалось монополизировать эти должности и выйти из под сколько-нибудь эффективного административного контроля государства, трансформировав его административно-территориальные единицы в вождества.

Как кажется, то же самое, в своей основе, можно предположить и применительно к «четвертям» другого среднесабейского *шаба*, Бакйл.<sup>3</sup> Наиболее примечателен здесь тот факт, что во главе шибамской «четверти» Бакйл в Средний период стоял род Кабир-Акйән, что буквально значит «Старший Чиновник-Кайн». Подчеркну, что *кайн* это древнесабейская должность; в Средний период это должность совершенно исчезает. Как кажется, и здесь мы имеем дело с монополизацией определенной родовой группой должности главы местной государственной администрации, и со-

<sup>3</sup> В Средний период в пределах Сабейского политического ареала мы находим лишь три «четверти» Бакйл (зү-Шибәм, зү-Амрән и зү-Райда) – дело в том, что четвертая, самая южная «четверть» Бакйл в Средний период оказалась в химйаритской сфере влияния (Baḡaḡih 1990).

ответственно с трансформацией государственной административно-территориальной единицы в вождество.<sup>4</sup>

Стоит вспомнить, что вообще *bkl* имеет в сабейском языке значение «поселенцы, колонисты», а территория Бакйл достаточно точно соответствует зоне древнейшей сабейской колонизации в области Нагорья. Так что речь в данном случае идет изначально, скорее всего, о четырех административно-территориальных единицах древнейшей сабейской горной колонии. Можно вспомнить и то, что Шибам, видимо, был главным административным центром данной колонии, что, возможно, и объясняет название должности руководившего им чиновника (а соответственно и название рода, эту должность монополизировавшего) (Бауэр 1965а; Robin 1981с; 1982а, I; Коротаев 1997: гл. IV; Korotayev 1994d; 1995а: гл. II).<sup>5</sup>

В целом, предположение о том, что в конце Древнего периода по крайней мере некоторые административно-территориальные единицы древнесабейского государства трансформируются в вождества, выглядит, на мой взгляд, достаточно правдоподобно.

\* \* \*

Итак, имеются некоторые основания предполагать, что во второй половине I тыс. до н.э. древнесабейская политическая система, состоявшая из сильного относительно регулярного государства в центре (а в заметной степени и на средних уровнях административной иерархии) и гражданско-храмовых общин на структурной периферии, трансформируется в средне-сабейскую политическую систему, состоящую из слабого государства в центре, сильных вождеств на среднем уровне структурной иерархии и гражданско-храмовых общин, в основном на нижнем уровне; гражданско-храмовые общины при этом уже проявляют тенденции к трансформации в социально-политические системы племенного типа.

<sup>4</sup> Подробнее история рода Кабир-Акийан, и вообще процесс трансформации названий некоторых древнесабейских должностей в названия среднесабейских родов, рассматривается мною в: Коротаев 1997: гл. IV; Korotayev 1994d; 1995 а: гл. II.

<sup>5</sup> Можно вспомнить и о делении на «четверти» (*'rb w*) и такого важнейшего *ша ба1* как *Зимри* (*DMRY*).



## Часть 3

---

# От вожеств к племенам? Некоторые факторы и тенденции эволюции социально- политических систем Северо- Восточного Йемена в Средние века и Новое время

## Глава XI

### От вожеств к племенам?

В раннеисламский период, по-видимому, произошла еще одна трансформация данного политического организма (см., например: Пиотровский 1985; Robin 1982b; Dresch 1989: 191), на этот раз в систему, состоящую из несколько более сильного государства в центре и собственно племен (но не вожеств)<sup>1</sup> на периферии.<sup>2</sup> И в этой системе племена и государ-

---

<sup>1</sup> Так, по мнению П. Дреша, во времена ал-Хамдани (X в. н.э.) «Нагорный Йемен, по-видимому, находился в состоянии перехода от квазифеодальной системы к племенной» (Dresch 1989: 191); к сходным выводам пришел и Д. Т. Гоченор (Goche-pour 1984a: 36ff.). Конечно же, как и среднесабейская система средневековой североеменской политической система наряду с государством и племенами (а, конечно, не вожествами как в среднесабейском случае) включала в себя и иные важные элементы. Здесь достаточно упомянуть хотя бы «религиозную аристократию», *саййидов* (*sayyid/sadah* [سعيد/ساده]), ведущих свое происхождение от пророка Мухаммада, и выполнявших в племенных районах наряду с прочим, скажем, важнейшие посреднические политические функции, не занимая там вместе с тем, как правило, никаких формальных политических должностей и оставаясь там вне племенной (и в большинстве случаев государственной) иерархии [Abū Ghānim 1985: 212–227; 1990; Chelhod 1970a; 1975: 70–71; 1979: 58f.; Gerholm 1977: 123; Dresch 1984b: 159f.; 1989: 140–145; Obermeyer 1982: 36–37; Serjeant 1977; Stookey 1978: 95]. Как кажется, в средневековой североеменской политической системе *саййиды* взяли на себя некоторые функции с одной стороны доисламской системы храмовых центров, а с

ство образовывали единое хорошо интегрированное целое (Голубовская 1984: 11; Пиотровский 1985: 70, 97–100; Герасимов 1987: 45–55; Удалова 1988: 18–19; Obermeyer 1982; Dresch 1984b; 1989; 1991; Abū Ghānim 1985: 98–138; 1990; vom Bruck 1993; 1996; Kropp 1994). Адекватный термин для обозначения подобной системы также отсутствует.

Ни одну из этих трансформаций нет никаких оснований рассматривать как «дегенерацию» или «регресс», ибо ни в том, ни в другом случае не происходило потери сложности системы – одна сложная политическая система трансформировалась в структурно другую, но не менее сложную высокоорганизованную систему. Уровень самоорганизации при этом, по видимому, даже несколько повышался.

\* \* \*

Британский социолог Ш. Веир предлагает обозначать подобные политические системы как «племенные государства» (*tribal states* – Weir 1994), что, наверное, лучше, чем ничего.<sup>3</sup> В английском (но не русском) языке по этой схеме, кстати, можно легко образовать и термин для обозначения политической системы среднесабейского типа – *chiefly state*, ибо в англоязычной специальной литературе уже появилось и прилагательное для *chiefdom* – *chiefly* (что-то типа «вождестский»), употребляемое для обозначения отношения чего-либо к этой форме политической организации (см., например: Earle 1987; Johnson, Earle 1987). Мне, однако, подобная терминология не кажется вполне удачной, ибо она, к сожалению, неизбежно должна создавать впечатление, что речь здесь идет о каких-то разновидностях государства, а не об особых формах политической организации.

Мне самому на ум пока не приходит ничего лучше довольно-таки неуклюжего и неблагозвучного термина «*мультиполития*» – от латинского

---

другой – к *айлей* (при том, что они – в отличие от *кайлей*, возглавлявших *ша* бы2 – практически никогда не выступали в качестве формальных политических лидеров отдельных североеменских *qabā'il*). «Действительный источник политической власти находится у глав племен, которые никогда не признают над собой контроль со стороны других глав племен. Решение этой потенциально политически безвыходной ситуации было выработано еще до возникновения ислама через развитие организационной сети, имеющей в качестве своих центров священные анклав, администрируемые наследственной религиозной аристократией, уважаемой и защищаемой племенами» (Serjeant 1977: 244).

<sup>2</sup> В то же время в Южном (бывшем Химйаритском) ареале продолжали существовать (и развиваться) достаточно регулярные государственные структуры (см., например: Dresch 1989: 192).

<sup>3</sup> Понятие это может быть, кстати, сопоставлено с термином «родовое государство», уже давно предложенным Н. Н. Харузиным (1903: 206–224) для обозначения сложных поздних политических образований, включающих в себя в качестве интегральных элементов развитые родо-племенные структуры.

*multi*, «много», и древнегреческого *politeia*, «политическое устройство»;<sup>4</sup> при этом я имел в виду, конечно, и широко употребляющийся в современной англоязычной политантропологии термин *polity*, образованный на основе вышеупомянутого греческого слова и использующийся в качестве родового по отношению к таким понятиям как «государство», «вождество», «суверенная община» и т.д., т.е. для обозначения автономных политических систем любого типа. Термин этот (в форме «полития») был бы, на мой взгляд, нелишним и в терминологическом аппарате отечественной политантропологии.

Мультиполитию я бы определил как высокоинтегрированную систему, состоящую из разнородных политий (скажем, из государства и вождеств, или государства и племен).<sup>5</sup> При этом в любом случае понятие «мультиполития» может применяться к политическим системам среднесабейского и североевропейского типов только как родовое, не снимая вопроса о том, как, скажем, терминологически отграничить мультиполитию, состоящую из государства и вождеств, от мультиполитии, включающей в себя государство и племена.

Как кажется, нет никаких оснований рассматривать мультиполитию как локально южноаравийский феномен. Внеюжноаравийские примеры мультиполитий североевропейского типа («государство + племена») можно без труда найти, скажем, на Среднем и Ближнем Востоке Нового времени (см., например: Evans-Pritchard 1949; Eickelman 1981: 85–104; Gellner 1981; Tapper 1983; Al-Rasheed 1994); внеюжноаравийские примеры мультиполитий среднесабейского типа («государство + вождества [+ 'независимые' общины]») можно найти на том же Ближнем и Среднем Востоке Нового времени (где заметная часть т.н. «племен» представляла собой вождества в терминологии Э. Сервиса [Service 1971 /1962/, 144; Johnson, Earle 1987, 238–243 и др.]). В качестве внеближневосточного примера мультиполитии среднесабейского типа («государство + вождества [+ автономные общины]») может служить, как кажется, королевство Бенин в некоторые периоды его истории (Бондаренко 1995; Bondarenko 1994; а возможно, и некоторые другие западноафриканские королевства [Service 1971 /1962/: 144]).

Двумя вышеуказанными типами все многообразие мультиполитий, очевидно, не исчерпывается; например, ни к одному из них не может быть отнесено такое политическое образование, как «государство святых» Цен-

<sup>4</sup>Прецедент создания научного термина из сочетания латинского и греческого корня был создан еще О. Контом, предложившим назвать науку об обществе *социологией*.

<sup>5</sup>Как кажется, определенное таким образом понятие «мультиполития» оказывается достаточно близким (хотя все-таки и не тождественным) санскритскому термину «мандала» (*ma ala*) в том виде, в каком оно употребляется в древнеиндийских политических трактатах (Вигасин, Лелюхин 1987: 180-190; см. также: Christie 1995: 239–240), однако я прекрасно понимаю, что шансов на то, что понятие «мандала» приживется как термин в нашей политантропологии, еще меньше.

трального Атласа Нового времени, периферия которого состояла из племен, но центр которого не может быть охарактеризован ни как вождество, ни как государство, ни как племя (Gellner 1969).

\* \* \*

Представляется возможным дать определенную аргументацию в пользу того, что, например, трансформацию доисламского «сабейского»  $s^2 b^n S^2 D^m$  в средневековый (и современный) *qabīlat āshid* имеет смысл рассматривать именно как трансформацию вождества в племя (или племенную конфедерацию). Конечно, понятия «племя» (*tribe*) и «вождество» (*chiefdom*) достаточно многозначны. В особенности это относится к понятию «племя», употреблявшемуся (и употребляемому) многими исследователями и для обозначения политических структур, вполне подпадающих под определение «вождества». Это относится, скажем, к вышеупомянутому понятию *tribe-state* Б. Малиновского (Malinowski 1947: 259–261). См. также, например: Sahlins 1968: 20–21; Попов 1982: 75;<sup>6</sup> о смешении понятий *tribe* и *chiefdom* см.: Fried 1975: 60–65, 88–98. При таком понимании, как уже отмечалось выше, среднесабейский *ша б2* вполне может быть обозначен и как «племя».

Понятие «вождество» (*chiefdom*) в том виде, в каком оно было введено в научный оборот Э. Сервисом (в 1962 году, в первом издании «Первобытной социальной организации» [Service 1962]), совершенно определенно отграничивалось от понятия «племя». Вместе с тем, в дальнейшем и этот термин стал приобретать все большую многозначность, все более и более сближаясь у некоторых исследователей с понятием «племя», в том виде, как оно было определено Э. Сервисом (см., например: Sahlins 1968: 20–21; Renfrew 1974 и т.д.).

Тем не менее, «терминологический голод» в современной палеосоциологии, на мой взгляд, столь силен, что употреблять понятия «племя» и «вождество» в качестве синонимов было бы, как мне кажется, непозволительной роскошью. В том же случае, если мы решим использовать эти понятия для обозначения двух разных исторических форм политической организации, определенным приоритетом, на мой взгляд, должны пользоваться критерии различения вождества и племени, предложенные исследователем, впервые введшим понятие «вождество» (*chiefdom*) в широкий научный оборот. Речь идет, естественно, о Э. Сервисе (Service 1971 [1962]). Само слово *chiefdom* употреблялось, конечно, и до Сервиса, в особенности в трудах политантропологов, изучавших социально-политическую организацию индейцев Южной Америки (Oberg 1953; 1955; Steward, Faron 1959), где термин этот использовался для обозначения

<sup>6</sup> В более поздних работах В. А. Попов, впрочем, уже рассматривает вождество в качестве особой, отличной от племени, формы политической организации (Попов 1991).

ния одного из типов политических систем коренного населения этого региона. Однако именно Э. Сервис впервые разработал понятие «вождества» как универсальной (а не региональной) формы политической организации, в том числе указав и достаточно четкие отличия вождества как от племени, так и от государства (Service 1971 [1962]: 133–169).

Надо отметить, впрочем, что Э. Сервис, к сожалению, не дает полностью строгих определений ни племени, ни вождества. Тем не менее, он указывает довольно определенные критерии для различения двух данных форм политической организации, и критерии эти создают определенную основу для проведения номинального измерения.<sup>7</sup>

Итак, как Э. Сервис определяет различия между политической организацией племени и вождества? Политическая организация племени характеризуется следующим путем:

«Лидерство в племенном обществе является личным... и осуществляется только для достижения конкретных целей; отсутствуют какие-либо политические должности, характеризующиеся реальной властью, а 'вождь' здесь просто влиятельный человек, что-то вроде советчика. Внутриплеменная консолидация для совершения коллективного действия, таким образом, не совершается через аппарат управления... Племя... состоит из экономически самодостаточных резидентных групп, которые из-за отсутствия высшей власти берут на себя право себя защищать. Проступки против индивидов наказываются самой же корпоративной группой... Разногласия в племенном обществе имеют тенденцию генерировать между группами конфликты с применением насилия» (Service 1971 [1962]: 103).<sup>8</sup>

При этом к сказанному Э. Сервисом кажется необходимым (для того, чтобы избежать нежелательной омонимии) все-таки добавить и такой критерий как «сверхообщинность» племенной организации – для того, чтобы

<sup>7</sup> О процедуре номинального измерения в палеосоциологических исследованиях см., например: Попов 1982: 61–76.

<sup>8</sup> Необходимо подчеркнуть, что характеристикой племенной ОРГАНИЗАЦИИ логичнее все-таки было бы считать не столько сами конфликты между составляющими племя «резидентными группами», которые характеризуют и первобытные сообщества, не имеющие племенной организации (Э. Сервис относит последние к «*the band level of sociocultural integration*» [Ibid.: 46–98]), а то, что племенная организация ставит эти конфликты в определенные рамки, заставляет стороны конфликтовать по определенным правилам, предоставляет в распоряжение сторон зачастую крайне развитые механизмы посредничества и т.п., нередко вполне эффективно блокируя потенциально крайне дезинтегрирующие следствия подобных конфликтов, но не отчуждая вместе с тем «суверенитета» резидентных групп (Э. Сервис в общем-то говорит об этом на последующих страницах, но, на мой взгляд, не достаточно четко). Необходимо также отметить, что описанная Э. Сервисом ситуация может быть связана не обязательно лишь с полным отсутствием каких-либо надплеменных политических структур («*higher authority*»), а с их слабостью (как это наблюдается для большинства племен Ближнего и Среднего Востока); слабость же подобных структур в «племенных районах» может быть в свою очередь нередко связана именно с эффективностью племенной организации, позволяющей достаточно высокоразвитому населению обходиться без организации государственной.

вышеописанную форму политической организации можно было бы рассматривать именно как «племенную», она должна охватывать более одной общины, иначе перед нами будет просто лишь одна из разновидностей общинной организации. Можно вполне согласиться с утверждением М. Фрида о том, что:

«...Существеннейшим элементом понятия племя является выход племенной организации за пределы одной, отдельно взятой, общины и, *pari passu*, то, что племенная организация имеет функции, которые агрегируют деревни, иначе существовавшие бы сами по себе, в единое взаимодействующее целое» (Fried 1975: 39).<sup>9</sup>

Реальное употребление Э. Сервисом понятия «племя» (*tribe*) не противоречит сказанному (Service 1971 [1962]: 99–132), хотя критерий этот и не был сформулирован им вполне четко.

Социально-политическая же организация вождества характеризуется Э. Сервисом следующим образом:

«Важнейшее изменение, совершающееся на уровне вождества заключается в том, что специализация и редистрибуция уже не привязаны лишь к отдельным акциям, а характеризуют теперь постоянно большую часть деятельности общества. Вождества это РЕДИСТРИБУТИВНЫЕ ОБЩЕСТВА с постоянным центральным координирующим центром» (Service 1971 [1962]: 134). «Когда позиция вождя становится постоянной ДОЛЖНОСТЬЮ в структуре общества, социальное неравенство становится характеристикой всего общества, за чем следует и неравенство в потреблении... Создание наследственной должности вождя, с высоким статусом занимающего его индивида, естественно, влечет за собой возможность и иных высоких статусов... Высокий статус вождя поднимает статус всех членов его семьи..., а затем до некоторой степени и всего его рода... Вождь необходимо создает своего рода 'аристократию'... Другой важной чертой является его способность планировать, организовывать и использовать общественный труд» (Service 1971 [1962]: 139–140). «В некотором смысле вождество имеет пирамидальную или коническую структуру» (Service 1971 [1962]: 142).<sup>10</sup>

Наконец, Э. Сервис и прямо формулирует основные отличия вождества от племени:

«Вождество радикально отличается от племени или первобытной общины не только экономической и политической организацией... – племена эгалитарны, вождества же глубоко неэгалитарны» (Service 1971 [1962]: 142). «Наиболее четкая характеристика, отличающая вождества от племен... – это все пронизывающее неравенство между индивидами или группами в вождествах... Эфемерный харизматический лидер, характерный для племен, имеет функции и

<sup>9</sup> Сходные соображения см. также, например, и в: Семенов 1992: 141.

<sup>10</sup> Сходным образом социально-политическая организация вождества характеризуется и большинством других политантропологов: Васильев 1980; Friedman, Rowlands 1977; Earle 1987; Carneiro 1981; 1991 и т.д. Точно так же среднесабейский *ша б2*, как кажется, вполне подходит и под практически все остальные определения вождества, например, под приводимые в I гл. данной работы определения Л. С. Васильева и Р. Карнейро или приводимое в XIV гл. определение Т. Ёрла.

атрибуты, вытекающие из его собственных способностей. 'Должность' же – это позиция в социально-политической структуре, имеющая постоянно принадлежащие ей функции и признанные атрибуты вне зависимости от того, кто ее занимает» и т.д. (*Ibidem*: 145–146).

\* \* \*

Нетрудно видеть, что если среднесабейский *ша б2* вполне неплохо (хотя и с некоторыми, небольшими оговорками) соответствует описанию «вождества» Э. Сервисом, то описание тем же автором «племени» с самыми небольшими оговорками может быть отнесено к йеменским *qabā'il* средневековья, Нового и Новейшего времени. Упомяну все же главную из этих оговорок.<sup>11</sup>

Политическая организация йеменских *qabā'il* [ ], действительно, относительно<sup>12</sup> эгалитарна. Однако северойеменские племенные сообщества, взятые в целом, никак не могут быть признаны эгалитарными. Дело в том, что наряду с членами племен (составляющими большинство населения и основную массу пашенных земледельцев) в племенные сообщества

<sup>11</sup> Настоящее время, в основном используемое в нижеследующем кратком описании некоторых черт племенной организации Северного нагорья, является, конечно, преимущественно «историческим», ибо организация эта подвергается в последние годы заметной трансформации, хотя о сколько-нибудь основательном ее разложении говорить пока, по-видимому, не приходится (Chelhod 1979; Dresch 1984b; 1994).

<sup>12</sup> Относительно хотя бы среднесабейского *ша ба2*. На качественную разницу между положением шейхов современных северойеменских племен и *кайля*ми среднесабейских *ша бов2* уже обращалось внимание К. Робэном (Robin 1982a, I: 83–85). Действительно, если шейхи северойеменских племен это прежде всего «первые среди равных» (Obermeyer 1982: 36; Dresch 1984a; 1984b: 156–157; 1989: 38–116; Abū Ghānim 1985: 115–133, 209–212, 259–266), то среднесабейских *кайлей* от рядовых членов *ша бов2* отделяла гигантская социальная дистанция. Например, отношение *кайлей* и их *ша ба* передается в надписях через категории 'dm [ʃħ] – 'mr' [ħ)ʃħ], «зависимые – господа»; те же категории используются и для обозначения отношений между клиентами и патронами, подданными и царем, людьми и божествами (в R 3910 *bd<sup>m</sup>* [ʃħ] форма единственного числа неопределенного состояния для 'dm [ʃħ] использована даже для обозначения рабов, продававшихся на рынке Мариба (подробнее об этом см.: Korotayev 1995b). В большинстве среднесабейских посвячительных надписей, поставленных рядовыми членами среднесабейских *ша бов2*, общинники просят божества даровать им благосклонность ( зу w-r w [ʃħ] ) их господ, *кайлей* (а иногда даже просят защитить их от возможного гнева [gʃy [ʃħ] ] господ [C 352, 16; Na NAG 15, 5]). Конечно же, подобный стиль отношений между лидерами и рядовыми членами политической системы кажется совершенно немыслимым для современных (и средневековых) северойеменских племен. Примечательно, что термин *sayyid* [سید], «господин», еще в раннеисламский период употреблявшийся для обозначения глав племен (Пиотровский 1985: 77; Dresch 1989: 169, 191–192), в более позднее время полностью вытесняется на Севере Йемена заметно более нейтральным *shaykh* [شيوخ], «старец», в то время как обозначение «*саййид*» закрепляется за представителями «религиозной аристократии», находившейся в племенной зоне северойеменской мультиполитии в большинстве своем вне племенной организации, под защитой племен.

входят многочисленные «квазикасты»<sup>13</sup> невооруженного<sup>14</sup> «слабого» населения, не входящего в племенную организацию, и находящегося «под защитой» племен (*u afā'* [ ], «слабые»)<sup>15</sup>: мясники и цирюльники (*mazāyinah* [مزائنة])<sup>16</sup>, племенные «геральды» (*dawāshīn* [دواشين]), торговцы (*bayūā īn* [بباعين]), огородники (*ghashshāmīn* [غشامين]), ремесленники, прежде всего ткачи (*sāni īn* [صانعين]), домашние слуги (*akhdām* [ ]), находившиеся в самом низу социальной иерархии, и т.д.; к «слабым» в племенной зоне традиционно относилось и еврейское население этих мест (Голубовская 1981; 1984: 11; Пиотровский 1985: 64, 87; Удалова 1988: 19–20; Serjeant 1977; Chelhod 1970; 1979: 48, 54–57; 1985; Obermeyer 1982: 36; Dresch 1984b: 159; 1989, 117–123; Abū Ghānim 1985: 234–249 и т.д.).<sup>17</sup> Общая картина социальной стратификации племенных сообществ Северного Йемена дополнительно осложняется и присутствием в них *саййудов* (*sādah* [ ]) – «религиозных аристократов», ведущих свое происхождение от пророка Мухаммада) и *кадūйев* (*qudāt* [ ], «судей»,

<sup>13</sup> На определенное сходство традиционных систем социальной стратификации Южной Аравии и Индии уже обращалось внимание (см., например: Chelhod 1979: 59). Вместе с тем, отмечаются и некоторые достаточно существенные различия между двумя данными системами социокультурной стратификации (Родионов 1994, Пиотровский 1985; Chelhod 1979: 59; Chelhod 1985: 33; Dresch 1989: 153).

<sup>14</sup> Не считая традиционного йеменского кинжала, «джамбийи», который носят даже большинство «слабых», обязанных вместе с тем носить его подчеркнuto с левой стороны в отличие от членов племен (*qabīlyūn* [قبيليين]), носящих его на поясе прямо посередине (Chelhod 1979: 55; Dresch 1989: 38, 120; Stevenson 1985: 44). Единственное исключение здесь составляет достаточно специфическая «слабая» квазикаста, *dawāshīn* [دواشين] (племенные «геральды»), представители которой носят свои джамбийи так же, как и члены племен (Dresch 1989: 120). В то же время *саййуды* [ ] и *кадūи* [ ] носят свои кинжалы подчеркнuto с правой стороны (что достаточно неплохо обозначает их особое положение в племенном мире [Chelhod 1979 : 55; Dresch 1989: 136; Stevenson 1985: 44]).

<sup>15</sup> Справедливости ради надо подчеркнуть, что «покровительство», оказываемое племенами «слабому» населению, не является лишь пустым словом. Неспособность племени защитить находящегося под его покровительством «слабого» (например, обеспечить ему получение компенсации за совершенное против него преступление) наносит сильнейший удар по репутации племени, при том что размер такой компенсации зачастую в четыре раза превышает компенсацию за подобное преступление, совершенное против члена племени (Goitein 1941: 39; Dresch 1989: 118). К тому же, «на призыв наказать преступление, совершенное против них, откликнется больше членов соответствующего племени, чем на призыв поддержать полноправного члена племени» (Dresch 1984b: 159; см. также, например: Obermeyer 1982: 36). Кроме того, «лицам с более высоким статусом запрещено притеснять *anāqīl* (одно из обозначений 'слабого' населения – А.К.)... Если это происходит, все общество примет их сторону, чтобы защитить их от притеснителя» (Chelhod 1979: 55; см. также, например: Stevenson 1985: 44).

<sup>16</sup> *Mazāyinah* должны были также, скажем, производить обрезание, бить в барабаны во время праздников или военных действий, прислуживать гостям и т.д. (Dresch 1989: 119).

<sup>17</sup> Становление данной системы квазикаст, по-видимому, относится к XII–XIV векам (Пиотровский 1985: 87; Удалова 1988: 19). Описание во многом сходной системы «квазикаст» в Хадрамауте см., например: Наумкин 1980: 23; Серебров 1990; бин Акїл 1992, 7–8; Родионов 1993; 1994: 21–29; Serjeant 1957 (только *sādah* и *mashāyikh*); Vujra 1971: 13–53 и т.д.



знатоков священных книг, не ведущих своего происхождения от пророка), также в большинстве своем рассматривавшихся в качестве находившихся под защитой племен и игравших достаточно важную роль в функционировании этих сообществ<sup>18</sup> (Голубовская 1984: 11; Пинотровский 1985: 65, 87, 101; Удалова 1988: 20; Serjeant 1977; Chelhod 1979: 58f.; Obermeyer 1982: 36–37; Dresch 1984b: 159f.; 1989: 136–157; Abū Ghānim 1985: 212–227; 1990 и др.).<sup>19</sup>

\* \* \*

Понятие «племя» в том виде, как оно употребляется социологами при описании социально-политической организации северных йеменцев (или, скажем, многих сообществ Атласа, Киренаики или Афганистана) в XIX–XX веках, представляется вполне полезным, ибо оно здесь обозначает достаточно определенную форму надобщинной политической организации, которая, как кажется, не может быть адекватно обозначена никакими иными принятыми в современной науке терминами, такими как «вождество» и тем более «государство» или «община». Мы можем наблюдать здесь такую форму политической организации, когда функционирование устойчивых форм межобщинной интеграции осуществляется без мо-

<sup>18</sup> «Неплеменные квазикасты» североиеменских племенных сообществ включали в себя меньшинство их населения («За пределами городов... представители слабых слоев немногочисленны; на деревню с тридцатью семьями членов племен обычно приходится две-три семьи представителей слабых слоев» [Dresch 1989: 123]), однако принимать их в расчет, конечно, нужно обязательно, ибо во многом благодаря именно им североиеменский племенной мир и представлял собой то, чем он был, – достаточно сложную высокоорганизованную (и совершенно «непервобытную») систему, вполне сравнимую по своей сложности с сопоставимыми по численности включаемого населения доиндустриальными государственно организованными системами (например, культурно-политическими системами йеменского Южного нагорья).

<sup>19</sup> Сами *сайиды* и *кадийи* считали свой статус более высоким, чем у членов племен, однако нет никаких оснований считать их господствующим, доминирующим слоем североиеменских племенных сообществ (см., например: Dresch 1984b: 159; Dresch 1989: 136–157). Монаполий на применение насилия здесь обладали все-таки племена (вернее даже их члены), а не *сайиды*. Несмотря на высочайший авторитет и репутацию *сайидов* политическими лидерами были все-таки шейхи, а не *сайиды* (последним удавалось стать шейхами крайне редко, да большинство *сайидов* к этому, как кажется, и не стремилось; по наблюдениям П. Дреша, «не видно особых причин, почему бы сайид не мог бы стать шейхом, но встречается это очень редко» [Dresch 1989: 156]). В этом плане взаимоотношения между *сайидами* и членами североиеменских племен несколько напоминают отношения между брахманами и кшатриями в древней Индии (см., скажем: Бонгард-Левин, Ильин 1985: 301–304). При этом достаточно очевидно, что присутствие в североиеменской племенной зоне групп *сайидов*, пользовавшихся в племенах высоким авторитетом (хотя, как правило, и не господствовавших над ними), должно было служить существенным фактором интеграции североиеменской мультиполитии, государственный центр которой возглавлялся на протяжении большей части последнего тысячелетия представителями «религиозной аристократии» (*сайидов*), зейдитскими имамами (см., например: Chelhod 1985: 26–29; Stookey 1978: 95, 149–155 и т.д.).

нополизации соответствующими племенными структурами применения насилия, без приобретения ими формальной власти над общинами и общинниками, когда, скажем, конфликты разрешаются (либо коллективные «общеплеменные» акции предпринимаются) не через обязательные к исполнению решения облаченных властью должностных лиц, а через поиск лишенными формальной, абсолютной (безотносительной к их личным качествам) власти лидерами консенсуса всех заинтересованных членов племени (или племен) и т.д.

«Шейх не может предпринимать чего-либо от лица своих людей просто на основе своего формального положения; всякая акция, затрагивающая их интересы, должна быть конкретно с ними согласована» (Dresch 1984a: 39). «Власть, которую шейх может иметь над группами членов племен, не обеспечивается ему его формальным положением. Он должен постоянно участвовать в их делах, и участвовать успешно» [для того, чтобы свою власть сохранить] (*Ibid.*: 41; см. также: Chelhod 1970; 1979; 1985: 39–54; Dostal 1974; 1990: 47–58, 175–223; Obermeyer 1982; Dresch 1984b; 1989; Abū Ghānim 1985; 1990: 229–251 и т.д.).<sup>20</sup>

Как кажется, именно такая политическая структура<sup>21</sup> может быть с наибольшими основаниями обозначена как племя (в неэтническом смысле этого понятия) в то время, как среднесабейские надобщинные объединения, *ша бы*<sup>2</sup>, могут быть с наибольшими основаниями в данной системе терминов обозначены как «вождества». Вместе с тем, при таком подходе надо будет констатировать отсутствие собственно племенной организации в сабейском культурном ареале доисламской эпохи.<sup>22</sup> Именно поэтому, на мой взгляд, и имеет смысл говорить о трансформации вождеств в племена в районе «сабейского» Нагорья в раннеисламскую эпоху.

\* \* \*

Вывод о том, что племя может быть совершенно непервобытной, достаточно поздней формой политической организации, трудно назвать сколь-

<sup>20</sup> «Шейх не может предпринимать чего-либо от лица своих людей просто на основе своего формального положения; всякая акция, затрагивающая их интересы, должна быть конкретно с ними согласована» (Dresch 1984a: 39). «Власть, которую шейх может иметь над группами членов племен, не обеспечивается ему его формальным положением. Он должен постоянно участвовать в их делах, и участвовать успешно» [для того, чтобы свою власть сохранить] (*Ibid.*: 41).

<sup>21</sup> А не аморфные слабоорганизованные совокупности первобытных локальных групп или такие социально-политические образования, которые вполне адекватно могут быть обозначены как «общины» или «вождества», – множество примеров такого неудачного употребления понятия «племя/tribe» приводится, скажем, М. Фридом (Fried 1975).

<sup>22</sup> По крайней мере в его нагорной части, ибо, как упоминалось выше, возможно уже в Средний период племенную организацию имело полукочевое население района ал-Джауфа, например, часть амиритов (*s<sup>2</sup> b<sup>n</sup> s<sup>2</sup> b<sup>n</sup> 'M R<sup>m</sup>*) (см., например: Ghul 1959: 432; von Wissmann 1964a: 81–159; Bāfaqīh 1990: 282–283; Robin 1991f; Korotayev 1995e).

ко-нибудь новым. Действительно, как известно, к близкому выводу уже достаточно давно пришел М. Фрид (Fried 1967; 1975), утверждавший, что племя<sup>23</sup> является непервобытной формой политической организации, возникающей достаточно поздно как результат «структурирующего» воздействия уже возникших государственных систем на «неструктурированные» массивы независимых общин.

Полностью соглашаясь со взглядом М. Фрида на племя как на непервобытную позднюю форму политической организации, можно вместе с тем, опираясь на южноаравийские материалы, предположить, что племенная организация может возникать и иным путем, скажем, в результате трансформации вождей. Вообще М. Фрид, на мой взгляд, несколько абсолютизировал здесь роль «структурирующего воздействия» государства, полностью проигнорировав изучение внутренних тенденций эволюции негосударственных политических систем, ведущих к сложению племенной организации.

\* \* \*

Конечно, нет никаких оснований рассматривать племенную организацию Северного нагорья как результат «структурирующего» воздействия государств на неструктурированное первобытное население. Существенное воздействие на генезис здесь племенной организации оказали скорее арабские племена Центральной Аравии, в тесном контакте с которыми данный ареал находился на протяжении всей поздней доисламской и раннеисламской его истории (Пиотровский 1985: 8, 64, 69–70; Chelhod 1970a; 1979; 1985: 45–46; al- adīthī 1978: 68, 81–96; Höfner 1959; Robin 1982b: 29; 1984: 213, 221; 1991f; Wilson 1989: 16; von Wissmann 1964a: 181–183, 195–196, 403–406; 1964b: 493 и т.д.).

Определенную роль в становлении высокостатусного «племенного» земледельческого населения все-таки несомненно сыграло и уже упоминавшееся выше влияние политической культуры североаравийских племен. Как кажется, их заметным вкладом здесь было хотя бы то, что они принесли на Юг Аравии «генеалогическую культуру». Древние южноаравийские общины были «ша бами», подчеркнуто территориальными сообществами, не располагавшими сколько-нибудь разработанными генеалогиями:

«В резком контрасте с североаравийской практикой составления длинных генеалогических списков (зафиксированной в сафайтских надписях и для доисламского периода) древняя южноаравийская идентификация человека состояла просто из его собственного имени плюс обозначения принадлежности к опре-

<sup>23</sup> Если, конечно, под племенем понимать особую форму надобщинной политической интеграции, а не употреблять это понятие как синоним «вождества» или «общины».

деленной социальной группы (обычно *байта*) с необязательным добавочным упоминанием имени отца, но никогда с указанием каких-либо предков более высокой степени. Здесь трудно не вспомнить приписываемое халифу ‘Умару высказывание (“Изучайте свои генеалогии и не будьте подобны ‘набатейцам’ Месопотамии, которые, когда их спрашивают, кто они, отвечают ‘Я из такой-то деревни’ ”), которое Ибн Халдун цитирует с крайне примечательным комментарием, согласно которому утверждение это верно и по отношению к земледельческому населению Аравии... *Кабйла*... это кровнородственное в основе свой объединение, и этим оно по сути своей отличается от *шаб*... В Коране (49:13) *ja<sup>c</sup>alnā-kum shu<sup>c</sup>ūb<sup>an</sup> wa-qabāil<sup>d</sup>* совершенно определенно относится к двум различным типам социальной организации, и Ибн Халдун, когда он говорит об оседлых жителях Аравии, строго употребляет слово *shu<sup>c</sup>ūb*, а не *qabāil*, которое он использует только для обозначения социальных объединений кочевников» (Beeston 1972a: 257–258; см. также: *Id.* 1972b: 543; Ruykmans J. 1974b: 500; Robin 1982a, I; 1982b; Пиотровский 1985: 53, 69; Коротаев 1991a и т.д.).

В раннеисламскую эпоху под влиянием приобретшей в мусульманском мире высокий статус культуры североаравийских племен южноаравийские *шабы*, продолжая оставаться в основе своей территориальными (Dresch 1989; Serjeant 1989: XI), трансформировались в *qabā’il*, племена, построенные формально по генеалогическому признаку.<sup>24</sup> Данная транс-

<sup>24</sup> Необходимо отметить, что «кабилизация» некоторых сабейских *шабов*, по-видимому, началась еще в доисламскую эпоху. Наиболее примечательна здесь надпись Fa 74, датированная (стк. 6–12) месяцем *dhū-Madhra’ān* года 614 по химйаритской эре, что соответствует июлю 499 или, вероятнее, 504 г. н.э. (в зависимости от решения проблемы начала химйаритской эры – о текущем состоянии проблемы см.: de Blois 1990; Shahīd 1994; Kitchen 1994; Robin 1996b; Robin *et al.* 1998). На 6-й стк. данной надписи *S B ’ KHL<sup>n</sup>* обозначен как *s<sup>2</sup>rt* [X]ḫ]. Здесь надо напомнить, что, как уже упоминалось выше (гл. III), во II–III вв. *S B ’ KHL<sup>n</sup>* представлял собою «центральный» *шаб* сабейского культурно-политического ареала, прежде всего гражданско-храмовую общину его столицы, Мāриба, которая уже в Средний период имела достаточно особую социально-политическую организацию, заметно отличавшуюся от таковой остальных сабейских *шабов* (Loundine 1973a; 1973b; Лундин 1969a; 1984; Korotayev 1994a; 1996: гл. III и т.д.); однако в этот период общность эта вполне последовательно обозначалась только как *s<sup>2</sup>b*, но никогда как *s<sup>2</sup>rt* (Ja 653, 1; 735, 1; Sh 7/1; 8/1 и т.д.). В то же самое время термин *s<sup>2</sup>rt* (соответствующий арабскому обозначению родоплеменной группы [определенного уровня], *ashīrah*) использовался в сабейских надписях для обозначения именно арабских «генеалогических» племен *qabā’il*, достаточно определенно отличавшихся сабейцами от южноаравийских территориальных *шабов* (Beeston 1972a: 257–258; 1972b: 543; Ruykmans J. 1974b: 500; Пиотровский 1985: 53, 69 и т.д.). Следует упомянуть, что *шабы* внутренних Нижних земель, видимо, уже задолго до Ислама были не столь абсолютно «антигенеалогичны», как *шабы* Нагорья (Robin 1979; 1982b). Кроме того то, что *шаб* Саба’ Кахлāн одним из первых оказался под влиянием процесса «кабилизации», может объясняться во многом и расположением Мāриба на окраине внутренней пустыни, т.е. в одной из зон Южной Аравии, бывших в I тыс. н.э. объектами наиболее интенсивной инфильтрации со стороны кочевников-арабов. Необходимо подчеркнуть, что в нашем распоряжении существуют и прямые данные об интеграции определенного числа арабов в *шаб* Саба’ в VI в. н.э. Например, Ry 507 (июль 518 или, вероятнее, 523 г. н.э. – стк. 10) упоминает не-

формация в свою очередь явилась результатом упорного труда южноаравийцев по разработке своих собственных генеалогий, а также их упорной (и вполне успешной) борьбы за признание этих генеалогий арабским миром (и по интеграции, таким образом в арабский этнос, господствовавший в раннеисламском государстве [VII – середина VIII вв.], на довольно высоких позициях – Пиотровский 1977; 1985). Не нужно все-таки забывать, что йеменцам удалось крайне успешно добиться того, чего кроме них не удалось добиться почти никому (за крайне редкими исключениями):

«После завоеваний арабы оказались контролирующими гигантское неарабское население. Немусульманской его части можно было дать статус, похожий на статус клиентов в Аравии, так чтобы они сохраняли свою собственную самоорганизацию в обмен на уплату налогов... Но неарабы, принявшие Ислам, представляли собой новую проблему из-за того, что, с одной стороны, их нужно было инкорпорировать в арабское общество, а не просто контролировать; но, с другой стороны, они "ЗАБЫЛИ СВОИ ГЕНЕАЛОГИИ",<sup>25</sup> испытали поражение и зачастую порабошение, так что они не могли представлять собою полноценных *халифов* (полноправных союзников); единственными неарабами, получившими подобный статус, были *hamrā* и *asāwira*, персидские солдаты, перешедшие на сторону арабов во время завоевательных войн последних в обмен на привилегированный статус... Именно для решения этой новой проблемы и был разработан исламский институт *walā* [т.е. система включения неарабов в исламское общество в качестве зависимых неполноправных *mawālī* – А.К.]» (Crone 1991: 875)

Все-таки не может не впечатлять тот факт, что такой высоко-профессиональный специалист по раннеисламской истории, как П. Кроун умудрилась не заметить другого (и несравненно более существенного!) исключения – йеменцев. Дело здесь, видимо, в том, что усилия йеменцев, стремившихся убедить арабов, что южноаравийцы являются такими же арабами как и они,<sup>26</sup> или даже более чистыми арабами (*al- Arab al- āribah* [ ] в отличие от *al- Arab al- musta ribah* [ ] [см., например: Пиотровский 1977: 20, 23, 29; 1985: 67; Robin 1991e: 64 и т.д.]), чем сами арабы, и что они всегда были арабами, оказались столь успешными, что они убедили в этом не только самих арабов (см., например: Ibn al-Kalbī 1966, I: 40–41), но и арабистов. Несмотря на все отличие

когого *T M M m bn M D n d-QSMLT S B 'Y n*, «Тамйм, сын [рода] Касмалат, сабеец» (стк. 12). Как было убедительно показано М. Б. Пиотровским (1985: 54–57), этот Тамйм явно арабского происхождения – из бедуинского племени Касмала (= ал-Касамил) из района Наджрана; в то время как *S B 'Y n* – это не что иное, как вполне ясное обозначение принадлежности к *шабу Саба'* (Beeston 1978a: 14).

<sup>25</sup> Выделено мною. Стоит еще раз подчеркнуть исключительно важную роль наличия полноценных генеалогий для полноправной интеграции в раннеисламское арабское общество – А.К.

<sup>26</sup> А старания эти были не безосновательными, ибо часть арабов все-таки какое-то время отказывалась признавать арабами йеменцев (см., например: Пиотровский 1985: 67).

йеменцев от упоминаемых П. Кроун групп персидских солдат (достаточно вспомнить хотя бы о численности йеменцев, вполне сопоставимой в раннеисламскую эпоху с численностью всех арабов, вместе взятых), определенное сходство между двумя данными случаями все-таки, видимо, есть. Как и персидским солдатам йеменцам, по-видимому, удалось интегрироваться в раннеисламское общество (VII – середина VIII вв.) в качестве его совершенно полноправных членов во многом именно потому, что исламское общество в это время крайне нуждалось в военной силе, между тем как из йеменцев состояла заметная часть многих исламских армий, а в некоторых из них они составляли большинство воинов.

«Часто приходится встречаться с утверждением, что исламские завоевания велись североаравийцами... Но в настоящее время можно его поставить под сомнение, ибо то число людей, которое было необходимо для многочисленных энергичных военных походов, на Аравийском полуострове можно было найти только в Йемене. В I в. х. / VII в. н.э. (впрочем, так же как и в настоящее время) Йемен был единственной областью Аравийского полуострова с плотностью населения, достаточной для того, чтобы выставить вполне многочисленные войска... Присутствие в армиях арабо-исламских завоевателей I в. х. / VII в. н.э. многочисленных йеменцев (при том, что зачастую в этих армиях большинство воинов было йеменцами) прекрасно документировано; при этом речь идет об опытных бойцах, занимающих в том числе и командные должности всех уровней, а не новобранцах» (Smith 1990: 134; прекрасное фактологическое обоснование вышеприведенных утверждений см. в: al-Mad'aj 1988: 69–70, 86–88, 123–125, 127, 132, 140–143).

Оставаясь реалистами, нужно, конечно, признать, что йеменцам удалось столь гладко интегрироваться в раннеисламское общество (и арабский этнос) в качестве его полноправных членов (а не неполноправных *mawālī*) не потому, что разработанные ими генеалогии выглядели столь уж убедительно, а благодаря скорее именно важнейшей роли йеменцев в исламских завоеваниях.<sup>27</sup> Скорее именно благодаря исключительно важной роли йеменских отрядов арабы дали себя убедить в том, что их соратники являются такими же арабами, как и они (а значит, и что декларируемые ими генеалогии являются столь же добротными как и у самих арабов). Последовательно настаивать на неарабском происхождении йеменцев, на неполноценности их генеалогий значило бы настраивать против себя исключительно мощные в военном плане силы, а ни одна из ожесточенно соперничавших между собой арабских группировок раннеисламского общества позволить себе такой роскоши, конечно, не могла.

<sup>27</sup> Впрочем, нельзя здесь, конечно, забывать и о таких факторах как изначальная культурная (в том числе и лингвистическая) близость арабов и южноаравийцев, интенсивные контакты южноаравийской цивилизации с североарабским населением на протяжении всего периода ее существования, некоторая арабизация Южной Аравии еще до прихода туда Ислама (связанная прежде всего с проникновением туда значительных групп арабов) и т.д.

В любом случае в результате этих процессов основная часть земледельческого населения Северного нагорья оказалась обладательницей глубоких, древних (и вполне «добротных» даже с точки зрения северных арабов) генеалогий, что создавало неплохую идеологическую основу для борьбы этого населения за сохранение своего высокого статуса.

Генеалогическая идеология» (представление племен и их конфедераций в качестве потомков эпонимных предков, находящихся между собой в определенных родственных отношениях) оказалась прекрасной основой и для развития племенной политической культуры, помогая налаживанию механизмов гибкого взаимодействия между племенными общностями разных уровней.

\* \* \*

Все-таки, хотя существенное воздействие североаравийских племен на формирование «племенного этоса» в данном ареале особых сомнений не вызывает, вышеупомянутые авторы, на мой взгляд, несколько недооценивают значение здесь внутренней логики эволюции данного ареала.<sup>28</sup> Генезис североаравийской племенной организации, на мой взгляд, явился прежде всего реализацией общей тенденции к «эгалитаризации», наблюдающейся в данном ареале еще с конца I тыс. до н.э., результатом долгих «поисков» земледельческим населением Северного нагорья оптимальных для этого региона форм социально-политической организации.

Как уже было сказано, тенденции к «эгалитаризации» начинают прослеживаться в данном регионе достаточно рано. Скажем, как мы могли это видеть выше (гл. VIII), если в Древний период сабейской истории недвижимое имущество рассматривается в качестве собственности главы большесемейной общины (который поэтому обозначает такое имущество как принадлежащее ему /-hw/ [см. выше гл. VIII, а также: Бауэр 1964б: 19–20; 1965б: 209–217; Лундин 1962б; 1965а; 1971: 233–245; Коротаев 1990б: 16–19; 1997: гл. 3; Korotayev 1993с: 51–53; 1995а: гл. III]), то в Средний период такое имущество уже начинает рассматриваться как собственность всего родового ядра *байта*, большесемейной общины, и соответственно, мы встречаем в среднесабейских надписях, даже поставленных индивидуальными авторами, только упоминание «их» [-hmw] недвижимости, но практически никогда имущество «его» [-hw] (см. выше гл. VIII, а также: Коротаев 1990б; 1993; 1997: гл. III; Korotayev 1993с; 1995а: гл. III), что, на мой взгляд, может рассматриваться как результат

---

<sup>28</sup> Ср., скажем, несравненно более осторожную позицию по этому вопросу П. Дреша (Dresch 1989).

некоторой «демократизации» внутренней организации сабейских больше-семейных общин.<sup>29</sup>

Крайне показательно, что сходная трансформация произошла и с титулом *кайл*, если в Древний период это был в основном индивидуальный титул, принадлежащий отдельным лицам, то в Средний период в сабейском культурно-политическом ареале (но не на радманско-химйаритском Юге!) он начинает в основном рассматриваться как принадлежность целых *кайлских* родов, а не его отдельных представителей (Коротаев 1990б: 8–12; Korotayev 1993с: 50–51; 1995а: гл. I; см. также: Robin 1982 а, I: 79 и Avanzini 1985: 86–87). Несмотря на сохранение гигантской социальной дистанции между *кайлскими* родами и рядовой массой членов *ша бов2*, данная эволюция вполне может рассматриваться как шаг в сторону северойеменской племенной модели (ср. Dresch 1984а).

Выше уже упоминалась и достаточно демократическая организация среднесабейских локальных общин, *ша бов3*, демонстрирующая явные черты сходства с общинной организацией поздних обитателей Северного нагорья (см. выше гл. I). Генезис северойеменской племенной организации вполне может рассматриваться и как распространение достаточно де-

<sup>29</sup> Становление племенной организации на Северном нагорье в раннеисламскую эпоху, по-видимому, сопровождалось дальнейшей «демократизацией» поземельных отношений, правда, достаточно примечательным путем, через высочайшую индивидуализацию поземельных отношений (см., например: Dresch 1989). Как кажется, поземельные отношения прошли в данном ареале путь от собственности глав большесемейных общин на семейные земли в Древнесабейский период к подчеркнуто коллективной собственности на землю родовых групп в Средний период и далее (возможно не без некоторого влияния шари ата) к подчеркнуто индивидуальной собственности на землю всех совершеннолетних членов родовых групп (права женщин на землю, правда, требуют некоторых существенных оговорок, для которых здесь нет места [см.: Mundy 1979; Dresch 1989: 276–291]). Последняя трансформация, кстати, неплохо коррелировала со становлением племенной организации и общей эгалитаризацией политической системы, ибо подобный строй поземельных отношений эффективно блокировал возрождение чего-либо похожего на могущественные кланы *кайлей* с их гигантскими консолидированными и недробимыми земельными владениями. Вообще достаточно примечательным представляется то обстоятельство, что становление племенной организации на Северном нагорье, как кажется, сопровождалось ощутимым ослаблением «экономической общины»: среднесабейские надписи, авторы которых постоянно упоминают помощь общины в их хозяйственной деятельности (С 224, 4; 339, 4; 416, 4; 585, 2; Ga 6, 3; R 3971, 4; 3975 + Ga 32, 3–4; 4033, 2а; Robin/al-Najaṭ 1, 6; /Khamir 1, 4; /Kāni 13+14, 2; Ry 540, 1–2 и т.д.), находятся в разительном контрасте с описаниями системы экономических связей на «племенном» йеменском Севере, с характерным для нее крайне низким уровнем внутриобщинной экономической кооперации: «Отсутствие кооперации на практике, возможно, и не столь выражено, как в историях, рассказываемых о событиях прошлого, но все равно оно очень даже выражено. Лица, живущие в соседних домах или обрабатывающие смежные участки, могут иногда и помочь друг другу... Сосед, скажем, скорее всего поможет соседу отремонтировать стену его террасированного поля, если ее обвал может нанести вред его собственному полю, но в других случаях <если тому, кто помогает, такая помощь непосредственной выгоды не приносит> на подобную помощь в сколько-нибудь серьезном масштабе соседу рассчитывать не приходится» (Dresch 1989: 301).



мократичных принципов среднесабейской общинной организации на над-общинный уровень (соответствующий уровню среднесабейского *ша ба2*).

Генезис североиеменской племенной организации вполне может рассматриваться и как результат продолжительной борьбы основного земледельческого населения Северного нагорья за повышение своего социального статуса. Борьба эта была в основном, как кажется, достаточно «тихой», и поэтому довольно редко фиксировалась историческими источниками. Например, ал-Хамдāни упоминает, что единственный оставшийся в его время (X в.) в живых представитель древнего *кайжского* рода *Sufyān b. Abd Kulāl* имел в вади Дахр/Захр (т.е. практически в центре того, что было Сабейским ареалом в доисламскую эпоху) *thamanūna tamlūk<sup>an</sup> min [wuld<sup>i</sup>] rajul<sup>in</sup> wā id<sup>in</sup> wa-awlād<sup>i</sup> awlādi-hi*, «восемьдесят ‘рабов’ [, происходящих] от одного человека и детей его детей» (al-Hamdānī 1980: 328), т.е. «рабов», организованных в собственный клан (или линидж). Есть все основания рассматривать этот зависимый клан в качестве остатков зависимого земледельческого населения доисламской эпохи.<sup>30</sup> В эпоху ал-Хамдāни хиреющий *кайжский* род явно уже утрачивал свой контроль над остатками своего зависимого населения. Так, ал-Хамдāни отмечает, что к его времени вышеупомянутый линидж зависимых успел захватить большую часть земельных владений своих господ (*jall<sup>u</sup> amwāl<sup>i</sup>-him* [أموالهم])<sup>31</sup> в вади Дахр (al-Hamdānī 1980: 328). Вообще, процесс «упадка *кайжей*», прекрасно описанный М. Б. Пиотровским (1985: 140–150), и был, на мой взгляд, во многом процессом трансформации вождейств в племена.

\* \* \*

Доисламские корни в самом Йемене, вполне возможно, имеет и такой важнейший институт североиеменской племенной организации как *hijrah*

<sup>30</sup> Крайне существенно, что ал-Хамдāни называет этих зависимых *dumam* [ ] (ед.ч. – *dummī* [ ]): *yuqālu li-ʿl-rajul<sup>i</sup> ʿl-tamlūk<sup>i</sup> dummī wa-hum al-dumam* (al-Hamdānī 1980: 328), потому что, как уже было замечено (al- adīthī 1978: 78; Пиотровский 1985: 73), *dumam* ал-Хамдāни скорее всего восходят к сабейским *dm*. Надо вообще подчеркнуть, что зависимость целых родовых групп «клиентов» от родовых групп «патронов» вообще крайне характерна именно для среднесабейской «клиентелы» (см. выше гл. VIII, а также: Коротаев 1990а ; 1990б; 1997: гл. II; Korotayev 1993с; 1995а: гл. I). В этом отношении среднесабейская «клиентела» кардинально отличается от «клиентелы» как древнесабейской (см. выше гл. VIII, а также: Коротаев 1990а; 1990б; 1997: гл. II; Korotayev 1993с; 1995а: гл. I), так и раннеисламской клиентелы (*walāʿ*), которая «всегда связывала собой двух индивидов, каждый из которых обозначался как *mawālī*, но никогда не связывала собой группы» (Crone 1980: 49; см. также: Crone 1991).

<sup>31</sup> Слово *amwāl* [ ] (ед.ч. – *māl* [ ]) в Нагорном Йемене обозначает именно возделываемые земли как объект собственности (см., например: Dresch 1989: 277). Впрочем основное значение *māllamwāl* в арабском литературном языке («имущество») также, конечно, здесь не исключено.

[هجرة] (об институте хиджры см., например: Chelhod 1979: 58–59; Puin 1984; Abū Ghānim 1985: 214f.; Dresch 1989 и т.д.). *Хиджра* представляет собой институт постановки под защиту (нередко документально оформленную) племени (или группы племен) некоего объекта. При этом в качестве объекта *хиджры* могли выступать люди (например, семейство *саййидов*, проживающее на территории данного племени), места проведения встреч между племенами, рынки, городки (населенные, кстати, как правило «слабыми», *саййидами* и *кадийами* в большей степени, чем членами племен) и т.п. Благодаря этому институту североименская племенная организация смогла, скажем, обеспечить в своей зоне достаточно высокий уровень развития товарно-денежных отношений – через учреждение *хиджр*, обеспечивающих и организующих защиту соответствующими племенами сотен рынков, покрывших собою всю племенную зону Северного нагорья.<sup>32</sup>

Уже высказывалось мнение о связи позднего йеменского племенного института *хиджры* (Ж. Шелход, кстати, приводит и такой вариант как *hajar* [هجر] Chelhod 1979: 58) с древним южноаравийским понятием *hgr* [HTA], обозначавшим определенный тип древнейеменских поселений, общинный центр (см., например: *ibid.*: 58–59).

С одной стороны, предположение В. Маделунга о том, что исходно в Йемене термин *hijrah* имел только свое зейдитское значение «эмиграция, переселение» (к праведному Иمامу или от преследований за веру) и достаточно определенно отличался от исконно йеменского термина *hajar* [هجر] (Madelung 1991), кажется вполне правдоподобным. Вместе с тем, П. Дреш привлекает внимание к тому факту, что «[*hajar*] объясняется Нашвāном ал-Химйарй, писавшим в середине XII в., следующим образом: ‘*Hajar* племенной группы (*qawm*) это средоточие ее силы/чести (*‘izz*) и то место, где они собираются вместе’ (1916: 108), что может быть сказано и о современных племенных *хиджрах*» (Dresch 1989: 192). На мой взгляд, позднее йеменское племенное понятие «*хиджра*» вполне может рассматриваться как результат слияния двух созвучных понятий (имеющих к тому же существенные точки пересечения в своих семантических по-

<sup>32</sup> Племена, объявляющие, скажем, данный рынок своей *хиджрой*, берут на себя обязательство (при этом, зачастую, документально оформленное) обеспечивать его полную безопасность, например, через гарантию того, что за преступление, совершенное на данном рынке, компенсация пострадавшему будет выплачиваться, скажем, в одиннадцатикратном размере. На территории рынка (или иного места), объявленного *хиджрой*, вообще, как правило, запрещено прибегать к любому насилию, даже законному с точки зрения обычного права племен. «Любое кровопролитие здесь запрещено; аналогичным образом здесь запрещены любые драки, даже на кулаках. Здесь убийца может без риска для своей жизни встретить сына или брата убитого им человека» (Chelhod 1979: 58; см. также, например: Dresch 1989; Stevenson 1985: 63–65 и др.). При этом неспособность племени обеспечить выполнение взятых на себя обязательств такого рода, естественно, наносит сильнейший удар по его репутации.

лях), доисламского йеменского *hgr* [ḥgr] (> *hajar* [ḥjar]) и североарабского *hijrah* [ḥjrah] (по-видимому, проникшего в йеменский племенной дискурс, действительно, во многом благодаря зейдитам). Определенное сходство семантики этих понятий заключается в том, что *hijrah* [ḥjrah] в зейдитском «сабийско-йеменском» контексте – это зачастую не просто «эмиграция», а эмиграция в убежище под защитой племен (см., например: Chelhod 1979: 58; Abū Ghānim 1985: 214f.); точно так же и *hajar* [ḥjar], племенной центр, находится под специальной защитой племени. Кстати, какую-то роль в процессе возможного слияния этих двух понятий мог, видимо, сыграть и тот факт, что как и арабское *hijrah* [ḥjrah] сабейское существительное *hgr* [HTA] – несомненно женского рода (см., например: Avanzini 1980: 281–287; Beeston *et al.* 1982: 56; Beeston 1984b: 27), несмотря на отсутствие у него формального показателя женского рода (-t [X]).

В качестве аргумента в пользу генетической связи между поздним йеменским племенным институтом «хиджры» и сабейским «хагаром» > *хаджаром* может, видимо, рассматриваться и тот факт, что многие современные североийеменские племенные *хиджры* явно восходят к сабейским *хагарам* (иногда полностью разрушенным и утратившим свое практическое значение):

«Сирвāх в Архāбе, например, называют *hijrah*. Он находится на границе племен Мадар<sup>33</sup> (часть соплеменности ал-Ḥамйс в Зухайре) и Машāmй... Он не принадлежит к территории ни одного из них и находится под защитой обеих. Здесь имеются лишь резервуар для воды (*barīk*)<sup>34</sup> и химйаритские развалины. В этом месте никто не живет. Тем не менее, у данной хиджры есть четкие границы, и про нее говорят, что она в любое время 'безопасна для тех, кто боится, и для тех, кто вселяет страх' (*amīn li-'l-khā'if wa-li-'l-mukhīf*), т.е. для тех, кто

<sup>33</sup> Речь у П. Дреша идет о современном йеменском племени мадар. Но здесь, конечно, трудно не отметить тот факт, что Мадар (*M D R<sup>m</sup>*) есть ни что иное, как древнее название Сирвāха в Архāбе (об этом древнем сабейском городе и его остатках в Архāбе см.: Грязневич 1973: 61; 1994: 234–247; al-Hamdānī, n.d.: 95; 1938: 61; Robin 1982a, I: 23, 41; Robin, Ruykmans 1978: 40–43; см. также: С 5; 339; 339bis; 340; Robin/al-Маšатаун 1), из чего, конечно, было бы очень соблазнительно предположить существование какой-то генетической связи между современным племенем мадар, под защитой которого находится то место, где располагался древний *хагар*, и сабейской общиной *s<sup>2</sup> b<sup>n</sup> d-hgr<sup>n</sup> M D R<sup>m</sup>*, «ша б хагара Мадар» (С 339, 4; 339bis, 4; Robin/al-Маšатаун 1, 2), под защитой которой данный *хагар* находился две тысячи лет назад – А.К.

<sup>34</sup> Не был ли, кстати, этот резервуар тем самым священным водоемом, который община сабейского *хагара* Мадар в конце II в. н.э. поставила под свою защиту специальным декретом (Robin/al-Маšатаун 1; резервуар этот, кстати, обозначен в данной надписи словом, практически идентичным тому, что приводит П. Дреш – *brkt* [ḥrkt]), строки 4, 5 и 6–7)? Издатели надписи по крайней мере упоминают, что камень с этим декретом был найден на развалинах Сирвāха в Архāбе как раз по соседству с неким резервуаром (Robin, Ruykmans 1978: 40). И не уцелел ли данный водоем (предположение, конечно, предельно спекулятивное) именно благодаря этой защите? Здесь все-таки трудно удержаться от впечатления, что декрет об охране священного водоема, принятый общиной *хагара* Мадар 1800 лет назад, продолжает действовать вплоть до настоящего времени – А.К.

боится кровной мести, и для тех, кто стремится ее осуществить. Насилие запрещено, и теоретически место рассматривается как убежище <для тех, кто от него скрывается>... Сирвāх в Хаулāне<sup>35</sup> также имеет этот статус, хотя у деревни там и нет какого-то особого значения. <Тем не менее,> о всех их членами племен говорится как о постоянных хиджрах» (Dresch 1989: 147).

\* \* \*

В целом, имеются некоторые основания предполагать, что основная масса земледельческого населения йеменского Северного нагорья воспользовалась политической неразберихой раннеисламской эпохи для кардинального повышения своего статуса.<sup>36</sup>

Ощутимый упадок государственных структур (а также политической системы вождеств) после относительно короткого периода укрепления государственной организации на Юге Аравии в самом начале исламской эпохи поставил население Северного нагорья перед необходимостью защищать себя самому. Ответом на этот вызов во многом и был генезис племенной организации (для чего в ареале уже имелись определенные предпосылки). Сложившаяся же племенная организация оказалась во многих отношениях столь эффективной, что вплоть до самого последнего времени она вполне успешно сопротивлялась всем поползновениям периодически укреплявшихся на Юге Аравии государственных центров ее ликвидировать или кардинально ослабить.

Результатом взаимодействия в исламскую эпоху племенной и государственной организации на Северном нагорье явились не подрыв или ликвидация племенных структур, а становление северийеменской мультиполитии. В рамках этой мультиполитии, хотя взаимоотношения между ее государственным центром, созданным зейдитскими имамами,<sup>37</sup> и племенной периферией были отнюдь не бесконфликтными, оказалось достигнуто определенное равновесие, были (вполне неформальным образом) «разграничены полномочия» между двумя ее основными составляющими, разработаны во многом достаточно взаимовыгодные «правила игры».

<sup>35</sup> Расположен на месте древнейшего и известнейшего сабейского *хагара* Сирвāх ( *RW* [٢٠] / ) – А.К.

<sup>36</sup> Политическая же нестабильность, характерная для Южной Аравии на протяжении большей части II тыс. н.э., во многом помогла ему этот статус сохранить. С другой стороны, как кажется, и само племенное население Северо-Востока в какой-то степени «приложило руку» к поддержанию этой политической нестабильности.

<sup>37</sup> Надо заметить, что государственный центр этот возник во многом благодаря прямой поддержке северийеменских племен (см., например: al- Alawī 1972, а также: Obermeyer 1982; Gochenour 1984b; Dresch 1989: 167–173; Abū Ghānim 1990).

## Глава XII

### **Генезис племенной организации в земледельческих районах Северо-Восточного Йемена как форма адаптации ко второму социально-экологическому кризису?**

Генезис племенной организации на Северо-Востоке Йеменского нагорья вполне может рассматриваться и как ответ социально-политической системы ареала на вызов, «брошенный» ей вторым социально-экологическим кризисом (второй половины I тыс. н.э.), наличие которого было показано К. Робэном.<sup>1</sup>

Вызван данный кризис был, по-видимому, именно «престижной экономикой» вождеств ареала, приведшей к перенапряжению крайне хрупкой естественной среды данной части нагорья (например, к крайней деградации растительного покрова Востока Северо-Йеменских гор).<sup>2</sup> Социально-экологическая среда ареала оказалась не в состоянии обеспечивать престижное потребление *кайль* и их окружения. Выход из второго социально-экологического кризиса был достигнут во многом именно за счет «отторжения» социально-политической системой ареала родовой аристократии и генезиса племенной организации, обеспечивавшей существование в

---

<sup>1</sup> См.: Robin 1984: 220–221; 1991e: 67; а также Dayton 1975; 1979: 127; Brunner 1983 и т.д. Сильнее всего этот кризис ударил по внутренним Нижним землям, которые уже к концу VI в. н.э. приходят в почти полный упадок, из которого они в дальнейшем так и не смогли выйти. Однако кризис этот затронул и Северо-Восточное нагорье. Все-таки, в отличие от Нижних земель, население Нагорья смогло выйти из социально-экологического кризиса без какого-либо понижения уровня своей самоорганизации, хотя и без полного восстановления естественной среды ареала.

<sup>2</sup> К. Робэн, например, приводит следующий эффектный пример: «На расположенной около зй-Бйна горе Саулән, в настоящее время полностью лишенной растительности, около начала христианской эры в течение трех охот было убито 4000 горных баранов; такое количество диких животных не могло обитать на этой горе, если бы она не была покрыта обильной растительностью» (Robin 1984: 220–221); деградация естественного растительного покрова, по мнению Робэна, произошла в I тыс. н.э.; информация, приводимая Робэном, взята им из *кайльской* надписи Robin/Ku I = Ja 2874; издание надписи см.: Robin 1979b: 174–202; Jamme 1979: 260–284.

данном ареале достаточно сложного аграрного общества при крайне «экономичном» производстве прибавочного продукта.

С одной стороны, племенная организация земледельческого населения ареала давала ему возможность успешно бороться (с оружием в руках) за поддержание крайне низкого уровня налогообложения со стороны государственного центра североевропейской мультаполии.<sup>3</sup>

С другой стороны, сохранялся эффективный контроль земледельческого населения над ресурсами, расходуемыми на содержание неземледельческих слоев племенной зоны (включая и ее интеллектуальные и политические элиты). В результате экономическая система ареала обеспечивала достаточно сложные неземледельческие структуры (включавшие множество неземледельческих городков, рынков, центров традиционного образования и учености и т.д.) необходимым минимумом (но именно минимумом) ресурсов, практически блокируя, вместе с тем, «непроизводительное разбазаривание» этих ресурсов на престижное потребление верхов.

В целом, племенная организация, возможно, представляла собой едва ли не единственную политическую форму, которая могла позволить в доиндустриальном мире устойчиво воспроизводиться сложным высокоорганизованным сообществам в крайне бедной и неустойчивой хозяйственно-экологической среде йеменского Северовосточного нагорья. Как замечает П. Дреш, «страна Хашид и Бакйл давала бы плохое экономическое основание для любого развитого эксплуататорского класса» (Dresch 1984b: 156; см. также: Dresch 1989: 8–15). Я бы даже сказал, что в доиндустриальных условиях социально-экономическая система ареала должна была быть избавлена от какого-либо сколько-нибудь развитого эксплуататорского класса (заставлявшего бы земледельцев ареала производить избыточные количества прибавочного продукта) для того, чтобы стать устойчивой и не вызывать постоянные социально-экологические кризисы или деградировать.

Какую-то роль в адаптации социальной системы ареала к ухудшившимся хозяйственно-экологическим условиям и выходе из социально-экологического кризиса сыграли, видимо, и вышеупомянутые развитие частной собственности на землю и разложение системы общинной экономической взаимопомощи (см. выше гл. XI). Социоантропологами (преимущественно по воспоминаниям информантов старшего поколения) описана существовавшая вплоть до относительно недавнего (приблизительно

<sup>3</sup> Согласно зейдитской доктрине налог с урожая зерновых не должен был превышать крайне умеренных 5–10% (в зависимости от типа земель – см., например: Stookey 1978: 88), а североевропейским племенам в большинстве случаев удавалось добиваться поддержания налогообложения именно на таком предельно низком уровне. Не менее важным представляется и практически полное отсутствие внутрплеменной эксплуатации (см., например: Dresch 1984b: 156; 1989: 276–319).

до 50-х гг. этого века) времени достаточно жесткая (но вместе с тем, как кажется, вполне эффективная) традиционная модель поведения населения племенной зоны в периоды трудностей (вызывавшихся, как правило, нередкими в этих местах продолжительными засухами). Заключалась она в том, что в подобных случаях сообщинники практически не помогали друг другу через дележ дефицитными продовольственными ресурсами, но главы менее эффективных хозяйств продавали свою землю более экономически эффективным хозяевам и шли служить в армию зейдитских имамов (это, между прочим, показывает, что налоги, выплачивавшиеся членами племени зейдитским имамам, в значительной степени представляли своего рода «взносы» в своеобразный страховой фонд мультиполитии). В результате, более эффективные хозяева улучшали свою обеспеченность земельными ресурсами, повышая свои шансы выхода из трудного периода, а менее эффективные – сохраняли свою жизнь (см., например: Dresch 1989: 300–301).

Полномасштабная же система общинной взаимопомощи в таких условиях могла бы привести к вымиранию целых общин. По-видимому, ранее это и происходило в действительности, о чем, похоже, свидетельствуют сохраняющиеся кое-где вплоть до настоящего времени (и подтверждаемые письменными источниками)<sup>4</sup> предания о существовании несколько веков назад впечатляющего института *i tifād* [ ], когда в период засух или иных стихийных бедствий целые общины, оказывавшиеся не в состоянии себя прокормить, но боявшиеся нанести ущерб своей репутации обращением за помощью к другим общинам, предпочитали садиться в круг и молча (буквально, стиснув зубы) умирать от голода, но не потерять свою честь (Serjeant 1987). Данные предания выглядят вполне правдоподобными, ибо описывают вполне логичную реакцию высокостатусного «племенного» земледельческого населения с развитыми представлениями о своей чести и достоинстве, не нашедшего еще адекватного выхода из хозяйственно-экологического кризиса.<sup>5</sup> Важно при этом подчеркнуть, что ко второй половине этого тысячелетия население Северного нагорья нашло иные, менее болезненные, пути «достойного» реагирования на перио-

<sup>4</sup> al-Hamdānī, n.d.: 135; 1368h [1948]: 20, 202; al- imyarī 1916: 51, 73; 1978: 49, 160. См. также: Белова 1987: 156; 1992: 253–266; 1996; al-Selwī 1987: 155 и т.д.

<sup>5</sup> Известия средневековых йеменских авторов (но не современных информантов Р. Б. Сарджента) относятся в основном к Северо-Восточному Йемену доисламского периода (само слово *i tifād* [ ] рассматривается ими в качестве «химйаритского»), что может служить дополнительным свидетельством начала здесь второго социально-экологического кризиса еще в доисламскую эпоху. Примечательно также, что конкретное лицо, упоминаемое средневековыми авторами как прибегшее к *и тифāду*, – это знатная женщина (из хорошо известного сабейского аристократического рода Мурāсид [MRṬḌ {ḤḤ}]) – al-Hamdānī, n.d.: 135; al- imyarī 1916: 51, 73; 1978: 160). Между тем, в более поздних преданиях, в которых речь идет уже об исламском периоде (Serjeant 1987), к *и тифāду* прибегает высокостатусное земледельческое население.

дические засухи; характерно, что зафиксированные современными исследователями предания об институте *и тифāда* относятся к достаточно отдаленному (хотя, судя по всему, не доисламскому [Serjeant 1987]) прошлому.

Важную роль в адаптации населения Северо-Восточного Йемена ко второму социально-экологическому кризису явно сыграло и развитие товарно-денежных отношений в «племенной» зоне этого ареала. Племенная организация этого региона смогла обеспечить уровень развития этих отношений до степени, вполне сопоставимой с таковой наиболее развитых сообществ доиндустриальной Ойкумены во многом благодаря высокой индивидуализации поземельных отношений ареала (см. выше гл. XI) и развитию густой сети из сотен рынков и городков, покрывших собою все Северо-Западное нагорье и обеспечивавшихся во многом благодаря такому классическому йеменскому племенному институту, как *хиджра* [هجرة] (см. выше гл. XI).

Важную роль здесь сыграло и создание достаточно эффективной системы защиты племенами многочисленных «квазикаст» невооруженного «слабого» населения, не входящего в племенную организацию, и находящегося «под защитой» племен (*du afā'* [دو آفا], «слабые»), включавших наряду с мясниками и цирюльниками (*mazāyīnah* [مزينة]), племенными «геральдами» (*dawāshīn* [دواشين]), огородниками (*ghashshāmīn* [غشامين]), ремесленниками (*sāni īn* [صانعين]) и т.п. и торговцев (*bayyā īn* [بياعين]) (см. выше гл. XI). Важную роль в развитии торговли в племенной зоне сыграло, конечно, и создание племенами системы обеспечения безопасности прохода через территории племен иноплеменников.<sup>6</sup> В результате, во многих племенных районах появился и еще один, дополнительный, неформальный «страховой фонд» в виде хлебных запасов «низкокастовых» торговцев (*bayyā īn* [بياعين]), скупавших зерно у членов племен (к которым относились практически все пашенные земледельцы Севера) в урожайные годы и продававших это зерно им в неурожайные годы (естественно, не без выгоды для себя). «Когда нам нужны были деньги, мы продавали зерно на рынке. Если нам потом самим требовалось зерно, торговцы продавали нам его по более высокой цене. Торговцы всегда припасали зерно. Если была засуха, нам приходилось брать зерно взаймы, чтобы есть. Бывало мы брали его взаймы, но когда ты обнаруживал, что не можешь вернуть свой долг, торговцы забирали твою землю... Так они стали богатыми» (из воспоминаний члена одного из йеменских племен, записанных Т. Б. Стивенсоном в Амрāне – Stevenson 1985: 53). Важно при этом подчеркнуть, что крайне низкий (в сравнении с членами племен) статус «торговцев» эффективно препятствовал их превращению в доминирующую элиту общин, блокировал непроизводительное расходование аккумуля-

<sup>6</sup> См., например: Dresch 1987; 1989; Dostal 1990 и т.д.



лируемых ими ресурсов на собственное престижное потребление и т.д. В любом случае, подобное гибкое индивидуализированное реагирование земледельческого населения на природные бедствия оказывалось возможным во многом благодаря сложившейся в племенной зоне четко выраженной индивидуальной собственности на обрабатываемые земли, их достаточно свободной отчуждаемости. Развитие частной собственности на землю и упадок экономического коммунизма, таким образом, видимо, способствовали адаптации земледельческого населения к ухудшившимся природным условиям и содействовали выходу из второго социально-экологического кризиса.

Итак, есть основания предполагать, что благодаря трансформации общинных структур, развитию племенной организации и становлению североемской мультиполитии этот кризис в первой половине II тыс. н.э. был на Северо-Востоке Йеменского нагорья в основном преодолен.

Для определенных стадий общей социальной эволюции племенную организацию возможно имеет смысл рассматривать как некоторую (хотя и достаточно ограниченную по своему эволюционному потенциалу) альтернативу государству (и вождеству) скорее, чем как догосударственную (и тем более «довождетскую») форму политической организации. Племя является скорее «парагосударственной», чем «догосударственной» социально-политической формой. И в любом случае, как кажется, нет никаких оснований рассматривать в качестве «первобытной» (хотя бы даже и «пережиточно-первобытной») родоплеменную организацию, свойственную части населения Ближнего и Среднего Востока, сложившуюся (как и государства этого региона) в результате долгого «постпервобытного» исторического развития как особый (и довольно эффективный) вариант социально-политической адаптации достаточно высокоразвитых сообществ к изменениям естественной и социоисторической среды.<sup>7</sup>

Североемские материалы также, по-видимому, вновь ставят под вопрос до сих пор господствующее у нас (и не только у нас) отождествление «восходящего» развития доиндустриальных обществ с развитием отношений эксплуатации, ростом социального неравенства, политической централизации и т.д., когда любые обратные процессы исследователи склон-

<sup>7</sup> Как уже упоминалось выше к сходным в своей основе выводам пришел и британский социал-антрополог П. Дреш (Dresch 1994: 65–66). Вывод этот, кстати, отнюдь не нов и в отечественной литературе. Так, скажем, «непервобытность» родоплеменной организации афганцев вполне убедительно продемонстрировал А. Д. Давыдов (1993: 3–36). Этот исследователь, впрочем, последовательно ставит в своей работе понятия «род» и «племя» в кавычки как раз для того, чтобы подчеркнуть «непервобытность» традиционных форм социально-политической организации афганцев, что представляется несколько излишним, ибо развитые формы родоплеменной организации свойственны как раз скорее сложным постпервобытным аграрным обществам, а не первобытному миру (см., например: Fried 1975; Коротаев, Оболонков 1989; 1991). Развитая родоплеменная организация вообще, как кажется, не должна рассматриваться в качестве признака первобытности.

ны отождествлять с «упадком» или «регрессом».<sup>8</sup> На мой взгляд, эти материалы еще раз демонстрируют, что вполне «восходящая» эволюция подобных обществ вполне может идти и рука об руку с процессами эгалитаризации и политической децентрализации, что «восходящая» эволюция доиндустриальных обществ и развитие отношений эксплуатации, рост социального неравенства, политической централизации и т.д. – это вообще не одно и то же.

---

<sup>8</sup> Мне уже доводилось критиковать подобные взгляды на несколько иных материалах: Коротаяев, Блюмхен 1991: 20–43; Коротаяев 1995. В качестве яркого примера критикуемого мной подхода может, скажем, служить статья Ю. И. Семенова (Семенов 1993), где он общества с менее выраженным социальным неравенством и эксплуатацией автоматически рассматривает и в качестве более отсталых, что вообще, на мой взгляд, характерно для большинства исследователей архаических обществ.

## Заключение

В самом начале письменной истории Северо-Восточного Йемена (первая половина I тыс. до н.э.) мы, по-видимому, имеем дело с отчетливой тенденцией к формированию регулярного монархического государства. Тенденция эта, впрочем, так *никогда* и не получила в этой области сколько-нибудь полного завершения.<sup>1</sup> Достаточно рано, уже со второй половины I тыс. до н.э. начинает набирать силу иная тенденция – к вытеснению государственных политических структур. Государственные структуры ослабевают, что однако не оказывается равносильным социальному «регрессу», «дегенерации». В упадок приходит именно государство, но не общество. Упадок государственных структур компенсируется развитием структур негосударственных. На месте многих древних административно-территориальных единиц к концу I тыс. до н.э. формируются вождества. Складывается трехуровневая иерархия специфически древнейеменских территориальных общностей, *ша бов*, уже ни в коем случае не тождественная древнему государственному административно-территориальному делению. Ряд функций государственной организации берут на себя организация родовая и система храмовых центров<sup>2</sup>.

Трансформация эта, по-видимому, была во многом вызвана первым социально-экологическим кризисом, приведшим к относительному росту значения нагорных областей Северо-Востока по сравнению с его равнинными районами. Сформировавшаяся среднесабейская социально-политическая система (I–IV вв. н.э.) оказалась прекрасно приспособленной именно к условиям горного ландшафта, создающего эффективные

---

<sup>1</sup> Наиболее близко к завершению этой тенденции Северо-Восточный Йемен подошел только лишь в XX в., в период 1918–1962 гг., хотя даже в это время вытеснение структурами монархического государства племенных политических структур было крайне далеко от завершения. Определенный перелом здесь стал намечаться лишь в самое последнее время, но уже в рамках государства демократического (пускай, здесь речь идет и не о западной либеральной модели демократии). Впрочем, и сейчас любые разговоры о разложении племенных структур на Северо-Востоке Йемена были бы несомненным преувеличением. Речь идет пока скорее об их трансформации.

<sup>2</sup> С этого времени субсистема независимых от государства религиозных центров, имеющая важнейшие социально-политические функции, несмотря на все претерпеваемые ею трансформации (на смену доисламской системе языческих храмов пришла система находящихся под защитой племен исламских центров религиозной учености), практически всегда продолжала оставаться одним из важнейших элементов культурно-политической макросистемы Северо-Восточного Йемена.

препятствия чрезмерной политической централизации. Среднесабейская политическая система, состоявшая прежде всего из крайне слабого государства в центре и сильных вожеств на периферии, оказалась прекрасно к такой географической среде приспособлена, и большинство последующих политических образований на этой территории демонстрировало явные черты среднесабейской системы.

Назову лишь некоторые из важных черт политических систем такого типа. К ним можно отнести полную внутреннюю автономию местных территориальных образований, обязанных по отношению к государственному центру прежде всего предоставлением в его распоряжение в случае необходимости собственного военного потенциала. При этом местные территориальные образования представляли собой совершенно самостоятельные самоуправляющиеся общности с собственной политико-правовой системой. Государственный центр не имел, как правило, возможности навязать населению периферии против его воли собственные правовые нормы или отменить такие правовые нормы периферии, которые его не устраивали. Можно сказать, что подобные макросистемы представляли собой не единую политику, а совокупность самостоятельных, но взаимосвязанных политик, *мультиполитию*.

Система эта оказывалась по-своему выгодной и местным политическим образованиям, и государственному центру. У государственного центра отпадала реальная необходимость устанавливать прямой эффективный контроль над вооруженными горскими общинами (задача, вообще мало осуществимая).<sup>3</sup> Вместо того, чтобы организовывать там систему регулярного государственного налогообложения, а на собранные средства содержать многочисленную армию, государственный центр сразу получал в свое распоряжение военный потенциал непосредственно не контролируемой им периферии. Государственный центр как бы аккумулировал военный потенциал негосударственно организованной периферии и направлял его вовне.

Таким образом, сразу же решались уже две важнейшие задачи: 1) снижался уровень военных конфликтов между политическими образованиями периферии. 2) Многократно повышался общий военный потенциал макросистемы. Местные политические образования + государственный центр оказывались многократно сильнее своей простой механической суммы.

Местные политические образования, как кажется, были заинтересованы в государственном центре и в качестве возможного арбитра в разрешении споров и конфликтов между ними, к которому можно обра-

---

<sup>3</sup> Развитые же формы негосударственной политической организации периферии позволяли ей достаточно эффективно регулировать свою внутреннюю жизнь и без всякого присутствия организации государственной.

тяться, если все остальные формы посредничества не дали требуемого результата.

С другой стороны, сохранение местными политиями собственного военного потенциала (который мог быть предоставлен в распоряжение государственного центра, но мог быть использован и против него) давало им возможность эффективно отстаивать свои собственные интересы, блокировать попытки центра распространить государственную организацию на периферию, открыто ее эксплуатировать. В результате поддерживался стабильный и взаимовыгодный баланс интересов, оказывалось возможным достаточно устойчивое существование крупного территориального политического макрообразования при крайне слабом государственном центре, не контролирующем к тому же непосредственно большую часть территории макросистемы.

Эта социально-политическая система, сложившаяся к началу нашей эры, просуществовала на Северо-Востоке Йемена все I и II тыс. н.э. и не исчезла полностью вплоть до настоящего времени – при том, что менялись носители государственной власти, месторасположение государственного центра (а иногда даже центров), постоянно осциллировало соотношение сил между центром и периферией.

Вместе с тем во второй половине I тыс. н.э., в раннеисламский период, система эта сохраняя описанные выше базовые принципы своего функционирования и воспроизводства испытала все-таки существеннейшую трансформацию, вполне сопоставимую по своей кардинальности с трансформацией конца Древнесабейского периода (конец I тыс. до н.э.). Вождества, контролировавшие до этого основную часть периферии макросистемы трансформируются в племена.

Генезис племенной организации на Северо-Востоке Йеменского нагорья вполне может рассматриваться как ответ социально-политической системы ареала на вызов, «брошенный» ей вторым социально-экологическим кризисом (второй половины I тыс. н.э.). Вызван данный кризис был, по-видимому, именно «престижной экономикой» вождеств ареала, приведшей к перенапряжению крайне хрупкой естественной среды данной части нагорья (например, к крайней деградации растительного покрова Востока Североиеменских гор). Социоэкологическая среда ареала оказалась не в состоянии обеспечивать престижное потребление *кайлей* и их окружения. Выход из второго социально-экологического кризиса был достигнут во многом именно за счет «отторжения» социально-политической системой ареала родовой аристократии и генезиса племенной организации, обеспечивавшей существование в данном ареале достаточно сложного аграрного общества при крайне «экономичном» производстве прибавочного продукта.

С одной стороны, племенная организация земледельческого населения ареала давала ему возможность успешно бороться (с оружием в руках) за

поддержание крайне низкого уровня налогообложения со стороны государственного центра североийеманской мультиполитии. С другой стороны, сохранялся эффективный контроль земледельческого населения над ресурсами, расходуемыми на содержание неземледельческих слоев племенной зоны (включая и ее интеллектуальные и политические элиты). В результате экономическая система ареала обеспечивала достаточно сложные неземледельческие структуры (включавшие множество неземледельческих городков, рынков, центров традиционного образования и учености и т.д.) необходимым минимумом (но именно минимумом) ресурсов, практически блокируя, вместе с тем, «непроизводительное разбазаривание» этих ресурсов на престижное потребление верхов.

В целом, племенная организация, возможно, представляла собой едва ли не единственную политическую форму, которая могла позволить в доиндустриальном мире устойчиво воспроизводиться сложным высокоорганизованным сообществам в крайне бедной и неустойчивой хозяйственно-экологической среде йеменского Северо-Восточного нагорья.

Итак, в Северо-Восточном Йемене I–II тыс. н.э. мы можем наблюдать процесс трансформации вождеств в племена, радикальную эгалитаризацию социально-политической организации земледельческого населения. Крайне примечательно, что этот процесс сопровождался процессами бурного развития товарно-денежных отношений и частной собственности на землю, а также развалом «экономической собственности», вообще крайней индивидуализацией экономических (и не только экономических) отношений. В результате этих процессов в Северо-Восточном Йемене сложились крайне развитые племенные сообщества. Племенная организация оказалась в состоянии обеспечить (во многом за счет именно племенных институтов) достаточно устойчивое воспроизводство довольно высоко развитых земледельческих сообществ в крайне неблагоприятных географических условиях. Во многом благодаря именно племенным институтам племенная зона Северо-Востока оказалась покрыта плотной сетью из сотен рынков (обеспечивавшей крайне высокий для доиндустриального общества уровень товарно-денежных отношений), достаточно многочисленными неземледельческими городками и центрами традиционной учености; достаточно широко использовалась письменность, в том числе и самими племенами: для фиксации племенного права, соглашений между племенами, племенных гарантий безопасности городов, рынков и т.д. и т.п. Нет абсолютно никаких оснований рассматривать процесс трансформации вождеств в племена на Северо-Востоке Йеменского нагорья в качестве «дегенерации» или «регресса». В его результате общий уровень развития ареала, как кажется, даже несколько вырос, при том, что, видимо, ощутило выросла и экологическая устойчивость социоестественной системы ареала.

Во многих отношениях племя северейменского типа представляется достаточно высокоразвитой формой политической организации, вполне сопоставимой по своей сложности с вождеством (и уж ни в коем случае не более примитивной, чем вождество), и даже, по-видимому, его по многим параметрам превосходящей. Племенные системы такого типа предполагают прежде всего высочайший уровень развития политической культуры и существование изощренной системы политических институтов и традиций арбитражного посредничества, поиска консенсуса и т.д., развитой разветвленной сети интенсивных межобщинных связей на гигантских территориях, населенных десятками и сотнями тысяч человек, организующей (без применения централизованного насилия) все эти массы населения, нередко, кстати, многократно, более, чем на порядок, превосходящие население среднего вождества.

Для определенных стадий общей социальной эволюции племенную организацию возможно имеет смысл рассматривать как некоторую (хотя и достаточно ограниченную по своему эволюционному потенциалу) альтернативу государству (и вождеству) скорее, чем как догосударственную (и тем более «довождескую») форму политической организации. Племя северейменского типа является скорее «парагосударственной», чем «догосударственной» социально-политической формой. В любом случае, как кажется, нет никаких оснований рассматривать в качестве «первобытной» (хотя бы даже и «пережиточно-первобытной») родоплеменную организацию, свойственную части населения Ближнего и Среднего Востока, сложившуюся (как и государства этого региона) в результате долгого «постпервобытного» исторического развития как особый (и достаточно эффективный) вариант социально-политической адаптации достаточно высоко развитых сообществ к изменениям естественной и социоисторической среды.

Северейменские материалы также, по-видимому, вновь ставят под вопрос до сих пор господствующее у нас (и не только у нас) отождествление «восходящего» развития доиндустриальных обществ с развитием отношений эксплуатации, ростом социального неравенства, политической централизации и т.д., когда любые обратные процессы исследователи склонны отождествлять с «упадком» или «регрессом». На мой взгляд, эти материалы еще раз демонстрируют, что вполне «восходящая» эволюция подобных обществ вполне может идти и рука об руку с процессами эгалитаризации и политической децентрализации, что «восходящая» эволюция доиндустриальных обществ и развитие отношений эксплуатации, рост социального неравенства, политической централизации и т.д. – это вообще не одно и то же.

## Список эпитафических сокращений

Система эпитафических обозначений, использованная в данной монографии, базируется на системах, предложенных А. Аванцини (Avanzini 1977) и А. Ф. Л. Бистоном и др. (Beeston *et al.* 1982).

Gr (Gr) – надписи, обнаруженные П. А. Грязневичем – Пиотровский 1978  
Lu (Lu) – Лундин 1963а; 1966б; 1969б; 1972в; 1973б

Abadān – Robin, Gajda 1994

AM – Aden Museum – Corpus 1977; 1986

Av – Avanzini 1985

C – CIH – Corpus 1889–1908, 1911, 1929

CIAS – Corpus 1977, 1986

DJE – Deutsche Jemen-Expedition – Müller 1974d

Ir – Iryānī 1973; 1988; 1990; Robin 1987a

Fa – Fakhry, Ryckmans G. 1952

Ga – Garbini 1970; 1971a; 1971b; 1973a; 1973b

Ghul – Bron 1992

Ghul B – Beeston 1989; Ryckmans J. 1993c

Gl – Höfner 1954; 1973; 1976; 1981; Höfner, Solá Solé 1964; Lundin 1965a; Solá Solé 1964;

Ja – Jamme 1954; 1962; 1976; Doe, Jamme 1968

Madrid – Diaz Esteban 1969

M. Bay ān – Bron 1988

MAFRAY – Robin 1988; 1991a; 1992a; 1992b; Robin, Ryckmans J. 1980; 1982a; 1982b

NAM = National Aden Museum – Corpus 1986

Na NAG – Nāmī 1947; 1954; 1958; 1960; 1961; 1962

Na NNSQ – Nāmī 1943

Ph – Philby, Tritton 1944

R = RES – Répertoire 1929; 1935; 1950

RB – Robin, Bāfaqīh, 1980

Robin – 1982 a, vol. II

Ry – Ryckmans G. 1949; 1953; 1954; 1955; 1956a; 1956b; 1957; 1959; 1960

Schm = Schmidt – Müller 1986

Schreyer–Geukens [= Ir 32] – Müller 1981

Sh – Sharafaddīn 1967; Loundine 1973a

Shib anu – Kitchen 1995

YM = Yemen Museum (San ā') – Corpus 1977

ZI – Inān 1396 H.; Bāfaqīh, Robin 1978



## Список библиографических сокращений

ВДИ – *Вестник древней истории*. М.

КСИНА – *Краткие сообщения Института народов Азии*. М.

ПППИК – *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока*. Л.

ПС – *Палестинский сборник*. М. – Л.

ЭВ – *Эпиграфика Востока*. М.

ABADY – *Archäologische Berichte aus dem Yemen*. Mainz am Rhein.

AION – *Annali dell'Istituto Orientale di Napoli*. Napoli.

BiOr – *Bibliotheca Orientalis*. Leiden.

BSOAS – *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. London.

CRAIBL – *Académie des inscriptions & belles-lettres. Comptes rendus...* Paris.

EI – *The Encyclopaedia of Islam*. New Edition. Leiden.

JRAS – *Journal of the Royal Asiatic Society*. London.

NESE – Degen, R., Müller, W.W., Röllig, W., *Neue Ephemeris für Semitische Epigraphik*. Wiesbaden.

PSAS – *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. London.

SBAW – *Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse*. Wien.

SEG – *Sammlung Eduard Glaser*. Wien.

## Библиография

- бин Акйл 1992 – бин Акйл, А. Дж., *Этносоциальная структура и институты социальной защиты в Хадрамауте (XIX – первая половина XX вв.)*. Спб., 1992 (автореф.).
- Бауэр 1964а – Бауэр, Г. М., «‘Мукарриб’ и ‘царь’ (К вопросу о государственном строе древней Сабы)», *ВДИ*. 1964 № 2: 17–36.
- Бауэр 1964б – Бауэр, Г. М., *Сабейские надписи как источник для исследования поземельных отношений в Сабе «эпохи мукаррибов»*. М., 1964 (автореф.).
- Бауэр 1965а – Бауэр, Г. М., «Некоторые социальные термины в древнейших текстах», *Семитские языки*. 1965 № 2/1: 313–335.
- Бауэр 1965б – Бауэр, Г. М., «Термин *gwlm* в южноаравийской эпиграфике», *КСИНА*. 66 (1965): 205–219.
- Бауэр 1989 – Бауэр, Г. М., «Городище Райбун по данным эпиграфики», *ВДИ*. 1989 № 2: 153–157.
- Бауэр, Акопян, Лундин 1990 – Бауэр, Г. М., Акопян, А. М., и Лундин, А. Г., «Новые эпиграфические памятники из Хадрамаута», *ВДИ*. 1990 № 2: 168–174.
- Бауэр, Лундин 1994 а – Бауэр, Г. М., и Лундин, А. Г., «Катабан», *Кормышева, Седов 1994*: 140–155.
- Бауэр, Лундин 1994 б – Бауэр, Г. М., и Лундин, А. Г., «Южная Аравия в Х в. до н. э. – VI в. н. э.: основные этапы истории», *Кормышева, Седов 1994*: 86–117.
- Белова 1987 – Белова, А. Г., «Химйаритский язык по арабским источникам», *Проблемы арабской культуры*. М., 1987: 154–162.
- Белова 1992 – Белова, А. Г., *Арабская историческая диалектология и опыт реконструкции химйаритского языка. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук* (ИВ АН СССР). М., 1992.
- Белова 1996 – Белова, А. Г., *Химйаритский язык. Ареальные исследования к истории арабского языка*. М., 1996.
- Бикерман 1985 – Бикерман, Э., *Государство Селевкидов*. М., 1985.
- Бонгард-Левин, Ильин 1985 – Бонгард-Левин, Г. М., и Ильин, Г. Ф., *Индия в древности*. М., 1985.
- Бондаренко 1995 – Бондаренко, Д. М., «Вождества в доколониальном Бенине», Попов, В. А., ред., *Ранние формы политической организации*. М., 1995: 140–152.
- Бруннер 2004 – Бруннер, У., «Южноаравийская гидравлическая цивилизация», Седов, А. В., ред., *Scripta Yemena: Исследования по Южной Аравии*. М., 2004: 127–145.
- Васильев 1980 – Васильев, Л. С., «Становление политической администрации (от локальной группы охотников и собирателей к протогосударству-чифдом)», *Народы Азии и Африки*. 1980 № 1: 172–186.
- Вигасин, Лелюхин 1987 – Вигасин, А. А., и Лелюхин, Д. Н., «Древняя Индия», Стучевский, И. А., ред., *Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке*. М., 1987: 177–213.
- Виноградов 1994 – Виноградов, Ю. А., «Раскопки храма Зат Химйам в Западном Хадрамауте (Райбун V)», *Археологические вести*. 3 (1994): 88–95.
- Виноградов 2004 – Виноградов, Ю. А., «Керамические находки из раскопок храма Зат Химйам в Западном Хадрамауте», Седов, А. В., ред., *Scripta Yemena: Исследования по Южной Аравии*. М., 2004: 151–164.
- фон Виссманн 1981 – фон Виссманн, Г., *Аравия. Материалы по истории открытия*. М., 1981.
- Герасимов 1987 – Герасимов, О. Г., *Йеменские документы*. М., 1987.

- Гланцман 2004 – Гланцман, У., «Керамический комплекс периода возникновения южноаравийских царств», Седов, А. В., ред., *Scripta Yemenica: Исследования по Южной Аравии*. М., 2004: 221–241.
- Голубовская 1971 – Голубовская, Е. К., *Революция 1962 г. в Йемене*. М., 1971.
- Голубовская 1981 – Голубовская, Е. К., «К вопросу о низших слоях в социальной структуре йеменского общества», Лебедев, Е. А., и др., ред., *Арабские страны. История и современность*. М., 1981: 44–71.
- Голубовская 1984 – Голубовская, Е. К., «Становление централизованного государства на Севере Йемена», Валькова, Л. В., и др., ред., *Новейшая история Йемена (1917–1982 гг.)*. М., 1984: 4–36.
- Гринин 2006 – Гринин, Л. Е., *Государство и исторический процесс*. Волгоград.
- Грязневич 1973 – Грязневич, П. А., «К топографии Центрального Архаба», *ПППИК*. 9 (1973): 55–71.
- Грязневич 1989 – Грязневич, П. А., «Древний Хадрамаут в свете полевых исследований Советско-йеменской экспедиции», *ВДИ*. 1989 № 2: 129–135.
- Грязневич 1994 – Грязневич, П. А., *Историко-археологические памятники древнего и средневекового Йемена. Полевые исследования 1970–1971 гг.* Спб., 1994 (Южная Аравия. Памятники древней истории и культуры, 2/1).
- Грязневич, Седов 1995 – Грязневич, П. А., и Седов, А. В., ред., *Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования. Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции*. Т.1. М., 1995.
- Давыдов 1993 – Давыдов, А. Д., *Афганистан: войны могло не быть. Крестьянство и реформы*. М., 1993.
- Дандамаев, Луконин 1980 – Дандамаев, М. А., Луконин, В. Г., *Культура и экономика древнего Ирана*. М., 1980.
- Дьяконов 1983 – Дьяконов, И. М., ред., *История древнего Востока*. Ч. 1. Месопотамия. М., 1983.
- Иванов 1963 – Иванов, Н. А., «Свободные и податные племена Северной Африки в XIV в.», *Арабские страны. История*. М., 1963: 152–192.
- Кормышева, Седов 1994 – Кормышева, Э. Е., и Седов, А. В., ред., *Красноморские заметки*. I. М., 1994.
- Коротаев 1981 – Коротаев, А. В., «Категория *bdl' dm* в сабейских надписях из Махрам Билкйс», *Вопросы истории стран Азии и Африки*. 3 (1981): 60–82.
- Коротаев 1988 – Коротаев, А. В., «К становлению городских структур в Южной Аравии (начало I тыс. до н.э. – VI в. н.э.): термин *hgr* в древнейеменской эпиграфике», Ашрафян, К. З., и Хабаева, Р. В., ред., *Город на традиционном Востоке*. М., 1988: 37–41.
- Коротаев 1989 – Коротаев, А. В., «О некоторых экономических предпосылках классобразования и политогенеза», Блюмхен, С. И., и др., ред., *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*. Часть 1. М., 1989: 75–95.
- Коротаев 1990 а – Коротаев, А. В., *Родовая организация в социально-экономической структуре сабейского общества: опыт количественного анализа южноаравийской эпиграфики*. М., 1990 (автореф.).
- Коротаев 1990 б – Коротаев, А. В., *Родовая организация в социально-экономической структуре сабейского общества: опыт количественного анализа южноаравийской эпиграфики*. М., 1990 (диссертация... к.и.н.).
- Коротаев 1991а – Коротаев, А. В., «Политическая организация сабейского культурного ареала во II–III вв. н.э.: к соотношению племени и государства», Ильин, Ю. М., и др., ред., *Племя и государство в Африке*. М., 1991: 101–119.
- Коротаев 1991 б – Коротаев, А. В., «Некоторые экономические предпосылки классобразования и политогенеза», *Коротаев, Чубаров 1991*: 136–191.
- Коротаев 1993 – Коротаев, А. В., «Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейского культурно-политического ареала (Южная Аравия: X в. до н.э. – IV в. н.э.)», *Попов 1993*: 295–320.

- Коротаев 1995 – Коротаев, А. В., «Горы и демократия: к постановке проблемы», *Восток*. 1995 № 3: 18–26.
- Коротаев 1997 – Коротаев, А. В., *Сабейские этюды*. М., 1997.
- Коротаев, Блюмхен 1991 – Коротаев, А. В., и Блюмхен, С. И., «Введение», *Коротаев, Чубаров 1991*: 20–43.
- Коротаев, Оболонков 1989 – Коротаев, А. В., и Оболонков, А. А., «Родовая организация в социально-экономической структуре классовых обществ», *Советская этнография*. 1989, № 2: 36–45.
- Коротаев, Оболонков 1990 – Коротаев, А. В., и Оболонков, А. А., «Род как форма социальной организации в работах дореволюционных русских и советских исследователей», Ким, Г. Ф., и Ашрафян, К. З., ред., *Узловые проблемы истории докапиталистических обществ Востока*. М., 1990: 3–52.
- Коротаев, Чубаров 1991* – Коротаев, А. В., и Чубаров, В. В., ред., *Архаическое общество*. М., 1991.
- Крадин 1991 – Крадин, Н. Н., «Политогенез», *Коротаев, Чубаров 1991*: 261–300.
- Крадин 1995 – Крадин, Н. Н., «Вождество: современное состояние и проблемы изучения», Попов, В. А., ред., *Ранние формы политической организации*. М., 1995: 140–152.
- Крадин 2001 – Крадин, Н. Н., *Политическая антропология*. М., 2001.
- Крадин и др. 2000 – Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В., Бондаренко, Д. М., Лынша, В. А., ред., *Альтернативные пути к цивилизации*. М., 2000.
- Крадин, Бондаренко 2002 – Крадин, Н. Н., Бондаренко, Д. М., ред., *Кочевая альтернатива социальной эволюции*. М., 2002.
- Куббель 1979 – Куббель, Л. Е., «Потестарная и политическая этнография», Бромлей, Ю. В., и др., ред., *Исследования по общей этнографии*. М., 1979: 241–277.
- Куббель 1988 – Куббель, Л. Е., *Очерки потестарно-политической этнографии*. М., 1988.
- Кульпин 1990 – Кульпин, Э. С., *Человек и природа в Китае*. М., 1990.
- Кульпин 1992 – Кульпин, Э. С., *Социально-экономическая история: предмет, метод, концепция*. М., 1992.
- Кульпин 1995 – Кульпин, Э. С., *Путь России*. М., 1995.
- Кульпин 1996 – Кульпин, Э. С., *Бифуркация Запад – Восток*. М., 1996.
- Кульпин, Пантин 1990 – Кульпин, Э. С., и Пантин, В. И., *Решающий опыт*. М., 1993.
- Лундин 1960 – Лундин, А. Г., «Надписи Йада 'нла Зариха сына Сумху алай, мукарриба Саба'», *ВДИ*. 1960, № 3.
- Лундин 1961 а – Лундин, А. Г., «Список сабейских эпонимов эпохи мукаррибов Саба'», *ВДИ*. 1961, № 4: 50–57.
- Лундин 1961 б – Лундин, А. Г., «Южная Аравия в VI веке», *ПС*. 8 (1961): 1–159.
- Лундин 1962 а – Лундин, А. Г., «О титуле *mlk* 'царь' в Южной Аравии середины I тысячелетия до н.э.», *КСИНА*. 46 (1962): 202–212.
- Лундин 1962 б – Лундин, А. Г., «Социально-экономические данные сабейских посвященных надписей периода мукаррибов Саба'», *ВДИ*. 1962 № 3: 96–120.
- Лундин, 1963 а – Лундин, А. Г., «Новые южноарабские надписи музея в Сан а' [П]», *ЭВ*. 15 (1963): 37–50.
- Лундин 1963 б – Лундин, А. Г., *Сабейский эпонимат и сабейская хронология*. М., 1963 (XXVI Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).
- Лундин 1963 в – Лундин, А. Г., «О праве на воду в сабейском государстве эпохи мукаррибов», *ПС*. 11 (1963): 45–57.
- Лундин 1965 а – Лундин, А. Г., «Некоторые вопросы земельных отношений в древней Южной Аравии», *КСИНА*. 86 (1965): 148–154.
- Лундин 1965 б – Лундин, А. Г., «Хронологическая схема истории древних государств Южной Аравии (сабейский эпонимат)», *ПППИК*. 1 (1965): 24–26.
- Лундин 1966 а – Лундин, А. Г., «Дополнения к списку сабейских эпонимов», *ВДИ*. 1966, № 3: 82–91.
- Лундин 1966 б – Лундин, А. Г., «Новый фрагмент сабейской надписи периода мукаррибов», *ПС*. 15 (1966): 47–53.

- Лундин 1967 – Лундин, А. Г., «К возникновению государственной организации в Южной Аравии», *ПС*. 17 (1967): 50–73.
- Лундин 1968 а – Лундин, А. Г., «К дискуссии о сабейском эпонимате», *ВДИ*. 1968 № 1: 120–126.
- Лундин 1968 б – Лундин, А. Г., «Новая сабейская надпись с формулой *d-ry-hw*», *ПППИК*. 4 (1968): 28–30.
- Лундин 1969 а – Лундин, А. Г., «Городской строй Южной Аравии во II–IV вв. н.э.», *ПППИК*. 5 (1969): 55–57.
- Лундин 1969 б – Лундин, А. Г., «Новые южноаравские надписи музея в Сан а'. II», *ЭВ*. 19 (1969): 14–20.
- Лундин 1971 – Лундин, А. Г., *Государство мукаррибов Саба' (сабейский эпонимат)*. М., 1971.
- Лундин 1972 а – Лундин, А. Г., «О характере надписей из Джар ал-Лабба», *ВДИ*. 1972 № 1: 28–37.
- Лундин 1972 б – Лундин, А. Г., «Религия и организация общества в древней Южной Аравии», *ПППИК*. 8 (1972): 98–102.
- Лундин 1972 в – Лундин, А. Г., «Сабейские надписи музея в Та иззе», *ЭВ*. 21 (1972): 10–18.
- Лундин 1973 а – Лундин, А. Г., «Новые надписи из Архаба», *ПППИК*. 9 (1973): 32–45.
- Лундин 1973 б – Лундин, А. Г., «Новые южноаравские надписи из Вади Хирр», *ПППИК*. 9 (1973): 81–89.
- Лундин 1974 а – Лундин, А. Г., «Новые материалы о южноаравийском эпонимате», *ВДИ*. 1974 № 4: 98–105.
- Лундин, 1974 б – Лундин, А. Г., «Сабейский чиновник и дипломат III в. н.э.», *ПС*. 25 (1974): 95–104.
- Лундин 1977 – Лундин, А. Г., «Принципы престолонаследия в древней Южной Аравии», *Мероэ*. 1 (1977): 278–281.
- Лундин 1978 – Лундин, А. Г., «Престолонаследие в Катаба́не», *Советская этнография*. 1978 № 4: 123–130.
- Лундин, 1979 а – Лундин, А. Г., «Городская организация в древнем Йемене», *Проблемы античной истории и культуры*. Ереван, 1979: 149–155.
- Лундин, 1979 б – Лундин, А. Г., «Ирригация в древнем Йемене. По поводу книги J. Pignone. *La maîtrise de l'eau en Arabie du Sud Antique*. Р., 1977», *ВДИ*. 1979 № 3: 179–184.
- Лундин 1984 – Лундин, А. Г., «Две сабейские надписи из Ма́риба», *ЭВ*. 22 (1984): 41–47.
- Лундин, 1989 – Лундин, А. Г., «Надписи Внутреннего Хадрамаута (Общая характеристика)», *ВДИ*. 1989 № 2: 142–148.
- Лундин 1994 – Лундин, А. Г., «Религия и культура древнего Йемена», *Кормышева, Седов 1994*: 185–201.
- Лундин 1995 – Лундин, А. Г., «Архивы древнего Йемена», *ВДИ*, 1995, № 3: 3–13.
- де Мегрэ, 1989 – Мегрэ, А., де, «Работы Итальянской археологической миссии в Северном Йемене», *ВДИ*. 1989 № 3: 155–164.
- Наумкин 1980 – Наумкин, В. В., *Национальный фронт в борьбе за независимость Южного Йемена и национальную демократию*. М., 1980.
- Пиотровский 1977 – Пиотровский, М. Б., *Предание о хилм'аритском царе Ас аде ал-К'амиле*. М., 1977.
- Пиотровский 1978 – Пиотровский, М. Б., ред., *Южная Аравия. Памятники древней истории и культуры*. Т.1. М., 1978.
- Пиотровский 1985 – Пиотровский, М. Б., *Южная Аравия в раннее средневековье. Становление средневекового общества*. М., 1985.
- Пиотровский, Пиотровская 1984 – Пиотровский, М. Б., и Пиотровская, И. Л., «Человек и природа в Аравии: Древность и современность», *География и развивающиеся страны*. Л., 1984: 106–108.
- Попов 1982 – Попов, В. А., *Ашантийцы в XIX веке. Опыт этносоциологического исследования*. М., 1982.

- Попов 1990 – Попов, В. А., *Этносоциальная история аканов в XVI–XIX вв. Проблема генезиса и стадияльно-формационного развития этнополитических организмов*. М., 1990.
- Попов 1991 – Попов, В. А., «Историческая динамика потестарно-политической структуры конфедерации Ашанти и специфика вторичного политогенеза», Ильин, Ю. М., и др., ред., *Племя и государство в Африке*. М., 1991: 150–160.
- Попов 1993 – Попов, В. А., ред., *Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. Памяти Л. Е. Куббеля*. М., 1993.
- Родионов 1993 – Родионов, М. А., «Можно ли отменить социальные страты? Уроки Хадрамаута», *Попов 1993*: 321–327.
- Родионов 1994 – Родионов, М. А., *Этнография Западного Хадрамаута: общее и локальное в этнической культуре*. М., 1994.
- Рункова 1995 – Рункова Е. А. *Южная Аравия в конце I в. до н.э. – III в. н.э.* М., 1995.
- Северцов 1939 – Северцов, А. Н., *Морфологические закономерности эволюции*. М. – Л., 1939.
- Северцов 1967 – Северцов, А. Н., *Главные направления эволюционного процесса*. 3-е изд., Москва, 1967.
- Седов 1989 – Седов А. В., «Археологические исследования в вадии Хадрамаут», *ВДИ*. 1989 № 2: 135–142.
- Седов 2005 – Седов А. В., *Древний Хадрамаут. Очерки археологии и нумизматики*. М., 2005.
- Седов, Грязневич 1996 – Седов, А. В., Грязневич, П. А., ред., *Городище Райбун (раскопки 1983–1987 гг.). Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции*. Т. II. М., 1996.
- Седов, Виноградов, Французов 2005 – Седов, А. В., Виноградов, Ю. А., Французов, С. А., «Новый храм Саййина в Райбунском оазисе (раскопки 2004 г.)», Седов, А. В., Смиланская, И. М., ред., *Arabia Vitalis: Арабский Восток, ислам, древняя Аравия*. М., 2005: 385–400.
- Семенов 1992 – Семенов, Ю. И., «О 'социологии племени', теоретическом мышлении и многом другом», *Этнографическое обозрение*. 1992 № 5: 139–148.
- Семенов 1993 – Семенов, Ю. И., «Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития», *Этнографическое обозрение*. 1993, № 1: 52–70; № 2: 57–74.
- Серебров 1990 – Серебров, С. Н., «Традиционная социальная стратификация в Хадрамауте (Южный Йемен)», Белокриницкий, В. Я., и др., ред., *Ислам и социальные структуры стран Ближнего и Среднего Востока*. М., 1990: 144–160.
- Стратановский 1994 – Стратановский, Г. А., пер., Страбон. *География*. М., 1994.
- Удалова 1988 – Удалова, Г. М., *Йемен в период первого османского завоевания (1538–1635)*. М., 1988.
- Харузин 1903 – Харузин, Н. Н., *Этнография*. Вып.3: *Собственность и первобытное государство*. Спб., 1903.
- Якобсон 1987 – Якобсон, В. А., «Древняя Месопотамия», Стучевский, И. А., ред., *Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке*. М., 1987: 6–28.
- Якобсон 1989 – Якобсон, В. А., «Цари и города в древней Месопотамии», Дандамаев, М. А., ред., *Государство и социальные структуры на древнем Востоке*. М., 1989: 17–37.
- Abd al-Bāqī 1979 – Abd al-Bāqī, Ibn Abd al-Majīd b. Abdallāh, *Bahjat al-zaman fī ta'rīkh al-Yaman*. Ta qīq Mu afā Hijāzī. al-Qāhira, 1965.
- Abdallāh 1979 – Abdallāh, Y. M., «Mudawwanāt al-nuqūsh al-Yamaniyyah al-qadīmah. Nuqūsh jadīdah», *Dirāsāt Yamaniyyah*. 1979, № 2: 47–64; № 3: 29–50.
- Abdallāh 1986 a – Abdallāh, Y. M., ed., *Al-Hamdānī, a Great Yemenī Scholar. Studies on the Occasion of his Millennial Anniversary*. San ā', 1986.
- Abdallāh 1986 b – Abdallāh, Y. M., «Kha al-musnad wa-l-nuqūsh al-yamaniyyah al-qadīmah. Dirāsah li-kitābah yamaniyyah qadīmah manqūshah ala l-khashab», *Al-Yaman al-Jadīd*. 15/5 (1986): 10–26; 15/6 (1986): 10–28.

- Abdallāh 1988 – Abdallāh, Y. M., «Madīnat al-Siwā fī 'Kitāb al- awāf hawla 'l-bahr al- Arītriyy'», *Raydān*. 5 (1988): 101–114.
- Abdallāh 1990 – Abdallāh, Y. M., «Mudawwanāt al-nuqūsh al-Yamaniyyah al-qadīmah», *Al-Iklīl*. 8/1–2 = 20–21 (1990): 76–78.
- Abdallāh 1994 – Abdallāh, Y. M., «Ein altsüdarabischer Vertragstext von den neunteckten Inschriften auf Holz», Nebes, N., ed., *Arabia Felix: Festschrift Walter W. Müller zum 60. Geburtstag*. Wiesbaden, 1994: 1–12.
- Abdallāh *et al.* 1979 – Abdallāh, A. M., *et al.*, eds., *Studies in the History of Arabia*. Vol. I. *Sources for the History of Arabia*. Pt.1. Riyadh, 1979.
- Abū Ghānim 1985 – Abū Ghānim, F. A. A., *Al-bunyah al-qabaliyyah fī 'l-Yaman bayna 'l- istimrār wa-'l-taghayyur*. Dimashq, 1985.
- Abū Ghānim 1990 – Abū Ghānim, F. A. A., *Al-qabīlah wa-'l-dawlah fī 'l-Yaman*. al-Qāhira, 1990.
- Adra 1982 – Adra, N., *Qabyala: The Tribal Concept in the Central Highlands of the Yemen Arab Republic*. PhD dissertation, Department of Anthropology, Temple University.
- Adra 1985 – Adra, N., «The Concept of Tribe in Rural Yemen», Ibrahim, S. E., and Hopkins, N. S., eds., *Arab Society: Social Science Perspectives*. Cairo, 1985: 275–285.
- Al-Rasheed 1994 – Al-Rasheed, M., «The Rashīdī Dynasty: Political Centralization among the Shammar of North Arabia», *New Arabian Studies*. 2 (1994): 140–152.
- al- Alawī 1972 – al- Alawī, Alī b. Mu ammad b. Ubaydallāh al- Abbāsī, *Sīrat al-Hādī ilā 'l- aq Ya yā b. al- usayn*. Ta qīq Suhayl Zakkār. Bayrūt, 1972.
- Audouin, Breton, Robin 1988 – Audouin, R., Breton, J.-F., and Robin, C., «Towns and Temples – the Emergence of South Arabian Civilization», *Daum 1988*: 63–77.
- Avanzini 1977, 1980 – Avanzini, A., *Glossaire des inscriptions de l'Arabie du Sud*. 2 volumes. Firenze, 1977, 1980 (Quaderni di Semitistica, 3).
- Avanzini 1985 – Avanzini, A., «Problemi storici della regione di al- adā' nel periodo preislamico e nuove iscrizioni», *Studi yemeniti*, 1 (1985) [Quaderni di semitistica, vol.14]: 53–115 and tav. 1–34.
- Avanzini 1995 – Avanzini, A., *Inventario delle iscrizioni sudarabiche*. Tomo 4. *As-Sawdā'*. Parigi – Roma, 1995.
- Avanzini 2004 – Avanzini, A., *Corpus of South Arabian Inscriptions I–III: Qatabanic, Marginal Qatabanic, Awsanite Inscriptions*. Pisa, 2004.
- Avanzini, Sedov 2005 – Avanzini, A., Sedov, A. V., «The Stratigraphy of Sumhuram: New Evidence», *PSAS*. 35 (2005): 11–17.
- Bāfaqīh 1973 – Bāfaqīh, M. A., *Ta' rīkh al-Yaman al-qadīm*. Bayrūt, 1973.
- Bāfaqīh 1979 – Bāfaqīh, M. A., «New Light on the Yaz'anite Dynasty», *PSAS*. 9 (1979): 5–9.
- Bāfaqīh 1985 – Bāfaqīh, M. A., «Mūjaz ta' rīkh al-Yaman qabla 'l-Islām», Bāfaqīh, M. A., *et al.*, eds., *Mukhtārāt min al-nuquṣh al-Yamaniyyah al-qadīmah*. Tūnis, 1985: 14–65.
- Bāfaqīh 1986 – Bāfaqīh, M. A., «Al-Hamdānī wa-'l-mathāminah», *Abdallāh 1986a*: 99–110 (арабская часть тома).
- Bāfaqīh 1988 – Bāfaqīh, M. A., «Mamlakat Ma'dhin: Shawāhid wa-fardiyyāt», *Dirāsāt Yamaniyyah*. 34 (1988): 20–29.
- Bāfaqīh 1990 – Bāfaqīh, M. A., *L'unification du Yémen antique. La lutte entre Saba', Himyar et le Hadramawt de Ier au IIIème siècle de l'ère chrétienne*. Paris, 1990 (Bibliothèque de *Raydān*, 1).
- Bāfaqīh 1994 – Bāfaqīh, M. A., «Muhtawā naqsh al-Mi sāl 5», *Raydān*. 6 (1994): 57–77 (арабская часть журнала).
- Bāfaqīh, Bā āyi 1988 – Bāfaqīh, M. A., and Bā āyi, A., «Nuqūsh min al-Hadd», *Raydān*. 5 (1988): 61–80 (арабская часть журнала).
- Bāfaqīh, Robin 1978 – Bāfaqīh, M. A., and Robin, C., «Min nuqūsh Mahram Bilqīs», *Raydān*. 1 (1978): 11–56 (арабская часть журнала).
- Bāfaqīh, Robin 1979 a – Bāfaqīh, M. A., and Robin, C., «Inscriptions inédites de Yanbuq (Yémen Démocratique)», *Raydān*. 2 (1979): 15–76.

- Bāfaqīh, Robin 1979 b – Bāfaqīh, M. A., and Robin, C., «Naqsh A ba iyy min a ī», *Raydān*. 2 (1979): 11–23 (арабская часть журнала).
- Bāfaqīh, Robin 1980 – Bāfaqīh, M. A., and Robin, C., «Ahammiyyat nuqūsh Jabal al-Mi sāl», *Raydān*. 3 (1980): 9–29 (арабская часть журнала).
- Barnouw 1979 – Barnouw, V., *Anthropology. A General Introduction*. Homewood, Illinois, 1979.
- Beals, Hoijer 1967 – Beals, R. L., and Hoijer, H., *An Introduction to Anthropology*. New York, London, 1967.
- Van Beek 1969 – van Beek, G. W., *Hajar bin Humeid, Investigations at a Pre-Islamic Site in South Arabia*. Baltimore, 1969 (Publications of the American Foundation for the Study of Man, V).
- Beeston 1939 – Beeston, A. F. L., «Appendix to the Inscriptions discovered by Mr Philby», Philby, H. St.J. B., *Sheba's Daughters*. London, 1939: 441–454.
- Beeston 1952 – Beeston, A. F. L., «Four Sabaeen Texts of the Istanbul Archaeological Museum», *Le Muséon*. 65 (1952): 271–283.
- Beeston 1954 – Beeston, A. F. L., «Notes on Old South Arabian Lexicography VI», *Le Muséon*. 67 (1954): 311–322.
- Beeston 1956 – Beeston, A. F. L., *Epigraphic South Arabian Calendars and Datings*. London, 1956.
- Beeston 1959 – Beeston, A. F. L., «Two Middle Sabaeen Votive Texts», *BO*, 16 (1959): 17–18.
- Beeston 1962 a – Beeston, A. F. L., «Arabian Sibilants», *JSS*. 7 (1962): 222–233.
- Beeston 1962 b – Beeston, A. F. L., *A Descriptive Grammar of Epigraphic South Arabian*. London, 1962.
- Beeston 1962 c – Beeston, A. F. L., «Epigraphic and Archaeological Gleanings from South Arabia», *Oriens Antiquus*. 1 (1962): 41–52.
- Beeston 1971 – Beeston, A. F. L., «Functional Significance of the Old South Arabian «Town»», *PSAS*. 1 (1971): 26–28.
- Beeston 1972 a – Beeston, A. F. L., «Kingship in Ancient South Arabia», *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 15/1–3 (1972): 256–268.
- Beeston 1972 b – Beeston, A. F. L., «Notes on Old South Arabian Lexicography VII», *Le Muséon*. 85 (1972): 535–544.
- Beeston 1973 – Beeston, A. F. L., «Notes on Old South Arabian Lexicography VIII», *Le Muséon*. 86 (1973): 443–453.
- Beeston 1975 a – Beeston, A. F. L., «The Himyarite Problem», *PSAS*. 5 (1975): 1–7.
- Beeston 1975 b – Beeston, A. F. L., «Mashākil al-nuqūsh», *al-Hikmah*. 38 (1975): 24–29.
- Beeston 1976 a – Beeston, A. F. L., «Notes on Old South Arabian Lexicography X», *Le Muséon*. 89 (1976): 407–423.
- Beeston 1976 b – Beeston, A. F. L., *Warfare in Ancient South Arabia (2<sup>nd</sup> – 3<sup>rd</sup> centuries A.D.)*. London, 1976 (Qahtān: Studies in old South Arabian Epigraphy. Fasc.3).
- Beeston 1977 a – Beeston, A. F. L., «Dedication of an Altar of Incense and of Two Golden Bulls», *Corpus 1977*: 219–220.
- Beeston 1977 b – Beeston, A. F. L., «Theocracy in the Sayhad Culture», *PSAS*. 7 (1977): 5–10.
- Beeston 1978 a – Beeston, A. F. L., «Epigraphic South Arabian Nomenclature», *Raydān*. 1 (1978): 13–21.
- Beeston 1978 b – Beeston, A. F. L., «Notes on Old South Arabian Lexicography XI», *Le Muséon*. 91 (1978): 195–206.
- Beeston 1978 c – Beeston, A. F. L., «Temporary Marriage in Pre-Islamic South Arabia», *Arabian Studies*. 4 (1978): 21–25.
- Beeston 1979 a – Beeston, A. F. L., «Some Features of Social Structure in Saba'», *Abdallāh et al. 1979*: 115–123.
- Beeston 1979 b – Beeston, A. F. L., «Some Observations on Greek and Latin Data Relating to South Arabia», *BSOAS*. 42 (1979): 7–12.
- Beeston 1981 – Beeston, A. F. L., «Notes on Old South Arabian Lexicography XII», *Le Muséon*. 94 (1981): 55–73.



- Beeston 1983 – Beeston, A. F. L., «Women in Saba'», Bidwell, R. L., and Smith, G. R., eds., *Arabian and Islamic Studies. Articles Presented to R. B. Serjeant*. London – New York, 1983: 7–13.
- Beeston 1984 a – Beeston, A. F. L., «The Religions of Pre-Islamic Yemen», Chelhod *et al.* 1984: 259–269.
- Beeston 1984 b – Beeston, A. F. L., *Sabaic Grammar*. Manchester, 1984 (Journal of Semitic Studies Monograph No.6).
- Beeston 1986 a – Beeston, A. F. L., «Free and Unfree: The Sayhadic case», *PSAS*. 16 (1986): 1–6.
- Beeston 1986 b – Beeston, A. F. L., «Dedication for the Safety of a Man and his *mqtwyt*», *Corpus* 1986: 97–100.
- Beeston 1987 a – Beeston, A. F. L., «An Autobiography», Robin, Bāfaqīh 1987: XV–XX.
- Beeston 1987 b – Beeston, A. F. L., «Apologia for 'Sayhadic'», *PSAS*. 17 (1987): 13–14.
- Beeston 1987 c – Beeston, A. F. L., « abashat and Ahābīsh», *PSAS*. 17 (1987): 5–12.
- Beeston 1988 a – Beeston, A. F. L., «Miscellaneous Epigraphic Notes II», *Raydān*. 5 (1988): 5–32.
- Beeston 1988 b – Beeston, A. F. L., «Pre-Islamic Yemen in a Recent Publication», *JRAS*. (1988): 160–164.
- Beeston 1988 c – Beeston, A. F. L., «Two Sabaic Texts», *Raydān*. 5 (1988): 33–38.
- Beeston 1989 – Beeston, A. F. L., «Mahmoud Ali Ghul and the Sabaeen Cursive Script», *Arabian Studies in Honour of Mahmoud Ghul: Symposium at Yarmouk Univ., December 8–11, 1984*. Irbid – Wiesbaden, 1989 (Yarmouk University Publications, Institute of Archaeology and Anthropology Series, 2): 15–19.
- Beeston 1991 a – Beeston, A. F. L., «The Arabian Aromatics Trade in Antiquity». Paper presented at the «Arabia Antiqua» International Conference (Rome, May 1991).
- Beeston 1991 b – Beeston, A. F. L., «The Sayhadic Hunt at Ši b al- Aql», Robin, C., ed., *Études sud-arabes, recueil offert à J. Ryckmans*. Louvain, 1991 (Publications de l'institut orientaliste de Louvain, 39): 49–57.
- Beeston *et al.* 1982 – Beeston, A. F. L., Ghul, M. A., Müller, W. W., and Ryckmans, J., *Sabaic Dictionary (English-French-Arabic)*. Louvain-la-Neuve, Beyrouth, 1982.
- Biella 1982 – Biella, J. C., *Dictionary of Old South Arabic, Sabaean Dialect*. Cambridge, Mass., 1982 (Harvard Semitic Studies no.25).
- de Blois 1990 – de Blois, F., «The Date of the 'Martyrs of Nagrān'», *Arabian Archaeology and Epigraphy*. 1 (1990): 110–128.
- Bohannan 1963 – Bohannan, P., *Social Anthropology*. New York &c, 1963.
- Bondarenko 1994 – Bondarenko, D. M., «Precolonial Benin: Man, Society, Authority and the Structure of the Socium», Lal, M., and Sabloff, J., eds., *State, City and Society*. New Delhi, 1994: 1–10.
- Bondarenko, Korotayev 2000 – Bondarenko, D. M., Korotayev, A. V., eds., *Civilizational Models of Politogenesis*. Moscow, 2000.
- Botterweck 1950 – Botterweck, G. J., «Altsüdarabische Glaser-Inschriften», *Orientalia*. 19 (1950): 435–444.
- Bowen 1958 a – Bowen, R. L., «Ancient Trade Routes in South Arabia», *Bowen, Albright 1958*: 35–42.
- Bowen 1958 b – Bowen, R. L., «Irrigation in Ancient Qatabān (Bay ān)», *Bowen, Albright 1958*: 43–136.
- Bowen, Albright 1958 – Bowen, R. L., and Albright, F. P., *Archaeological Discoveries in South Arabia*. Baltimore, 1958 (Publications of the American Foundation for the Study of Man, II).
- Breton 1988 – Breton, J.-F., «Ancient Shabwa, the Capital of Hadramawt», *Daum 1988*: 111–115.
- Breton 1991 – Breton, J.-F., «Quelques dates pour les débuts de la civilisation 'Sudarabique'», summary of paper presented at the «Arabia Antiqua» Conference (Rome, May 1991).
- Breton, 1992 – Breton, J.-F., éd., *Fouilles de Shabwa. II. Rapports Préliminaires*. P., 1992 (Institut Français d'Archéologie du Proche Orient, publication hors-série. 19).
- Breton 1994 – Breton, J.-F., *Les fortifications d'Arabie méridionale du 7<sup>e</sup> au 1<sup>er</sup> siècle avant notre ère*. Mainz am Rhein, 1994 (ABADY, 8).

- Breton 2003 – Breton, J.-F., «Preliminary Notes on the Development of Shabwa», *PSAS*. 33 (2003): 199–214.
- Breton, Audouin, Seigne 1981 – Breton, J.-Fr., Audouin, R., Seigne, J., «Rapport préliminaire sur la fouille du 'Château Royal' de Šabwa (1980–1981)», *Raydān*. 4 (1981): 163–190, pl. I–XVI.
- Breton et al. 1998 – Breton, J.-Fr., Arramond, J.-Ch., Coque-Delhuille, B., Gentelle, P., *Une vallée aride du Yémen antique. Le wādī Bay ān*. Paris, 1998.
- Bron 1970 – Bron, F., «Antiquités sud-arabes dans les collections suisses», *AION*. 30 (1970): 549–554, pl. I–IV.
- Bron 1979 – Bron, F., «Inscriptions et antiquités sudarabiques», *Semitica*. 29 (1979): 131–135, pl. VI–VII.
- Bron 1981 – Bron, F., «Inscriptions de irwā », *Raydān*. 4 (1981): 29–34, pl. I–X.
- Bron 1988 – Bron, F., «Inscriptions du Ma ram Bilqis (Mārib) au Musée de Bayhān», *Raydān*. 5 (1988): 39–51.
- Bron 1992 – Bron, F., *Mémorial Mahmud al-Ghul. Inscriptions sudarabiques*. Paris, 1992 (L'Arabie préislamique, 2).
- Bron 1993 – Bron, F., «Sur une nouvelle inscription historique sabéenne», *Studi Epigrafici e Linguistici*. 10 (1993): 79–83.
- vom Bruck 1993 – vom Bruck, G., «Réconciliation ambiguë: une perspective anthropologique sur le concept de la violence légitime dans l'imamat du Yémen», LeRoy, E., and von Trotha, Tr., eds., *La violence et l'état: Formes et évolution d'un monopole*. Paris, 1993: 85–103.
- vom Bruck 1996 – vom Bruck, G., «Being worthy of protection. The dialectics of gender attributes in Yemen», *Social Anthropology*. 4 (1996): 145–162.
- Brumfiel 1983 – Brumfiel, E. M., «Aztec State Making: Ecology, Structure, and the Origin of the State», *American Anthropologist*. 85 (1983): 261–284.
- Brunner 1983 – Brunner, U., *Die Erforschung der antiken Oase von Mārib mit Hilfe geomorphologischer Untersuchungsmethoden*. Mainz am Rhein, 1983 (ABADY, 2).
- Brunner 1997 – Brunner, U., «The History of Irrigation in the Wādī Marḥa», *PSAS*. 27 (1997): 75–85.
- Bujra 1971 – Bujra, A. S., *The Politics of Stratification (A Study of Political Change in South Arabian Town)*. Oxford, 1971.
- Burrowes 1987 – Burrowes, R. D., *The Yemen Arab Republic: the Politics of Development, 1962–1986*. Boulder, London, Sydney, 1987.
- Calvet, 1988 – Calvet, Y., «Fouilles Françaises de Shabwa: La céramique importée», *Raydān*. 5 (1988): 53–70.
- Carneiro 1981 – Carneiro, R. L., «The Chiefdom: Precursor of the State», Jones, G. D., and Kautz, R. R., eds., *The Transition to Statehood in the New World*. Cambridge &c, 1981: 37–79.
- Carneiro 1991 – Carneiro, R. L., «The Nature of the Chiefdom as Revealed by Evidence from the Cauca Valley of Colombia», Rambo, A. T., and Gillogly, K., eds., *Profiles in Cultural Evolution*. Ann Arbor, 1991 (Anthropology Papers, Museum of Anthropology, University of Michigan, No.85): 167–190.
- Caton Thompson 1944 – Caton Thompson, G., *The Tombs and Moon Temple of Hureida (Hadhramaut)*. Oxford, 1944 (Reports of the Research Committee of the Society of Antiquaries of London, 13).
- Chelhod 1970a – Chelhod, J., «L'Organisation sociale au Yémen», *L'Ethnographie*. 64 (1970): 61–86.
- Chelhod 1970b – Chelhod, J., «Recherches ethnologique au Yémen: Problèmes et perspectives», *Objets et Mondes*. 10/2 (1970): 119–134.
- Chelhod 1971 – Chelhod, J., «Le droit coutumier yéménite», *Le droit dans la société bédouine*. Paris, 1971: 427–432.
- Chelhod 1974 – Chelhod, J., «L'Ethnologie du Yémen», *La Recherche*. 41 (1974): 5–13.
- Chelhod 1975 – Chelhod, J., «La société yéménite et le droit», *L'Homme*. 15/2 (1975): 67–86.
- Chelhod 1979 – Chelhod, J., «Social Organization in Yemen», *Dirāsāt Yamaniyyah*. 1979. № 3: 47–62.

- Chelhod 1985 – Chelhod, J., «Les structures sociales et familiales», *Chelhod et al. 1985*: 15–123.
- Chelhod et al. 1984 – Chelhod, J., et un groupe d'auteurs, *L'Arabie du Sud, histoire et civilisation*. Vol. 1. *Le peuple yéménite et ses racines*. Paris, 1984 (Islam d'hier et d'aujourd'hui, 21).
- Chelhod et al. 1985 – Chelhod, J., et un groupe d'auteurs, *L'Arabie du Sud: histoire et civilisation*. 3. *Culture et institutions du Yémen*. Paris, 1985 (Islam d'hier et d'aujourd'hui, 25).
- Christie 1995 – Christie, J. W., «State Formation in Early Maritime Southeast Asia: A Consideration of the Theories and the Data», *Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde*. 151 (1995): 235–288.
- Claessen 1984 – Claessen, H. J. M., «The Internal Dynamics of the Early State», *Current Anthropology*. 25 (1984): № 4.
- Claessen, Skalnik 1978 – Claessen, H. J. M., and Skalnik, P., eds., *The Early State*. The Hague – Paris – New York, 1978.
- Claessen, Skalnik 1981 – Claessen, H. J. M., and Skalnik, P., eds., *The Study of the State*. The Hague – Paris – New York, 1981.
- Claessen et al. 1985 – Claessen, H. J. M., van de Velde, P., and Smith, M. E., eds., *Development and Decline: The Evolution of Sociopolitical Organization*. South Hadley (Mass.): 1985.
- Corpus 1889–1908, 1911, 1929 – *Corpus Inscriptionum Semiticarum. Pars quarta. Inscriptiones himyariticas et sabaicas continens*. Tomus 1, 2, 3. Paris, 1889–1908, 1911, 1929.
- Corpus 1977, 1986 – *Corpus des inscriptions et antiquités Sud-Arabes*. TT. 1, 2. Louvain, 1977, 1986.
- Crone 1980 – Crone, P., *Slaves on Horses. The Evolution of the Islamic Polity*. Cambridge &c, 1980.
- Crone 1986 – Crone, P., «The Tribe and the State», Hall, J. A., ed., *States in History*. Oxford – New York, 1986, 48–77.
- Crone 1987 – Crone, P., *Meccan Trade and the Rise of Islam*. Oxford, 1987.
- Crone 1991 – Crone, P., «Mawla», *EI*. 6 (1991): 874–882.
- Darles 2003 – Darles, C., «Les fortifications de Shabwa, capitale du royaume de Hadramawt», *PSAS*. 33 (2003): 215–228.
- Daum 1988 – Daum, W., ed., *Yemen: 3000 Years of Art and Civilization in Arabia Felix*. Innsbruck – Frankfurt/Main, 1988.
- Davidde, Petriaggi, Williams 2004 – Davidde, B., Petriaggi, R., Williams, D. F., «New Data on the Commercial Trade of the Harbour of Kane through the Typological and Petrographic Study of the Pottery», *PSAS*. 34 (2004): 85–100.
- Dayton 1975 – Dayton, J. E., «The Problem of Climatic Change in the Arabian Peninsular», *PSAS*. 5 (1975): 33–60.
- Dayton 1979 – Dayton, J. E., «A Discussion of the Hydrology of Mārib», *PSAS*. 9 (1979): 124–129.
- Dayton 1981 – Dayton, J. E., «Mārib Visited, 1979», *PSAS*. 11 (1981): 7–26D.
- Degen, Müller 1974 – Degen, R., Müller, W. W., «Eine hebräisch-sabäische Bilinguis aus Bait al-Ašwal», *NESE*. 2 (1974): 117–123.
- Diakonoff 1969 – Diakonoff, I. M., «The Rise of the Despotism in Ancient Mesopotamia», Diakonoff, I. M., ed., *Ancient Mesopotamia. Socio-Economic History*. Moscow, 1969, 173–203.
- Diaz Esteban 1969 – Diaz Esteban, F., «Inscripcion sudarabiga en Madrid», *Trabajos de Prehistoria*. 26 (1969): 360–363.
- Dobzhansky et al. 1977 – Dobzhansky, T., Ayala, F. J., Stebbins, G. L., and Valentine, J. W., *Evolution*. San Francisco, 1977.
- Doe 1963 – Doe, D. B., *The Site of Am Adiya near Mukeiras on the Audhali Plateau, South West Arabia*. Aden, 1963 (Department of Antiquities Publication, 2).
- Doe 1964 – Doe, D. B., *The Wadi Shirjān*. Aden, 1964 (Department of Antiquities Publication, 4).
- Doe, Jamme 1968 – Doe, D. B., Jamme, A., «New Sabaeen Inscriptions from South Arabia», *Journal of the Royal Asiatic Society* (1968): 2–28, pl. I–V.
- Dostal 1974 – Dostal, W., «Sozio-ökonomische Aspekte der Stammesdemokratie in Nordost-Yemen», *Sociologus*. 24 (1974): 1–15.

- Dostal 1985 – Dostal, W., *Egalität und Klassengesellschaft in Südarabien. Anthropologische Untersuchungen zur sozialen Evolution*. Horn – Wien, 1985 (Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik, 20).
- Dostal 1990 – Dostal, W., *Eduard Glaser – Forschungen im Yemen*. Wien, 1990.
- Dresch 1984 a – Dresch, P., «The Position of Shaykhs among the Northern Tribes of Yemen», *Man*. 19 (1984): 31–49.
- Dresch 1984 b – Dresch, P., «Tribal Relations and Political History in Upper Yemen», *Pridham 1984*: 154–174.
- Dresch 1987 – Dresch, P., «Placing the Blame: A Means of Enforcing Obligations in Upper Yemen», *Anthropos*. 82 (1987): 427–443.
- Dresch 1989 – Dresch, P., *Tribes, Government, and History in Yemen*. Oxford, 1989.
- Dresch 1991 – Dresch, P., «Imams and Tribes: The Writing and Acting of History in Upper Yemen», Khoury, S., and Kostinel, J., eds., *Tribes and State Formation in the Middle East*. London, 1991.
- Dresch 1994 – Dresch, P., «Tribalism and Democracy», *Chroniques Yemenites*. 2 (1994): 65–79.
- Earle 1987 – Earle, T. K., «Chiefdoms in Archaeological and Ethnohistorical Perspective», *Annual Review of Anthropology*. 16 (1987): 279–308.
- Earle 1991 – Earle, T. K., «The Evolution of Chiefdoms», Earle, T. K., ed., *Chiefdoms: Power, Economy, and Ideology*. Cambridge &c., 1991: 1–15.
- Eickelman 1981 – Eickelman, D. F., *The Middle East. An Anthropological Approach*. Englewood Cliffs, NJ, 1981.
- Evans-Pritchard 1940 [1967] – Evans-Pritchard, E. E., *The Nuer: a Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People*. Oxford, 1940 [1967].
- Evans-Pritchard 1949 – Evans-Pritchard, E. E., *The Sanusi of Cyrenaica*. London, 1949.
- Fakhry, Ryckmans G. 1952 – Fakhry, A., *An Archaeological Journey to Yemen*. Vol. 3. *Epigraphical Texts* by G. Ryckmans. Cairo, 1952.
- Fedele 1988 – Fedele, F. G., «North Yemen: The Neolithic», *Daum 1988*: 34–37.
- Fortes 1949 – Fortes, M., «Time and Social Structure», *Social Structure*. Oxford, 1949.
- Fox 1967 – Fox, R., *Kinship and Marriage: An Anthropological Perspective*. Cambridge, 1967.
- Frantsouzzoff 1999 – Frantsouzzoff, S. A., «Hadramitic documents written on palm-leaf stalks», *PSAS*. 29 (1999): 55–66.
- Fried 1967 – Fried, M. H., «On the Concepts of ‘Tribe’ and ‘Tribal Society’», Helm, J., ed., *Essays on the Problem of Tribe*. Seattle – London, 1967: 3–20.
- Fried 1975 – Fried, M. H., *The Notion of Tribe*. Menlo Park, CA &c, 1975.
- Friedman, Rowlands 1977 – Friedman, J., and Rowlands, M. J., «Notes towards an epigenetic model of ‘civilization’», Friedman, J., and Rowlands, M. J., eds., *The Evolution of Social Systems*. London, 1977: 201–276.
- Futuyma 1986 – Futuyma, D. J., *Evolutionary Biology*. 2<sup>nd</sup> ed. Sunderland, Mass., 1986.
- Garbini 1969 – Garbini, G., «Una nuova iscrizione di Sarah, bi’il Ya fur», *AION*. 29 (1969): 559–566, tav. II–IV.
- Garbini 1970 a – Garbini, G., «Antichità yemenite», *AION*. 30 (1970): 400–404, 537–548, tav. I–XXXIX.
- Garbini 1970 b – Garbini, G., «Una bilingue sabeo-ebraica di afār», *AION*. 30 (1970): 153–165, tav. I–II.
- Garbini 1971 a – Garbini, G., «Frammenti epigrafici sabei [I]», *AION*. 31 (1971): 538–542, tav. I–II.
- Garbini 1971 b – Garbini, G., «Iscrizioni sabeo da Hakim», *AION*. 31 (1971): 303–311, tav. I–III.
- Garbini 1973 a – Garbini, G., «Frammenti epigrafici sabei II», *AION*. 33 (1973): 587–593.
- Garbini 1973 b – Garbini, G., «Nuove iscrizioni sabeo», *AION*. 33 (1973): 31–46.
- Garbini 1973 c – Garbini, G., «Un nuovo documento per la storia dell’antico Yemen», *OA*. 12 (1973): 143–163.
- Garbini 1973 d – Garbini, G., «Note di epigrafia sabea I», *AION*. 33 (1973): 431–438.
- Garbini 1974 a – Garbini, G., ed., *Iscrizioni sudarabiche*. Vol. I. *Iscrizioni minee*. Napoli, 1974.
- Garbini 1974 b – Garbini, G., «Note di epigrafia sabea II», *AION*. 34 (1974): 291–299.

- Garbini 1976 – Garbini, G., «Iscrizioni sudarabiche», *AION*. 36 (1976): 293–315, tav. I–V.
- Garbini 1978 – Garbini, G., «Sabaean Fragments», *Raydān*. 1 (1978): 33–35.
- Garbini 1991 – Garbini, G., «La successione dei 'mukarrib' di Saba», Robin, C., ed., *Études sud-arabes, recueil offert à J. Ryckmans*. Louvain, 1991 (Publications de l'institut orientaliste de Louvain, 39): 93–99.
- Gellner 1969 – Gellner, E., *Saints of the Atlas*. London, 1969.
- Gellner 1981 – Gellner, E., *Muslim Society*. Cambridge – New York, NY – Melbourne, 1981.
- Ghul 1959 – Ghul, M. A., «New Qatabani Inscriptions», *BSOAS*. 22 (1959): 1–22, 419–438.
- Ghul 1984 – Ghul, M. A., «The Pilgrimage at Itwat» (ed. by A. F. L. Beeston): *PSAS*. 14 (1984): 33–39.
- Gerholm, 1977 – Gerholm, T., *Market, Mosque and Maḥraj: Social Inequality in a Yemeni Town*. Stockholm, 1977 (Stockholm Studies in Social Anthropology, 5).
- Gerlach, Hitgen 2004 – Gerlach, I., Hitgen, H., «The Sabaean Town of Sirwāh: An Introduction into the Latest Research Project of the DAI, Orient-Department», Седов, А. В., ред., *Scripta Yemenica: Исследования по Южной Аравии*. М., 2004: 210–220.
- Glanzman 1999 – Glanzman, W. D., «An Examination of the Building Campaign of Yada ʿil Dharih bin Sumhuʿalay, Mukarrib of Saba, in Light of Recent Archaeology», *PSAS*. 29 (1999): 73–88.
- Glanzman 2003 – Glanzman, W. D., «An Examination of the Building Campaign of Yada ʿil Dharih bin Sumhuʿalay, Mukarrib of Saba, in Light of Recent Archaeology», *PSAS*. 33 (2003): 183–198.
- Glanzman 2004 – Glanzman, W. D., «Beyond their Borders: A Common Potting Tradition and Ceramic Horizon within South Arabia during the Later First Millennium BC through the Early First Millennium AD», *PSAS*. 34 (2004): 121–138.
- Gochenour 1984 a – Gochenour, D. T., *The Penetration of Zaydi Islam into Early Medieval Yemen*, Ph.D. thesis, Harvard University.
- Gochenour 1984 b – Gochenour, D. T., «Towards a Sociology of the Islamization of Yemen», *Pridham 1984*: 1–20.
- Goitein 1941 – Goitein, S. D., ed., *Travels in Yemen. An Account of Jozeph Halévy's journey to Najrān in the Year 1870 Written in San ani Arabic by the Guide Hayyim Habshush*. Jerusalem, 1941.
- Grinin et al. 2004 – Grinin, L. E., Carneiro, R. L., Bondarenko, D. M., Kradin, N. N., Korotayev, A. V., *The Early State, Its Alternatives and Analogues*. Volgograd, 2004.
- Al-Hadīthī 1978 – al- adīthī, N. A., *Ahl al-Yamān fī adr al-Islām*. Bayrūt, 1978.
- al-Hamdānī 1938 – Fāris, N. A., *The Antiquities of South Arabia*, Being a Translation from the Arabic with Linguistic, Geographic and Historic Notes of the Eighth Book of al-Hamdānī's *al-Iklīl*. Princeton, 1938 (Princeton Oriental Texts, 3).
- al-Hamdānī 1368h/AD 1948 – al-Hamdānī, al-H, asan, *Kitāb al-iklīl*. X. Tah, qīq Mu ibb al-Dīn al-Kha īb. al-Qāhirah, 1368/1948.
- al-Hamdānī 1963 – al-Hamdānī, al- asan, *Kitāb al-Iklīl*. I. Ta qīq Muhammad al-Akwa . al-Qāhirah, 1963.
- al-Hamdānī 1980 – al-Hamdānī, al- asan, *Kitāb al-Iklīl*. II. Ta qīq Mu ammad al-Akwa . Baghdād, 1980.
- al-Hamdānī 1990 – al-Hamdānī, al- asan, *Sifat Jazīrat al- Arab*. Ta qīq Mu ammad al-Akwa . San ā', 1990.
- al-Hamdānī, n.d. – al-Hamdānī, al- asan, *[Kitāb] al-Iklīl*. VIII. Ta qīq Nabīh Amīn Fāris. San ā' – Bayrūt.
- al- ammādī 1955 – al- ammādī, Mu ammad b. Mālik b. Abū-'l-Fadā'il, *Kashf asrār al-Bā inīyyah wa-akhbār al-Qarāmi ah*. Ta qīq Mu ammad al-Kawtharī. al-Qāhirah, 1955.
- Hartmann 1978 /1909/ – Hartmann, M., *Der Islamische Orient*. II. *Die Arabische Frage (mit einem Versuche der Archäologie Jemens)*. Amsterdam, 1978 /1<sup>st</sup> ed. – 1909/.
- Haviland 1975 – Haviland, W. A., *Cultural Anthropology*. New York, 1975.
- Hehmeyer 1989 – Hehmeyer, I., «Irrigation Farming in the Ancient Oasis of Mārib», *PSAS*. 19 (1989): 33–44.

- al-ibshī 1983 – al-ibshī, Abdallāh Mu'ammad, *Masādir al-fikr al-Arabī al-Islāmī fī 'l-Yaman*. San ā', 1983.
- al-imyārī 1916 – al-imyārī, Nashwān ibn Sa'īd, *Muntakhabāt fī akhbār al-Yaman min kitāb Shams al-ulūm*. Ed. Azīmuddīn A. mad. Leiden – London, 1916 (Gibb Memorial Series, XXIV).
- al-imyārī 1978 – al-imyārī, Nashwān ibn Sa'īd, *Muluk imyar wa-aqyāl al-Yaman*. Qasīdat Nashwān ibn Sa'īd al-imyārī, wa-shar u-hā 'l-musammā *Khulāsāt as-sīrah al-jāmi ah li-ajā'ib akhbār al-mulūk al-tabābi ah*. Ta qīq Isma'īl ibn A. mad al-Jirāfī [wa-] Alī ibn Isma'īl al-Mu'ayyad. Al-ab ah al-thāniyah. Bayrūt, 1978.
- Höfner 1954 – Höfner, M., «Ta'lab als Patron der Kleinviehhirten», *Serta Cantabrigiensia*. Aquis Mattiacis /Wiesbaden/, 1954: 29–36.
- Höfner 1959 – Höfner, M., «Die Beduinen in den vorislamischen arabischen Inschriften», *L'antica società beduina*. Roma, 1959: 53–68.
- Höfner 1970 – Höfner, M., «Die vorislamischen Religionen Arabiens», in: Gese, H., Höfner, M., and Rudolph, K., *Religionen Altsyriens, Altarabiens und der Mandäer*. Stuttgart, 1970 (Religionen der Menschheit, 10,2).
- Höfner 1973 – Höfner, M., *Inschriften aus Sirwā , Haulān (I. Teil)*. Wien, 1973 (SEG VIII. – SBAW. 291/1).
- Höfner 1976 – Höfner, M., *Inschriften aus Sirwā , Haulān (II. Teil)*. Wien, 1976 (SEG XII. – SBAW. 304/5).
- Höfner 1981 – Höfner, M., *Sabäische Inschriften (Letzte Folge)*. Wien, 1981 (SEG XIV. – SBAW. 378).
- Höfner 1987 – Höfner, M., «Neuinterpretation zweiter altsüdarabischer Inschriften», *Robin, Bāfaqih 1987*: 37–48.
- Höfner, Solá Solé 1961 – Höfner, M., and Solá Solé, J. M., *Inschriften aus dem Gebiet zwischen Mārib und dem Ğof*. Wien, 1961 (SEG, II; SBAW, 238/3).
- al-ubayshī 1979 – al-ubayshī, Abd al-Ra mān b. Mu'ammad b. Abd al-Ra mān al-Wusābī, *Ta'rīkh Wusāb: al-i tibār fī 'l-tawārīkh wa-'l-āthār*. Ta qīq Abdallāh al-ibshī. San ā', 1979.
- Hulick et al. 1976 – Hulick, R. L., et al., eds., *Yemen Arab Republic Official Standard Names Gazetteer*. Prepared by the Defense Mapping Agency Topographic Center. Washington, DC, 1976.
- Ibn al-usayn 1968 – Ibn al-usayn, Ya yā b. al-Mansūr al-Qāsīm, *Ghāyat al-amānī fī akhbār al-qu r al-yamānī*. Ta qīq Sa'īd Abd al-Fattā 'Āshūr. al-Qāhirah, 1968.
- Ibn al-Kalbī 1966 – Ibn al-Kalbī, Hishām b. Muhammad, *Jamharat al-nasab /Ĝamharat an-nasab / Ed. Werner Caskel. Vol. 1–2. Leiden, 1966.*
- Ibn al-Mujāwir 1951–1954 – Ibn al-Mujāwir, Jamāl al-Dīn b. Mu'ammad, *Ta'rīkh al-Mustabsir*. Ed. Oscar Löfgren. Vol. 1–2. Leiden, 1951–1954.
- Ibn Samura 1981 – Ibn Samura, Umar b. Alī al-Ja dī, *abaqāt fuqahā' al-Yaman*. Ta qīq Fu'ād Sayyid. Bayrūt, 1981.
- Inān 1396 H – Inān, Z., *a ārat al-Yaman al-qadīmah*. an ā', 1396 H.
- Inizan, 1988 – Inizan, M. L., «Premiers éléments de préhistoire dans la région de Shabwa (R.D.P.Y.)», *Raydān*. 5 (1988): 71–86.
- Irvine 1973 – Irvine, A. K., «The Arabs and the Ethiopians», Wiseman, D. J., ed., *Peoples of the Old Testament Times*. Oxford, 1973: 287–311.
- Iryānī 1973 – al-Iryānī, M. A., *Fī ta'rīkh al-Yaman. Shar wa-ta liq alà nuqūsh lam tunshar, 34 naqsh<sup>m</sup> min majmū at al-qā ī Alī Abdallāh al-Kahālī*. al-Qāhirah, 1973.
- Iryānī 1988 – al-Iryānī, M. A., «Al-Iryānī 69», *Raydān*. 5 (1988): 9–18.
- Iryānī 1990 – al-Iryānī, M. A., *Fī ta'rīkh al-Yaman. Nuqūsh musnadiyyah wa-ta liqāt*. San ā', 1990.
- Iryānī, Garbini 1970 – Iryānī, M. A., and Garbini, G., «A Sabaeen Rock-Engraved Inscription at Mosna », *AION*. 30 (1970): 405–408 and pl. I–III.
- Jamme 1947 – Jamme, A., «Le panthèon Sud-Arabe d'après les sources épigraphiques», *Le Muséon*. 60 (1947): 57–147.

- Jamme 1954 – Jamme, A., «Trois plaques épigraphiques sabéennes du Musée de San a'», *BO*. 11 (1954): 42–43.
- Jamme 1954 – Jamme, A., «Inscriptions du musée de an a' d'après les photographies de M. C. Ansaldi», *Le Muséon*. 67 (1954): 323–338.
- Jamme 1955 a – Jamme, A., «Inscriptions de al- Amäyid à Märeb», *Le Muséon*. 68 (1955): 313–324.
- Jamme 1955 b – Jamme, A., «Inscriptions des alentours de Märeb (Yémen)», *Cahiers de Byrsa*. 5 (1955): 265–281, pl. I–II.
- Jamme 1955 c – Jamme, A., «Inscriptions sud-arabes de la collection Ettore Rossi», *RSO*. 30 (1955): 103–130.
- Jamme 1956 – Jamme, A., «Les antiquités sud-arabes du Museo Nazionale Romano», *Monumenti Antichi*. 43 (1956): 1–120 and pl. I–XII.
- Jamme 1957 – Jamme, A., «Sabaeen Inscriptions on Two Bronze Statues from Märib (Yemen)», *JAOS*. 77 (1957): 32–36.
- Jamme 1962 – Jamme, A., *Sabaeen Inscriptions From Ma ram Bilqīs (Märib)*. Baltimore, 1962 (Publications of the American Foundation for the Study of Man, 3).
- Jamme 1966 – Jamme, A., *Sabaeen and asaeen Inscriptions from Saudi Arabia*. Roma, 1966 (Studi Semitici, 23).
- Jamme 1970 a – Jamme, A., «Li yanite, Sabaeen and Thamudic Inscriptions from Western Saudi Arabia», *RSO*. 45 (1970): 91–113, pl. I–X.
- Jamme 1970 b – Jamme, A., «The Pre-Islamic Inscriptions of Riyadh Museum», *OA*. 9 (1970): 115–139.
- Jamme 1971 – Jamme, A., *Miscellanées d'ancien arabe*. Vol. 2, Washington, 1971.
- Jamme 1972 – Jamme, A., *Miscellanées d'ancien arabe*. Vol. 3, Washington, 1972.
- Jamme 1976 – Jamme, A., *Carnegie Museum 1974/1975 Yemen Expedition*. Pittsburgh, 1976.
- Jamme 1979 – Jamme, A., [Rev.:] Corpus 1977, *Orientalia*. 48 (1979): 260–284.
- Jamme 1980 – Jamme, A., *Miscellanées d'ancien arabe*. Vol. 11, Washington, D.C., 1980.
- Jamme 1981 – Jamme, A., «Pre-Islamic Arabian Miscellanea», *Stiegner 1981*: 95–110.
- Jamme 1982 – Jamme, A., *Miscellanées d'ancien arabe*. Vol. 12, Washington, D.C., 1982.
- Jamme 1986 – Jamme, A., «Some Inscribed Antiquities of the Yemen Museum in S,an a'», *Abdallāh 1986a*: 61–84.
- Johnson 1973 – Johnson, G. A., *Local Exchange and Early State Development in Southwestern Iran*. Ann Arbor (Michigan): 1973 (The University of Michigan Anthropological Papers, No.51).
- Johnson, Earle 1987 – Johnson, A. W., and Earle, T., *The Evolution of Human Societies. From Foraging Group to Agrarian State*. Stanford, CA, 1987.
- Kay 1892 – Kay, H. C., *Yaman: Its Early Medieval History*. London, 1892.
- Keesing 1976 – Keesing, R. M., *Cultural Anthropology: A Contemporary Perspective*. New York, 1976.
- Kensdale 1953 – Kensdale, W. E., «H□ayw ttr Ya a and the Nā i Inscription», *Le Muséon*. 66 (1953): 371–372.
- Khalidi 2005 – Khalidi, L., «The Prehistoric and Early Historic Settlement Patterns on the Tihamah Coastal Plain (Yemen): Preliminary Findings of the Tihamah Coastal Survey 2003», *PSAS*. 35 (2005): 115–127.
- al-Khazraji 1906 – al-Khazraji, Alī b. asan, *Al- Uqūd al-lu'lu'iyyah fī ta'rīkh al-dawlah al-Rasūliyyah*. Ed. by Mu ammad Asal. London, 1906.
- Kinney, Dilonardo, 1988 – Kinney, D. M., and Dilonardo, A.L., eds. *The Wadi al-Jubah Archaeological Project. Vol. 4. Geological and Archaeological Reconnaissance in the Yemen Arab Republic, 1985*. Washington, D.C., 1988.
- Kitchen 1994 – Kitchen, K. A., *Documentation for Ancient Arabia. Part 1. Chronological Framework and Historical Sources*. Liverpool, 1994.
- Kitchen 1995 – Kitchen, K. A., «A Qatabanian Governor of Nashqum and Najran under the Himyarite King Shammar Yuhar ish: 290 AD», *PSAS*. 25 (1995).

- Korotayev 1993 a – Korotayev, A. V., «Middle Sabaean Cultural-Political Area: Material Sources of Qaylite Political Power», *Abr-Nahrain*. 31 (1993): 93–105.
- Korotayev 1993 b – Korotayev, A. V., «Middle Sabaean Cultural-Political Area: *Qayls*, their *Bayt* and *Sha b*», *Aula Orientalis*. 11 (1993): 155–160.
- Korotayev 1993 c – Korotayev, A. V., «Sabaean Cultural-Political Area: Some General Trends of Evolution», *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 23 (1993): 49–60.
- Korotayev 1994 a – Korotayev, A. V., «Legal System of the Middle Sabaean Cultural-Political Area», *Acta Orientalia*. 55 (1994): 42–54.
- Korotayev 1994 b – Korotayev, A. V., «Middle Sabaean Cultural-Political Area: Problem of Local Taxation and Temple Tithe», *Le Muséon*. 107 (1994): 15–22.
- Korotayev 1994 c – Korotayev, A. V., «Middle Sabaic *bn Z*: Clan Group, or Head of Clan?», *JSS*. 39 (1994): 207–220.
- Korotayev 1994 d – Korotayev, A. V., «Some Trends of Evolution of Sabaean Cultural-Political Area: From Clan Titles to Clan Names?», *New Arabian Studies*. 2 (1994): 153–164.
- Korotayev 1994 e – Korotayev, A. V., «Was the «Traditional Sabaean Dynasty» of the 1<sup>st</sup> Century A.D. Really Sabaean», *Archiv Orientální*. 62 (1994): 27–31.
- Korotayev 1994 f – Korotayev, A. V., «The Sabaean Community (*S B* ; '*S B*'<sup>n</sup>) in the Political Structure of the Middle Sabaean Cultural Area», *Orientalia*. 63 (1994): 68–83.
- Korotayev 1994 g – Korotayev, A. V., «The Political Role of the *Sha b* of the First Order», *Raydān*. 6 (1994): 47–52.
- Korotayev 1994 h – Korotayev, A. V., «Sabaean Cultural Area in the 1<sup>st</sup> – 4<sup>th</sup> Centuries AD: Political Organization and Social Stratification of the *Sha b* of the Third Order», *Studi Epigrafici e Linguistici*. 11 (1994): 129–134.
- Korotayev 1994 i – Korotayev, A. V., «Internal Structure of Middle Sabaean *Bayt*», *Arabian Archaeology and Epigraphy*. 5 (1994): 174–183.
- Korotayev 1994 j – Korotayev, A. V., «Apologia for 'The Sabaean Cultural-Political Area'», *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 57 (1994): 469–474.
- Korotayev 1994 k – Korotayev, A. V., «Some Features of Middle Sabaean Political Culture: Clan Alliances», *Aula Orientalis*. 12/1 (1994): 124–128.
- Korotayev 1994 l – Korotayev, A. V., «Sabaean Cultural-Political Area in the 2<sup>nd</sup> and 3<sup>rd</sup> Centuries AD: Problem of Taxation at the Kingdom Level and Temple Tithe», *Annali dell'Istituto Orientale di Napoli*. 54 (1994): 1–14.
- Korotayev 1994 m – Korotayev, A. V., «Was there any Level of Socio-Political Integration between *Bayt* and *Sha b* of Third Order?», *Raydan*. 6 (1994): 53–60.
- Korotayev 1995 a – Korotayev, A. V., *Ancient Yemen: Some General Trends of Evolution of the Sabaic Language and Sabaean Culture*. Oxford, 1995.
- Korotayev 1995 b – Korotayev, A. V., «Middle Sabaean Cultural-Political Area: *Qayls* and their Tribesmen, Clients and *Maqtawīs*», *Acta Orientalia*. 56 (1995): 39–54.
- Korotayev 1995 c – Korotayev, A. V., «Mountains and Democracy: An Introduction», Kradin, N.N., and Lynsha, V. A., eds., *Alternative Pathways to Early State. Proceedings of International Conference*. Vol. I. Vladivostok, 1995: 60–74.
- Korotayev 1995 d – Korotayev, A. V., «Material Sources of Middle Sabaean Royal Power», *East and West*. 45 (1995): 11–21.
- Korotayev 1995 e – Korotayev, A. V., «Were There Any Truly Matrilineal Lineages in the Arabian Peninsula?», *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 25 (1995): 83–98.
- Korotayev 1996 – Korotayev, A. V., *Pre-Islamic Yemen: Socio-Political Organization of the Sabaean Cultural Area in the 2<sup>nd</sup> and 3<sup>rd</sup> Centuries A.D.* Wiesbaden, 1996.
- Korotayev, forthcoming, a – Korotayev, A. V., «The Chiefdom: Precursor of the Tribe? (Some Trends of the Evolution of the Political Systems of the North-East Yemen in the 1<sup>st</sup> and 2<sup>nd</sup> Millennia A.D.)», Kradin, N.N., and Lynsha, V.A., eds., *Alternatives of Social Evolution*. Vladivostok – forthcoming.
- Korotayev, forthcoming, b – Korotayev, A. V., «Some General Trends and Factors of Evolution of the North-East Yemen Socio-Political Systems in the Last Three Millennia», *Raydān*. Vol. 7 – forthcoming.



- Kradin *et al.* 2000 – Kradin, N., Bondarenko, D., Korotayev, A., de Munck, V., Lynsha, V., eds. *Alternatives of Social Evolution*. Vladivostok, 2000.
- Kropp 1994 – Kropp, M., «The Realm of Evil: the Struggle of Ottomans and Zaidis in the 16<sup>th</sup>–17<sup>th</sup> Centuries as Reflected in Historiography», Knutsson, B., *et al.*, eds., *Yemen – Present and Past*. Lund, 1994 (Lund Middle Eastern and North African Studies, 1): 87–95.
- Lévi-Strauss 1987 – Lévi-Strauss, C., *Anthropology and Myth*. Oxford – New York, 1987.
- Lewis 2005 – Lewis, K., «The Himyarite Site of al-Adhla and its Implications for the Economy and Chronology of Early Historic Highland Yemen», *PSAS*. 35 (2005): 129–141.
- Loundine 1962 – Loundine, A. G., «Liste inédite des éponymes sabéens de la période des mukarrib des Saba'», *Le Muséon*. 75 (1962), 131–137.
- Loundine 1973 a – Loundine, A. G., «Deux inscriptions sabéennes de Mārib», *Le Muséon*. 86 (1973): 179–192.
- Loundine 1973 b – Loundine, A. G., «Le régime citadin de l'Arabie du Sud aux II<sup>e</sup> – III<sup>e</sup> siècles de notre ère», *PSAS*. 3 (1973): 26–28.
- Loundine 1981 – Loundine, A. G., «Les principes de la succession au trône dans l'Arabie du sud ancienne», *Raydān*. 4 (1981): 37–41.
- Loundine 1990 – Loundine, A. G., «Le banquet rituel dans l'état de Saba'», *PSAS*. 20 (1990): 95–100.
- Lowie 1927 – Lowie, R. H., *Origin of the State*. New York, 1927.
- Lundin 1965 – Lundin, A. G., *Eponymenliste von Saba' (aus dem Stamme Ḥalil)*. Wien, 1965 (SEG V – SBAW 248/1).
- Lundin 1969 – Lundin, A. G., «The List of Sabaeon Eponyms again», *JAOS*. 89 (1969): 533–541.
- Lundin 1977 – Lundin, A. G., «Le système d'éponymat de Qatabān», *PSAS*. 7 (1977): 101–111.
- Lundin 1979 – Lundin, A. G., «L'inscription qatabanite du Louvre AO 21.124», *Raydān*. 2 (1979): 107–119.
- Lundin 1988 – Lundin, A. G., «Sabaeon City an ā'in the 1<sup>st</sup> to 6<sup>th</sup> Centuries AD», Berzina, S. Ya., ed., *Ancient and Mediaeval Monuments of Civilization of Southern Arabia. Investigation and Conservation Problems*. Moscow, 1988: 39–48.
- al-Mad aj 1988 – al-Mad aj, M. M. M., *The Yemen in Early Islam 9–233/ 630–847: a Political History*. London, 1988.
- Madelung 1991 – Madelung, W., «The Origins of the Yemenite *Hijra*», Jones, A., ed., *Arabicus Felix: Luminosus Britannicus. Essays in Honour of A. F. L. Beeston on his Eightieth Birthday*. Reading, 1991: 25–44.
- de Maigret 1981 – de Maigret, A., «Two Prehistoric Cultures and a New Sabaeon Site in the Eastern Highlands of North Yemen», *Raydān*. 4 (1981): 191–204, pl. I–XIII.
- de Maigret, 1983 – de Maigret, A., «Activities of the Italian Archaeological Mission in the Yemen Arab Republic (1983 Campaign)», *EW*. 33 (1983): 340–344.
- de Maigret, 1984 – de Maigret, A., «A Bronze Age for Southern Arabia», *EW*. 34 (1984): 75–106.
- de Maigret 1988 – de Maigret, A., ed., *The Sabaeon Archaeological Complex in the Wādī Yalā (Eastern Ḥawlān at-Tiyāl, Yemen Arab Republic. A Preliminary Report*. Roma, 1988 (Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, Reports and Memoirs, 21).
- de Maigret 2002 – de Maigret, A., *Arabia Felix: An Exploration of the Archaeological History of Yemen*. London, 2002.
- de Maigret, 2003 – de Maigret, A., «La ceramica sabea. Specificità e sviluppi da uno studio delle forme», *Arabia*. 1 (2003): 89–96.
- de Maigret, 2004 – de Maigret, A., «New Stratigraphical Data for the Ancient Chronology of Tamna », Седов, А. В., ред., *Scripta Yemenica: Исследования по Южной Аравии*. М., 2004: 242–256.
- de Maigret, 2004 – de Maigret, A., «Recent Discoveries in the "Market Square" of Tamna », Седов, А. В., Смилянская, И. М., ред., *Arabia Vitalis: Арабский Восток, ислам, древняя Аравия*. М., 2005: 385–400.
- de Maigret, Robin 1989 – de Maigret, A., and Robin, C., «Les fouilles italiennes de Yalā (Yémen du Nord): Nouvelles données sur la chronologie de l'Arabie du Sud préislamique», *CRAIBL*. 1989: 255–291.

- de Maigret *et al.*, 1986 – de Maigret, A., *et al.* «Archaeological Activities in the Yemen Arab Republic, 1986», *EW*. 1986, vol. 36: 376–470.
- Maisels 1987 – Maisels, Ch. K., «Models of Social Evolution: Trajectories from the Neolithic to the State», *Man*. 22 (1987).
- Maisels 1990 – Maisels, Ch. K., *The Emergence of Civilization: From Hunting and Gathering to Agriculture, Cities, and the State in the Near East*. New York, NY, 1990.
- Malinowski 1937 – Malinowski, B., «Anthropology as the Basis of Social Sciences», Cattel, R. B., *et al.*, eds., *Human Affairs*. London, 1937: 199–252.
- Malinowski 1947 – Malinowski, B., *Freedom and Civilization*. London, 1947.
- Maraqten 2003 – Maraqtan, M., «Some Notes on Sabaic epistolography», *PSAS*. 33 (2003): 275–286.
- Marcolongo, Palmieri 1992 – Marcolongo, B., and Palmieri, A. M., «Paleoenvironment and Settlement Pattern of the Tihamah Coastal Plain (Republic of Yemen)», *Yemen*. 1 (1992): 117–123.
- Matsumoto 1994 – Matsumoto, H., «The History of *uzlah* and *mikhlaḥ* in North Yemen», *PSAS*. 24 (1994): 175–182.
- Moorman *et al.* 2001 – Moorman, B. J., Glanzman, W. D., Maillol, J.-M., Lyttle, A. L., «Imaging beneath the surface at Mahram Bilqis», *PSAS*. 31 (2001): 179–187.
- Mordtmann, Mittwoch, 1931 – Mordtmann, J. H., Mittwoch, E., *Sabäische Inschriften*. Hamburg, 1931 (Rathjens – v. Wissmannsche Südarabien-Reise. Bd. 1. Abhandlungen aus dem Gebiet der Auslandskunde. Bd. 36. Reihe B. Völkerkunde, Kulturgeschichte und Sprachen. Bd. 17).
- Moretti 1971 – Moretti, P., «Iscrizioni sabee a Mariya», *AION*. 31 (1971): 119–122, tav. I–II.
- Müller 1972 a – Müller, W. W., «Epigraphische Nachlese aus Hāz», *NESE*. 1 (1972): 75–85.
- Müller 1972 b – Müller, W. W., «Neuentdeckte sabäische Inschriften aus al-Huqqa», *NESE*. 1 (1972): 103–121, Taf. XIII–XV.
- Müller 1972 c – Müller, W. W., «Sabäische Inschriften aus dem Museum in Ta izz», *NESE*. 1 (1972): 87–101.
- Müller 1973 – Müller, W. W., «Ergebnisse der Deutschen Jemen-Expedition 1970», *Archiv für Orientforschung*. 24 (1973): 150–161.
- Müller 1974 a – Müller, W. W., «Eine sabäische Gesandtschaft in Ktesiphon und Seleukeia», *NESE*. 2 (1974): 155–165.
- Müller 1974 b – Müller, W. W., «Eine sabäische Inschrift aus dem Jahre 566 der himjarischen Ära», *NESE*. 2 (1974): 139–144, fig. 37, pl. XI.
- Müller 1974 c – Müller, W. W., «Sabäische Texte zur Polyandrie», *NESE*. 2 (1974): 125–138.
- Müller 1974 d – Müller, W. W., «CIH 140. Eine Neuinterpretation auf der Grundlage eines gesicherteren Textes», *AION*. 34 (1974): 413–420.
- Müller 1976a – Müller, W. W., «Anhang», Höfner 1976: 41–45.
- Müller 1976b – Müller, W. W., «Neuinterpretation altsüdarabischer Inschriften: RES 4698, CIH 45+44, Fa 74», *AION*. 36 (1976): 55–67, tav. I–IV.
- Müller 1978 a – Müller, W. W., «Sabäische Felsinschriften von der jemenitischen Grenze zur Rub al-Ḥalāḥ», *NESE*. 3 (1978): 113–136, Taf. V–VIII.
- Müller 1978 b – Müller, W. W., «Sabäische Felsinschrift von Masna at Māriya», *NESE*. 3 (1978): 137–148, Taf. IX.
- Müller 1981 – Müller, W. W., «Das Ende des antiken Königreichs adramaut. Die sabäische Inschrift Schreyer-Geukens = Iryāni 32», Stiegner 1981, 225–256.
- Müller 1982 a – Müller, W. W., «Die Inschriften vom Tempel des Waddum du-Masma im», *ABADY*. 1 (1982): 101–106.
- Müller 1982 b – Müller, W. W., «Sabäische Felsinschriften von Gabal Balaq al-Ausat», *ABADY*. 1 (1982): 67–72.
- Müller 1986 a – Müller, W. W., «Eine Gebührenordnung vom Mariber Stadttempel H,arūnum», *ABADY*. 3 (1986): 66–70.
- Müller 1986 b – Müller, W. W., «KRWM im Lichte einer neuentdeckten sabäischen Jagdinschrift aus der Oase von Mārib», *ABADY*. 3 (1986): 101–107.

- Müller 1986 c – Müller, W. W., «Die sabäische Gedenkstele des Herrn von Yakrub», *ABADY*. 3 (1986): 71–73.
- Müller 1986 d – Müller, W. W., «Ein sabäisches Urkundenfragment aus Huraibat Rah,äba», *ABADY*. 3 (1986): 97–100.
- Müller 1986 e – Müller, W. W., «Zu der vierzeiligen Bustrophedon-Inschrift am Wadi al-Ġufaina», *ABADY*. 3 (1986): 59–60.
- Müller 1987 a – Müller, W. W., «Eine altsabäische Landeigentumsurkunde vom Wadi Adana», *ABADY*. 4 (1987): 191–194.
- Müller 1987 b – Müller, W. W., «Weitere altsabäische Inschriften vom Tempel des Wadd<sup>um</sup> dū-Masma<sup>im</sup>», *ABADY*. 4 (1987): 185–189.
- Müller 1988 – Müller, W. W., «Altsüdarabische Rituale und Beschwörungen», Kaiser, O., ed., *Texte aus der Umwelt des Alten Testaments*. Band II. *Religiöse Texte*. Lieferung 3. *Rituale und Beschwörungen II*. Gütersloh, 1988, 438–452.
- Müller 1994 – Müller, W. W., Personal letter of 3 August 1994.
- Mundy 1979 – Mundy, M., «Women's Inheritance of Land in Highland Yemen», *Arabian Studies*. 5 (1979): 161–187.
- Murdock 1949 – Murdock, G. P., *Social Structure*. New York, 1949.
- Nāmī 1943 – Nāmī, Kh. Y., *Nashr nuqūsh sāmiyyah qadīmah min janūb bilād al-Arab wa-shar u-hā*. Al-Qāhirah, 1943.
- Nāmī 1947 – Nāmī, Kh. Y., «Nuqūsh arabiyyah janūbiyyah», *Majallat Kulliyat al-ādāb li-Jāmi at Fu'ād al-awwal*. 9/1 (1947): 15–27, pl. 1–4.
- Nāmī 1954 – Nāmī, Kh. Y., «Nuqūsh arabiyyah janūbiyyah II», *Majallat Kulliyat al-ādāb li-Jāmi at al-Qāhirah*. 16/2 (1954): 21–43, pl. 1–4.
- Nāmī 1958 – Nāmī, Kh. Y., «Nuqūsh arabiyyah janūbiyyah III», *Majallat Kulliyat al-ādāb li-Jāmi at al-Qāhirah*. 20/1 (1958): 55–63.
- Nāmī 1960 – Nāmī, Kh. Y., «Nuqūsh arabiyyah janūbiyyah IV», *awliyyat Kulliyat al-ādāb li-Jāmi at al-Qāhirah*. 22/2 (1960): 53–63, pl. 1–4.
- Nāmī 1961 – Nāmī, Kh. Y., «Nuqūsh arabiyyah janūbiyyah V», *awliyyat Kulliyat al-ādāb li-Jāmi at al-Qāhirah*. 23/1 (1961): 1–9, pl. 1.
- Nāmī 1962 – Nāmī, Kh. Y., «Nuqūsh arabiyyah janūbiyyah VI», *awliyyat Kulliyat al-ādāb li-Jāmi at al-Qāhirah*. 24/1 (1962): 1–8, pl. I–IV.
- Nebes 1992 – Nebes, N., «New Inscriptions from the Bar'ān Temple (al-Amā'id) in the Oasis of Mārib», Harrak, A., ed., *Contacts between Cultures. West Asia and North Africa*. Vol.1. Lewiston – Queenston – Lampeter, 1992: 160–164.
- Nielsen 1927 – Nielsen, D., ed., *Handbuch der Altarabischen Altertumskunde*. I. *Die Altarabische Kultur*. Kopenhagen, 1927.
- Nielsen 1994 – Nielsen, H. C., «Social Organization in the Sūq and the Old City of San ā'al-Qadīmah», Knutsson, B., et al., eds., *Yemen – Present and Past*. Lund, 1994 (Lund Middle Eastern and North African Studies, 1): 35–45.
- Oberg 1953 – Oberg, K., *Indian Tribes of Northern Mato Grosso Brazil*. Washington, 1953 (Smithsonian Institution Institute of Social Anthropology Publication No.15).
- Oberg 1955 – Oberg, K., «Types of Social Structure among the Lowland Tribes of South and Central America», *American Anthropologist*. 57 (1955): 472–487.
- Obermeyer 1982 – Obermeyer, G. J., «Le formation de l'imamat et de l'état au Yémen: Islam et culture politique», Bonenfant, P., ed., *La péninsule Arabique d'aujourd'hui*. T. II. *Etudes par pays*. Paris, 1982: 31–48.
- Oppenheim 1964 – Oppenheim, A. L., *Ancient Mesopotamia. Portrait of a Dead Civilization*. Chicago & London, 1964.
- Philby 1939 – Philby, H. St. J. B., *Sheba's Daughters*. London, 1939.
- Philby, Tritton 1944 – Philby, H. St. J. B., and Tritton, A. S., «Najrān Inscriptions», *JRAS*. 1944: 119–129, pl.14–15.
- Phillips 1998 – Phillips, C. S., «A Preliminary Description of the Pottery from al-Hamid and its Significance in Relation to other Pre-Islamic Sites on the Tihamah», *PSAS*. 28 (1998): 233–238.

- Phillips 2005 – Phillips, C. S., «A Preliminary Description of the Pottery from al-Hamid and its Significance in Relation to other Pre-Islamic Sites on the Tihamah», *PSAS*. 35 (2005): 177–193.
- Piotrovskiy 1988 – Piotrovskiy, M. B., «The Fate of Castle Ghumdān», Berzina, S. Ya., ed., *Ancient and Mediaeval Monuments of Civilization of Southern Arabia. Investigation and Conservation Problems*. Moscow, 1988: 28–38.
- Pirenne 1956 – Pirenne, J., *Paléographie des inscriptions Sud-Arabes. Contribution à l'histoire de l'Arabie du Sud antique. I. Des origines jusqu'à l'époque himyarite*. Bruxelles, 1956.
- Pirenne 1966 – Pirenne, J., «Contribution à l'Épigraphie Sud-Arabique», *Semitica*. 16 (1966): 73–99, pl. I–IV.
- Pirenne 1980 – Pirenne, J., «Prospection historique dans la région du royaume de Awsān», *Raydān*. 3 (1980): 213–255, pl. I–XIV.
- Pirenne 1981 – Pirenne, J., «Deux prospections historiques au Sud-Yémen (Novembre – Décembre 1981)», *Raydān*. 4 (1981): 204–240, pl. I–XIV.
- Pirenne 1987 – Pirenne, J., «Documents inédits de Baynūn», *Robin, Bāfaqih 1987*: 99–112.
- Pirenne 1990 – Pirenne, J., *Les témoins écrits de la région de Shabwa et l'Histoire*. Paris, 1990 (Fouilles de Shabwa. Vol.1 – Bibliothèque Archéologique et Historique, 134).
- Porter 2004 – Porter, A., «Amphora Trade between South Arabia and East Africa in the First Millennium BC: A Re-Examination of the Evidence», *PSAS*. 34 (2004): 261–275.
- Pridham 1984 – Pridham, B. R., ed., *Contemporary Yemen: Politics and Historical Background*. London, Sydney, 1984.
- Puin 1984 – Puin, G. R., «The Yemeni Hijrah Concept of Tribal Protection», Khalidi, T., ed., *Land Tenure and Social Transformation in the Middle East*. Bayrut, 1984: 483–494.
- Radcliffe-Brown 1950 – Radcliffe-Brown, A. R., «Introduction», *African Systems of Kinship and Marriage*. London, 1950.
- Rathjens, 1953; 1955 – Rathjens, C., *Sabäica, Bericht über archäologischen Ergebnisse seiner zweiten, dritten und vierten Reise nach Südarabien*. I. *Der Reisebericht*; II. *Die unlokalisierten Funde*. Hamburg, 1953, 1955 (Mitteilungen aus dem Museum für Völkerkunde in Hamburg. Bd. XXIV).
- Rathjens, Höfner 1966 – Rathjens, C., [and Höfner, M.,] *Sabäica, Bericht über archäologischen Ergebnisse seiner zweiten, dritten und vierten Reise nach Südarabien*. III. *Bearbeitung der von Carl Rathjens in Sabäican I und II in Abbildungen veröffentlichten altsüdarabischen Inschriften, sowie einiger sonstiger von ihm gesammelter Inschriftensteine* von Maria Höfner. Hamburg, 1966 (Mitteilungen aus dem Museum für Völkerkunde in Hamburg, XXVIII).
- Rathjens, Wissmann, 1932 – Rathjens, C., von Wissmann, H., *Vorislamische Altertümer*. Hamburg, 1932 (Rathjens – von Wissmannsche Südarabien-Reise. Bd. 2. Abhandlungen aus dem Gebiet der Auslandskunde. Bd. 38. Reihe B. Völkerkunde, Kulturgeschichte und Sprachen. Bd. 19).
- al-Rāzī 1974 – al-Rāzī, A mad b. Abdallāh b. Mu ammad, *Ta'rikh madīnat San ā'*. Ta qīq usayn b. Abdallāh al- Amrī. Dimashq, 1974.
- Renfrew 1974 – Renfrew, C., «Beyond a Subsistence Economy: the Evolution of Social Organization in Prehistoric Europe», *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. 20 (1974): 69–95.
- Rensch 1959 – Rensch, B., *Evolution above the Species Level*. London, 1959.
- Répertoire 1929, 1935, 1950, 1968 – *Répertoire d'Épigraphie Sémitique* publié par la Commission du Corpus Inscriptionum Semiticarum. TT. V, VI, VII, VIII. Paris, 1929, 1935, 1950, 1968.
- Rhodokanakis 1915 – Rhodokanakis, N., *Der Grundsatz der Öffentlichkeit in den südarabischen Urkunden*. Wien, 1915 (SBAW 177/2).
- Rhodokanakis 1919 – Rhodokanakis, N., *Katabanische Texte zur Bodenwirtschaft I*. Wien, 1919 (SBAW 194/2).
- Rhodokanakis 1922 – Rhodokanakis, N., *Katabanische Texte zur Bodenwirtschaft II*. Wien, 1922 (SBAW 198/2).
- Rhodokanakis 1927 – Rhodokanakis, N., «Das Öffentliche Leben in den alten südarabischen Staaten», *Nielsen 1927*: 109–142.

- Rhodokanakis 1930 – Rhodokanakis, N., «Dingliche Rechte im Alten Südarabien», *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. 37 (1930): 121–173.
- Robin 1976 a – Robin, C., «L'Arabie du Sud antique. Le royaume de Saba'», *Bible et Terre Sainte*. 177 (1976): 1–17.
- Robin 1976 b – Robin, C., «Résultats épigraphiques et archéologiques de deux brefs séjours en République Arabe du Yémen», *Semitica*. 26 (1976): 167–188.
- Robin 1977 – Robin, C., *Le pays de Hamdān et Ḥawlān Qudā a (Nord Yémen) avant l'Islam*. Thèse. Paris, 1977.
- Robin 1978 a – Robin, C., «Le problème de Hamdān: des *qayls* aux trois tribus», *PSAS*. 8 (1978): 46–52.
- Robin 1978 b – Robin, C., «Quelques graffites préislamiques de al-Ḥazā'in (Nord-Yémen)», *Semitica*. 28 (1978): 103–128, pl. III–VI.
- Robin 1979 a – Robin, C., *La cité et l'organisation sociale Ma in: L'exemple de Yūl (aujourd'hui Barāqīš)*. – The Second International Symposium on Studies in the History of Arabia. Pre-Islamic Arabia (Dept. of History and Dept. of Archaeology. Faculty of Arts, University of Riyādh). 1399 / 1979.
- Robin 1979 b – Robin, C., «Mission archéologique et épigraphique française au Yémen du Nord en automne 1978», *CRAIBL*. 1979: 174–202.
- Robin 1981 a – Robin, C., «Documents de l'Arabie antique II», *Raydān*. 4 (1981): 121–134.
- Robin 1981 b – Robin, C., «Les inscriptions d'al-Mi sāl et la chronologie de l'Arabie méridionale au IIIe siècle de l'ère chrétienne», *CRAIBL*. 1981: 315–339.
- Robin 1981 c – Robin, C., «Les montagnes dans la religion sudarabique», *Stiegner 1981 b*: 263–281.
- Robin 1982 a – Robin, C., *Les hautes terres du Nord-Yémen avant l'Islam*. Istanbul, 1982, 2 vols.
- Robin 1982 b – Robin, C., «Esquisse d'une histoire de l'organisation tribale en Arabie du Sud antique», Bonenfant, P., ed., *La péninsule Arabique d'aujourd'hui*. T. II. *Etudes par pays*. Paris, 1982: 17–30.
- Robin 1984 – Robin, C., «La civilisation de l'Arabie méridionale avant l'Islam», *Chelhod et al.* 1984: 195–223.
- Robin 1986 – Robin, C., «Du nouveau sur les Yaz'anides», *PSAS*. 16 (1986): 181–197.
- Robin 1987 a – Robin, C., «L'inscription Ir 40 de Bayt ab ān et la tribu *Ḍmry*», *Robin, Bāfaḡīh 1987*: 165–180.
- Robin 1987 b – Robin, C., «Trois inscriptions sabéennes découvertes près de Barāqīsh (République Arabe du Yémen)», *PSAS*. 17 (1987): 165–177.
- Robin 1988 – Robin, C., «Quelques observations sur la date de construction et la chronologie de la première digue de Ma'rib, d'après les inscriptions», *PSAS*. 18 (1988): 95–106.
- Robin 1989 a – Robin, C., «Aux Origines de l'État Himyarite: imyar et Dhū-Raydān», *Arabian Studies in Honour of Mahmoud Ghul*. Irbid – Wiesbaden, 1989: 104–112.
- Robin 1989 b – Robin, C., [Rev.:] ABADY 3 (1986): *Bulletin critique des annales islamologiques*. 1989 № 2: 222–224.
- Robin 1989 c – Robin, C., «Al-Mathāmina», *EI*. 6 (1989): 829–832.
- Robin 1991 a – Robin, C., «Amdān Bayyin Yuhaqbi, roi de Saba' et dū-Raydān», Robin, C., ed., *Études sud-arabes, recueil offert à J. Ryckmans*. Louvain, 1991 (Publications de l'institut orientaliste de Louvain, 39): 167–191.
- Robin 1991 b – Robin, C., ed., *L'Arabie antique de Karīb'il à Mahomet. Nouvelles données sur l'histoire des Arabes grâce aux inscriptions*. Aix-en-Provence, 1991 (Revue du Monde Musulman et de la Méditerranée, 61).
- Robin 1991 c – Robin, C., «Cites, royaumes et empires de l'Arabie avant l'Islam», *Robin 1991b*: 45–53.
- Robin 1991 d – Robin, C., «Les écritures de l'Arabie avant l'Islam», *Robin 1991b*: 127–137.
- Robin 1991 e – Robin, C., «Quelques épisodes marquants de l'histoire sudarabique», *Robin 1991b*: 55–70.
- Robin 1991 f – Robin, C., «La pénétration des Arabes nomades au Yémen», *Robin 1991b*: 71–88.
- Robin 1991 g – Robin, C., «Les langues de la Péninsule Arabique», *Robin 1991b*: 89–111.

- Robin 1991 h – Robin, C., «L'épigraphie de l'Arabie avant l'Islam: intérêt et limites», *Robin 1991b*: 13–24.
- Robin 1991 i – Robin, C., «Du paganisme au monothéisme», *Robin 1991b*: 139–155.
- Robin 1992 a – Robin, C., «Guerre et épidémie dans les royaumes d'Arabie du Sud, d'après une inscription datée (II<sup>e</sup> siècle de l'ère chrétienne)», *CRAIBL*. 1992: 215–234.
- Robin 1992 b – Robin, C., *Inventaire des inscriptions sudarabiques*. T.1. *Inabba', Haram, al-Kāfir, Kamna et al-Harāshif*. Paris – Rome, 1992.
- Robin 1994 – Robin, C., «A propos d'une nouvelle inscription du règne de Sha r<sup>um</sup> Awtar, un réexamen de l'éponymat sabéen a l'époque des rois de Saba' et dhū-Raydān», Nebes, N., ed., *Arabia Felix. Festschrift Walter W. Müller*. Mainz, 1994: 230–249.
- Robin 1996 a – Robin, C., «Le Royaume ujride, dit 'Royaume de Kinda', entre imyar et Byzance», *CRAIBL*. 1996: 665–714.
- Robin 1996 b – Robin, C., «Sheba dans les inscriptions d'Arabie du Sud». In: *Supplément au dictionnaire de la Bible*. Paris, 1996: 1047–1254.
- Robin, Bāfaqīh 1979 – Robin, C., and Bāfaqīh, M., «Inscriptions inédites de Yanbuq (Yémen démocratique)», *Raydān* 2 (1979): 15–76.
- Robin, Bāfaqīh 1980 – Robin, C., and Bāfaqīh, M., «Inscriptions inédites du Mahram Bilqīs (Mārib) au Musée de Bayhān», *Raydān*. 3 (1980): 83–112.
- Robin, Bāfaqīh 1981 – Robin, C., and Bāfaqīh, M., «Deux nouvelles inscriptions de Radmān datant du II<sup>e</sup> siècle de l'ère chrétienne», *Raydān*. 4 (1981): 67–90.
- Robin, Bāfaqīh 1987 – Robin, C., and Bāfaqīh, M. A., eds., *Sayhadica. Recherches sur les inscriptions de l'Arabie préislamique offertes par ses collègues au professeur A. F. L. Beeston*. Paris, 1987 (L'Arabie préislamique, 1).
- Robin, Breton 1982 – Robin, C., and Breton, J.-F., «La sanctuaire préislamique du Jabal al-Lawd (Nord-Yémen)», *CRAIBL* 1982: 590–629.
- Robin, Bron 1979 – Robin, C., and Bron, F., «Deux inscriptions sudarabiques du Haut-Yāfi (Sud-Yémen)», *Semitica*. 29 (1979): 137–145, pl. VIII.
- Robin, Gajda 1979 – Robin, C., and Gajda, I., «L'inscription du Wadi Abadān», *Raydān*. 6 (1994): 113–137, pl. 49–60.
- Robin, Ryckmans J. 1978 – Robin, C., and Ryckmans, J., «L'attribution d'un bassin à une divinité en Arabie du Sud antique», *Raydān*. 1 (1978): 39–64.
- Robin, Ryckmans J. 1980 – Robin, C., and Ryckmans, J., «Les inscriptions de al-Asāhil, ad-Durayb et Ḥirbat Sa ūd (Mission Archéologique Française en République Arabe du Yémen: prospection des antiquités préislamiques, 1980)», *Raydān*. 3 (1980): 113–181, pl. 1–30.
- Robin, Ryckmans J. 1981 – Robin, C., and Ryckmans, J., «Le sanctuaire Minéen de NKRH à Darb a - abī (environs de Barāqīš): Rapport préliminaire. Première partie», *Raydān*. 4 (1981): 249–261, pl. I–X.
- Robin, Ryckmans J. 1982 a – Robin, C., and Ryckmans, J., «Dédicace de bassins rupestres antiques à proximité de Bāb al-Falaḡ (Mārib)», *ABADY*. 1 (1982): 107–115.
- Robin, Ryckmans J. 1982 b – Robin, C., and Ryckmans, J., «Inscriptions sabéennes de Sirwāh remployées dans la maison de Abd Allāh az-Zā'idī», *ABADY*. 1 (1982): 117–122.
- Robin, Ryckmans J. 1988 – Robin, C., and Ryckmans, J., «Le sanctuaire Minéen de NKRH à Darb as-Sabī (environs de Barāqīš): Rapport préliminaire. Seconde partie», *Raydān*. 5 (1988): 91–159.
- Robin *et al.* 1999 – Robin, C. J., Beaucamp, J., and Briquel Chatonnet, F., «La persécution des Chrétiens de Najrān et la chronologie himyarite», *ARAM*. 11/1 (1999): 15–83.
- Rodinson 1969 – Rodinson, M., «Sur une nouvelle inscription du règne de Dhū Nowās», *BiOr*. 26 (1969): 26–34.
- Roux 1964 – Roux, G., *Ancient Iraq*. London, 1964.
- Ryckmans G. 1949 – Ryckmans, G., «Inscriptions sud-arabes, huitième série», *Le Muséon*. 62 (1949): 55–124.
- Ryckmans G. 1951 – Ryckmans, G., *Les religions arabes préislamiques*. 2-me ed., Louvaine, 1951 (Bibliothèque du Muséon, 26).

- Ryckmans G. 1953 – Ryckmans, G., «Inscriptions sud-arabes, dixième série», *Le Muséon*. 66 (1953): 267–317.
- Ryckmans G. 1954 – Ryckmans, G., «Inscriptions sud-arabes, onzième série», *Le Muséon*. 67 (1954): 99–119.
- Ryckmans G. 1955 – Ryckmans, G., «Inscriptions sud-arabes, Douzième série», *Le Muséon*. 68 (1955): 297–312, pl. I.
- Ryckmans G. 1956 a – Ryckmans, G., «Inscriptions sud-arabes, Trezième série», *Le Muséon*. 69 (1956): 139–163, pl. I.
- Ryckmans G. 1956 b – Ryckmans, G., «Inscriptions sud-arabes, Quatorzième série», *Le Muséon*. 69 (1956): 369–389.
- Ryckmans G. 1957 – Ryckmans, G., «Inscriptions sud-arabes, Quinzième série», *Le Muséon*. 70 (1957): 97–126, pl. I–V.
- Ryckmans G. 1959 – Ryckmans, G., «Inscriptions sud-arabes, dix-septième série», *Le Muséon*. 72 (1959): 159–176, pl. I–III.
- Ryckmans G. 1960 – Ryckmans, G., «Inscriptions sud-arabes. Dix-huitième série», *Le Muséon*. 73 (1960): 5–25, pl. I–III.
- Ryckmans J. 1951 – Ryckmans, J., *L'institution monarchique en Arabie Méridionale avant L'Islam (Ma'īn et Saba')*. Louvain, 1951 (Bibliothèque du Muséon, 28).
- Ryckmans J. 1953 – Ryckmans, J., «A propos du *m mr* sud-arabe», *Le Muséon*. 66 (1953): 343–369.
- Ryckmans J. 1954 – Ryckmans, J., [Rev.:] von Wissmann, Höfner 1952, *BiOr*. 11 (1954): 135–137.
- Ryckmans J. 1967 – Ryckmans, J., «Le texte Sharafaddīn, Yemen, p.44, bas, droite», *Le Muséon*. 80 (1967): 508–512, pl. I.
- Ryckmans J. 1973 a – Ryckmans, J., «Le repas rituel dans la religion sud-arabe», *Symbolae biblicae et mesopotamicae Francisco Mario Theodore de Liagre Böhl dedicatae*. Leiden: 1973, 327–334.
- Ryckmans J. 1973 b – Ryckmans, J., «Un rite d'*istisqā'* au temple sabéen de Mārib», *Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves*. 20 (1968–1972) = *Mélanges Jackue Pirenne*. Bruxelles, 1973, 379–388.
- Ryckmans J. 1973 c – Ryckmans, J., «Ritual Meals in the Ancient South Arabian Religion», *PSAS*. 3 (1973): 36–39.
- Ryckmans J. 1974 a – Ryckmans, J., « imyaritica (3)», *Le Muséon*. 87 (1974): 237–263.
- Ryckmans J. 1974 b – Ryckmans, J., « imyaritica (4)», *Le Muséon*. 87 (1974): 493–521.
- Ryckmans J. 1975 – Ryckmans, J., « imyaritica (5)», *Le Muséon*. 88 (1975): 199–219.
- Ryckmans J. 1980 a – Ryckmans, J., «L'inscription Iryani 18», *Raydān*. 3 (1980): 183–185.
- Ryckmans J. 1986 – Ryckmans, J., «Une écriture minuscule sud-arabe antique récemment découverte», Vanstiphout, H. L. J., et al., eds., *Scripta Signa Vocis: Studies about Scripts, Scriptures, Scribes and Languages*. Groningen, 1986, 185–199.
- Ryckmans J. 1993 a – Ryckmans, J., «Inscribed Old South Arabian Sticks and Palm-Leaf Stalks: An Introduction and a Palaeographical Approach», *PSAS*. 23 (1993): 127–140.
- Ryckmans J. 1993 b – Ryckmans, J., «Pétiotes de palmes et bâtonnets inscrits: un type nouveau de documents du Yémen antique», *Bulletin de la Classe des Lettres et des Sciences Morales et Politiques. Académie Royale de Belgique*. 4 (1993): 15–32.
- Ryckmans J. 1993 c – Ryckmans, J., «Les deux bâtonnets sud arabes déchiffrés par Mahmoud Ghul», Gingrich, A., et al., eds., *Studies in Oriental Culture and History. Festschrift for Walter Dostal*. Frankfurt/Main, 1993: 41–48.
- Ryckmans J. 1994 – Ryckmans, J., «Pétiotes de palmes et bâtonnets sud-arabes inscrits: notes de paléographie», Nebes, N., ed., *Arabia Felix. Beiträge zur Sprache und Kultur der vorislamischen Arabien. Festschrift Walter W. Müller*. Mainz, 1994: 250–259.
- Ryckmans J. et al. 1994 – Ryckmans, J., Müller, W. W., and Abdallāh, Yu., *Textes du Yémen Antique inscrits sur bois*. Louvain-la-Neuve, 1994 (Publications de l'Institut Orientaliste de Louvain, 43).

- Ryckmans J. 2001 – Ryckmans, J., «Origin and evolution of South Arabian minuscule writing on wood (1)», *Arabian Archaeology And Epigraphy*. 12 (2001): 223–235.
- Saggs 1984 – Saggs, H. W. F., *The Might that was Assyria*. London, 1984.
- Sahlins 1968 – Sahlins, M. D., *Tribesmen*. Englewood Cliffs, 1968.
- al-Said, Weninger 2004 – Al-Said, S. F., Weninger, S., «Eine unvollendete sabäische Urkunde», *Arabian Archaeology and Epigraphy* 15 (2004): 68–71.
- Sauer *et al.* 1988 – Sauer, J. A., Blakely, J. A., Toplyn, M. R., Glanzman, W. D., Ghaleb, A. O., Grolier, M. J., Overstreet, W. C., and Tiede, L. J., «Archaeology along the Spice Route of Yemen», Potts, D. T., ed., *Araby the Blest*. Copenhagen, 1988 (CNI Publications, 7): 91–115.
- Schaffer 1972 – Schaffer, B., *Sabäische Inschriften aus verschiedenen Fundorten (I. Teil)*. Wien, 1972 (SEG VII – SBAW, 282/1).
- Schaffer 1975 – Schaffer, B., *Sabäische Inschriften aus verschiedenen Fundorten (II. Teil)*. Wien, 1975 (SEG X – SBAW, 299/3).
- Schmidt 1988 a – Schmidt, J., «Ancient South Arabian Sacred Buildings», *Daum 1988*: 78–98.
- Schmidt 1988 b – Schmidt, J., «The Sabaeen Irrigation Economy of Mārib», *Daum 1988*: 55–62.
- Sedov, 1992 – Sedov, A. «New Archaeological and Epigraphical Material from Qana' (South Arabia)», *Arabian Archaeology and Epigraphy*. 3 (1992): 110–137.
- Sedov, 1996 – Sedov, A. «Monuments of the Wādī al- Ayn. Notes on an Archaeological Map of the a ramawt, 3», *Arabian Archaeology and Epigraphy*. 7 (1996): 253–278.
- Sedov, 1997 – Sedov, A. «Die archäologischen Denkmäler von Raybūn im Unteren Wādī Dau an», *Mare Erythraeum*. Vol. 1. München, 1997: 31–106.
- Sedov, 2000 – Sedov, A. «Temples of Raybun Oasis in Wadi Hadramawt, Yemen», *Adumatu*. 2 (2000): 15–26.
- Sedov, 2003 – Sedov, A. «Notes on Stratigraphy and Pottery Sequence at Raybūn I Settlement (Western Wādī a ramawt)», *Arabia*. 1 (2003): 173–196.
- al-Selwi 1987 – al-Selwi, I., *Jemenitische Wörter in den Werken von al-Hamdānī und Našwān und ihre Parallelen in den semitischen Sprachen*. Berlin, 1987 (Marburger Studien zur Afrika- und Asienkunde: Ser. B, Asien; Bd.10).
- Serjeant 1957 – Serjeant, R. B., *The Saiyids of adramawt*. London, 1957.
- Serjeant 1960 – Serjeant, R. B., [Rev.:] Bowen 1958b, *BSOAS*. 23 (1960): 582–585.
- Serjeant 1977 – Serjeant, R. B., «South Arabia», van Nieuwenhuijza, C., ed., *Commoners, Climbers and Notables*. Leiden, 1977: 226–247.
- Serjeant 1987 – Serjeant, R. B., «Famine Death without Loss of Honour in Ancient Arabia and Yemeni Arabia», *BSOAS*. 50 (1987): 37–38.
- Serjeant 1989 – Serjeant, R. B., «Introduction», *Wilson 1989*: IX–XII.
- Serjeant, Lewcock 1983 – Serjeant, R. B., and Lewcock, R., *San ā': An Arabian Islamic City*. London, 1983.
- Service 1971 [1962] – Service, E. R., *Primitive Social Organization. An Evolutionary Perspective*. 2<sup>nd</sup> ed., New York, 1971 [1<sup>st</sup> ed. – 1962].
- Shahid 1994 – Shahid, I., «On the Chronology of the South Arabian martyrdoms», *Arabian Archaeology and Epigraphy*. 5 (1994): 66–69.
- Sharafaddīn 1967 – Sharafaddīn, A. H., *Ta'rikh al-Yaman al-thaqāfiyy. Al-juz' al-thālith*. Al-Qāhirah, 1967.
- Smith 1990 – Smith, G. R., «Yemenite History – Problems and Misconceptions», *PSAS*. 20 (1990): 131–139.
- Solá Solé 1964 – Solá Solé, J. M., *Inschriften aus Riyām*. Wien, 1964 (SEG IV – SBAW, 243/4).
- Stein 2003 – Stein, P., «The Inscribed Wooden Sticks of the Bayerische Staatsbibliothek in Munich», *PSAS*. 33 (2003): 267–274.
- Stein 2004 – Stein, P., «A Sabaic Proverb. The Sabaic Minuscule Inscription Mon. Script. Sab. 129», *PSAS*. 34 (2004): 331–341.
- Stiegner 1981 a – Stiegner, R. G., «Altsüdarabische Fragmente: Wādī al-Sirr (N. Jemen). 1978», *Stiegner 1981b*: 325–346.
- Stiegner 1981 b – Stiegner, R. G., ed., *Al-Hudhud. Festschrift Maria Höfner zum 80. Geburtstag*. Graz, 1981.



- Stevenson 1985 – Stevenson, T. B., *Social Change in a Yemeni Highlands City*. Salt Lake City, 1985.
- Steward, Faron 1959 – Steward, J. H., and Faron, L. C., *Native Peoples of South America*. New York, 1959.
- Stookey 1978 – Stookey, R. W., *Yemen. The politics of the Yemen Arab Republic*. Boulder, Colorado, 1978.
- al-Tabarī 1879-1901 – al- abarī, Abū Ja far Mu ammad ibn Jarīr, *Ta' rīkh al-rusul wa-'l-mulūk*. Ed. M. J. de Goeje *et al.* Series I–III. Lugduni Batavorum, 1879–1901.
- Tapper 1983 – Tapper, R., ed., *The Conflict of Tribe and State in Iran and Afghanistan*. London, 1983.
- Tiede 1985 – Tiede, L. J., ed. *The Wadi al-Juḥah Archaeological Project*. Vol. 2. *Site Reconnaissance in North Yemen, 1983*. Washington, DC, 1985.
- Tiede 1987 – Tiede, L. J., ed. *The Wadi al-Jūbah Archaeological Project*. Vol. 3. *Site Reconnaissance in the Yemen Arab Republic, 1984: The Stratigraphic Probe at Hajar ar-Rayhani*. Washington, DC, 1987.
- Tomber 2004 – Tomber, R., «Rome and South Arabia: New Artefactual Evidence from the Red Sea», *PSAS*. 34 (2004): 351–360.
- Tschinkowitz 1969 – Tschinkowitz, H., *Kleine Fragmente (I. Teil)*. Wien, 1969 (SEG VI – SBAW, 261/4).
- Tschinkowitz-Nagler 1975 – Tschinkowitz-Nagler, H., *Kleine Fragmente (II. Teil)*. Wien, 1975 (SEG XI – SBAW, 301/3).
- Varisco 1983 a – Varisco, D., «Irrigation in an Arabian Valley: a System of Highland Terraces in the Yemen Arab Republic», *Expedition*. 25 (1983): 27–34.
- Varisco 1983 b – Varisco, D., «*Sayl* and *Ghayl*: The Ecology of Water Allocation in Yemen», *Human Ecology*. 4 (1983): 365–383.
- Vogt 2004 – Vogt, B., «Towards a New Dating of the Great Dam of Marib. Preliminary Results of the 2002 Fieldwork of the German Institute of Archaeology », *PSAS*. 34 (2004): 377–388.
- Wade 1979 – Wade, R., «Archaeological Observations around Mārib 1976», *PSAS*. 9 (1979): 114–123.
- Weir 1991 – Weir, Sh., «Trade and Tribal Structures in North West Yemen», *Cahiers du GREMAMO*. 10 (1991): 87–101.
- Weir 1994 – Weir, Sh., Letter of 31 January, 1994.
- Weir, forthcoming – Weir, Sh., (Forthcoming monograph on the tribes of Rāzih [Northern Yemen]). London: British Museum Press, 2006.
- Weninger 2001 – Weninger, S., «Two Sticks with Ancient South Arabian Inscriptions», *PSAS* 31 (2001): 241–248.
- Weninger 2002 – Weninger, S., «More Sabaic minuscule texts from Munich», *PSAS* 32 (2002): 217–223.
- Wenner 1967 – Wenner, M. W., *Modern Yemen: 1918–1966*. Baltimore, 1967.
- Wigoder 1989 – Wigoder, G., ed., *The Encyclopaedia of Judaism*. New York, 1989.
- Wilkinson 2003 – Wilkinson, T. J., «The Organization of Settlement in Highland Yemen during the Bronze and Iron Ages», *PSAS*. 33 (2003): 157–168.
- Wilkinson, Edens, Barrat 2001 – Wilkinson, T. J., Edens, C, Barrat, G., «Hammat al-Qa : An Early Town in Southern Arabia», *PSAS*. 31 (2001): 249–259.
- Wilson 1981 – Wilson, R., «Al-Hamdānī's Description of Hāshid and Bakīl», *PSAS*. 11 (1981): 95–104.
- Wilson 1986 – Wilson, R., «An Examination of Place-Names in Northern Yemen in the Sifat Jazīrat al- Arab», *Abdallāh 1986a*: 173–189.
- Wilson 1989 – Wilson, R., *Gazetteer of Historical North-West Yemen in the Islamic Period to 1650*. Hildesheim &c, 1989.
- von Wissmann 1962 – von Wissmann, H., «Al-Barīra in Girdan im Vergleich mit anderen Stadtfestungen Alt-Südarabiens», *Le Muséon*. 75 (1962): 177–209.
- von Wissmann 1964 a – von Wissmann, H., *Zur Geschichte und Landeskunde von Alt-Südarabien*. Wien, 1964 (SEG, III. SBAW, 246).

- von Wissmann 1964 b – von Wissmann, H., «Himyar: Ancient History», *Le Muséon*. 77 (1964): 429–497.
- von Wissmann 1968 – von Wissmann, H., *Zur Archäologie und Antiken Geographie von Südarabien*. Istanbul, 1968.
- von Wissmann 1976 – von Wissmann, H., «Die Geschichte des Sabäerreichs und der Feldzug des Aelius Gallus», Temporini, H., ed., *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung*. II. *Principat*. Neunter Band (1. Halbband). Berlin, 1976: 308–544.
- Wright 1978 – Wright, H. T., «Toward an Explanation of the Origin of the State», Cohen, R., and Service, E., eds., *Origins of the State: The Anthropology of Political Evolution*. Philadelphia, 1978: 49–68.
- al-Yamanī 1892 – al-Yamanī, Umārah b. Alī Najm al-Dīn, *Ta'riḫ al-Yaman al-musamma' al-Mufīd*. – see Kay 1892.
- Yoffee 1979 – Yoffee, N., «The Decline and Rise of Mesopotamian Civilization: An Ethnoarchaeological Perspective on the Evolution of Social Complexity», *American Antiquity*. 44 (1979): 5–35.

**Andrey Korotayev**

**SOCIAL HISTORY OF YEMEN**

**Chiefdoms and Tribes in the Land of Hashid and Bakil**

2<sup>nd</sup> edition, extended and amended

*Moscow: Editorial URSS, 2006*

*E x t e n s i v e s u m m a r y <sup>1</sup>*

Due to certain factors<sup>2</sup> the first South Arabian states arose in the area of the Internal Yemeni Lowland (al-Mashriq). At the beginning, in the early 1<sup>st</sup> millennium BC, the main area of the South Arabian civilization looked like a bow-like strip along the edge of the ayhad desert (with the main centers in the areas of Marib, Timna<sup>4</sup>, Shabwah and the wadis al-Jawf and Markhah – Beeston 1975a: 5; 1975b: 28; Bafaqih 1985: 20–21; Robin 1984: 198; 1991c: 52; 1991e: 63 &c.). Civilization penetrated into the Yemeni Highlands sometime later, and this process seems to have been often connected to the subjugation of the considerable territories of the Highlands by the Lowland states, first of all by the Sabaean and Qatabanian «commonwealths». It was also connected to the cultural influence of the Lowland communities, colonization &c.<sup>3</sup>

In the Middle Period (the 1<sup>st</sup>–4<sup>th</sup> centuries AD) we see the Highlands politically dominating in Yemen (Beeston 1975a: 5; 1975b: 29; Rhodokanakis 1927: 113; Robin 1982b: 17; 1984: 212; 1991c: 52; 1991e: 63, 67 &c.; Korotayev 1993; 1995a: 83–84). Some role in the process of the transition of the dominant position from the internal Lowlands to the Highlands was certainly played by the transfer of the main incense trade routes from land to sea. This must have caused a considerable decline in the economic importance of the edge of the ayhad desert (Ryckmans J. 1951: 331; Bowen 1958a: 35; Irvine 1973: 301; Robin 1982a, I: 98; 1982b: 17; 1984: 212; Crone 1987: 23–36; Audouin, Breton, Robin 1988: 74 &c). Quite a significant role may have also been played by the processes of the Arabian aridization (see for example Fedele 1988: 36; Robin 1991e: 63; 1991f: 88). But the most important factor seems to have been the silting of the irrigation

---

<sup>1</sup> My deepest gratitude goes to G. Rex Smith for his help with the preparation of the English version of a part of this text.

<sup>2</sup> I have tried to present their description and analysis in: Korotayev 1993c; 1995a: 79–81.

<sup>3</sup> The main role here seems to have belonged to the Sabaean center; however, the role of the Qatabanian center also seems to have been rather important (especially in the second half of the 1<sup>st</sup> millennium BC – see *e.g.* von Wissmann 1968). The Minaean-Madhabian center also appears to have exerted considerable cultural influence on certain areas of the Highlands (see *e.g.* C 609; von Wissmann 1964a: 319, 343–344, 355; Robin 1982a, I: 48–49; Bafaqih 1988 &c).

systems.<sup>4</sup> As a result, the situation in the Lowlands became similar to an ecological catastrophe (Serjeant 1960: 583; Piotrovskiy, Piotrovskaya 1984: 107; Robin 1984: 220–221; 1991f: 88; Sauer *et al.* 1988: 102).<sup>5</sup>

With respect to the Sabaeen cultural-political area the situation can be also described in the following words: several factors mentioned above caused a significant decline of the Sabaeen state and civilization by the end of the 1<sup>st</sup> millennium BC.<sup>6</sup> The weakening state organization seems to have become incapable of providing guarantees of life and property to individuals, and it was the clan organization that took on these functions to a considerable extent.<sup>7</sup>

Though the Sabaeen state, which seems to have found itself on the brink of the complete collapse at the end of the Ancient Period, in the late 1<sup>st</sup> millennium BC, considerably reconsolidated during the Middle Period (in the 2<sup>nd</sup> and 3<sup>rd</sup> centuries AD), it remained rather weak, especially in comparison with the Ancient Sabaeen state. Indeed, the inscriptions witness to the existence of quite a strong state organization in the center of the early Sabaeen Commonwealth. For example, this relatively developed state apparatus let the Sabaeen *mukarribs* erect dozens of various buildings (irrigation structures, temples, city walls &c) in many parts of the Commonwealth.<sup>8</sup> We know relatively much about the Ancient Sabaeen civil officials who could be appointed (*s<sup>2</sup>ym*) to organize certain constructions or to be in charge of a certain city &c.<sup>9</sup>

In a sharp contrast with the relatively scanty Ancient epigraphy the numerous Middle Sabaeen inscriptions of the 2<sup>nd</sup> and 3<sup>rd</sup> centuries AD give us almost no information of this kind.<sup>10</sup> In general, the Middle «Sabaeen» inscriptions do not witness to the existence of almost any specific features of the regular state in the

<sup>4</sup> It seems to be partly caused by the degradation of the natural plant cover of the Western slopes of the Yemeni Mountains due both to the anthropogenic factors and the probable climatic change (*e.g.* Robin 1991f: 88).

<sup>5</sup> In addition, it might be reasonable to mention as one of its likely causes «an increase in the saline content of the soils and clays due to centuries of intensive irrigation» comparable to the well-known Mesopotamian case (Sauer *et al.* 1988: 107).

<sup>6</sup> For example, direct evidence for the dramatic decline of the Sabaeen state at the end of the Ancient Period has been recently found by Robin in the materials of the German Archaeological Expedition in Marib (Robin 1989b: 222); see also *e.g.* Pirenne 1956: 174–178; von Wissmann 1968: 10 &c.

<sup>7</sup> It is almost a rule that in agrarian societies the weakening of the state organization causes the consolidation of the clan structures (for more detail see Коротаев, Оболонков [Korotayev, Obolonkov] 1989; 1990).

<sup>8</sup> C 366 a; b; 367 + Lu 16; 490; 622; 623; 627; 629; 631; 632 a; b; 634; 636; 957; Ga 46 [Ga MM]; Gl 1122 + 1116 + 1120; 1558 [= MAFRAY-al-Asahil 6]; 1560 [= MAFRAY-al-Asahil 5]; 1561; 1567 [= MAFRAY-ad-Durayb 3]; A 710; 775 [MAFRAY-Ḥirbat Sa'ud 4]; 776 [= MAFRAY Ḥirbat Sa'ud 2]; 777 [= MAFRAY-Ḥirbat Sa'ud 8]; MAFRAY-al-Asahil 2; 3; 7; -Ḥirbat Sa'ud 6; 10; Ph 133 [= MAFRAY-al-Asahil 1]; R 3943; 3945; 3946; 3948 [= Gl 1550 = MAFRAY-ad-Durayb 4]; 3949; 3950; 4399; 4401; 4429; 4494; 4844 [= MAFRAY-Ḥirbat Sa'ud 1]; 4850 [= MAFRAY-Ḥirbat Sa'ud 3]; 4904 [= Gl 1559 = MAFRAY-al-Asahil 4]; 4906; 5096 &c.

<sup>9</sup> C 375 [= Ja 550]; 439; 494; 496 [= MAFRAY-Ḥirbat Sa'ud 13]; 566; Ja 552; 555; 557; MAFRAY-al-Balaq-al-Janubi 1 [= Gl 1719 + 1717 + 1718]; R 4428; 4635; 4845 bis; Ry 584; Sh 20 &c; see also Ryckmans 1951, 62–64, 83, 85, 88–90, 92; Audouin, Breton, Robin 1988: 74–76 &c.

<sup>10</sup> This fact has been already noticed by J. Ryckmans (1951: 62–64, 175–176).

Middle Sabaean cultural-political area, neither a regular civil administration nor a regular system of taxation<sup>11</sup> nor an artificial administrative-territorial division. The silence of the sources does not seem to be fortuitous, as the Middle Sabaean political system did not really need these institutions. This system appears to have consisted of the weak state in its center and strong autonomous chiefdoms (*sha'bs* of the second order) on its periphery. The only really well attested obligation of these *sha'bs* was to provide military service (*s<sup>2</sup>w'*) to their kings. However, this apparently very loose system turned out to work very effectively.

In any case, there are serious grounds to suppose that by the end of the Ancient Period the Sabaean state had significantly weakened and notwithstanding its partial reconsolidation during the Middle Period it had never regained the strength it had in the Earliest Subperiod (in the 1<sup>st</sup> half of the 1<sup>st</sup> millennium BC). As a result we can see by the Middle Period the consolidation of the clan organization (see in addition to Chapter VIII of the present monograph *e.g.* Korotayev 1995a) which acted as a partial substitute for the weak state and remained really strong during the whole of the Middle Period (Korotayev 1993a; b; c; 1994a; c; d; 1995a; b; 1996 and Part 1 of the present monograph).

As has been mentioned above, the Middle Sabaean political system may be characterized as consisting of a weak state in its center and strong chiefdoms on its periphery. However, there is no doubt that this was a real *system*, i.e. it had properties which could not be reduced to the characteristics of its elements.<sup>12</sup> It should be also taken into consideration that the state and chiefdoms were not the *only* elements of this political system. It included as well, for example, a sub-system of temple centers<sup>13</sup> and the civil community of Marib,<sup>14</sup> as well as some true tribes (not chiefdoms) in the area of the Sabaean Lowlands (primarily the tribes of the Amirite confederation – see *e.g.* von Wissmann 1964a; Robin 1991f;

<sup>11</sup> Though, if Kitchen's interpretation of line 16 of Shib'anu 1 (Kitchen 1995) is correct, this inscription may be considered as evidence for existence of some kind of regular taxation in some parts of the Sabaean cultural area after its final subjugation by the Himyarite kings in the late 3<sup>rd</sup> century AD. It does not appear completely unlikely taking into consideration the much higher degree of the political centralization of the Himyarite kingdom (see below) and the fact that the Himyarite kings tried to establish some kind of a similar centralized regular state administration in the Sabaean cultural-political area.

<sup>12</sup> It does not seem productive either to consider the Middle Sabaean cultural-political area as an agglomerate of political units, like an alliance of states, or tribes: the level of the political integration of this entity was rather high, quite comparable to that of an average early state. Hence, this entity must be considered as belonging to the same level of political integration as *e.g.* early state rather than an alliance of early states.

<sup>13</sup> There is no doubt that the Middle «Sabaean» temples had important political functions; however, the level of their autonomy appears to have been normally very high, and by no means could they be described as integral parts of the administrative sub-systems of the Middle «Sabaean» state and chiefdoms (see Chapter V of the present monograph, or *e.g.* Korotayev 1995d).

<sup>14</sup> It does not appear reasonable to characterize this civil community either as a «chiefdom», or as a true «tribe». There are also some grounds to suppose the existence of autonomous civil communities in Nashq and Nashshan. The *sha'b* of *irwah* also seems to have had some evident features of the civil community (see especially Ja 2856).

1992b &c). With the transition from the Ancient to the Middle Period the Sabaeen political system was essentially transformed, becoming as a whole very different from the «state», but remaining, however, on basically the same level of political complexity. Without losing any political complexity and sophistication, the Middle «Sabaeans» managed to solve in quite different ways the problems which in complex societies are normally solved by states, such as the mobilization of resources for the functioning of the governing sub-system, territorial organization of a vast space and the provision of guarantees of life and property.

The Middle «Sabaeen» experience seems to demonstrate that an integrated territorial entity (even when it is considerably large, complex and highly developed in comparison with *e.g.* an average chiefdom) need not necessarily be organized politically as a state. This appears to show that for the «early state» (in Claessen's sense of this term [see Claessen, Skalnik 1978]) the transition to the «mature state» or complete «degeneration» into «tribes» and «chiefdoms» were not the only possible ways of evolution. One of the possible alternatives was its transformation into a «political system of the Middle Sabaeen type». The real processes of political evolution seem to have been actually much less «unilinear» than is sometimes supposed.<sup>15</sup>

This impression appears to be emphasized by the fact that a significant transformation seems to have occurred in the area in the Early Islamic Period (see *e.g.* Robin 1982a; 1982b; Пиотровский [Piotrovskiy] 1985; Dresch 1989: 191),<sup>16</sup> and by the late Middle Ages the political system of the former «Sabaeen» region seems to have consisted mainly of a bit stronger state in its center and true tribes (not chiefdoms) on its periphery.<sup>17</sup> Within this system the tribes and state constituted one well integrated whole (Stookey 1978: 79–95, 171–173; Obermeyer 1982; Пиотровский [Piotrovskiy] 1985: 70, 97–100; Герасимов [Gerashimov] 1987: 45–55; Dresch 1984b; 1989; Abu Ghanim 1985: 98–138; 1990; vom Bruck 1993 &c). There does not seem to be any adequate term to denote systems of this kind.

It might be reasonable to apply here some term like a «multiplicity», defining it as a highly integrated system consisting of heterogeneous polities (*e.g.* of state and

<sup>15</sup> See also, *e.g.*, Kradin *et al.* 2000; Bondarenko and Korotayev 2000; Grinin *et al.* 2004.

<sup>16</sup> Thus, according to Dresch in al-Hamdani's time (the 10<sup>th</sup> century AD) «Upper Yemen may well have been in a state of transition from a quasi-feudal system to the tribal one» (Dresch 1989: 191); similar conclusions have been produced by Gochenour (1984a: 36ff.).

<sup>17</sup> In the meantime in the Southern Highlands (in the former Himyarite area) there persisted more regular state structures (see *e.g.* Burrowes 1987: 9; Dresch 1989: 8–15, 192; Obermeyer 1982: 31–32; Stookey 1978: 50, 124; Weir 1991: 87–88; Wenner 1967: 38 &c). I would emphasize that the state organization in the Southern Highlands was already significantly stronger and more regular than in the North in the 2<sup>nd</sup> and 3<sup>rd</sup> centuries AD (see *e.g.* C 448 + Ga 16 [Hakir 1]; R 4230; Bafaqih, Robin 1980: 15; Robin 1981b: 338; Bafaqih 1994; Korotayev 1995a), whereas in that period in the North we find a much stronger clan organization (Chapter VIII of the present monograph; see also *e.g.* Korotayev 1993c: 51–53, 56; 1995 a: Chapters I, III).

chiefdoms, or state and tribes).<sup>18</sup> The following reservation seems to be necessary here: the medieval political system of North-East Yemen (as well as the Middle Sabaeen political system [the 2<sup>nd</sup> and 3<sup>rd</sup> centuries AD]) included in addition to state and tribes (of course, not chiefdoms as it was in the Middle Sabaeen case) some other important elements. It seems sufficient to mention here the «religious aristocracy» (*sayyid/sadah*), tracing their descent to Muhammad, and performing in the tribal areas *e.g.* important mediating political roles, as usual without occupying there any formal political functions and remaining mainly outside the tribal (and in many cases state) hierarchy (Serjeant 1977; Chelhod 1970a: 80–81; 1975: 70–71; 1979: 58f.; Gerholm 1977: 123; Stookey 1978: 95; Obermeyer 1982: 36–37; Dresch 1984b: 159f.; 1989: 140–145; Abu Ghanim 1985: 212–227; 1990). Within the medieval North-East Yemen political system the *sayyids* appear to have taken some functions of the pre-Islamic (or, to be more correct, pre-monotheistic) system of temple centers, on the one hand, and ones of the *qayls*, on the other (though, unlike the *qayls*, the political leaders of the pre-Islamic *sha'b*, the *sayyids* in most cases did not act as formal political leaders of the North Yemen *qabilah*). «The true source of political power lies with the tribal leaders who will accept no control from their peers. The solution to this impasse was worked out even prior to Islam by the evolution of the organization centered upon the sacred enclave, managed by an hereditary religious aristocracy respected and protected by the tribes» (Serjeant 1977: 244).

There does not seem to be any grounds to consider this transformation as «degeneration», «regress» or «decline», as there was no significant loss of the general system complexity and elaboration, one complex political system was transformed into another one, structurally different, but not less complex, highly organized and sophisticated.

It appears possible to present some argument in support of the interpretation of *e.g.* the transformation of the pre-Islamic «Sabaeen»<sup>19</sup>  $s^2 \cdot b^n HS^2 D^n$  into the

<sup>18</sup> There does not seem to be any ground to consider the multiplicity as a local South Arabian phenomenon. Extra-South-Arabian examples of multipolities of the North Yemeni Zaydi type («state + tribes») could be easily found *e.g.* in the Middle East of the last two centuries (see *e.g.* Evans-Pritchard 1949; Eickelman 1981: 85–104; Tapper 1983; Al-Rasheed 1994 &c); the extra-Yemen examples of the multipolities of the Middle Sabaeen type («state + chiefdoms [+ 'independent' communities]») could be easily found again in the Middle East (where a considerable number of the so-called tribes are rather chiefdoms in Service's terminology [Service 1971 /1962/: 144; Johnson, Earle 1987: 238–243 &c]). Outside the Middle East this type of the multiplicity can be found *e.g.* in Western Africa (the Benin Kingdom in some periods of its history – Bondarenko 1994; Бондаренко [Bondarenko] 1995, and perhaps some other West African «kingdoms» [Service 1971 /1962/: 144]). Of course, two above-mentioned types of multipolities do not exhaust all their possible types. *E.g.* none of them seems to be appropriate with respect to the «State of the Saints» of the Central Atlas, whose periphery consisted of tribes, but whose center can be characterized neither as a state, nor as a chiefdom, nor as a tribe (Gellner 1969).

<sup>19</sup> It is necessary to mention that the Sabaeans ( $S^1 B^1$ ) were only one of the *sha'bs* belonging to the Sabaeen cultural-political area. The members of all the other *sha'bs* (like Hashid, Bakil, Ghayman, irwah &c) of this area are **never** denoted as «Sabaeans» ( $S^1 B^n$ ) in the original texts. So to distinguish the «Sabaeans», the inhabitants of the area most of whom were not Sabaeans and who would have been never denoted as such in the inscriptions, and the Sabaeans proper (the members of the *sha'b* Saba' who would be denoted as Sabaeans,  $S^1 B^1$ ,  $S^1 B^n$  in the inscriptions) it might be reasonable to designate the former as «Sabaeans» (in quotation marks) and the latter as Sabaeans

Medieval (and Modern) *qabilat Hashid* as a transformation of a chiefdom into a tribe (or tribal confederation). Of course the notions of *tribe* and *chiefdom* are considerably polysemantic. This is especially true with respect to the notion of tribe, which is used by some scholars to denote certain entities well covered by the definition of chiefdom. This is true *e.g.* with respect to Malinowski's notion of *tribe-state* (Malinowski 1947: 259–261; see also *e.g.* Sahlins 1968: 20–21; Попов [Popov] 1982: 75; on the misleading interchangeable use of the notions *tribe* and *chiefdom* see Fried 1975: 60–65, 88–98). Within such an approach, of course, the Middle «Sabaean» *sha'b* of the second order may well be denoted as a *tribe*.

As it was introduced into the scientific circulation by Service (in 1962, in the first edition of the *Primitive Social Organization* [Service 1962]), the notion of *chiefdom* was quite clearly delimited from the *tribe*. However, later this term also began to acquire more and more polysemy approaching closer and closer to the notion of tribe (as it was defined by Service) in the work by some scholars (see *e.g.* Sahlins 1968: 20–21; Renfrew 1974 &c).

However, the «terminological famine» in the modern palaeosociology is to my mind so strong that to use the notions of *tribe* and *chiefdom* synonymously would be an impermissible luxury. Yet, if we decide to use these notions to denote two different forms of political organization, a certain priority should be given to the criteria of their difference proposed by the scholar who introduced the notion of *chiefdom* into the wide scientific circulation. I mean, of course, Elman R. Service (Service 1971 [1962]: 133–169).

However, one have to admit that, unfortunately, Service does not give any really rigorous definitions of both the tribe and the chiefdom. Yet he proposes some clear criteria using which one can differentiate between these two forms of political organization.

Thus, how does Service define the main differences between the political organization of the tribe and the chiefdom? The political organization of the tribe is described in the following way:

«Leadership is personal ... and for special purposes only in tribal society; there are no political offices containing real power, and a 'chief' is merely a man of influence, a sort of adviser. The means of tribal consolidation for collective action are therefore not governmental... Tribe... is composed of economically self-sufficient residential groups which because of the absence of higher authority take unto themselves the private right

---

(without quotation marks). Hence, for example «the Sabaean clans» would mean «clans affiliated to *sha'b Saba'*«, like HZFR<sup>m</sup>, GDN<sup>m</sup>, 'TKL<sup>n</sup>, MQR<sup>m</sup> &c; whereas «the 'Sabaean' clans» will denote all the clans of this area including non-Sabaean clans of Humlan, Hashid, irwah, Ghayman &c. «The Sabaean Lowlands» (with respect to the Middle Period) would mean the part of the interior Yemeni Lowlands mainly populated by the Sabaeans, the areas of Marib, Nashq and Nashshan, whereas «the 'Sabaean' Highlands» denote the region of the Yemeni Highlands mainly populated by non-Sabaeans, but constituting an integral part of the Sabaean cultural-political area. Yet as such a convention does not exist at present I have to continue the current tradition of denoting all the inhabitants of the Sabaean cultural-political area as Sabaeans.



to protect themselves. Wrongs to individuals are punished by the corporate group, the 'legal person'. Disputes in tribal society tend to generate feuds between groups»<sup>20</sup> (Service 1971 [1962]: 103).

Nevertheless it appears necessary (in order to avoid an undesirable synonymy) to add to what was described by Service such a criterion as the «supracommunity» of the tribal organization – the above-mentioned type of political organization can only be reasonably designated as *tribal* proper if it covers more than a single community, otherwise we shall simply deal with just one of the possible types of the communal organization. Here I agree completely with the following statement of Fried:

«...An essential element of the concept of tribe [is] transcendence of the individual community and, *pari passu*, that tribalism [consists] in functions aggregating otherwise discrete villages into an interacting whole» (Fried 1975: 39).

The actual usage of the notion of *tribe* by Service does not contradict this (Service 1971 [1962]: 99–132), though he has not described this criterion in a quite clear way.

The socio-political organization of the *chiefdom* is characterized by Service as follows:

«The great change at the chiefdom level is that specialization and redistribution are no longer merely adjunctive to a few particular endeavours, but continuously characterize a large part of the activity of the society. Chiefdoms are REDISTRIBUTIONAL SOCIETIES with a permanent central agency of coordination» (Service 1971 [1962]: 134). «When chieftainship becomes a permanent OFFICE in the structure of society social inequality becomes characteristic of the society, followed finally by inequality in consumption... The creation of the hereditary office of chief, with its high status for the person who occupies it, naturally carries the possibility of other statuses of high degree... A chief's high status raises the status of every member of his family above ordinary families, and ultimately that of the families in his local kin group to some extent... A chief necessarily has a 'nobility', even though they are only his own family... A further important feature lies in the chief's ability to plan, organize, and

<sup>20</sup> It seems necessary to stress that, speaking logically, what should be treated as an essential characteristic of the tribal *organization* is not the conflicts between the residential groups (which is completely normal as well for the primitive societies lacking any specifically tribal organization (they are considered by Service to belong to «the band level of sociocultural integration» [*Ibid.*: 46–98]), but the fact that the tribal organization puts certain limits to such conflicts, makes the feuding parties conflict according to certain rules, provides to the parties highly developed mechanisms of mediation &c, quite often effectively blocking the most disintegrating consequences of such conflicts, but without the alienation of the resident group «sovereignty» (actually Service speaks about this on the pages which follow this quotation, though, to my mind, without the necessary clarity). It seems also essential to stress that the situation described by Service may not be necessarily connected only with the complete absence of any supra-tribal political structures («higher authority»), but also with their weakness (as is attested with respect to the most tribes of the Middle East); whereas their weakness in many «tribal areas» could be often partly caused by the effectiveness of the tribal organization which makes it frequently possible for the quite developed population to live without any strong state structures.

deploy public labour» (*Ibidem*: 139–140). «A chiefdom is in a sense pyramidal or cone-shaped in structure...» (*Ibidem*: 142).<sup>21</sup>

Finally, Service describes directly some important differences between the chiefdom and the tribe:

«...A chiefdom differs radically from a tribe or band not only in economic and political organization but in the matter of social rank – ... tribes are egalitarian, chiefdoms are profoundly inegalitarian» (*Ibidem*). «The most distinctive characteristic of chiefdoms as compared to tribes ... is ... the pervasive inequality of persons and groups in the society. It begins with the status of chief as he functions in the system of redistribution. Persons are then ranked above others according to their genealogical nearness to him. Concepts involving prescriptions, proscriptions, sumptuary laws, marriage rules and customs, genealogical conceptions, and etiquette in general combine to create and perpetuate this sociopolitical ordering, and in turn have an effect on social structure and status terminology and etiquette behaviour. A charismatic ephemeral leader of the type found in tribes ... has the functions and attributes that result from his own capabilities.<sup>22</sup> An 'office', on the other hand, is a position in a sociopolitical structure that has ascribed functions and conventional attributes no matter who occupies it» &c (*Ibidem*: 145–146).

It is quite evident that the Middle Sabaean *sha'ab* of the second order comes rather well under the definition of the chiefdom by Service<sup>23</sup> (though, naturally, not without certain reservations), whereas the Islamic Yemeni *qabilah* corresponds as well to Service's description of the «ideal» tribal organization (though, again, not without some reservations).

Robin has already pointed out to the qualitative difference between the position of the *shaykhs* of the modern Yemeni tribes and the one of the *qayls* of the Middle Sabaean *sha'abs* (Robin 1982a, I: 83–85). Indeed, the North Yemeni *shaykh* is *primus inter pares* (Obermeyer 1982: 36; Dresch 1984a; 1984b: 156–

<sup>21</sup> The socio-political organization of the chiefdom is described in a very similar way by most of the other political anthropologists: Friedman, Rowlands 1977; Васильев [Vasilyev] 1980; Earle 1987; Carneiro 1981; 1991 &c.

<sup>22</sup> It is quite difficult not to notice that the description of the «ideal» tribal leader by Service resembles rather closely the modern description of the position of the *shaykhs* among the Yemeni *qaba'il*: «A *shaykh* cannot ... make undertakings on his men's behalf simply on the basis of his formal position; each undertaking which affects them must be specifically agreed to...» (Dresch 1984a: 39). «The power which a *shaykh* may have over groups of tribesmen is not conferred on him by his position. He must constantly intervene in their affairs, and intervene successfully» [in order to preserve his power] (*Ibid.*, 41; see also Chelhod 1970a; 1979; 1985: 39–54; Dostal 1974; 1990: 47–58, 175–223; Obermeyer 1982; Dresch 1984b; 1989; Abu Ghanim 1985; 1990: 229–251; vom Bruck 1993: 94–95 &c).

<sup>23</sup> The Middle Sabaean *sha'ab* of the second order seems to correspond similarly well to the definitions of the chiefdoms by the other scholars, e.g. «an autonomous political unit comprising a number of villages or communities under the permanent control of a paramount chief» (Carneiro 1981: 45); «an intermediate form of political structure that already has a centralized administration and a hereditary hierarchy of rulers and nobility, where social and property inequality is present, but that still lacks a formal and all the more legalized apparatus of coercion» (Васильев [Vasilyev] 1980: 182). See also Earle's definition of the chiefdom presented below.

157; 1989: 38–116; Abu Ghanim 1985: 115–133, 209–212, 259–266; vom Bruck 1993: 94–95 &c), whereas the Middle Sabaean *qayls* were separated from the ordinary members of the *sha'bs* by an enormous social distance. E.g. the relations between the *qayls* and their *sha'b* are normally expressed in the *'dm – 'mr'*, «the subjects – the lords», categories; these very categories were also applied to the relations between clients and patrons, subjects and the King, people and deities (in R 3910 the singular absolute form for *'dm* [*'bd<sup>m</sup>*] is even used to denote the slaves sold in the Marib market – for detail see e.g. Korotayev 1995b). In most Middle Sabaean inscriptions authored by the ordinary members of the Middle Sabaean *sha'bs* they beg the deities to grant them the benevolence (*h y w-r w*) of their lords, the *qayls* (and sometimes even ask them to protect the dedicants against their lords' wrath [*ǧlyt* – e.g. C 352, 16]). Of course, such a style of relations between leaders and commoners appears to be almost inconceivable for the modern (and medieval) North Yemeni tribes.

It seems rather remarkable that the term *sayyid*, «lord», which even in the Early Islamic period was used to denote heads of the tribes (Пиотровский [Piotrovskiy] 1985: 77; Dresch 1989: 169, 191–192), later was completely forced out in the North Yemen by a much more neutral *shaykh*, «old man», whereas the use of the term *sayyid* was restricted to denote only the members of the «religious aristocracy» placed in the tribal zone of the North Yemeni multiplicity mainly outside the tribal organization, under the tribal protection, but not above the tribes.

I would like to stress that there does not seem to be any grounds to consider the transformation North-East Yemeni chiefdoms into tribes as «degeneration», «regress» or «decline», as there was no significant loss of the general system complexity and elaboration, one complex political system was transformed into another one, structurally different, but not less complex, highly organized and sophisticated.

It seems necessary, however to mention also at least the most important of the reservations concerning the identification of the Yemeni *qabilah* and the *tribe* as defined by Service.

The political organization of the Yemeni *qaba'il* is relatively<sup>24</sup> egalitarian. However, the North-East Yemen tribal system as a whole in no way can be considered as egalitarian. The point is that in addition to the members of the tribes (constituting in the tribal areas the majority of the population and the main mass of the plough agriculturalists) the tribal communities include numerous «quasi-casts»<sup>25</sup> of unarmed<sup>26</sup>

<sup>24</sup> First of all with respect to the Middle Sabaean *sha'b*.

<sup>25</sup> A certain similarity between the South Arabian and Indian traditional systems of the socio-cultural stratification has already attracted the scholars' attention (e.g. Chelhod 1970a: 83; 1979: 59). However, they also stress some essential differences between these two systems (Chelhod 1970a: 83; 1979: 59; 1985: 33; Dresch 1989: 153; Родионов [Rodionov] 1994, 42).

<sup>26</sup> Excluding the traditional Yemeni dagger (*janbiyyah*): practically all the Northern Yemenis (including the *u'afa'*) have it, but the weak must place it firmly to the left, unlike the members of tribes (*qabiliyyin*), wearing their daggers straight at the front of their belts (Chelhod 1970a: 75; 1979: 55; Stevenson 1985: 44; Dresch 1989: 38, 120; vom Bruck 1993: 92–93). The only exception here is

«weak» population, placed outside the tribal organization, but «under protection» of the tribes ( *u'afa'*, «the weak»);<sup>27</sup> butchers and barbers (*mazayinah*), the tribal «heralds» (*dawashin*), merchants (*ba'yya'in*), horticulturalists (*ghashshamin*), craftsman, first of all weavers ( *ani'in*), servants (*akhdam*), placed at the very bottom of the hierarchy &c; traditionally the Jewish population of the area also belonged to «the weak» (Serjeant 1977; Chelhod 1970a: 63, 73–80, 83–84; 1975: 76–82; 1979: 48, 54–57; 1985: 15–37; Obermeyer 1982: 36; Пиотровский [Piotrovskiy] 1985: 64, 87; Dresch 1984b: 159; 1989: 117–123; Stevenson 1985: 42–47, 63f.; Abu Ghanim 1985: 234–249 &c).<sup>28</sup> The general picture of the social stratification of the tribal areas is further complicated by the presence of the above-mentioned *sayyids* and (not yet mentioned) *qa'is* (the learnt families, not tracing their descent to Muhammad), who were also under the protection of the tribes,<sup>29</sup> playing quite important roles in the functioning of the tribal systems<sup>30</sup> (Serjeant 1977; Chelhod 1970: 81f.; 1975: 70–71;

---

a rather special «weak» quasi-cast, *dawashin* (the tribal «heralds»), who wear their *janbiyyahs* like the tribesmen (Dresch 1989: 120; and in addition to that *dawashin* traditionally carried lances – *ibid.*: 406). The *sayyids* and *qa'is* wear their *janbiyyahs* on the right – (which seems to signify quite correctly their special position in the tribal world – Chelhod 1970a: 75; 1979: 55; Dresch 1989: 136; vom Bruck 1993: 92; in addition to that, «*le poignard porté par le descendant du Prophète ... est généralement plus décoratif*» [vom Bruck 1993: 92]).

<sup>27</sup> It seems reasonable to stress that the «protection» provided to the «weak» population by the tribes is in no way an empty word. The failure of the tribe to defend a «weak» person under their protection (e.g. to secure the payment of fine for an offense committed against him) constitutes a very strong blow upon the reputation (*sharaf*, «honour») of the tribe, whereas the amount of such a compensation often exceeds four-fold (and sometimes [though very rarely] eleven-fold) the fine for a similar offense committed against a tribesman (Dresch 1989: 118, 407). In addition to that, «the call to right wrongs committed against them will generally be answered by large numbers of men from the tribe in question, whereas the call to support a fellow tribesman may be far less compelling» (Dresch 1984b: 159; see also e.g. Obermeyer 1982: 36). Also «it's forbidden for a person of superior rank to tease the '*ana il*' (one of the designations of the «weak» – A.K.) or to wrong them. If such a thing happened then the whole society would take their side to obtain justice from their oppressor» (Chelhod 1979: 55; 1970a: 75; see also e.g. Stevenson 1985: 44).

<sup>28</sup> The formation of this system of the «quasi-casts» might be dated to the 12<sup>th</sup>–14<sup>th</sup> centuries (Пиотровский [Piotrovskiy] 1985: 87).

<sup>29</sup> There appears to be a certain similarity in the tribal zone in the position of the «weak quasi-casts», on the one hand, and that of the *sayyids* and *qa'is*, on the other: both are under the protection of the tribes, which virtually have the monopoly of the legitimate use of violence. However, the Yemenis themselves make such a comparison extremely rarely: «*Dawashin* in both Dhu Muhammad and Dhu Husayn claim ... to be *hijrah* [under the special protection by the tribes – A.K.], 'because we are all *bi-l-muhaddash* (protected by an eleven-fold fine) like the *qa'is* and *sayyids*'... On the plateau I have not heard either tribesmen or *dawashin* suggest such equivalence between 'heralds' and men of religion...» (Dresch 1989: 407).

<sup>30</sup> «Non-tribal quasi-casts» of the North Yemen tribal zone constituted the minority of its population («Outside the few towns ... the weak people are not numerous, two or three families in a village of thirty tribal families is not unusual» [Dresch 1989: 123]). However, it is completely necessary to take them here into account, as they were one of the most important factors making the North Yemen tribal world what it was – a very complex and highly organized (and by no means «primitive») system, quite comparable according to its complexity with most pre-industrial state systems with a similar size of population (e.g. with the non-tribal state systems of the Yemen South Highlands and Lowlands).

1979: 58f.; Obermeyer 1982: 36–37; Пиотровский [Piotrovskiy] 1985: 65, 87, 101; Dresch 1984b: 159f.; 1989: 136–157; Abu Ghanim 1985: 212–227; 1990 &c).<sup>31</sup>

In many respects the tribe of the North Yemeni type could be regarded as a rather developed form of the political organization, whose complexity could quite be compared with that of the chiefdom (and it is by no means more primitive than the chiefdom), implying first of all a very high level of the development of the political culture and the existence of an elaborated system of the political institutions and the traditions of arbitration, mediation, search for consensus &c, a wide developed network of intensive intercommunal links on enormous territories populated by tens and hundreds thousand people. Such tribal system can to a certain extent organize (without the application of any centralized coercion) all these masses of population which often exceed the population of an average chiefdom by 1–2 orders of magnitude.

For example, Earle defines the chiefdom as «a polity that organizes centrally a regional population in thousands» (Earle 1991: 1); whereas an average North Yemen tribe includes 20–30 thousand members (Dresch 1984a: 33), and such a relatively highly integrated North Yemen tribal confederation as Hashid consists of seven tribes (*Ibid.*; Chelhod even lists 14 tribes belonging to this confederation – Chelhod 1970a: 84–85; 1985: 57–58; see also Stevenson 1985: 48). Of course, one should not forget either dozens of thousands of the members of the «weak quasi-casts» (as well as quite considerable numbers of *sayyids* and *qa is*) who are not formally members of the tribes, but who are also to a certain extent organized by the tribal structures (which *e.g.* guarantee the security of towns, markets, religious centers &c within the tribal area). As a result the mass of the population organized to a certain extent by the tribal confederation Hashid appears to exceed substantially (by 1–2 orders of magnitude!) the respective figures for an average chiefdom. In addition to this one should not forget the ability of the tribal organization of this type to form in conjunction with other polities (not necessarily states – see *e.g.* Gellner 1969) political systems, multipolities, with the complexity of even a higher order.

<sup>31</sup> The *sayyids* and *qa is* themselves considered their status to be higher than that of the tribesmen, though there do not seem to be sufficient grounds to regard them as the dominant strata of the North Yemeni tribes (*e.g.* Dresch 1984b: 159; 1989: 136–157). In the tribal zone the monopoly to apply violence actually belonged to the tribesmen and not *sayyids*. Notwithstanding the *sayyids*' very high reputation, these were the *shaykhs* and not *sayyids* who acted as real political leaders of the tribe (the latter became *shaykhs* rather rarely, whereas most *sayyids* do not seem to have really sought this; according to Dresch's observations, «there is no reason why someone who happens to be a *sayyid* should not also be a *shaykh*, although this is unusual» [Dresch 1989: 156]). In these respects the relations between the *sayyids* and the tribesmen resemble to a certain extent the ones between the brahmans and kshatriyas in ancient India (ср. *e.g.* Бонгард-Левин, Ильин [Bongard-Levin, Ilyin] 1985: 301–304). At the meantime it is rather evident that the presence of the *sayyid* families (having a high reputation among the tribes, but not dominant over them) in the tribal zone must have been a powerful integrating factor within the North Yemeni multipolity whose state center was headed for most of this millennia by the representatives of the «religious aristocracy» (*sayyids*), the Zaydi imams (*e.g.* Stookey 1978: 95, 149–155; Chelhod 1985: 26–29).

The notion of «tribe», as it is used by the social anthropologists for the description of the socio-political organization of the Northern Yemenis (or, say, the population of many areas of Afghanistan, Cyrenaica, Atlas &c) in the 19<sup>th</sup> and 20<sup>th</sup> centuries appears rather useful, as it denotes quite a distinct form of supra-communal political organization, which does not seem to be adequately denoted by any other current terms, like «chiefdom» (let alone «state», or «community»). We can observe here such a type of political organization, when the functioning of quite stable forms of intercommunal integration takes place without the monopolization by the tribal leaders of the legitimate application of violence, without their acquisition of any formal power over the communities and the commoners, when *e.g.* the conflicts are solved (or the collective «tribal» actions are undertaken) not through the decisions of authoritative officials, but through the search by the tribal leaders (lacking any formal, absolute, independent from their personal qualities, power) for the consensus among all the interested members of the tribe (or the tribes) &c.

Thus, it transpires that political structures of the Yemeni *qaba'il* type<sup>32</sup> can be most appropriately denoted as «tribes», whereas the Middle Sabaean (the 1<sup>st</sup>–4<sup>th</sup> centuries AD) supra-communal entities, the *sha'bs* of the second order could be with complete justification denoted as «chiefdoms». In the meantime within such an approach one would have to admit the absence of the tribal organization proper in the Sabaean Cultural Area of the pre-Islamic age.<sup>33</sup> That is why there are certain grounds to speak about the transformation of the chiefdoms into tribes in the «Sabaean» Highlands in the Early Islamic Period.

The approach considering the tribe as a relatively late, non-primitive form of political organization can in no way be regarded as new. In fact, as is well known, quite a similar conclusion was arrived at by Fried already in the 60s (Fried 1967; 1975). Indeed, Fried maintains that the tribe<sup>34</sup> is a non-primitive form of political organization which arose in relatively recent time under the structurizing impact of already formed state systems on unstructured (or extremely loosely structured) agglomerates of independent primitive communities.

While agreeing completely with Fried's approach to the tribe as a non-primitive late form of political organization, I am inclined to suppose (basing myself mainly on the South Arabian data) that there were some other ways in which the tribal organization could arise, *e.g.* through the transformation of the chiefdoms. Generally speaking, I would state that Fried seems to have a bit

<sup>32</sup> And not amorphous agglomerates of primitive communities, or such socio-political entities which can be adequately denoted as «communities» or «chiefdoms» (for a critical survey of cases of such a use of the term «tribe» see Fried 1975).

<sup>33</sup> At least in its highland part, as the semi-nomad population of al-Jawf (*e.g.* some part of the Amirites [ $s^2 \cdot b^n / s^2 \cdot b^n \cdot MR^m$ ]) might have already had tribal organization in the Middle Period (on the Amirites see *e.g.* Ghul 1959: 432; von Wissmann 1964a: 81–159; Bafaqih 1990: 282–283; Robin 1991f; Korotayev 1995e).

<sup>34</sup> Of course, if one understands «the tribe» as a distinct form of the supra-communal political integration, and does not use it as a synonym of «chiefdom», or «community».

overestimated the role of the structurizing influence of the state, almost completely refraining from the study of the internal dynamics of the evolution of the non-state political systems leading to the formation of the tribal organization.

I do not see any grounds to consider the formation of the North Yemen tribal organization as a result of the structurizing influence of the states on the unstructurized primitive population. Some significant influence was rather exerted on the part of the North Arab tribes, who were in close contact with South Arabia during all its late pre-Islamic and Early Islamic history (i.e. precisely in the period of the formation of the tribal organization in this area – Пиотровский [Piotrovskiy] 1985: 8, 64, 69–70; Chelhod 1970a: 69–72; 1979; 1985: 45–46; al-Hadithi 1978: 68, 81–96; Höfner 1959; Robin 1982b: 29; 1984: 213, 221; 1991f; Wilson 1989: 16; von Wissmann 1964a: 181–183, 195–196, 403–406; 1964b: 493 &c).

However, though the significant impact of the North Arabian tribes on the formation of the «tribal ethos» in the area appears very plausible (this will be discussed in more detail below), some of the above-mentioned scholars (Chelhod, Piotrovskiy, Robin) seem to underestimate the significance of the internal «logic» of the evolution of the area in this process.<sup>35</sup> To my mind, the genesis of the North Yemen tribal organization can be considered to a considerable extent as a realization of some long-term internal trends towards «egalitarization» which could be observed in the area since the end of the 1<sup>st</sup> millennium BC. It could be considered as a result of the prolonged search by the main agricultural population of the Northern Highlands for the optimum (for this area) forms of the socio-political organization.

It seems possible to detect some trends towards «egalitarization» already for the pre-Islamic age. For example, in the Ancient Period (the 1<sup>st</sup> millennium BC) of the Sabaeen history immovable property was considered to belong to heads of extended families (thus, a head of such a family would denote this property as «his» */-hw/* [Bauer/ 1964b: 19–20; 1965b: 209–217; Lundin 1962b; 1965a; 1971: 233–245; Korotayev 1993c: 51–53; 1995a: Chapter III; and Chapter VIII of the present monograph]), whereas in the Middle Period (the 1<sup>st</sup>–4<sup>th</sup> centuries AD) such property would be considered as belonging to the whole clan nucleus of the clan communities (and consequently in the Middle Sabaeen inscriptions [even installed by single authors] we get across only the mentions of «their» *[-hmw]* immovable property, but almost never «his» *[-hw]* lands, fields, vineyards &c – Korotayev 1993c; 1995a: Chapter III; and Chapter VIII of the present monograph). To my mind, this may be regarded as a result of certain «democratization» of internal organization of Sabaeen lineages.

The formation of the tribal organization in the Northern Highlands in the Islamic age seems to have been accompanied by the further «democratization» of the land relations, though in a very remarkable way, through the achievement of a very high level of their

<sup>35</sup> Cp. *e.g.* here much more cautious position of Dresch (Dresch 1989).

individualization (Dresch 1989). In this area the land relations appear to have passed the way from the possession of the extended family lands by their heads in the Ancient Sabaean Period (the 1<sup>st</sup> millennium BC) to the emphatically collective possession of the arable lands by whole lineages in the Middle Period (the 1<sup>st</sup>–4<sup>th</sup> centuries AD) and further (it seems not without some influence of the *shari'ah*) towards the individual possession of the arable lands by all the adult members of the tribes (the women's land property rights need special consideration for which I have no space here [cf. Mundy 1979; Dresch 1989: 276–291]). The last transformation seems to correlate rather well with the genesis of the tribal organization and the general egalitarianization of the socio-political structures, as such a system of land relations effectively prevented the formation of anything like powerful qaylīte clans of the pre-Islamic age with their huge consolidated and indivisible land possessions. It is also rather remarkable that the genesis of the tribal organization in the Northern Highlands appears to have been accompanied by the weakening of the «economic communalism»: the Middle Sabaean inscriptions, whose authors constantly mention the assistance of their communities in their economic activities (C 224, 4; 339, 4; 416, 4; 585, 2; Ga 6, 3; R 3971, 4; 3975 + Ga 32, 3–4; 4033, 2a; Robin/ al-Hajari 1, 6; /Khamir 1, 4; /Kani 13+14, 2; Ry 540, 1–2 &c), stand in the sharpest contrast with the descriptions of the economic relations in the tribal Yemeni North characterized by an extremely low level of the communal economic co-operation: «The lack of co-operation in practice is perhaps not as marked as in stories told of the past, but it is still marked enough. Neighbours occupying adjoining houses or working adjoining plots may help one another gratuitously in time of trouble, usually, as Doughty put it, 'betwixt free will and their private advantage'; one would work to repair someone else's terrace if one's own terrace might be placed in some danger, for example, but hardly for long otherwise» (Dresch 1989: 301).

It is also very remarkable that a similar transformation occurred with respect to the title *qayl*: in the Ancient Period it was mainly an individual title, belonging to individual persons, whereas in the Middle Period in the Sabaean cultural-political area (but not in the Himyarite South!) it started to be considered as mainly an attribute of whole qaylīte clans, but not their individual members (Коротаяев [Korotayev] 1990a: 8–12; Korotayev 1993c: 50–51; 1995a: Chapter I; see also Robin 1982a, I: 79 and Avanzini 1985: 86–87; and Chapter VIII of the present monograph). Notwithstanding the remaining great social distance between the qaylīte clans and the main mass of the members of the Middle Sabaean *sha'bs*, this transformation may well be considered as a step towards the North Yemeni tribal model (cp. Dresch 1984a).

It seems appropriate to mention here a rather democratic internal organization of the Middle Sabaean (the 1<sup>st</sup>–4<sup>th</sup> centuries AD) local communities, the *sha'bs* of the third order, demonstrating some evident similarities with the communal organization of the population of the Yemeni Uplands of the current millennium (see Chapter I of the present monograph and e.g. Korotayev 1994b). The genesis of the North-East Yemen tribal organization can well be considered as the process of the extension of quite democratic principles of the Middle Sabaean communal organization to the supra-communal level (corresponding to the level of the Middle Sabaean *sha'b* of the second order).



The genesis of the North-East Yemen tribal organization can be also considered as a result of the protracted struggle of the main agricultural population of the Northern Highlands in order to raise their social status. This struggle seems to have been mainly rather «quite», and that is why it was noticed by the historical sources rather rarely (see, however, *e.g.* al-Hamdani 1980: 328). In any case there are certain grounds to suppose that the main mass of the North Highlands agricultural population used the political upheavals of the end of the 1<sup>st</sup> millennium AD in order to raise significantly their social status.<sup>36</sup>

No doubt, a certain role in the formation of the high-status tribal agricultural population was played by the above-mentioned influence of the political culture of the North Arabian tribes. One of their most important contributions here appears to have been the transmission to the Arabian South of the «genealogical culture». The pre-Islamic South Arabian communities were *sha'bs*, emphatically territorial entities.

«In strong contrast to the North Arabian practice of recording long lists of ancestors (attested also for the pre-Islamic period in the Safaitic inscriptions), E[pigraphic] S[outh] A[rabian] nomenclature consisted simply of given-name plus name of the social grouping (usually the *bayt*), with optional insertion of the father's given-name, but never any mention of an ancestor in any higher degree. One is irresistibly reminded of the remark attributed to the caliph 'Umar, 'Learn your genealogies, and be not like the Nabataeans of Mesopotamia who, when asked who they are, say "I am from such-and-such a village", which Ibn Khaldun quotes with the very significant comment that it is true also of the populations of the fertile tracts of Arabia... [The] *qabila*... [is] fundamentally kinship-based and totally different in nature from the *sha'b*...In the Qur'an (49:13) *ja'alna-kum shu'ub<sup>an</sup> wa-qaba'il<sup>a</sup>* clearly refers to two different types of social organization, and Ibn Khaldun when speaking of the settled populations of Arabia is careful to use the word *shu'ub* and not *qaba'il*, reserving the latter for the nomads» (Beeston 1972a: 257–258; see also *Id.* 1972b: 543; Ryckmans 1974b: 500; Robin 1982a, I; 1982b; Пиотровский [Piotrovskiy] 1985: 53, 69 &c).

In the Early Islamic age under the influence of the North Arabian tribal culture which acquired the highest prestige in the Muslim World many South Arabian *sha'bs*, while remaining essentially territorial (Dresch 1989; Serjeant 1989: XI), were transformed into *qaba'il*, tribes structured formally according to genealogical principles.<sup>37</sup> On the other hand, to some extent this transformation seems to have

<sup>36</sup> Whereas the political instability characteristic for South Arabia during most of the 2<sup>nd</sup> millennium helped them to preserve this high status. On the other hand, the Northern tribal population seems to have contributed significantly to the perpetuation of this political instability.

<sup>37</sup> It should be mentioned that the «qabilization» of some Sabaean *sha'bs* seems to have begun already before the Islamic Age. Here the most remarkable is the inscription Fa 74, dated (lines 6–12) to the month dhu-Madhra'an of year 614 of the Himyarite era, which corresponds to July AD 499, or 504. On its line 6 *S'B' KHL<sup>n</sup>* is denoted as '*s'rt*. It should be mentioned that *S'B' KHL<sup>n</sup>* was the «central» *sha'b* of the Sabaean cultural-political area (the temple-civil community of its capital, Marib), which already in the Middle Period (the 1<sup>st</sup>–4<sup>th</sup> centuries AD) had a very special socio-political organization, quite different from the one of the other Sabaean *sha'bs* (Loundine 1973a; b; Лундин

also been the result of the intense work by the South Arabians aimed at the working out of their own genealogies, as well as their passionate (and quite successful) struggle for the recognition of their genealogies by the Arab World (and for integration in this way into the Arab ethnos dominant within the Early Islamic state [the 7<sup>th</sup> – the middle of the 8<sup>th</sup> centuries AD] in quite high positions – Пиотровский [Piotrovskiy] 1977; 1985).

One should not of course forget that the Yemenis managed to achieve very successfully something which almost nobody else did:

«With the conquests, the Arabs found themselves in charge of a huge non-Arab population. Given that it was non-Muslim, this population could be awarded a status similar to that of clients in Arabia, retaining its own organization under Arab control in return for the payment of taxes... But converts posed a novel problem in that, on the one hand they had to be incorporated, not merely accommodated, within Arab society; and on the other hand, they had 'FORGOTTEN THEIR GENEALOGIES',<sup>38</sup> suffered defeat and frequently also enslavement, so that they did not make acceptable *h alifs*; the only non-Arabs to be affiliated as such were the Hamra' and Asawira, Persian soldiers who deserted to the Arabs during the wars of conquest in return for privileged status... It was in response to this novel problem that Islamic *wala'* [i.e. the system of integration of the non-Arab Muslims into the Islamic society in capacity of the dependent *mawali* – A.K.] was evolved» (Crone 1991: 875).

In any case it is a bit amazing that such a highly-qualified specialist in early Islamic history as Crone has managed to overlook another (and much more important!) exception – the Yemenis (most of whom do not seem to have been Arabs by the beginning of the 7<sup>th</sup> century AD). The possible explanation here might be that the Yemeni efforts aimed at persuading the Arabs that the South

---

[Lundin] 1969a; 1984; Korotayev 1994f &c), but consistently denoted during this Period only as *s<sup>2</sup>b*, and never *s<sup>2</sup>rt* (Ja 653, 1; 735, 1; Sh 7/1; 8/1 &c); whereas the term *s<sup>2</sup>rt* (corresponding to the Arabic denomination of clan-tribal groups [of a certain level], *'ashirah*) was used in the Sabaic inscriptions to denote the Arabic «genealogical» *qaba'il* as distinct from the South Arabian territorial *sha'bs* (Beeston 1972a: 257–258; 1972b: 543; Ryckmans J. 1974b: 500; Пиотровский [Piotrovskiy] 1985: 53, 69 &c). It should be mentioned, that the *sha'bs* of the internal Lowlands might have been not so absolutely «anti-genealogical» as the Highland *sha'bs* long before Islam (Robin 1979a; 1982b). In addition to that the fact the *sha'b* Saba' Kahlan was one of the first to be affected by the process of «qabilization», might be also explained by the point that Marib is situated on the edge of the internal desert, i.e. in one of the South Arabian zones subjected in the 1<sup>st</sup> millennium A.D. to the most intensive infiltration of the Arabs. It should be also stressed that there is some direct evidence for the integration of a certain number of the Arabs into the *sha'b* Saba' in the 6<sup>th</sup> century AD. E.g. Ry 507 (July AD 518, or rather 523 – line 10) mentions certain *TMM<sup>m</sup> bn M'D<sup>n</sup> d-QSMLT SB'Y<sup>n</sup>*, «Tamim, the son of Ma'dan, of Qasmalat, the Sabaean» (line 12). As has been convincingly shown by Piotrovskiy [Пиотровский] (1985, 54–57), this Tamim is of Arab origins from the bedouin tribe Qasmalah (= al-Qasamil) known in the area of Najran; whereas *SB'Y<sup>n</sup>* is nothing else but a very clear denomination of one's affiliation to the *sha'b* Saba' (Beeston 1978a: 14).

<sup>38</sup> The emphasis is mine. This is simply to draw attention again to the important role of the possession of valid genealogies for one's integration in the Early Islamic society as its full-right member – A.K.

Arabians were as Arab as the Arabs themselves,<sup>39</sup> or even more Arab than the Arabs (*al-‘arab al-‘aribah* as distinct from *al-‘arab al-musta‘ribah* [e.g. Пиотровский [Piotrovskiy] 1977: 20, 23, 29; 1985: 67; Robin 1991e: 64 &c]), and that they had always been Arabs, turned out to be so successful that they managed to persuade in this not only themselves, not only the Arabs (see e.g. Ibn al-Kalbi 1966, I: 40-41), but also the Arabists as well.

Notwithstanding all the difference between the Yemenis and the above-mentioned groups of the Persian soldiers (it seems sufficient to mention that the Yemen population was quite comparable by the 7<sup>th</sup> century with the number of all the Arabs taken together), some similarity between these two cases also appears to have existed. As in the case of the Persian soldiers the Yemenis seem to have managed to enter early Islamic society as full members very much because early Islamic society badly needed the military manpower, whereas the Yemenis constituted a substantial part (and sometimes even majority) of most Islamic armies.

«One reads that the warriors of [the early Islamic conquests] were northerners... It now seems very doubtful that they were predominantly northerners, let alone exclusively so, for the manpower required for such speedy and vigorous military campaigns was to be found only in the Yemen. The Yemen of the 1<sup>st</sup>/7<sup>th</sup> century, like the Yemen of today, was the only area of the Arabian Peninsula of sufficient population density to provide large numbers of troops. What is more, we are not simply talking of the other ranks. The presence of vast numbers, often in the majority, of Yemenis participating in the great Islamic conquests of the 1<sup>st</sup>/7<sup>th</sup> century in predominantly tribal companies from the highest to the lowest rank is amply attested and, what is more, they were seasoned fighters, not in any way raw recruits. It follows also that great numbers of those Yemenis participating in the conquests settled in the territories which they helped to conquer» (Smith 1990: 134; a detailed factological substantiation for this statement can be found in al-Mad‘aj 1988: 69–70, 86–88, 123–125, 127, 132, 140–143).

While remaining a realist, one naturally has to suppose that the Yemenis managed to enter the Islamic society (and the Arab ethnoses) so smoothly as its full members (and not like dependent *mawali*) not because the genealogies which they worked out looked so convincing, but mainly because of the very important role of the Yemenis in the Islamic conquests.<sup>40</sup> It rather seems that because of the very important role of the Yemeni manpower the Arabs allowed themselves to be persuaded that their fellows in the *jihad* were as Arab as they were (and, consequently, that the Yemenis' genealogies were as authentic as their own). To insist on the non-Arab identity of the Yemenis, on the invalidity of their

<sup>39</sup> And these efforts were by no means senseless, as some Arabs for some time refused to recognize the Arab identity of the Yemenis (e.g. Пиотровский [Piotrovskiy] 1985: 67).

<sup>40</sup> Of course, one should not also forget here such important factors as the basic cultural (including linguistic) proximity of the Arabs and Yemenis, the intensive contacts between the South Arabian civilization and the Northern Arabs during all the time of its existence, a significant degree of the arabization of Yemen prior to Islam (due to infiltration to the area of considerable groups of Arabs) &c.

genealogies would have led to the alienation of a very strong military power, whereas none of the fiercely confronting each other Arab factions of early Islamic society could afford such a «luxury».

As a result, the main mass of the agricultural population of the Northern Highlands found themselves in possession of deep, ancient (and quite veritable even from the point of view of the Northern Arabs) genealogies, which provided quite a strong «ideological» basis for the struggle by this population for the preservation of their high social status. The «genealogical ideology» (the representation of the tribes and their confederations as descendants of certain eponym ancestors tied by kinship relations) turned out to provide also a suitable basis for the development of the tribal political culture, assisting in the working out of the mechanisms of flexible interaction of the tribal entities of various levels.

On the other hand, as a result of the considerable decline of the state structures<sup>41</sup> in the Northern Highlands after a relatively short period of their consolidation at the beginning of the Islamic age, the population of the area confronted the necessity to defend themselves by themselves. To a certain extent the genesis of the tribal organization (for which there were already certain pre-conditions in the area) can be considered as the Highlanders' response to this challenge. The tribal organization, having been formed, turned out to be so effective in many respects, that until the most recent time it resisted quite successfully all the attempts by the state systems (which periodically strengthened in South Arabia) to eradicate (or significantly weaken) it.

In the Islamic age the main result of the interaction of the tribal and state organization in the Northern Highlands turned out to be not the undermining or liquidation of the tribal structures, but the emergence of the North Yemen multiplicity. Within this multiplicity, though the relations between its state center (headed most of this millennium by Zaydi imams)<sup>42</sup> and its tribal periphery were far from being without conflicts, some equilibrium was achieved, the functions of the system elements were (quite informally) delimited, reciprocally (to a certain extent) acceptable «rules of game» were worked out.

A significant role in the preservation of the North Yemeni tribal organization was, no doubt, played by the geographical environment of the Northern Highlands. On the one hand, the very rugged terrain of the area helped significantly the tribes in their struggle for the preservation of their autonomy (cp. Korotayev 1995e). On the other hand, the limited economic potential of the meagre and arid North-East Highlands<sup>43</sup> did not create sufficient stimuli which

<sup>41</sup> As well as the political systems of the chiefdoms.

<sup>42</sup> It should be mentioned that this state center originated with the direct support of the Northern tribes (e.g. Obermeyer 1982; Gochenour 1984b; Dresch 1989: 167–173; Abu Ghanim 1990).

<sup>43</sup> The main exception here, the an'a Plain, seems to belong firmly to those very exceptions which only confirm the rule, as this was precisely an'a which served as the main stronghold of the state organization in the Northern Highlands for most of the last two millennia (e.g. Serjeant, Lewcock 1983; Lundin 1988).

would push the state centers to struggle with an adequate vigour for the complete subjugation of the area to the full state control. The same factors also hindered the processes of the internal stratification of the Northern tribes (*e.g.* Dresch 1984b: 156; 1989: 8–15). The transformation of the warlike, armed and independent tribesmen into the mass of obedient peasants, submissive tax-payers demanded tremendous effort and expenses on the part of the states, whereas promising very limited economic yields. The much more humid and fertile Southern Highlands (with a significantly less rugged terrain) were much more attractive in this respect.<sup>44</sup>

The genesis of the tribal organization in the North-East Yemeni Highlands can be also well considered as the «response» by the area socio-political system to the «challenge» of the second socio-ecological crisis of the North-East in the second half of the 1<sup>st</sup> millennium AD.<sup>45</sup> With respect to the Highland area this crisis seems to have been at least partly caused by the «prestige economy» of the Highland chiefdoms which led to the overstrain of the very fragile natural environment of the region (*e.g.* to the extreme degradation of the natural vegetal cover of the East of the Northern Mountains).<sup>46</sup> The socio-ecological environment of the region does not appear to have been able to sustain the prestige consumption of the *qayls* and their entourage. The overcoming of the second socio-ecological crisis seems to have been achieved through the «seizure», the «ousting» of the qaylite aristocracy by the region socio-political system through the genesis of the tribal organization which in this area secured the reproduction of a rather complex and developed agricultural society by the procurement of a very «economical» surplus production.

On the one hand, the tribal organization of the area population made it possible for the tribesmen to struggle successfully (with the arms in their hands) for the preservation of a rather low level of taxation on the part of the state center of the North Yemen multiplicity. On the other hand, it secured the effective control by

<sup>44</sup> *E.g.* Stookey explains the absence of any serious attempts to subjugate the Northern tribes on the part of the Rasulid state (the 12<sup>th</sup>–15<sup>th</sup> centuries) in the following way: «The Rasulids were not militant proselytizers by temperament, and chose to maximize their secular satisfactions within the productive areas they could handily govern, rather than to dissipate their energies in an apocalyptic struggle for control of territory which had little to offer in the way of potential revenue» (Stookey 1978: 124).

<sup>45</sup> Robin 1984: 220–221; 1991e: 67; Dayton 1979: 127 &c. This crisis affected most seriously the North-East Lowlands which experienced a dramatic decline already by the end of the 6<sup>th</sup> century AD and after that they never managed to overcome this decline completely. But this crisis affected the North-East Highlands as well. However, the Highland population did manage to get out of it without any fall in the level of its self-organization (though also without the complete recovery of the area natural environment).

<sup>46</sup> *E.g.* Robin gives the following striking example: «...Dans le mont *awlan* près de *dhi-Bin*, totalement dénudé de nos jours, a-t-on tué au cours de trois chasses, vers le début de l'ère chrétienne, 4000 bouquetins; un tel nombre d'animaux sauvages ne pouvait vivre que si la montagne était couverte de broussailles» (Robin 1984: 220–221; the data mentioned by Robin are taken from the qaylite inscription Robin/Kuhl = Ja 2874; according to Robin this degradation of the natural vegetal cover appears to have taken place in the 1<sup>st</sup> millennium AD).

the tribal agricultural population over resources used for the maintenance of the non-agricultural strata of the tribal zone (including its intellectual and political elites).

In the process of the area social system adaptation to the worsening economic-ecological conditions and the finding its way out of the socio-ecological crisis some role seems to have been played by the above-mentioned development of the highly individualized private land property relations and the dissolution of the system of the communal economic mutual help. The social anthropologists (basing themselves mainly on the oral information gathered from the informants of the senior generation) have described a rather severe (though rather effective at the same time) traditional (it seems to have existed up to the 1950s) model of the tribal zone population behaviour in the years of famine (caused by the droughts, rather frequent in the area): in such cases the neighbours would not tend to help each other through the sharing of the scarce resources, but rather the heads of the less economically effective households would sell their land to the more economically effective agriculturalists and move to S.,an'a' to serve in the Imam's army (incidentally, this seems to demonstrate that the taxes which the tribesmen paid to the Imams could be to a certain extent regarded as a sort of «premium» payments to the «insurance fund» of the North Yemen multiplicity). As a result, the more effective agriculturalists would increase their land possessions, and the less effective ones would save their lives (e.g. Dresch 1989: 300–301).

In the process of the agricultural population adaptation to the severe natural environment of the North-East Highlands (especially to the frequent droughts) a significant role appears to have been played by the development of the market relations in the tribal zone of the North. The Yemeni tribal system appeared to have been able to provide their achieving of the level which seems to have been extremely high for a pre-industrial agrarian society. Here a considerable role appears to have been played by the development of such an important North Yemen tribal institution as *hijrah* (e.g. Abu Ghanim 1985: 214f.; vom Bruck 1993: 87–88; Chelhod 1970a: 81–82; 1975: 79–80; 1979: 58–59; 1985: 28–29; Dresch 1989; Kropp 1994: 89; Nielsen 1994: 43; Puin 1984; Stevenson 1985: 63–65 &c).

The *hijrah* is an institution which puts under protection (often documentally formulated) of a tribe (or a group of tribes ) of a certain object. At the meantime the object of *hijrah* could be some people (for example, a family of sayyids [«religious aristocrats» tracing their descent from Muhammad] living in the territory of the given tribe), the places of the meetings between the tribes, markets, towns (populated often mainly by the «weak» population, as well as by the sayyids and qadis [learnt families not tracing their descent from the Prophet] rather than by the tribesmen) &c. In many respects it was due to this institution that the tribal organization managed to sustain in its zone a rather high level of development of market relations – through the establishment of the *hijrahs* guaranteeing the protection by the tribes of hundreds of markets which covered the whole tribal

zone of the North Highlands. The tribes which proclaim, say, the given market as their hijrah take as their obligation (often documentally recorded) the securing of its full safety – e.g. through the guaranteeing of the compensation for a crime committed at the market being paid, say, eleven-fold (*bi-l-muhaddash*). In general, within the territory of the market (or any other place) proclaimed to be a hijrah it is forbidden to commit any violence, even if it is legitamate from the point of view of the tribal law (*'adat*). «All spilling of human blood is forbidden and it's equally forbidden to start a fight or even come to blows there. Here the murderer can meet the son or brother of his victim without fearing for his life» (Chelhod 1979: 58; 1970a: 82; see also e.g. Dresch 1987: 432; 1989; Stevenson 1985: 63–65 &c); whereas the tribe failure to secure the fulfilment of such obligations constitutes a considerable blow upon its reputation (*sharaf*, «honor»).

Here a significant role appears to have been played by the creation of the already mentioned (see note 26 above) rather effective system of protection by the tribes of numerous «quasi-casts» of unarmed «weak» population who are not the members of the tribes but who are under the tribal protection (*u'afa'*, the «weak»), which included in addition to butchers and barbers (*mazayinah*), tribal heralds (*dawashin*), horticulturalists (*ghashshamin*), craftsmen (*ani'in*) &c, also traders (*bayya'in*).

A significant positive role in the evolution of the trade and the market relations in the tribal zone was also no doubt played by the development by the tribes of the system providing the safe passage through the tribal territories of the people not belonging to the respective tribes (Dresch 1987; 1989; Dostal 1990 &c).

As a result, in many tribal areas another important additional informal «insurance fund» originated in the form of the grain stores of the «low-cast» traders (*bayya'in*), who bought the grain of the tribesmen (to whom almost all the plough agriculturalists of the North belonged) in the «fat» years, and sold it back to the tribesmen in the «lean» ones (naturally, not without some profit for themselves). «When we needed money, we sold grain in the *suq* [= market – A.K.]. If we needed grain later, the 'merchants' [a *walad al-suq* {«son of the market» – A.K.} substratum] sold it back at a higher price. The 'merchants' were always hoarding grain. If there was a drought, we had to borrow grain to eat. Sometimes we would borrow, but once you had borrowed and couldn't repay, the 'merchants' took your land... That's how they came to be rich» (from the memories of a Yemeni tribesman recorded by Stevenson [1985: 53] in 'Amran).

At the meantime it appears necessary to stress that the basically rather low social status of the «traders» (in comparison with the one of the ordinary tribesmen) effectively blocked their transformation into the dominant elite of the tribes (within the terms of the Yemeni tribal culture this appears entirely unthinkable), impeded the unproductive dissipation of the resources accumulated by the «merchants» for their own prestige consumption &c.

In any case such a flexible individualized reaction of the tribal agricultural population to the natural disasters (quite usual and regular in this ecological zone)

appeared possible in many respects due to the clearly expressed highly individualized relations of the ownership of the arable lands, established individual owner rights to sell his land – this seems to have been absent in North-East Highlands in the «pre-tribal», «chiefdom» age (this fact can be well documented for the 3<sup>rd</sup> century BC – 4<sup>th</sup> century AD) and developed together with the genesis of the tribal organization in this area. Thus, the development of the private land property relations and the decline of the economic communalism with the transition from the chiefdom system to the tribal one contributed to the adaptation of the agricultural population to the worsening ecological conditions and helped to overcome the second North-East Yemeni socio-ecological crisis (of the second half of the 1<sup>st</sup> millennium AD).

On the other hand, within such conditions the full-scale system of the communal reciprocity could lead to the dying out of whole communities. Such things appear to have happened earlier, which seems to be evidenced by the oral tradition (some of which has been recorded rather recently, however it is well confirmed by very early written sources – al-Hamdani n.d.: 135; 1368h [1948]: 20, 202; al-Himyari 1916: 51, 73; 1978: 49, 160; see also Belova 1987: 156; 1992: 253–266; 1996; al-Selwi 1987: 155 &c) on the existence a few centuries ago of the rather impressive practice of *i'tifad*, when in the time of droughts or other natural disasters whole communities which were unable to feed themselves, but which feared to affect their reputation by seeking help of other communities preferred to seat down in a circle and starve to death but not to lose their honour (Serjeant 1987: 37–38). This tradition (which even indicates *ma'afid*, the places where such events took place) appears rather trust-worthy, as it describes a rather logical reaction of high-status tribal agricultural population with developed notions of its honour and reputation, but which has not yet found less painful ways out of the socio-ecological crisis.<sup>47</sup> It seems necessary to stress that by the second half of the 2<sup>nd</sup> millennium AD this population appears to have found such less painful ways of «honourable» reaction to the periodical droughts. It is remarkable that the information of the recent *i'tifad* tradition concerns a rather distant (though not pre-Islamic – Serjeant 1987) past.

There are certain grounds to suppose that due to the transformation of the communal structures, the genesis of the tribal organization and the development of the market system the North-East Yemen Highland socio-ecological crisis of the second half of the 1<sup>st</sup> millennium AD was more or less overcome.

<sup>47</sup> The information of the Medieval Yemeni authors refers mainly to Pre-Islamic North-East Yemen (the very word *i'tifad* is considered as «Himyarite»), which could serve as additional evidence for the beginning of the second socio-ecological crisis already in the Pre-Islamic period. It is also remarkable that the concrete person mentioned by the Medieval Yemeni sources as practising *i'tifad* was a noble woman (from the well-known Sabaeen aristocratic clan Murathid [*MRTD*]) – al-Hamdani n.d.: 135; al-Hæimyari 1916: 51, 73; 1978, 160. At the meantime in the more recent tradition dealing with the Islamic period (Serjeant 1987) *i'tifad* is practised by the high-status agricultural population.



Thus, the tribal organization seems to have matched rather well the Northern Highland ecological milieu, as it objectively protected a very fragile and vulnerable economic-ecological environment of the area from overexploitation through the procurement of a very «economical» production of surplus by preventing the excessive taxation (and exploitation in general) of the agriculturalists,<sup>48</sup> precluding any exorbitant growth of the parasitic or prestige elite consumption, while permitting the existence of quite a developed and complex social and cultural structures (including a network of non-agricultural towns, markets, centers of traditional learning &c protected by the tribes). It is even difficult to avoid an impression that the tribal organization was almost the only political form which in the pre-industrial world could secure the sustainable reproduction of complex highly-organized social systems in the extremely meagre and vulnerable economic-ecological environment of the North-East Yemeni Highlands. As Dresch notices, «the land of Hashid and Bakil would provide a poor economic basis for any elaborate exploitative class» (Dresch 1984b: 156; see also 1989: 8–15). I would even say that in the pre-industrial age the socio-economic system of the area was to be freed from «any elaborate exploitative class» (which would have made the North Highland agriculturalists produce excessive surplus destroying finally the vulnerable environment) in order to become sustainable.

It seems reasonable to consider the tribe as the chiefdom alternative<sup>49</sup> rather than a «pre-chiefdom»<sup>50</sup> form of political organization (whereas in some respects the tribe of the North Yemeni type appears to be an even more developed form of political organization than the chiefdom). And in any case there does not seem to be any ground to consider as «primitive» the tribal organization of the Islamic Middle East, which (like the Middle Eastern states) formed as a result of long «post-primitive» evolution as a specific (and quite effective) version of socio-political adaptation of some quite highly developed regional populations to certain natural and socio-historical environment.

«As for tribalism, every educated person should be aware that large-scale societies have organised themselves for centuries without the complex apparatus of government and administration we usually take for granted. Our usual theories of society and the state, whether drawn from Hobbes or Rousseau or whomever, are therefore partial, and on this score there is something tribalism of the kind found in Yemen might teach nearly all of us – lessons in political philosophy» (Dresch 1994: 65–66).

<sup>48</sup> According to the Zaydi doctrine the harvest taxation must not have exceeded rather modest 5–10% (depending on the type of the land – *e.g.* Stookey 1978: 88), and the Northern tribes managed to secure the level of taxation not exceeding these figures for most of this millennium. The almost complete absence of any significant exploitation within the tribe (*e.g.* Dresch 1984b: 156; 1989: 276–319) seems to be here of no less importance.

<sup>49</sup> Whereas in certain respects (as this has already been mentioned above) the tribe seems to be an even more developed political form than the chiefdom.

<sup>50</sup> Or even «pre-state» one. Quite agreeing with Fried, I would rather consider it as a «para-state» form of political organization.